

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

3

Май — Июнь

1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **С. А. Арутюнов**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. М. Дробижева**, **Г. Е. Марков**, **Л. Ф. Моногарова**,
А. П. Окладников, **Д. А. Ольдерогге**, **А. И. Першиц**, **Н. С. Полищук**
(зам. главн. редактора), **Ю. И. Семенов**, **В. К. Соколова**, **С. А. Токарев**,
Д. Д. Тумаркин (зам. главн. редактора), **К. В. Чистов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

30 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ СОВЕТСКОГО НАРОДА

В истории человечества не было другой военной победы, столь грандиозной по своим масштабам и по своему историческому значению, как та, которую одержал в Великой Отечественной войне советский народ над хищной разбойничьей коалицией фашистско-милитаристских государств. Исход второй мировой войны был решен вооруженными силами нашего государства, которые в беспрецедентной по напряженности героической четырехлетней борьбе перемололи фашистские орды и, перенеся войну на территорию противника, окончательно сокрушили его. Оккупированные агрессорами государства Европы, Азии и Африки были освобождены, а народы Советского Союза и всего мира были избавлены от угрозы порабощения и истребления. Наша страна явилась главной силой, преградившей фашизму путь к мировому господству. Человечество никогда не забудет этого подвига советского народа. «Война, навязанная Советскому Союзу германским фашизмом, была самым крупным вооруженным выступлением ударных сил мирового империализма против социализма, одним из тяжчайших испытаний, когда-либо пережитых нашей Родиной. В этой войне решалась судьба первого в мире социалистического государства, будущее мировой цивилизации, прогресса и демократии»¹.

Нападая на Советский Союз, враг рассчитывал на то, что если ему удастся нанести нашим вооруженным силам ряд последовательных военных поражений, то рухнет государственная структура СССР, а это даст возможность фашистским агрессорам быстро и окончательно завершить войну в свою пользу. Вражеские стратеги и политики особенно надеялись на то, что между народами Советского Союза возникнут распри и раздоры, которые подорвут силу нашего сопротивления военной машине противника. Ход истории убедительно показал всю беспочвенность этих коварных расчетов.

Как известно, в первый период войны у нас был ряд серьезных неудач. Но они не сломили дух народа, его волю к победе и решимость самоотверженно бороться за нее. Его вдохновляла и вела в бой наша ленинская Коммунистическая партия — руководящая и направляющая сила советского общества. В самых трудных условиях система социалистического общества и государства неизменно обнаруживала свое монолитное социально-политическое и идейное единство, позволявшее мобилизовать все физические, материальные и духовные силы народа на непримиримую борьбу против захватчиков, на священную войну против заклятых врагов всего человечества. Это единство основывалось на пламенном патриотизме советских людей, на их преданности идеям коммунизма, их верности содружеству народов, объединяемых нашим государством, их ненависти к угнетателям и ко всем видам угнетения. Жизнеспособность и несокрушимая сила Советского государства, так

¹ Постановление ЦК КПСС «О тридцатилетии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», «Правда», 9 февраля 1975 г.

ярко проявившиеся в ходе войны, не оставили противнику никаких шансов на то, что ему удастся отыскать какие-нибудь внутренние противоречия нашего общества — социальные или национальные — и использовать их в своих целях.

Тот дух интернациональной сплоченности и дружбы, которым были проникнуты взаимоотношения народов нашего многонационального государства в довоенный период, в перипетиях и невзгодах войны не только сохранился, но закалился и окреп. Расистская пропаганда, оперировавшая псевдонаучными и антинаучными измышлениями о «полноценных» и «неполноценных» расах и народах, была рассчитана, прежде всего, на то, чтобы при помощи утверждений о превосходстве «нордической» расы над всеми остальными придать хоть видимость убедительности претензиям гитлеровцев на господство над всем остальным человечеством. Но, помимо того, спекуляция на измышлениях о «полноценных» и «неполноценных» расах и народах использовалась и для порождения и разжигания низменных шовинистических эмоций, для натравливания одних народов на другие, создания постоянной атмосферы вражды между народами. Этот гнусный прием противника полностью провалился.

Советская антропологическая и этнографическая наука внесла свой вклад в критику расистских бредней, в утверждение правильных научных взглядов о единстве человеческого рода, о равных способностях людей всех рас и наций, о полной несостоятельности расистской лженауки. Этим она в меру своих возможностей способствовала успешной борьбе всех сил прогресса против фашистских варваров.

Когда началась Великая Отечественная война, наши ученые заняли свое место в боевом строю советских людей, боровшихся в тылу и на фронте за победу над напавшим на нас лютым врагом. В зависимости от возраста и состояния здоровья одни с оружием в руках воевали на фронтах, другие трудились в тылу, всеми своими силами помогая материальному и идеологическому обеспечению победы. Особо следует отметить самоотверженную героическую работу ленинградского отряда этнографов в условиях блокады — под бомбами и снарядами противника, голодные и полузамерзшие, они делали все возможное для сохранения и спасения бесценных исторических и этнографических коллекций, находящихся в городе Ленина.

Научные работники, эвакуированные из Ленинграда и размещенные в тылу, выполняли задания директивных органов и командования вооруженных сил по подготовке этнографических материалов. В самые тяжелые периоды войны, когда враг еще занимал большие пространства советской территории, партия и правительство, народ были уверены в том, что мы не только устоим перед натиском фашистских орд, не только освободим нашу землю, но и будем освобождать другие народы, попавшие под пяту поработителя, будем воевать на территории противника с целью его окончательного сокрушения. Для этого представлявшегося еще далекой перспективой периода уже надо было готовить материалы о народах тех стран, на территорию которых должны вступить с освободительной миссией наши солдаты и офицеры. Не прекращалась и систематическая научная деятельность в области обычной «мирной» проблематики этнографии и антропологии. В трудных условиях войны люди работали так, как этого требовали интересы Родины, как диктовало достоинство советского человека и ученого.

За три десятилетия, прошедшие после окончания войны, облик мира существенным образом изменился. Если раньше Советское государство существовало в капиталистическом окружении, то победа антигитлеровской коалиции во второй мировой войне создала условия для возникновения ряда новых социалистических государств. Теперь существует мировая социалистическая система, противостоящая мировой системе ка-

питализма, что знаменует важный этап на пути поступательного движения всего человечества к социализму и коммунизму. В ходе строительства новой жизни, осуществляемого во всех странах социалистической системы, возникли и доказали свою жизненность неизвестные прежде формы дружественных братских взаимоотношений между народами и государствами,— формы, способствующие дружескому сотрудничеству в вопросах экономики, внешней политики и обороны, развитию межнациональных контактов в сфере культурного общения и взаимному обогащению культур, а в наши дни—и экономической интеграции в рамках мировой системы социализма.

Победа антигитлеровской коалиции создала также важнейшие условия для гигантского подъема национально-освободительного движения в угнетенных империализмом странах, приведшего в короткие исторические сроки к крушению колониальной системы империализма. Народы, ранее пребывавшие в положении колониальных рабов, получили возможность создать свои государства. Гнет эксплуататоров прежде искусственно удерживал эти народы на низком уровне экономического и культурного развития. В настоящее время подавляющее большинство новых государств успешно движется по пути научно-технического, социально-экономического и культурного прогресса. Перед развивающимися странами открылась перспектива некапиталистического развития. И многие из этих стран используют ее, обеспечивая своим народам возможность быстрого продвижения к более высоким формам социальной жизни, к материальному благосостоянию, культурному подъему, приобщению к тому уровню материальной и духовной культуры, которого достигли другие народы.

В результате победы во второй мировой войне антигитлеровской коалиции произошли коренные изменения в соотношении сил на международной арене в пользу социализма и демократии. Империализм отнюдь не потерял органически присущие ему черты эксплуататорского строя, но он вынужден приспособливаться к новой обстановке. Он уже не может безнаказанно распоряжаться судьбами народов и диктовать им свою волю. Он пытается, правда, найти новые возможности эксплуатации народов, находившихся ранее в колониальном рабстве,— на путях неоколониализма. Но и эти попытки обречены на провал.

Миролюбивая политика стран социалистического содружества, последовательное осуществление нашей страной Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, сыграли решающую роль в том, что империалистические державы оказались не в состоянии противиться диктуемому жизнью повороту от политики холодной войны к политике мира и разрядке международной напряженности. Историческая практика второй мировой войны убедительно показала возможность сосуществования и сотрудничества стран с различным социально-экономическим и политическим строем. Наша партия последовательно придерживается этого курса, на той же позиции стоят и другие братские партии и страны социалистического содружества. Человечество желает мира и должно жить в мире. Именно поэтому авантюристическая провокационная деятельность маоистов, направленная на срыв мирного сосуществования, вызывает возмущение всех прогрессивных сил нашей планеты.

В империалистических государствах имеются еще достаточно влиятельные силы, которые выступают против принципа мирного сосуществования. Militarистская пропаганда использует не только аргументы, связанные с реальной противоположностью существующих социально-политических систем. Идут в ход и более или менее замаскированные концепции, преувеличивающие значение этнических различий и поставляющие «научный» материал для пропаганды этнической обособленности и исключительности. В этих целях фальсифицируется и история культуры, сочиняются искусственные концепции заимствования основ

своей национальной культуры одними народами у других — «низшими» у «высших». В этих условиях перед советскими учеными — этнографами, антропологами, социологами, историками культуры — стоят особо важные и ответственные научные и идеологические задачи.

Решение этих задач в интересах мира и прогресса находится в полном единстве со всей линией развития нашей науки и с ее лучшими традициями, оно базируется на мировоззренческой и методологической основе марксизма-ленинизма. Используя весь материал, находящийся в распоряжении науки, систематически осмысливая новые данные, изодня в день обогащающие ее, мы продолжаем разоблачение расистских и шовинистических теорий, проповедуемых реакционерами от науки и в наши дни.

За три послевоенных десятилетия советский народ в условиях мира добился под руководством ленинской партии выдающихся успехов в коммунистическом строительстве. Претворение в жизнь решений XXIV съезда КПСС создало предпосылки для новых достижений на пути к счастливому коммунистическому будущему. Трудясь над выполнением девятого пятилетнего плана, народы нашей страны проявляют высокую сознательность, горячий патриотизм и великую преданность идеалам коммунизма, — те качества, которые помогли нам не только выстоять в буре войны, но и нанести врагу окончательное поражение. Особо отметим в данной связи то значение, которое имел в ходе Великой Отечественной войны и продолжает иметь в послевоенный период фактор интернациональной сплоченности народов Советского Союза. Наше государство объединяет как большие, так и малые народы, находившиеся до Великой Октябрьской социалистической революции на разных уровнях социально-экономического и культурного развития. Советская власть покончила со всеми формами социального и национального гнета и неравенства, что явилось важнейшим источником нашей устойчивости и силы во время войны и сейчас обуславливает несокрушимую монолитность нашей многонациональной семьи народов.

Программа решения национального вопроса в условиях социализма была разработана в трудах классиков марксизма-ленинизма, в решениях съездов и центральных органов нашей партии. Она реализована в практике жизни и деятельности советского государства, в братских взаимоотношениях всех населяющих его народов, в расцвете их национальной культуры. «За годы социалистического строительства в нашей стране возникла новая историческая общность людей — советский народ. В совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту родились новые, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями — отношения дружбы и сотрудничества»².

Партия выдвигает в качестве одной из важнейших задач дальнейшего воспитания всех советских людей, особенно молодежи, в духе социалистического патриотизма и интернационализма. Углубленная научная разработка проблем, связанных с жизнью отдельных народов нашей страны, с их этнической историей, с особенностями их национальной культуры в прошлом и настоящем, с процессом сближения социалистических наций и народностей, с формированием и развитием новой исторической общности — советского народа, вносит определенный вклад в выполнение этой благородной задачи, служит делу коммунистического строительства.

В мирных условиях, которые обеспечила победа в Великой Отечественной войне, славные боевые традиции военных лет воодушевляют советских людей на самоотверженный труд во имя дальнейшего процветания и развития социалистического общества, во имя коммунизма.

² Л. И. Брежнев, Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXIV съезду КПСС, М., 1971, стр. 94.

В. К. Соколова

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ *

22 июня, ровно в четыре часа,
Киев бомбили. Нам объявили,
Что началась война...

Началась война! И народ, вставший на защиту Родины, запел новые суровые и мужественные военные песни. Их создавали и известные советские поэты и композиторы, и многочисленные безвестные поэты — воины и труженики тыла. Песни, частушки, стихотворения, рассказы, меткое, вовремя сказанное слово, пословица помогали жить и бороться. В произведениях народного творчества выразились гнев народа, возмущенного вероломным нападением на нашу страну, горечь разлук и утрат, особенно тяжелых в первые годы, и вместе с тем твердая уверенность в нашей конечной победе.

Фольклористы с первых же дней войны считали своим патриотическим долгом зафиксировать все, что пели и рассказывали советские люди, справедливо видя в этих произведениях выражение народных мыслей и чувств¹. Об ответственности и задачах фольклористов в это время хорошо сказал М. К. Азадовский в предисловии к сборнику «Фронтовой фольклор»: «В дни Великой Отечественной войны работа фольклориста-собиранителя приобрела особый смысл и значение. На долю его выпала большая и ответственная задача запечатлеть голос народа, вставшего с невиданным в истории героизмом и единодушием на защиту своего отечества, учесть и осмыслить те новые факты народного творчества, которые возникали под влиянием грозных и величественных дней войны»².

Работа фольклористов в первые военные годы проходила в очень трудных условиях. Ленинградцы и во время блокады вели записи фольклора, издавали труды и сборники, выступали с лекциями и беседами перед бойцами и трудящимися; Н. П. Колпакова выезжала с бригадами писателей на фронт. Во время блокады, не прекращая работы до последних своих дней, погибли крупные ученые Н. П. Андреев и А. И. Никифоров, музыковед-фольклорист З. В. Эвальд. Молодые фольклористы, только что вступившие на научное поприще, ушли на фронт и там вели наблюдения и записи³. Широко развернули собирательскую рабо-

* Статья посвящена работе фольклористов Института этнографии АН СССР в годы войны и в первые послевоенные годы.

¹ См. А. Д. Соколов, Собрание и изучение русского фольклора периода Великой Отечественной войны», в кн. «Русский фольклор Великой Отечественной войны», М.-Л., 1964.

² «Фронтовой фольклор» (Запись, вступительная статья и комментарии В. Ю. Крупянской), М., 1944.

³ Об их работе см.: М. К. Азадовский, Письма молодых фольклористов, «Новая Сибирь. Альманах», кн. 15, Иркутск, 1945.

ту москвичи: Государственный литературный музей (В. Ю. Крупянская, С. И. Милиц) и Всесоюзный дом народного творчества им. Н. К. Крупской (А. К. Мореева, Н. Д. Комовская). Была организована сеть корреспондентов, проводились всесоюзные конкурсы собирателей. Какое большое значение придавалось собиранию фольклора, видно хотя бы из того, что Комитет по делам искусств при Совете Народных Комиссаров СССР и Наркомпрос РСФСР организовали в 1944 г. фольклорную экспедицию в Сталинградскую область, в места героической борьбы советских войск; руководила ею В. Ю. Крупянская. Лучшие фольклорные произведения публиковались, а в 1944 г. вышел первый научный сборник — упоминавшийся уже «Фронтowej фольклор».

Наряду с собирательской в годы войны стала развевтываться и исследовательская работа. Уже в 1943 г. были проведены два научных совещания по проблемам фольклора Великой Отечественной войны: в Иркутске — организованное по инициативе М. К. Азадовского, и затем, более широкое — в Москве, организованное Всесоюзным домом народного творчества. На совещаниях ставились вопросы о специфике фольклора военных лет, его видов и форм, приемов и методов его соби- рания и изучения⁴.

В конце 1944 г. в Институте этнографии АН СССР был создан сектор фольклора в главе с П. Г. Богатыревым. Основной задачей сектора было соби- рание и изучение фольклора Великой Отечественной войны; непосредственно этой работой руководила В. Ю. Крупянская. По существу, сектор стал всесоюзным научным центром, объединявшим изучение и соби- рание военного фольклора⁵. В результате собирательской работы сектора фольклора был создан значительный архив⁶. Наиболее интерес- ную его часть представляют записи самих фронтовиков.

В середине 1945 г. Институт этнографии при содействии Главного по- литического управления Вооруженных сил Советского Союза опублико- вал в «Красной звезде» и в газетах, выходивших в воинских подразделе- ниях, обращение-инструкцию к бойцам и офицерам с просьбой присылать записи фронтового фольклора и свои произведения. Обращение нашло горячий отклик. Фронтовики отвечали сразу же, только прочитав обра- щение. Некоторые письма так и начинаются: «Вчера (или даже сегодня) — прочитал в нашей газете ваше обращение...» (называются разные газеты: «Красная звезда», «Красный боец», «Красный сокол», «За Ро- дину», «На защиту Родины», «Знамя победы», «Часовой Севера» и др.)⁷. Институтом было получено около 350 писем, в которых содержатся при- близительно 1500 песен и стихотворений и свыше 500 произведений дру- гих жанров. В целом это волнующая летопись героических военных лет.

Писали солдаты и офицеры. Они сообщали, какие песни и почему осо- бенно любили в их частях. Приводилось много вариантов популярных во время войны песен: «Огонек», «Землянка» и ответы на нее, «Тучи над городом встали», «Я встретил его близ Одессы родной», «Письмо любимой», разнообразные варианты «Катюши» и многие другие. На ос- нове писем можно судить, насколько широко была распространена та

⁴ См.: М. К. Азадовский, Совещание фольклористов и сказителей Сибири (21—25 марта 1943), «Новая Сибирь. Литературно-художественный альманах», кн. 14, Иркутск, 1943; «Русский патриотический фольклор. Материалы научно-творческого сове- щания. Великая Отечественная война в устном народном творчестве», М., 1945.

⁵ См. Б. Гершкович, В. Крупянская, Работа сектора фольклора Института этнографии АН СССР по изучению фольклора Великой Отечественной войны. 1945—1947, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ), вып. VIII, 1949.

⁶ О содержании архива см.: С. И. Дмитриева, Материалы по фольклору Вели- кой Отечественной войны, хранящиеся в архиве Института этнографии АН СССР, в кн.: «Русский фольклор Великой Отечественной войны».

⁷ В подборе материала из писем фронтовиков большую помощь мне оказал сотруд- ник архива Г. З. Бахчиев.

или другая песня; иногда удавалось установить неизвестного ранее автора, выяснить обстоятельства, при которых песня была сложена. Приводимые сведения помогают воссоздать историю песен. Они показывают, в каком виде песни бытовали, как изменялись применительно к обстановке. Часто в них менялись географические названия, вставлялись те пункты, за которые вела бои данная часть; в таком виде песни воспринимались как память о пройденном пути. Добавлялись новые куплеты о запоминавшихся боевых эпизодах, о героических подвигах солдат и командиров подразделения, увековечивались их имена. Так, например, В. С. Зотов пишет, что в песню «Наш тост» был вставлен один куплет: «...в нашей части она поется как память о нашем командире части Затылкине и начальнике штаба Битковском, которые отличились в боях и их все люди нашей части очень любили» (приводится соответствующий куплет)⁸.

Интересно, что порою общераспространенные песни литературного происхождения воспринимались как сочиненные на том участке фронта, в той части, где служил автор письма. Например, о песне «Из далекого Карельского фронта» Г. В. Иоффе пишет: «Посылаю вам песню, сложенную на Кандалакшском участке Карельского фронта. Кем она сложена и когда, я не знаю» (д. 64, л. 125). Между тем известен ряд вариантов этой песни, причем название фронта в них соответственно менялось. Песни, близкие им по содержанию и настроению, воины воспринимали как свои.

Корреспонденты сообщили много стихотворений и песен, сочиненных ими самими или их товарищами. При этом они иногда писали, что побудило их взяться за перо и какие требования они сами и их слушатели и читатели предъявляли к подобным произведениям. Очень хорошо написал об этом С. Б. Вальх, приславший свои стихотворения: «Они (стихотворения) не претендуют на художественность и законченность, так как писались в обстановке, не благоприятствующей этому, с одной стороны, и возможно, потому, что у автора не было необходимых качеств для этого. Но не это было целью автора. Стихи должны отображать мысли, надежды и настроение солдата, прошедшего долгий и тяжелый путь от Днепра до Сталинграда; солдата, закончившего свой боевой путь в Чехословакии и вернувшегося с победой в родную страну. Они фиксировали то, что хотелось бы помнить участнику войны...» (д. 60, л. 1) «Любовь к нашей Родине, любовь к нашему народу, ненависть и презрение к врагу мирового человечества — вот что именно стало сюжетом моих первых фронтовых стихотворений» (д. 60, л. 23) — читаем в одном из писем (подпись неразборчива). «Я не поэт, но будучи на фронте, писал стихи, — стихи о фронтовой жизни, о родине, о девушках и т. д. Быть может, они слабы, но писаны так, как было» (д. 59, л. 42) (из письма старшего лейтенанта Г. В. Вяткина). Эти и им подобные высказывания показывают, какую роль выполняло в армии поэтическое слово и какие идейные требования к нему предъявлялись. Меткое слово, песня, стихотворение, рассказ во фронтовых условиях выполняли боевую функцию и, говоря словами В. В. Маяковского, порою приравнивались к штыку. Не случайно И. Ф. Ефременко писал от имени группы бойцов: «Горя желанием разбить ненавистного врага, желавшего поработить великий народ и убить наше творчество, погасить нашу культуру, наш народ отвечал на это оружием и словом, которого не выдумать, хоть проглоти перо» (д. 60, л. 31).

Из приведенных примеров ясно, каково было содержание творчества фронтовиков, какие темы и образы их волновали. В их произведениях выражалось стремление поскорее разгромить фашистов и вер-

⁸ Архив Ин-та этнографии, АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 65, л. 104. Далее при публикации архивных материалов в тексте указываются в скобках номер дела и лист.

наться с победой, в которой они не сомневались даже в самые тяжелые дни, домой к родным. При этом, как говорит А. Я. Правдин, приславший стихотворение «Встреча», написанное уже после демобилизации, семья воспринималась «не только как каждому любимая, но и как представитель нашей Родины, наших русских земель и родных мест» (д. 66, л. 73 об.). Все эти чувства и переживания объединялись в одном всеобъемлющем образе — Родины-матери.

О, Родина! Как ты прекрасна
В величии гордом своем!
И мы вдалеке от тебя ежечасно
С волнением и радостью песни поем (д. 61, л. 40 об.) —

писал В. Е. Тимофеев летом 1945 г., находясь в Германии, в Циммельсдорфе.

Нередко в стихотворениях и песнях рассказывалось об определенных лицах и конкретных случаях, поэтому они могут быть использованы как документы. Так, Н. А. Евдокимов, посылая стихотворение «На смерть Мореевой», написанное 24 октября 1943 г., пишет: «Я хотел изобразить образ девушки-бойца, погибшей смертью храбрых в дни жарких боев летом 1943 г. на Курской дуге» (д. 63, л. 1).

Советские воины с негодованием говорили о злодеяниях фашистов на нашей земле, об их издевательствах над советскими людьми, свидетелями которых они были или о которых слышали. Так, артиллерист Б. П. Буланов, услышав в 1943 г. в Старобельске рассказ о массовой расправе фашистов с населением, написал тут же у братской могилы:

Старобельск. За ним овраг,
А в овраге расцветший шалфей,
В том овраге замучил враг
Больше ста наших славных людей...

Но придет время,— заявил автор,— «за них будешь платить головой» (д. 61, л. 69 об и 70). Сюжетом большого стихотворения С. Б. Вальха «Слепая» послужил рассказ девушки, которая была угнана в фашистскую Германию и там злодейски ослеплена:

Я слышал страшный сей рассказ
На Харьковщине на привале... (д. 60, л. 2).

В письмах показана также обстановка, в которой создавались и исполнялись песни и рассказы: «В дни затишья собирались у костра и каждый выливал свои чувства. Вспоминали только что прошедший бой, ждали почту, получив читали... Тогда написал я стихи и назвал „Костер“»

У костра, вновь сжимаясь плотнее в кольце,
Вспоминаем мы прошлую зиму...» (д. 63, л. 66 об. и 67)

— писал сержант-артиллерист В. Круглов.

П. Н. Чистяков рассказал, какое впечатление произвела исполненная в 1944 г. на вечере в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции сатирическая песня о гитлеровцах, сочиненная молодым ефрейтором Паюсовым на мотив старой студенческой песни «От зари до зари». «Наконец из глубины сцены донесся мотив старой русской песни и хор грянул:

Фрицев бить не мудрено,
Это право нам дано...
— Постараемся!

Шум постепенно нарастал, как и сама песня. А когда закончилась, зал грянул и все содрогалось от аплодисментов..., автора вызывали и «качали» (д. 63, л. 109).

Останавливаться более подробно на содержании этой части Архива Института этнографии здесь нет возможности. Но и сказанного достаточно, чтобы понять, какие ценные материалы не только для фольклористов, но и для историков Великой Отечественной войны содержат письма фронтовиков и их поэтическое творчество. Частично этот материал был использован в сборнике В. Ю. Крупянской и С. И. Минц⁹. (При составлении комментариев к песням опубликованы и некоторые варианты.) В целом же этот архив еще ждет своего изучения, а лучшие произведения — публикации.

Осенью 1945 г. Сектором фольклора Института этнографии совместно с Кафедрой фольклора МГУ под руководством П. Г. Богатырева и В. Ю. Крупянской была проведена экспедиция в Брянскую область¹⁰. Перед экспедицией была поставлена новая задача — изучение партизанского фольклора. Экспедиция должна была выяснить его формы и условия бытования у населения, жившего на временно оккупированной фашистами территории. Брянская область представляла в этом отношении особый интерес. Экспедиция работала в районах наиболее активных партизанских действий: Брянском, Дятьковском, Новозыбковском, Почепском, Унечском, Жуковском и Клетнянском. Несмотря на все ужасы оккупации, население этих мест не прекращало борьбу. Достаточно сказать, что в Дятьковском районе в рабочем поселке Бытошь и окрестных селах во время оккупации в течение 9 месяцев сохранялась советская власть.

Опрос населения, связанного в годы войны с партизанами, дал возможность довольно отчетливо представить состояние и роль народного творчества в партизанском крае. Было записано около 300 партизанских песен, много партизанских частушек (всего же было собрано более 2500 частушек), рассказов, преданий. Участники экспедиции собирали также традиционный фольклор, записывали старинные народные обычаи и обряды, сохранявшиеся еще в Брянской области. В условиях оккупации традиционный фольклор также выполнял патриотическую функцию: он воспринимался как свое, родное, и усиливал ненависть к фашистам, стремившимся искоренить все русское.

В сельских местностях традиционный фольклор оказывал влияние на создававшиеся новые произведения и сам изменялся под воздействием текущих событий. Так, среди молодежи особенно были распространены в тот период частушки. Девушки пели старые частушки о любви, о милом, но в них появились новые образы и мотивы. Милый теперь либо далеко в армии «проливает кровь горячую за родину свою»: это летчик, лейтенант, майор и пр., либо он партизан, а девушка помогает ему или сражается вместе с ним:

А мой милый партизан,
А я партизаночка,
На задание ходила
Боевая парочка¹¹

⁹ В. Ю. Крупянская, С. И. Минц, Материалы по истории песни Великой Отечественной войны, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XIX, М., 1953.

¹⁰ Об этом же см.: В. Ю. Крупянская, Брянская фольклорная экспедиция (6 августа — 13 сентября 1945 г.), «КСИЭ», вып. II, 1947. Н. Бялосинская опубликовала интересные записи из дневника, который она, тогда студентка филологического факультета МГУ, вела во время этой экспедиции. См.: Н. Бялосинская, О чем шумели Брянские леса, в кн. «Русский фольклор Великой Отечественной войны».

¹¹ Архив Ин-та этнографии АН СССР, «Материалы Брянской экспедиции 1945 г.», л. 34. Далее в тексте указываются название экспедиции и лист.

Много частушек было сложено о боевых действиях партизан, их командирах, особенно о начальнике Жуковского отряда Мальцеве. В сатирических частушках метко и зло высмеивались Гитлер и фашисты. Особую ненависть вызывали полиция, продавшие Родину «за пачку сигарет», «за 15 сигарет» и т. п.

Частушки распространялись устно и письменно. В. Ю. Крупянская привела в своем отчете любопытный факт: один поэт из Бытоши записал на бересте сочиненные им частушки о полициях; они были переданы в Бытошь и там распевались.

В 1945 г., сразу после окончания войны, хорошо помнили и пели партизанские песни: «Шумел сурово брянский лес»; «Глухими брянскими лесами»; «На опушке леса старый дуб стоит»; «В чистом поле, поле под раkitой»; варианты «Катюши» и многие другие. Пели и партизанские песни других областей, например о прославленном белорусском партизане Заслонове.

В памяти населения еще были живы ужасы, пережитые во время оккупации, и экспедиция записала страшные рассказы о зверствах фашистов. Таков, например, рассказ о трагедии на мельнице в Жуковке. Мальцев давал на мельницу списки для раздачи муки нуждавшимся, в том числе и партизанам. Кто-то донес об этом оккупантам. «Выехал карательный отряд, оцепили сразу мельницу и давай их (приехавших на мельницу.— В. С.) пытать: „Кто здесь партизаны?“ Загнал этот народ весь, 12 человек, загнал их в сторожку, метров пять от мельницы. Их там били, пытали, спрашивали их, где партизаны. Потом облили керосином со всех сторон и подожгли со всех четырех сторон. Сторожку заперли» (Брянская экспед., л. 143). Есть еще ряд рассказов о том, как фашисты и полиция выпрашивали о партизанах, и, не получив ответа, мучили и убивали народ.

Наряду с рассказами-воспоминаниями, встречались произведения, которые переходили уже в предания и легенды; в них устойчивые сюжеты, используются общие мотивы и пр. Таковы некоторые рассказы о Мальцеве, например, о том, как он пришел в баню в немецкой форме, мылся с немецкими офицерами, а потом написал: «Осторожнее, господа офицеры, с вами помылся комиссар Мальцев». Или рассказ «Как свадьбу играл»: Мальцев выехал с партизанами из окружения под видом свадьбы, на украшенных лошадях, сам он изображал жениха, а немцы, наблюдавшие это кричали: «Гут, гут». (Брянская эксп., л. 135). Эти же сюжеты были прикреплены к Заслонову — «дяде Косте». Очень популярны были рассказы о «свадьбах» ковпаковских партизан¹².

Материалы Брянской экспедиции дали достаточно полное представление о содержании и жанрах русского партизанского фольклора, показали его близость с белорусским партизанским фольклором, создававшимся и бытовавшим в сходной обстановке. На основании их были поставлены такие существенные проблемы, как роль традиционного фольклора в условиях оккупации, взаимодействие традиции и нового творчества, развитие партизанского фольклора.

Собирание фольклора Великой Отечественной войны было одной из задач и последующих фольклорных экспедиций. Так, Закарпатская экспедиция 1946 г., руководимая П. Г. Богатыревым, записала значительное число коломыек, связанных с войной.

В 1948 г. фольклорная экспедиция Института этнографии, в которой также принимали участие сотрудник музыкального кабинета Московской Государственной консерватории и студенты Московского Государст-

¹² Белорусские предания о Заслонове и Ковпаке записывал вместе с белорусскими фольклористами Л. Г. Бараг, бывший тогда докторантом Института этнографии. См.: Л. Г. Бараг, М. С. Меерович, Белорусские народные предания и сказки-легенды о Заслонове и Ковпаке, «Сов. этнография», 1948, № 2.

венного университета, работала в Подтелковском и Ново-Анненском районах Сталинградской области¹³. Одна из ее задач — проследить судьбы военного фольклора в послевоенный период. Выяснилось, что песни военных лет еще помнят и поют, причем с минувшей войной связывали и некоторые старые казачьи военные песни. Наиболее же популярны здесь были песни о Сталинграде. Участники экспедиции выявили существенные различия в репертуаре песен периода Великой Отечественной войны у молодежи и у пожилых казаков. Молодежь пела общие для всего советского народа песни (в основном литературного происхождения). В репертуаре пожилых казаков значительное место занимали старые казачьи песни, иногда переработанные. От них экспедиция записала интересную переработку старинной песни «То два сокола, и орел он крылатый», в которой образ традиционного врага-насильника, похваливавшегося завоевать всю Россию, заменен Гитлером. Эта песня опубликована в сборнике В. Ю. Крупянской и С. И. Минц (№ 18). Удалось установить, что в распространении песен Великой Отечественной войны большая роль принадлежит бывшим фронтовикам.

В декабре 1947 г. Институт этнографии провел Всесоюзное совещание по вопросам собирания, изучения и издания фольклора Великой Отечественной войны¹⁴. В его работе приняли участие фольклористы почти всех союзных и автономных республик и многих областей РСФСР.

Говоря о задачах совещания, П. Г. Богатырев подчеркнул, что фольклор Великой Отечественной войны создавался в тесном содружестве всеми народами Советского Союза и чтобы глубоко понять процессы его создания и развития необходимо сравнительное изучение фольклора народов СССР. Он указал также на важность привлечения антифашистского фольклора зарубежных славянских народов. Основные задачи дальнейшего изучения фольклора Великой Отечественной войны были намечены в докладе В. Ю. Крупянской.

Доклады и выступления фольклористов из разных республик и областей показали богатство и разнообразие фольклора Великой Отечественной войны у советских народов. В то же время они отчетливо продемонстрировали, что сделано еще далеко не все и военный фольклор пока еще не только не исследован обстоятельно, но и собран далеко неполно и неравномерно. В ряде докладов характеризовались виды и жанры военного фольклора, преимущественно песенного. Фольклористы — участники войны поделились своими наблюдениями над жизнью фольклора на фронте. Рассматривались и методические вопросы: принципы отбора материала для издания и принципы его публикации.

Острые дискуссии, развернувшиеся по отдельным докладам, показали, что поставленные на совещании проблемы были весьма актуальны и что решены они могут быть только совместными усилиями всех советских фольклористов.

Совещание явилось этапом в изучении фольклора Великой Отечественной войны. Оно подвело итоги работы, проделанной в послевоенный период, и во многом определило направление дальнейших исследований. Выполняя решение совещания, Институт этнографии издал и разослал на места методическое пособие по собиранию фольклора Великой Отечественной войны, составленное В. Ю. Крупянской¹⁵ на основе ее доклада на Всесоюзном совещании.

¹³ О ней см.: В. Ю. Крупянская, Л. А. Старцева, Фольклор колхозной станции, «Сов. этнография», 1949, № 3.

¹⁴ Подробнее о нем см.: Б. Гершкович, В. Крупянская, В. Соколова, Совещание по вопросам собирания, изучения и издания фольклора Великой Отечественной войны, «Сов. этнография», 1948, № 2.

¹⁵ В. Ю. Крупянская, Фольклор Великой Отечественной войны (задачи и методы собирания), М.-Л., 1949.

Своего рода итоговой работой по изучению русских песен Великой Отечественной войны явился и упоминавшийся выше сборник В. Ю. Крупянской и С. И. Минц. Цель его — дать образцы того, что пели в военные годы в армии, в партизанских отрядах и в тылу. «Мы избрали объектом нашего исследования песню, — писали авторы во «Введении», — этого неизменного спутника советского бойца в грозные годы войны, так как песня полнее, чем какой-либо другой жанр, запечатлела героические дела в дни войны»¹⁶. Сборник был составлен на основе материалов научных архивов Института этнографии и Государственного литературного музея. Наряду с произведениями народного творчества в нем помещены произведения армейской и партизанской самодеятельности и песни советских поэтов и композиторов, прочно вошедшие в устно-поэтический репертуар. К каждой песне даны обстоятельные комментарии, в которых, насколько это позволяли имевшиеся данные, приводятся сведения об авторе, обстоятельствах, при которых песня была создана и условиях ее бытования, выясняется ее история, опубликованы варианты или даются ссылки на них. Сборник явился образцом научного издания песен Великой Отечественной войны, во многих отношениях непревзойденным и до сих пор.

Настоящая статья не дает сколько-нибудь полного представления о работе советских ученых по фольклору Великой Отечественной войны. Ее цель — напомнить о народной летописи войны, о ценных материалах, имеющихся в архивах, и о работе по собиранию, изучению и изданию фольклора военных лет, проведенной в Институте этнографии в послевоенные годы. Работа эта, как можно видеть, велась в сотрудничестве и контакте с фольклористами других учреждений, что дало возможность добиться известных успехов. Все это лишь небольшая часть огромной работы, которая велась и ведется фольклористами всего Советского Союза. В частности, по русскому фольклору очень большую работу провели фольклористы Пушкинского Дома АН СССР, выпустившие в 1964 г. уже упоминавшийся выше обобщающий труд «Русский фольклор Великой Отечественной войны». Сектор фольклора Института этнографии АН СССР внес в общую работу свою посильную лепту, а в некоторых случаях выступал ее инициатором и организатором.

TOWARDS THE HISTORY OF THE STUDY OF FOLKLORE IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article offers a survey of the activities of the Institute of Ethnography Folklore Sector in collecting and studying the folklore of the 1941—1945 Great Patriotic War. The Sector was formed late in 1944 and headed by the late Professor P. G. Bogatyrev; the collection of war folklore was carried out under the immediate guidance of V. Yu. Krupianskaya.

In mid-1945 the Institute of Ethnography appealed to soldiers and officers through Army newspapers to send in songs that were being sung in the Army, as well as their own compositions. As many as 1500 songs and verses were received in answer. In their totality they form a stirring chronicle of the events of the War; they are the most valuable item of the Institute's folklore archives.

The article also describes the guerrilla folklore collected in 1945 by an expedition of the Institute in Bryansk Region as well as materials on war-time folklore recorded by other expeditions.

An All-Union conference on problems of collecting, studying, and publishing the folklore of the Great Patriotic War was convened by the Institute in 1947; this conference is particularly dwelt upon in the article. A description is given of a collection by V. Yu. Krupianskaya and S. I. Mints, «Materials for the history of song in the Great Patriotic War» (1953); here the material on Russian war-time songs from the archives of the Institute of Ethnography and of the State Museum of Literature is summarized.

¹⁶ В. Ю. Крупянская, С. И. Минц, Указ. раб., стр. 7.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ

(ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ)

Одной из важных задач этнографической науки является изучение территориальных различий явлений культуры и быта, которые, как известно, обнаруживают огромное многообразие пространственно-ограниченных систем¹. Их этнографическое исследование связано с выявлением общих и различных черт в культуре народов, отражающих как местные этнические особенности, так и широкие стадийные закономерности социально-экономического развития общества².

Попытки пространственно-временного подхода к истории культуры известны уже давно. По существу они были намечены еще Гегелем, который пытался с идеалистических позиций проанализировать развитие крупных историко-культурных областей древности: Египта, Передней и Средней Азии, Индии, Китая, Греции, Рима и др.³. В середине XIX в. историк-славянофил Н. Я. Данилевский поставил своей задачей проследить, как «формы исторической жизни человечества разнообразятся по культурно-историческим типам», внутри которых «развитие происходило от древности, к средним векам и новому времени»⁴.

В XIX в. успехи географии и этнографии в накоплении новых фактов увеличили интерес к территориальным аспектам культуры народов. В конце XIX и начале XX вв. ряд направлений и школ европейской и американской этнографии (школа «культурных кругов», антропогеография, диффузионизм и др.) подвергли критике многие положения эволюционизма⁵. Центральной идее эволюционизма — идее развития человечества во времени — были искусственно противопоставлены идеи «извечного» различия народов, а их развитие рассматривалось лишь как следствие миграций и диффузий. На первое место были выдвинуты территориальные аспекты, в ущерб временным, историческим. Однако интерес исследователей к географическому многообразию человеческой культуры имел и свои положительные последствия: появились первые опыты широкого пространственного анализа этнографического материала.

В самом конце XIX в. были сделаны попытки использования этнографических данных для пространственного анализа некоторых явлений

¹ Ю. В. Бромлей, *Этнос и этнография*, М., 1973, стр. 18.

² Л. Я. Штернберг, *Современная этнология. Новейшие успехи, научные течения и методы*, сб. «Этнография», 1—2, М.—Л., 1926, стр. 23; Н. Н. Чебоксаров, Н. А. Чебоксарова, *Народы, расы, культуры*, М., 1971, стр. 169 и сл.

³ Г. Гегель, *Сочинения*, т. VIII, М.—Л., 1935, стр. 77, 96—97, 108, 136, 176, 212 и др.

⁴ Н. Я. Данилевский, *Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Греко-Романскому*, СПб. (изд. 3-е), 1888, стр. 85—88 (1-е изд. в 1869 г.).

⁵ См.: Ю. П. Аверкиева, *Современные тенденции в развитии этнографии США*, сб. «Современная американская этнография», М., 1963, стр. 8—9; «Симпозиум. Учение Л. Г. Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этнографии», «Труды VII МКАЭН. Москва, 1964», т. 4, М., 1967, стр. 441 и сл.

культуры. Так, Ф. Боас исследовал в Америке элементы сказок североамериканских индейцев⁶. Он попытался выделить элементы, обусловленные миграцией родственных племен и распространившиеся диффузно.

Идеи, рассматривающие диффузию культуры как генеральное направление прогресса человечества, получили наиболее яркое развитие в германской школе «культурных кругов», основанной Ф. Гребнером, и в работах этнографов «венской культурно-исторической школы»⁷.

Более прогрессивной по сравнению с культурно-исторической школой (с ее схемами «культурных кругов») явилась концепция американских этнологов. О. Мэсон, К. Уисслер, А. Кребер и Дж. Фолсом на конкретном материале по этнографии североамериканских индейцев разработали понятия «культурного ареала» и «культурного типа». Они произвели этнографическое районирование индейского населения Северной Америки⁸.

А. Кребер, К. Уисслер и Дж. Фолсом проводили различия между «культурным ареалом» и «типом». «Ареал» — более широкое понятие. Это район, в котором сходные природные условия способствуют образованию относительного единства культур. В одном «ареале» может быть несколько «типов» — т. е. различных комбинаций культурных черт и комплексов. Как «ареал», так и «тип» в большой степени обусловлены особенностями среды⁹.

Дж. Стюард рассматривал «культурный тип» как категорию, образовавшуюся вследствие «скрещивания» (crosscutting) главных ландшафтных типов с уровнями социально-политической интеграции населения¹⁰.

Дальнейшее развитие идей «культурных ареалов» и «типов» в американской этнологии мы можем найти в недавно опубликованной статье Дж. Вайса¹¹. Он определяет «культурный ареал» в качестве территориальной группы культурных систем, обычно родственных и характеризующихся определенным набором черт, отличающих данную группу культур от других.

В отличие от А. Кребера и К. Уисслера, Дж. Вайс, следуя за Дж. Стюардом и Дж. Мёрдоком, скептически относится к идее о единстве мировой культуры человечества. Он сторонник плюрализма. В известной степени плюралистический подход к общественным явлениям и этнографическому материалу проявил Дж. Мёрдок, создавший на основе предложенного им метода «кросскультурного» анализа и дифференциации культуры по элементам «Этнографический атлас мира»¹². Эти исследования Мёрдока были подвергнуты серьезной критике¹³.

⁶ F. Boas, Dissemination of tales among the natives of North America, «Journal of American Folk-lore», vol. IV, 1891.

⁷ Критику этих направлений см.: М. Г. Левин, История, эволюция, диффузия, «Сов. этнография», 1947, № 2; С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 4 и др.

⁸ O. T. Mason, Technogeography, or the relation of the earth to the industries of mankind, «American Anthropologist», vol. VII, 1894, p. 149; C. Wissler, The American Indian, N. Y., 1917; A. L. Kroeber, Cultural and natural areas of native North America, Berkeley and Los Angeles, 1939; «Народы Америки» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. I, М., 1959, стр. 53—54; Ю. П. Аверкиева, Новая попытка классификации результатов исследований по этнографии коренного населения Северной Америки, «Сов. этнография», 1958, № 5, стр. 154—161.

⁹ J. Folsom, Culture and social progress, N. Y., 1928, p. 28.

¹⁰ J. H. Steward, Theory of culture change: the methodology of multilinear evolution, Urbana, 1955, p. 92.

¹¹ G. Weiss, A scientific concept of culture, «American Anthropologist», vol. 75, № 5, 1973, p. 1403.

¹² G. P. Murdock, World ethnographic sample, «American Anthropologist», vol. 59, № 4, 1957, его же, Ethnographic atlas, «Ethnology», vol. 1—VI, 1962—1967.

¹³ H. E. Driver and K. F. Schuessler, Correlational analysis of Murdock's 1957 ethnographic sample, «American Anthropologist», vol. 69, № 2, 1967, p. 332—352; см. рецензию Н. А. Бутинова на «Этнографический атлас» Дж. П. Мёрдока, «Сов. этнография», 1967, № 6.

Однако у него нашлись и последователи. Так, Р. Чаней объединил «кросскультурный» метод с количественным анализом интегрированных «культурных ареалов». В своей последней работе Р. Чаней провел общемировое картографирование некоторых культурных феноменов, показанных на матричной таблице и карте¹⁴. Используемый Р. Чанеем прием носит, однако, формальный характер и лишен историчности. Он искажает действительную картину этносоциального многообразия человечества даже по отношению к отобраным автором слабо развитым народам. В работе Р. Чанея отсутствуют попытки выявления широких пространственно-временных закономерностей развития явлений культуры и быта народов мира.

Иной подход к объяснению многообразия человеческих культур, раскрытию причин сходства и различий в образе жизни народов был уже давно предложен советскими этнографами, изучающими культуру народов в их конкретном историческом развитии. Пространственные отношения развивающихся явлений культуры должны рассматриваться в тесной связи с историей их возникновения и развития¹⁵. При таком подходе на первое место выступают этнографические факты, отражающие определенные генетические ряды и разные качественно различные этапы исторического развития.

Этот подход нашел свое воплощение в известной концепции «хозяйственно-культурных типов» и «историко-этнографических областей»¹⁶. Уже опубликовано немало статей на эту тему¹⁷. Правда, большинство из них посвящено хозяйственно-культурным типам. Исследования историко-этнографических областей — т. е. историко-этнографического или историко-культурного районирования традиционно-бытовых культур мира, по существу только начинается. Но эти исследования приобрели теперь большое значение в связи с дальнейшей разработкой теоретических основ этнографической науки¹⁸ и созданием историко-этнографических атласов¹⁹.

* * *

Историко-этнографические области, как правило, охватывают группы этносов (народов). Это — части ойкумены, у населения которых в процессе длительного взаимодействия и взаимовлияния сформировались многие общие особенности культуры как материальной, так, в известной степени, и духовной²⁰. Поэтому судьбы тех или иных историко-этнографических областей всегда связаны с этнической историей народов.

Хорошо известно, что современные этносы (народы), как правило, смешанного происхождения. Они сложились в ходе социально-экономического, политического, языкового и культурного взаимодействия этносов

¹⁴ R. P. Chaney, Comparative analysis and retroductive reasoning or conclusions in search of a premise, «American Anthropologist», vol. 75, № 5, 1973, p. 1358—1375.

¹⁵ С. П. Толстов, Этнография и современность, «Сов. этнография», 1946, № 1, стр. 8; его же, Основные теоретические проблемы современной советской этнографии, «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 12; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 236 и сл., и др.

¹⁶ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4.

¹⁷ См. подробнее: Б. В. Андриянов, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования, «Сов. этнография», 1972, № 2; Н. Н. Чебоксаров, Историко-этнографическое районирование Дальнего Востока, «Проблемы истории Дальнего Востока», Владивосток, 1969, стр. 131—146, и др.

¹⁸ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 33.

¹⁹ С. И. Брук, Атлас населения мира, «Сов. этнография», 1970, № 1; его же, Проблемы картографирования в этнографии, «IX международный конгресс антропологических и этнографических наук, Доклады советской делегации», М., 1973.

²⁰ Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Указ. раб., стр. 216.

в рамках географически и исторически ограниченных территорий или широких социально-политических объединений (государств)²¹.

В сложных процессах этногенеза различные этносы (как носители тех или иных традиционно-бытовых культур) часто вступали друг с другом в контакты, что сопровождалось как биологической метисацией, так и культурным взаимодействием. От периода к периоду менялись границы расселения этносов и трансформировались историко-этнографические провинции и области под воздействием крупных исторических миграций населения; в ходе этих миграций активно развивались и различные культурно-генетические процессы взаимовлияния²².

В отличие от конкретных этносов (народов), всегда обладающих этническим самосознанием, историко-этнографические области, как правило, не осознаются людьми. Чаще всего они могут быть выделены лишь в ходе специальных этнографических исследований²³. Но иногда они очень четко ограничены территориально, что способствует появлению в сознании обитающих там народов представления о широкой этнографической общности. В качестве примера можно привести Кавказ. Здесь живет около 50 народов, языки которых принадлежат к трем семьям: кавказской, индоевропейской и алтайской. Народы эти обладают своеобразными особенностями культуры и быта, что находит свое отражение в типах жилища, одежды, утвари, в нравах и обычаях. Каждый из крупных кавказских народов имеет яркие, неповторимые черты традиционно-бытовой культуры; и в то же время очень многое их объединяет, что является результатом хозяйственного, политического и культурного общения на протяжении столетий в пределах единой историко-этнографической области.

Совершенно ясно, что историко-этнографические области, как и хозяйственно-культурные типы, являются историческими категориями, возникавшими, развивавшимися и во многих случаях исчезающими в процессе многообразного социально-экономического и культурного развития конкретных этносов. Но историко-этнографические области отличаются от хозяйственно-культурных типов тем, что часто объединяют в одном общем ареале ряд таких типов, что обусловлено неравномерностью социально-экономического развития отдельных народов, их этническими традициями и географическим разделением труда. Так, например, в Среднеазиатско-Казахстанской провинции на протяжении многих столетий развивался процесс специализации одних групп населения на кочевом и полукочевом скотоводстве, других — на оседлом поливном земледелии. В этом процессе отразились как исторические факторы, так и природно-географические, в виде своеобразного взаимного приспособления хозяйственной деятельности скотоводов и земледельцев²⁴.

В отличие от хозяйственно-культурных типов (территориально дисперсных и нередко расположенных в удаленных друг от друга частях мира) историко-этнографические области всегда включают этносы (народы), расселенные на смежных территориях и реально связанные между собой некоторыми общими культурными чертами, хотя они и различаются часто по уровню социального развития и направлению хозяйства, по характеру культуры, языку и расовому составу. Например, в Сибири М. Г. Левин выделил такие области, как Ямало-Таймырская, Западно-сибирская, Алтае-Саянская, Восточносибирская, Камчатско-Чукотская и Амуро-Сахалинская. В качестве примера хорошо исследованной историко-этнографической области Восточной Европы можно привести Прибал-

²¹ В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 42 и сл.

²² П. И. Кушнер (Кнышев), Этнические территории и этнические границы. М., 1951, стр. 6—9; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 74—77.

²³ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 34.

²⁴ А. Н. Ракитников, Некоторые особенности исторической географии земледелия и животноводства в Средней Азии, «Вопросы географии», сб. 50, М., 1960, стр. 74.

тику²⁵. Названия всех этих областей имеют географический характер, что подчеркивает их территориальную принадлежность.

Историко-этнографические области, как и этнические общности, иерархичны или, что то же самое, таксономически неравноценны, образуя как бы систему локальных таксонов разных порядков в составе единого человечества. Основной единицей в этой системе является историко-этнографическая область. Области подразделяются на подобласти и районы. Несколько смежных областей могут быть объединены в крупные территориальные единицы, которые называют «историко-этнографическими провинциями» или «надобластями». Так, области, описанные М. Г. Левиным, входят в Сибирскую историко-этнографическую провинцию. Подобно этому Прибалтийская область составляет часть обширной Восточноевропейской историко-этнографической провинции (надобласти), в составе которой выделяются и другие области, как например, Молдавско-Украинская (Юго-Западная), Белорусско-Русская (Центральная) и Волго-Камская. Во всех этих областях намечаются историко-этнографические подобласти: в Прибалтике их три — Юго-Восточная, охватывающая восточные части Литвы и Латвии, а также юго-восток Эстонии, Юго-Западная, включающая западные районы Литвы и Латвии, и Северная, в которую входит Западная и Северо-Западная Эстония²⁶. В пределах каждой из этих подобластей могут быть выделены историко-этнографические районы (например, Дзукия, Аукштайтис, Латгалия — на юго-востоке, Судува, Курземе, Земгале — на юго-западе и т. п.).

Возможно, наконец, поставить вопрос о существовании своего рода историко-культурных зон высшего порядка, охватывающих группу провинций, вроде, например, всей Южной Азии.

Для выделения историко-этнографических областей и провинций главное значение имеют материалы по традиционно-бытовой культуре, характеризующие этнографические общности. Ю. В. Бромлей весьма справедливо отметил существенные различия между понятиями «этническая» и «этнографическая» общности²⁷. Этноты (этнические общности) и историко-этнографические области (этнографические общности) — две типологически различные системы, которые тесно переплетаются, структурно соотносятся, но, как правило, не совпадают друг с другом.

Большое значение для выделения современных историко-этнографических ареалов, наряду с особенностями орудий труда, жилища, пищи, утвари, одежды и т. п.²⁸, имеют специфические формы традиционно-бытовой культуры, связанные с художественным народным творчеством (типы орнамента, украшения, танцы, песни и т. п.). Для характеристики отдельных историко-этнографических областей большую роль играют изобразительные, музыкальные и фольклорные произведения, нередко связанные с определенной природной средой, хозяйственной деятельностью и образом жизни (например, сказки о животных или земледельческие мифы)²⁹. В фольклоре известны большие эпические циклы, возникшие в определенных культурных очагах и распространившиеся отсюда по широкой территории. Примерами подобных циклов могут служить

²⁵ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 10—17; М. Г. Левин, С. П. Толстов, Н. Н. Чебоксаров, Историко-этнографические области, в кн.: «Очерки общей этнографии», М., 1957, стр. 50—56.

²⁶ М. Г. Левин, С. П. Толстов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 52—53; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Указ. раб., стр. 215—221.

²⁷ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 32—33.

²⁸ См. также: П. И. Кушнер, Этнографическая территория и методы определения ее границ, «Изв. АН СССР, серия историческая и филологическая», 1946, т. III, № 2, стр. 127.

²⁹ К. В. Чистов, Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры, «Сов. этнография», 1972, № 3.

Махабхарата и Рамаяна в Индостане, Саньго (Троецарствие) в Китае и соседних странах, сказание о Сери Раме в Индонезии и т. п.

Формирование историко-этнографических областей тесно связано с историческим процессом развития культуры различных этнических общностей. Для каждой крупной исторической эпохи характерны свои системы провинций и областей. Мы еще мало знаем об историко-этнографических различиях древней ойкумены. Однако, вероятно, истоки этих различий можно найти даже в раннем палеолите, когда в процессе гоминизации древнейшие люди постепенно заселили обширные пространства в Афроевразии между Атлантическим и Тихим океанами. Известные различия в хозяйстве и культуре между локальными группами популяций человека каменного века были, возможно, обусловлены как культурными традициями, так и разнообразными экологическими условиями обитания людей в особенности в связи с составом животных, бывших объектом охоты, а также с природными материалами для изготовления орудий (кремь, кварцит и другие горные породы в различных регионах, бамбук в тропиках, и т. п.)³⁰. Изучение всех этих различий, выделение археологических культур, их группировка на широких территориях представляет собой важнейшую задачу собственно археологической науки. Но историко-этнографическая интерпретация археологических исследований может послужить и для целей историко-этнографического районирования древней ойкумены. Весьма показателен, например, процесс «регионализации» палеолитической ойкумены в археологических работах последних лет. Многие исследователи — Г. П. Григорьев, Н. О. Бадер и особенно А. А. Формозов — предлагают изменить прежнее представление о немногих крупных палеолитических зонах ойкумены Старого Света. А. А. Формозов прямо ставит вопрос о градациях локальных культур палеолита, их иерархичности и многообразии (зона, культурная область, культура)³¹. Такой подход к археологическим культурам каменного века смыкается с задачами историко-этнографического районирования.

Однако задача историко-этнографической интерпретации локальных культур, выделяемых археологами, очень сложна и не имеет однозначного решения³². Одни из этих археологических культур соответствовали, вероятно, отдельным ступеням культурного развития общества, другие — хозяйственно-культурным типам, историко-этнографическим областям или этническим общностям разных порядков³³. Несомненно, что во все периоды истории человечества существовала определенная иерархия общественно-экономических, этнографических и этнических таксонов. Но с усложнением общей этнической картины мира и общественным прогрессом от эпохи к эпохе усложнялась историко-этнографическая структура ойкумены.

Важнейшие узловые моменты в этом процессе были в то же время и узловыми моментами всемирной истории: это — сапиентация и освоение

³⁰ H. L. Movius, Early man and pleistocene stratigraphy in Southern and Eastern Asia, «Papers of the Peabody Museum of American Archeology and Ethnology», 1944, vol. XIX, № 3; А. А. Формозов, Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, М., 1959; Г. П. Григорьев, К различию признаков генетического родства, диффузии и синстадиальности (по материалам палеолита), «VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР», М., 1966; Н. О. Бадер, О соотношении верхнепалеолитических и мезолитических культур Крыма, Кавказа и Ближнего Востока, «Труды VII МКАЭН», т. 5, М., 1970, стр. 359—365.

³¹ А. А. Формозов, Спорные проблемы в этнокультурной истории каменного века, «Каменный век Средней Азии и Казахстана», Ташкент, 1972, стр. 13.

³² А. Л. Монгайт, Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований), «Народы Азии и Африки», 1967, № 1, стр. 53—69.

³³ А. Л. Монгайт, Задачи и возможности археологической картографии, «Сов. археология», 1962, № 1, стр. 18.

новых территорий в Старом и Новом Свете, переход к производящим формам хозяйства («неолитическая революция») в отдельных районах, становление классового общества и государственности, смена рабовладельческих отношений феодальными, первоначальное накопление, развитие капитализма и начало колониальных завоеваний, завершившихся на рубеже XIX и XX столетий.

В период становления капитализма активно развивались процессы перекройки политической карты мира, образования многих крупных государств, вовлечения в общемировые связи периферийных изолированных областей. В новое время заметно усилился процесс смешения и объединения народов, видоизменялись этнические границы. Само образование и укрепление политических границ крупных государств развивалось параллельно формированию этнических общностей, характерных для эпохи капитализма — наций, что неизбежно влекло за собой известное их культурное обособление.

Немаловажное значение для историко-этнографического районирования имеет вопрос о соотношении этнических и расовых ареалов. Простое отождествление историко-этнографических областей с ареалами расовых типов неправомерно, так как первые являются социальными (в широком смысле слова), а вторые — биологическими подразделениями человечества. В то же время нельзя забывать, что историко-этнографические области представляют собой сложные системы этносов; существуют и сопряженные с ними системы популяций, которые характеризуются определенной расовой структурой³⁴. Популяции, входящие в каждую из таких систем, обычно находятся между собою в реальном взаимодействии, которое сопровождается биологическим смешением. Значительная устойчивость историко-этнографических областей и сопряженных с ними популяций, существующих, как правило, на протяжении многих сотен, а иногда и тысяч лет, позволяет ставить вопрос о расовом составе населения историко-этнографических областей и провинций. Так, например, в Африканской Тропической провинции на протяжении всей ее истории обитали относительно близкие между собой негроидные популяции. Есть и другие примеры совпадения ареала антропологических типов с историко-этнографическими областями. Так, в Западносибирской области сформировался особый уральский антропологический тип, в Алтае-Саянской области центральноазиатский тип, в Восточносибирской области байкальский и т. д.³⁵. В то же время есть немало крупных провинций и областей, особенно в широких зонах соприкосновения больших рас мира, где расовый состав очень разнороден. Такова, например, Среднеазиатско-Казахстанская провинция³⁶.

Очень сложна проблема соотношения историко-этнографических областей и провинций с ареалами языковых семей, отдельных языков и диалектов. Язык занимает особое место в системе традиционно-бытовых явлений, являясь частью культуры, поскольку мышление принимает «вещественную», по выражению Н. И. Конрада, форму только в звуковой оболочке языка³⁷. Он не только форма общения, но и выражение интеллектуальной общности данной этнической группы. Недаром единство языка рассматривается в качестве важнейшего атрибута нации. Совпадение или близость языков контактирующих общностей является непременным условием этнического развития от племен до наций³⁸.

³⁴ Г. Ф. Дебеч, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова, Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза, «Сов. этнография», 1952, № 1; В. П. Алексеев, География человеческих рас, М., 1974, стр. 305.

³⁵ В. В. Гинзбург, Некоторые проблемы изучения взаимосвязи расогенеза и этногенеза, «Сов. этнография», 1968, № 4, стр. 45.

³⁶ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, Палеоантропология Средней Азии, М., 1972, стр. 313—329.

³⁷ Н. И. Конрад, Запад и Восток, М., 1972, стр. 475.

³⁸ В. И. Козлов, Указ. раб., стр. 299 и сл.

Рассматривая язык как один из важнейших элементов культуры (в широком смысле слова), казалось бы, можно сделать вывод о соответствии между основными историко-этнографическими и языковыми общностями по крайней мере в период первоначального формирования тех и других. Однако в действительности такое соответствие наблюдается редко. Гораздо чаще можно наблюдать несоответствие языковых и историко-культурных границ.

Весьма характерным примером является огромный ареал индоевропейских языков. Начало обособления отдельных индоевропейских языков на базе диалектов общего языка основы относится большинством лингвистов к IV—III тысячелетиям до н. э. на территории степей и лесостепей от бассейна Дуная и Балкан на западе до Арало-Каспийской низменности — на востоке³⁹. Лингвисты установили отдельные этапы этого сложного процесса, в котором сформировались различные группы языков: славянские, балтийские, иранские, индийские, германские, кельтские, романские и др. Современные народы индоевропейской языковой семьи расселены теперь на гораздо более широкой территории, чем их предки — от берегов Атлантического океана до Индийского. На этой территории ареалы отдельных языковых групп не совпадают с крупными историко-этнографическими провинциями и областями.

История дает нам много примеров, когда отдельные народы под влиянием своих более развитых соседей нередко воспринимают их язык, сохраняя в то же время свои хозяйственно-культурные особенности⁴⁰. Часто случалось, что степень совпадения между историко-этнографическими провинциями и расами оказывалась даже большей, чем между историко-этнографическими областями и ареалами языковых групп. Так, при сравнительной расовой гомогенности населения восточноазиатской провинции, принадлежащего в основном к северной ветви тихоокеанских монголоидов, в пределах провинции издавна существуют языки совершенно различных, неродственных между собой семей — китайско-тибетской, тунгусо-маньчжурской, аустроазиатской и аустронезийской. Здесь же распространены трудно классифицируемые языки — корейский и японский.

Известную роль в сложении историко-этнографических областей играла конфессиональная принадлежность входящих в их состав народов. Наиболее значительной была эта роль в рабовладельческую и особенно в феодальную эпохи, когда сложились и получили широкое распространение религии национальные (индуизм, иудаизм, синтоизм и др.) и мировые (буддизм, христианство, ислам). Они оказывали огромное влияние на всю традиционно-бытовую культуру своих последователей. Распространяясь на обширных территориях, некоторые религии, в первую очередь христианство и ислам, способствовали внедрению в жизнь разных этносов одинаковых стереотипных форм культуры и быта и вместе с тем затрудняли общение между народами различной конфессиональной принадлежности⁴¹. Несомненно, например, что индуизм играл очень большую роль в сложении южноазиатской историко-этнографической провинции; формирование в VII—VIII вв. н. э. огромной зоны распространения арабской культуры, оказавшей большое влияние на многие народы Азии и Африки, не может быть понято без учета исторической роли ислама. Например, разделение в этот период средиземноморской историко-этнографической провинции, единой в прошлом, на южную (африканско-азиатскую) и северную (европейскую) части в

³⁹ В. И. Абаев, К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов, «Древний Восток и античный мир», М., 1972, стр. 26—37; Э. А. Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970, стр. 7—88.

⁴⁰ П. И. Кушнер (Кнышев), Указ. раб., стр. 128; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 30—31, 57.

⁴¹ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 108.

значительной степени связано с противоборством в этом регионе мусульманских и христианских государств.

На ранних этапах истории человечества, до возникновения классовых обществ и первых государств, границы между историко-этнографическими областями всех таксономических рангов определялись преимущественно естественно-географическими рубежами. Морские пространства, горные массивы, непроходимые леса разделяли различные группы этносов, развивавшихся долгое время изолированно. Первоначальное освоение новых территорий при сохранении прежних культурных традиций и образа жизни способствовало как замедлению темпов прогресса данной группы населения при условии долгой изоляции, так и увеличению мирового разнообразия локальных различий культуры. Замедление темпов исторического прогресса особенно заметно сказалось в изолированных периферийных областях ойкумены, например, у тасманийцев и австралийцев, бушменов Южной Африки, огнеземельцев, эскимосов и др.

С развитием средств передвижения, в ходе истории значение географических рубежей ослабевало, усиливались информационные связи, устанавливались пути торгового обмена и зоны контактов различных культур. С образованием древнейших очагов высоких цивилизаций в Двуречье и Египте, а позднее и в других странах Средиземноморья, Передней, Южной, Средней и Восточной Азии, Северо-Восточной Африки и Мезоамерики вокруг них стали возникать новые историко-этнографические области, ареалы которых определялись уже не столько естественно-географическими рубежами, как в первобытный период, сколько политическими границами раннеклассовых государств и сферами их экономического и культурного влияния. На протяжении всей дальнейшей истории роль политических факторов в историко-культурном районировании возрастала, хотя в каждую большую эпоху развития классового общества (рабовладельческую, феодальную, капиталистическую) складывались свои специфические отношения между государственными и этническими границами⁴². В то же время вследствие неравномерности социально-экономического развития во многих регионах нашей планеты (особенно в Тропической Африке, Австралии и Океании) продолжали полностью или частично существовать историко-этнографические области, возникшие в условиях доклассового общества.

Важную роль в сложении историко-этнографических областей играли крупные миграции народов, диффузии тех или иных культурных и технических достижений, прямые или сложно-контактные заимствования культурных явлений. Благодаря культурным контактам опосредствованно и на протяжении значительных промежутков времени окраинные части ойкумены постепенно «накапливали» культурные достижения передовых слоев своего времени центральных очагов и могли как бы «совершать скачки» в своем культурно-социальном развитии⁴³.

В историческом процессе известны миграции различного типа: длительное первоначальное расселение небольшими группами в эпоху палеолита («атомарное» по выражению А. П. Окладникова)⁴⁴, расселение скотоводов и ранних земледельцев в ходе «сегментации» первичных неолитических ареалов⁴⁵; широкие миграции средневековых кочевников;

⁴² С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Современный этап национального развития народов Азии и Африки, «Сов. этнография», 1961, № 4, стр. 74—99.

⁴³ С. П. Толстов, Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной этнографической науки, «Вопросы истории», 1961, № 11.

⁴⁴ А. П. Окладников, Палеолит Монголии, «IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации», М., 1973, стр. 10.

⁴⁵ И. Н. Хлопин, Сегментация в истории первобытного общества, «Вопросы истории», 1968, № 8.

миграции нового и новейшего времени и т. п.⁴⁶ Многие из передвижений народов имели как бы «цепной» характер, т. е. в широкие миграции втягивались соседние народы. Так, движение гуннов в западном направлении, начавшееся в первом веке нашей эры, закончилось в центре Европы и сдвинуло со своих мест огромную массу народов Центральной и Средней Азии, а за ними и племена Юго-Восточной Европы. Из Приуралья и Прикаспийских степей далеко на запад в долину Дуная переселились предки современных венгров. Монголы в своем движении из Центральной Азии привели в движение многие тюркоязычные племена и народности Южной Сибири. Передвижения германских племен в Западной и Центральной Европе привели к смешению пришельцев с прежними обитателями и стали основой образования народностей Европы: англичан, немцев, датчан, голландцев и т. д.⁴⁷ Великие географические открытия и развитие капитализма положили начало широким межконтинентальным миграциям европейских народов в Америку, в Австралию, в Южную Африку. Передвижения больших масс населения способствовали интенсивности информационных связей, усиливали взаимное влияние культур, став причиной появления сходных традиционно-бытовых черт у населения обширных территорий.

В силу неравномерности развития культуры на протяжении всей истории человечества, вплоть до наших дней существуют разновременные по своему происхождению, совершенно разные по своему характеру и по своим социально-экономическим особенностям историко-этнографические области. Наиболее яркий пример: сосуществование на Австралийском континенте Аборигенно-австралийской и Англо-австралийской областей. Первая восходит к первобытнообщинной эпохе; вторая является порождением колониальной капиталистической экспансии недавнего времени. Аборигенно-австралийская область, непрерывно уменьшаясь в своих размерах, в наши дни ограничивается некоторыми тропическими или пустынными районами Северной, Центральной и отчасти Западной Австралии. Англо-австралийская область, непрерывно расширяясь, занимает всю остальную часть Австралии, а также Тасманию. Подобные соотношения можно наблюдать и в некоторых других частях света, например в Южной Америке и Южной Африке.

* * *

В данной статье сделана попытка предварительного историко-этнографического районирования мира для конца XIX — начала XX в., как это было предложено для хозяйственно-культурных типов⁴⁸. К этому периоду в мире можно выделить 16 крупных провинций: Восточноевропейская, Кавказская, Среднеазиатско-Казахстанская, Сибирская, Западно-европейская, Аравийско-Североафриканская, Африканская Тропическая, Переднеазиатская, Южноазиатская, Центральноазиатская, Восточноазиатская, Юго-Восточноазиатская, Североамериканская, Латиноамериканская, Австралийская, Океанийская. Вполне естественно, что эти провинции в своих основных чертах совпадают с исторически сложившимися крупными регионами, выделившимися на рубеже XIX и XX вв. по географическим и политико-экономическим признакам.

Историко-этнографическое районирование мира, по существу, только началось. Проведение границ между провинциями и особенно между областями затруднено вследствие существования многочисленных пере-

⁴⁶ В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, К изучению роли переселений народов и формирования новых этнических общностей, «Сов. этнография», 1968, № 2.

⁴⁷ Н. И. Конрад, Указ. раб., стр. 465 и сл.

⁴⁸ Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., карта.

ходных зон, а также из-за подвижности самих границ в новейшее время и благодаря неравномерности этнографического изучения стран мира⁴⁹.

Выделенные историко-этнографические провинции и области, сложившиеся в различные исторические эпохи, но окончательно сформировавшиеся в XVI—XIX вв., представляют собой реальные категории и в наши дни, хотя степень сохранности их характерных культурно-бытовых особенностей очень различна.

Развертывание работы по выделению историко-этнографических областей и их группировки в более крупные единицы — провинции — представляется очень перспективным для разработки многих проблем этнографической науки, в особенности вопросов этногенеза и этнической истории, а также соотношения традиций и инноваций в процессах культурного взаимодействия между разными народами и в разные исторические эпохи.

HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC AREAS (PROBLEMS IN HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC REGIONALIZATION)

An important task in ethnography is the study of geographical differences in culture and every-day life: these show a wide diversity and a complex hierarchy within closed spatial systems. Their study and typological analysis based upon an approach from the viewpoint of origins and historical development has long constituted a basic problem in ethnography. Soviet ethnographers have originated the concept of «economic-cultural types» and «historical-ethnographic areas». Historical-ethnographic areas, as distinct from «types», which are geographically dispersed and occur in different parts of the world, comprise ethnoses (peoples) inhabiting contiguous territories and genuinely linked by common cultural traits, though they may differ in their level of social development, their economy, language, racial composition, and culture. Historical-ethnographic areas are such parts of the Eucumene where the population has, in the course of protracted contacts and through mutual influence, acquired many cultural traits in common. The history of such areas is intimately linked with the ethnic and cultural history of their peoples. These areas form a system of taxonomically unequal units over the world. The basic unit is the area; this is divided into subareas, and further into districts. Several contiguous areas may be grouped together as historical-ethnographic provinces.

Historical-ethnographic areas (distinguished by common ethnographic characteristics) and ethnoses (ethnic communities) are two typologically distinct systems. They are closely interwoven with one another, structurally interrelated, but their territories do not, as a rule, coincide. Both historical-ethnographic areas and economic-cultural types are historical categories which arose, evolved, and in many cases came to their end, in the course of the social-economic development of individual ethnoses.

⁴⁹ Структура этнографических учреждений как в СССР, так и за рубежом (научно-исследовательские учреждения, отделы и сектора, группировка публикаций, музеев и т. п.) нередко отражает объективно существующие в мире группировки этносов (народов) по тем или иным крупным историко-этнографическим провинциям или областям.

М. Я. Жорницкая

**ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ
ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В СССР**

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в развитии культуры народов Советского Союза. Она сделала доступными для широких слоев трудящихся все сокровища культуры и искусства.

Одним из примечательных итогов развития культуры за годы существования Советского многонационального государства является рождение и кристаллизация такого своеобразного и многоликого явления, как советская многонациональная хореография¹. В процесс ее создания были вовлечены все народы нашей страны. Этот процесс сопровождался новым осмыслением, изменением и обогащением традиционной танцевальной культуры².

Культура в широком смысле слова является одним из носителей этнических свойств народа, а народное хореографическое искусство целиком и полностью может быть отнесено к «этнографическому ядру» культуры, куда входят «те ее компоненты, для которых характерны традиционность, повседневность и массовость, т. е. элементы, составляющие так называемую народную культуру»³. Прямая передача традиций народной хореографии от поколения к поколению дает возможность не только выявить особенности традиционного танца каждого народа и черты их этнического единства в прошлом, но и проследить пути развития, взаимообогащения хореографии различных народностей, а на современном этапе констатировать и исчезновение былой замкнутости народного танцевального искусства.

¹ Термином «хореография» в литературе с конца XIX в. принято называть все танцевальное искусство в целом. Хореография включает традиционные бытовые танцы, сценические танцы, балеты (см.: «Большая советская энциклопедия», т. 46, М., 1957, стр. 330—331). В нашей статье мы также применяем термин «хореография» в широком смысле слова.

² Вопросы развития хореографического искусства освещены в ряде работ. См., например: «Игры народов СССР. Сборник материалов, составленный В. Н. Всеволодским-Гернгроссом», М., 1933; И. Моисеев, Хореографическая культура народов СССР, «Народное творчество», 1937, № 2—3; С. С. Лисициан, Старинные пляски и театрализованные представления армянского народа, т. 1, Ереван, 1958; т. 2, 1972; Е. Надеждина, Н. Эльяш, Большой балет, М., 1964; Е. Гварамадзе, Грузинский танцевальный фольклор, Автореф. докт. дис., Тбилиси, 1966; М. Жорницкая, Народные танцы Якутии, М., 1966; ее же, Состояние и задачи изучения народного хореографического искусства в СССР, М., 1973; «Все о балете», М., 1966; В. Красовская, Статьи о балете, Л., 1967; Г. Иноземцева, Народный танец, М., 1971; «Музыкальные культуры народов: традиции и современность», М., 1973, и др.

³ Ю. В. Бромлей, К вопросу о соотношении этнографии и истории культуры, «XIII Международный конгресс по истории науки. Секция 10. История наук о человеке (антропология, психология, социология, этнография)», М., 1971, стр. 7.

Имеющиеся материалы по хореографическому искусству⁴ уже теперь позволяют сделать вывод, что в основе русского, белорусского и украинского танца лежит единый пласт. Общность происхождения русского, украинского и белорусского народов обусловила родственность их культур, которая ярко проявилась не только в материальной, но и в духовной культуре, в частности в музыке и в танцах. Анализируя истоки народной музыки славян, В. Гошовский приводит следующий пример заимствования песен: «...Веснянку „Выйди, выйди, Иванку“ принято еще теперь считать украинской, хотя она своей структурой и ритмической формой относится к типично русским песням, ассимилированным украинцами»⁵.

Русским, украинским и белорусским танцам присущи единая форма (хороводы, песнепляски, кадрили и др.), общие сюжеты и мотивы. Но вместе с тем танцы каждого народа имеют свою ритмику, композицию, свой характер и манеру исполнения. «Их особенности обусловлены социально-экономическими условиями, в которых жили люди, характером их труда, нравами, бытом, природой»⁶.

Общие устойчивые элементы движений прослеживаются и в народных танцах Закавказья. В грузинском танцевальном фольклоре немало параллелей с армянским. Так, например, ярусные хороводы были известны и грузинам и армянам. В закавказских танцах четко прослеживается единая пластика движений: стремительность, полетность. Элементы пальцевых движений присущи танцам народов, населяющих Дагестан, Северный Кавказ и горные районы Грузии⁷.

Для хореографии народов Средней Азии и Казахстана также характерна единая техника исполнения. В народных танцах узбеков и таджиков главными выразительными средствами являются мимика и жестикуляция. Изящные гибкие движения рук, плетущих танцевальный узор, подвижность корпуса прослеживаются и в таджикском танце «Нон-Базы», и в узбекском танце «Пахта». Элементы единой техники свойственны танцам киргизов — «Кииз» («Кошма»), туркмен — «Чабаны» и хореографической композиции казахов «Саяхатта», созданным сравнительно недавно в советское время. Танцы казахов, сложившиеся также после революции (на основе народных игр и движений, характерных для трудовых процессов), обогащались элементами танцевальных движений других народов Средней Азии, которые преломлялись в свойственной казахам манере.

Единые исполнительские черты прослеживаются в танцевальном фольклоре народов Поволжья — татар, чувашей, марийцев, мордвы. В их танцах большое место занимает изображение картинок быта и трудовых процессов. Девушки танцуют мягко, сдержанно, со скрытым кокетством. Преобладают дробушки, скользящие движения без больших прыжков. Мужчины исполняют танцы чеканно, задорно, с частыми подскоками и притопами.

По танцам народов Северо-Востока Сибири также можно проследить этнокультурные связи. Несмотря на различия в пластике танцев коряков, ительменов, чукчей и эскимосов, у всех этих народов единая танцевальная позиция, все они исполняют танцы на присогнутых в коленях ногах. В композиции преобладает линейное построение. Танцы коряков, чукчей, эскимосов в своей основе подражательные. Выразительными жестами,

⁴ Н. Бачинская, Русские хороводы и хороводные песни, М., 1951; ее же, Музыкальный стиль русских хороводных песен, Автореф. канд. дис., М., 1969; А. Гумениук, Народные хореографические местечко Украины, Київ, 1963; Ю. Чурко, Белорусский народный танец, Минск, 1972.

⁵ В. Гошовский, У истоков народной музыки славян, М., 1971, стр. 211.

⁶ Г. Иноземцева, Указ. раб., стр. 9.

⁷ Е. Л. Гварамадзе, О некоторых специфических особенностях грузинского народного танца, М., 1964, стр. 6.

позами в них передаются повадки птиц, зверей и животных. Исполняют они под бубен, напев мелодии и выкрики.

Определенный стиль танцев, характерный для населения данной историко-культурной области, формируется в результате непрерывно протекающего процесса взаимовлияния и взаимообогащения культур отдельных, преимущественно соседних, народов. Содержание и форма народных танцев постоянно видоизменяются, отражая сдвиги в исторической, социальной, бытовой и культурной жизни народа.

Богата палитра традиционного хореографического искусства народов СССР. Это русские — хороводы и переплясы, украинские — гопаки и козачки, белорусские — лявонихи и крыжачки, грузинские — картули и хоруми, армянские — кочари и шалахо, молдавский — хора, осетинский — симд, литовский — блездингеле, латышский — судмалиняс, эстонская — йоксу-полька, карельская — ристу-кондра, узбекский — катта уйин, киргизский — кийз, северные танцы: якутский — осуопай, чукотский — пичэйэнэн, корякский — млавытын и др. Развитие сценических форм традиционного народного танца — явление нашего времени. Бытовые танцы, ранее исполнявшиеся исключительно на праздничных гуляниях, перешли на сцену и обрели новую жизнь. Законы сцены потребовали изменения композиции танца, введения определенного числа исполнителей (с учетом размера сценической площадки), обогащения его содержания.

Уже с первых лет Советской власти в репертуар самодеятельных коллективов начали проникать танцы других народов. Так, например, русские хороводы, переплясы, молдавеняска, лезгинка, украинские гопаки с успехом стали исполняться белорусами, узбеками, башкирами, якутами и другими народами нашей страны. Основные движения, присущие в прошлом танцам восточных славян, такие, как «присядка», «ковырялочка», «переменный шаг», вошли в качестве составных элементов в современные народные танцы многих народов СССР. Наиболее распространенные песнепляски, дошедшие до наших дней и бытующие в народе, такие, как, например, козак, драпак, барыня, камаринская, гопак, в полной мере можно было бы назвать интернациональными плясками, ибо они бытуют почти по всей территории России, Украины, Белоруссии. В настоящее время русские камаринская и барыня, белорусские лявониха и крыжачок, молдавский жок прочно вошли в быт украинского народа, стали составной частью репертуара профессиональных и самодеятельных танцевальных коллективов⁸.

Украинская танцевальная культура, как и русская, богата и разнообразна. В разных районах она имеет свои особенности и свои варианты. В Закарпатской Украине, где украинцы были связаны со словаками, поляками, венграми и румынами, танцы, помимо черт, общих для всех украинских танцев, имеют и свои специфические особенности, обусловленные влиянием искусства этих народов. Особенности эти проявляются в совокупности определенных стилевых явлений — хореографических и музыкальных⁹.

Органически вплетая в башкирские танцы элементы русских народных плясок, башкиры придают им своеобразную национальную окраску, выражая в своем творчестве образы, черты характера, мысли и чувства своего народа. Бытующее в народе выражение «Трепака хуктру» (отбивать трепака), несомненно является одним из многих подтверждений исторической связи башкирского танцевального творчества с русским и украинским¹⁰.

⁸ А. Г у м е н ю к, Указ. раб., стр. 36.

⁹ Р. Г а р а с и м ч у к. Особенности украинских народных танцев Карпатского района, М., 1964, стр. 1.

¹⁰ Ф. А. Г а с к а р о в, Башкирские танцы, Уфа, 1958, стр. 5.

Тенденция развития хореографического искусства в нашей стране достаточно определенно отражает протекающие среди народов СССР этнические процессы.

* * *

Многолетний опыт развития советской национальной хореографии свидетельствует о том, что веками отшлифованные средства выражения в народных танцах являются естественной основой развития не только самодеятельного, но и профессионального искусства.

Сложной и трудной была сценическая судьба народного танца в дореволюционной России. До 1917 г. постоянные балетные труппы были только в Москве и Петербурге. Некоторое развитие получил балет в Киеве, отдельные спектакли ставились в Тбилиси, но национального балета в России не существовало вообще. В 20-х годах народные танцы стали вводиться в ткань музыкально-драматических спектаклей. В некоторых республиках устраивали отдельные вечера балета. Затем балет стали вводить и в оперные спектакли. В 30-е годы в атмосфере общего культурного подъема развивается и хореографическое искусство. Именно в это время появляются стационарные хореографические коллективы в союзных и автономных республиках, создавшие спектакли различных жанров: сказки, былины, легенды и др.

Советская хореография уже на первом этапе своего развития поставила задачу создания нового реалистического балета на основе синтеза выразительных средств классического и народного танца. Весьма плодотворными были искания мастеров украинского балета, впитавшего в себя лучшие традиции украинской народной хореографии и русской классической школы, в таких, например, национальных спектаклях, как «Лилея» (комп. К. Данькевич, балетм. Г. Березова), «Маруся Богуславка» (комп. А. Свечников, балетм. С. Сергеев), «Лесная песня» (комп. М. Скороумский, балетм. С. Сергеев) и других, осуществленных на сцене Академического театра оперы и балета им. Т. Г. Шевченко (Киев).

Был создан Белорусский государственный театр оперы и балета (Минск) и на его сцене поставлен первый национальный балет «Соловей» (комп. М. Крошнер, балетм. А. Ермолаев). Сейчас здесь наряду с национальными успешно ставятся классические балеты. С большим успехом шли национальные балеты на современную тему, такие, как «Мечта» (комп. Е. Глебов) и «Свет и тени» (комп. Г. Вагнер). Оба спектакля осуществили русские постановщики А. Андреев и Н. Стуколкина.

Значительным событием стала постановка в 1936 г. в Грузинском Академическом театре оперы и балета им. З. П. Палиашвили (Тбилиси) национального классического балета «Мзечабуки» (комп. А. Баланчивадзе, балетм. В. Чабукиани, выпускник Ленинградского хореографического училища). Под названием «Сердце гор» балет позднее в новой редакции был поставлен в Ленинграде и других городах страны.

Не менее интересно проследить и за становлением армянского хореографического искусства, в создании и развитии которого в разное время принимали участие лучшие русские балетмейстеры. Первым национальным армянским балетом, поставленным в 1939 г., был балет «Счастье» (комп. А. Хачатурян, балетм. И. Арбатов), за ним последовали «Анаит» (комп. А. Тер-Гевондян, балетм. М. Моисеев), «Хандут» (комп. Г. Будагян, балетм. И. Арбатов, З. Мурадян), «Гаяне» (комп. А. Хачатурян, балетм. Н. Анисимова), в финале которого звучали мелодии различных народов Советского Союза. «Здесь и огненно-температурная лезгинка, и мужественная, полная задора и удали русская плясовая, и бурный гопак, и два армянских танца: „Шалахо“ и „Узун-

дара", и, наконец, яркий оригинальный номер — „Танец с саблями“, в котором проявилась стремительность и сила воинственных плясок народов Закавказья”¹¹.

Немало самобытных спектаклей появилось и в репертуарном списке Азербайджанского Академического театра оперы и балета им. М. Ф. Ахундова (Баку). Одно из первых мест в нем, несомненно, принадлежит национальному балету «Девичья башня» (комп. А. Бадалбейли, балетм. С. Кеворков, В. Вронский), поставленному в 1940 г. Хореографическая партитура балета богата разнообразными формами как классического, так и народного танца: азербайджанского, узбекского, иранского, грузинского, армянского. Балет «Семь красавиц» (комп. А. Кара-Караев, балетм. П. Гусев), поставленный впервые в Баку, потом шел на сценах многих городов нашей страны.

В 50-х годах был создан первый молдавский балет «Сестры» (комп. Л. Коган, балетм. В. Бойченко), а позднее еще два балета — «Рассвет» (комп. В. Загорский, балетм. В. Варковицкий) и «Сломанный меч» (комп. Э. Лазарев, балетм. Н. Данилова, С. Дренин).

Обогащение национальными мотивами происходило и в балете республик Советской Прибалтики, который так же, как и молдавский балет построен на элементах классических движений.

На рубеже 30—40-х годов стал зарождаться балет и в республиках Средней Азии. До революции у некоторых среднеазиатских народов вообще не развивалась хореография, и только после Великой Октябрьской социалистической революции там расцвело национальное и классическое хореографическое искусство.

В автономных республиках РСФСР создание балетного коллектива и балетного спектакля всегда рассматривалось как одно из достижений профессионального хореографического искусства. Первые национальные спектакли в Татарской, Бурятской и Башкирской АССР были созданы при помощи русских мастеров. Балетный коллектив Татарского театра оперы и балета им. М. Джалиля (Казань) осуществил постановку национального балета «Шурале» (комп. П. Яруллин, балетм. Л. Жуков, Г. Тагиров). В репертуаре Бурятского театра оперы и балета (Улан-Удэ) прочное место заняли национальные балеты «Красавица Ангара» (комп. Л. Книппер, Б. Ямпиров) и «Во имя любви» (комп. Ж. Батуев, Б. Майзель). Оба балета поставлены балетмейстером М. Заславским. В Башкирском театре оперы и балета (Уфа) русским балетмейстером Н. Анисимовой был осуществлен первый национальный балет «Журавлиная песня» (комп. Н. Степанов, Б. Исмагилов). На сцене театров автономных республик успешно ставятся также балетные спектакли классического репертуара и балеты, созданные в других республиках. В Якутской АССР национальный балет создавался при непосредственной помощи русских балетмейстеров и педагогов. В 1947 г. в Якутске был поставлен балет «Полевой цветок» (комп. М. Жирков и Г. Литвинский, балетм. С. Владимиров). Этапным спектаклем для молодого коллектива стал балет «Чурумукчу» (комп. Ж. Батуев), поставленный балетмейстером К. Карпинской. Рождение аналогичных балетных коллективов происходило в Карелии (Петрозаводск) и других автономных республиках, а также в ряде крупных городов страны.

В создании национальных балетов огромную роль сыграл правильный подход к использованию классических приемов в сочетании с национальными стилями танца, фольклорными мотивами и этнографическими данными. Умело найденное соотношение классического танца с народным обеспечивает рост и развитие национального хореографического искусства.

¹¹ Г. Тигранов, Опера и балет Армении, М., 1966, стр. 190, 191.

Одна из важнейших сторон национальной политики в СССР — проявление систематической заботы о развитии национального искусства, в том числе и хореографического. Чтобы способствовать осуществлению этой задачи, в стенах центральных хореографических училищ Москвы и Ленинграда постоянно воспитывались и воспитываются артисты для балетных театров Киргизии и Узбекистана, Туркмении и Таджикистана, Бурятии и Якутии, Осетии и Армении, Молдавии и Татарии и других республик. Выпускники прославленных, старейших в нашей стране хореографических училищ составили ядро балетных коллективов. Единая по своим принципам хореографическая школа приводила к определенной исполнительской и технической унификации вновь создаваемых балетных коллективов. Появление в национальных театрах выпускников Ленинградского и Московского хореографических училищ и балетных школ, созданных на местах, позволило включить в репертуар этих коллективов сложные классические балеты, такие, как «Лебединое озеро», «Жизель», «Раймонда», «Ромео и Джульетта», «Коппелия», «Корсар», «Эсмеральда», «Бахчисарайский фонтан», «Спящая красавица», «Дон Кихот» и др. В настоящее время «Жизель» можно увидеть и на юге нашей страны — в Таджикистане, и на севере — в Якутии.

В последнее двадцатилетие в нашей стране создана широкая сеть народных театров балета, которые имеют большой успех. В их репертуар входят «Бахчисарайский фонтан», «Золушка» и другие классические спектакли¹².

* * *

Одновременно с организацией балетных коллективов в союзных и автономных республиках начинают создаваться профессиональные ансамбли народного танца, призванные пропагандировать лучшие образцы народных танцев, развивать и совершенствовать исполнительское мастерство, а также творчески влиять на процесс формирования народных танцев. Одним из первых таких ансамблей в нашей стране стал Государственный Академический ансамбль народного танца Союза ССР под руководством И. А. Моисеева, в программе которого широко представлены танцы народов СССР и танцы народов мира. Сочетание интернационального и национального — характерная черта всех программ прославленного ансамбля.

Лабораторией русского народного танца называют танцевальную группу при Государственном хоре им. М. Е. Пятницкого (руководитель Т. А. Устинова). Здесь были созданы оригинальные постановки «Гусачок», «Тимоня», «Журавель», «Русские хороводы», «Северный танец с шальями», «Курские колокольчики», в которых использован огромный фольклорный материал. И хотя каждый из этих танцев несет свою смысловую нагрузку, все они подчинены единой цели: «Показать в своих творениях современника, человека, живущего в наши дни»¹³.

В настоящее время все республики, автономные области и национальные округа имеют свои народные ансамбли. Успешно осваивая опыт старейших ансамблей страны, они создают свои новые танцевальные формы. Всемирную известность завоевали Государственный Академический хореографический ансамбль «Березка» (рук. Н. Надеждина), Государственный Академический заслуженный ансамбль танца Украин-

¹² См., например, об исполнении балетов «Эсмеральда», «Каменный цветок», «Бахчисарайский фонтан», «Конек-горбунок», «Франческа да Римини», «Кармен-сюита» и др. Народным театром балета Дворца культуры Нижнетагильского металлургического комбината в кн.: В. Ю. Крутянская, О. Р. Будина, Н. С. Полищук, Н. В. Юхнева, Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970), М., 1974, стр. 266, 269.

¹³ Г. Иноземцева, Указ. раб., стр. 12.

ской ССР (рук. П. Вирский), Государственный Академический заслуженный ансамбль народного танца Грузинской ССР (рук. Н. Ромишвили, И. Сухишвили), Государственный заслуженный ансамбль народного танца Узбекской ССР «Бахор» (рук. М. Тургунбаева), заслуженный коллектив Молдавской ССР ансамбль народного танца «Жок» (рук. В. Курбет), Красноярский государственный ансамбль танца Сибири (рук. М. Годенко) и многие другие, широко пропагандирующие танцы народов СССР.

В результате подлинно братского культурного содружества с разными народами нашей страны развивают свое танцевальное искусство коренные народности Севера и Сибири. Национальные песни под бубен, подражательные пляски — все это получило новую жизнь и новое содержание. Так, Корякская национальная хореографическая группа «Мэнго» создала на основе корякских легенд балет-пантомиму «Мэнго» (комп. Г. Поротов, балетм. А. Гиль). Эта группа приобрела огромную популярность далеко за пределами края.

Широкую известность приобрел чукотско-эскимосский ансамбль «Эргырон» («Рассвет»). В его репертуар входят чукотские и эскимосские танцы. Там, где пока нет базы для развития большого балетного искусства, создаются самодеятельные ансамбли, которые осуществляют постановки одноактных балетов. Так, например, ненецкий молодежный ансамбль показал балет «Радуга в сердце», мансийский — «Манси-эрыг», ительменский коллектив поставил балет «Эльвель». Повсюду стали создаваться самодеятельные ансамбли песни и танца: в Эвенкийском национальном округе — «Осиктакан» («Звездочка»), в Ханты-Мансийском национальном округе — ансамбль «Сибирячка», в Хакасской автономной области — «Жарки» («Солнечный цветок»), в Таймырском округе — «Хэйро».

На Чукотке, как и на Камчатке, появилось много самодеятельных ансамблей такого же типа, как «Мэнго» и «Эргырон». Это детский ансамбль «Каюю» («Олененок»), ансамбли «Ракушка», «Солнышко», «Белый парус», «Чукотские зори», «Айночка», «Уэлен» и многие другие.

* * *

Традиционное и новое в хореографии сосуществуют не механически, а развиваются в неразрывной взаимосвязи и взаимообусловленности. Если жизнеспособность традиционного проверяется современностью, то пригодность вновь рождающегося апробируется восприятием зрителей. Так, например, многие народные танцы, исполняемые в настоящее время, ранее просто не существовали, например: русские — «Танец с балалайкой», «Пляска на колхозной свадьбе», «Улитушка», «Травушка», «Полянка»; белорусские — «Бульба», «Новые сапоги», «Соперники»; украинские — «Запорожцы», «Шевчук», «Подольночка»; узбекские — «Сбор хлопка», «Радость». Нанайская традиционная борьба легла в основу сценической картинки «Борьба нанайских мальчиков», которая с успехом исполняется Государственным Академическим ансамблем народного танца СССР, а также различными самодеятельными коллективами и участниками традиционных праздников нанайцев. В Якутии никогда не было сценического танца «Охотники». Созданный на базе традиционного фольклора, он был признан зрителями и приобрел необычайную популярность. Таким образом, широко распространенные сейчас сценические народные танцы не только не теряют связи с национальными традициями, но и обогащают их.

Благодаря развитию средств массовой информации (кино и телевидение), гастрольным поездкам театральных и самодеятельных коллективов, фестивалям, конкурсам хореографическое искусство широко про-

пагандируется. Происходит взаимное обогащение танцевального искусства народов нашей страны. Танцы одних народов глубоко проникают в быт других. Кроме того, благодаря общему культурному подъему растет интерес к классической хореографии.

Говоря о закономерностях развития культуры в нашей стране, Л. И. Брежнев отметил, что национальная культура «включает в себя наиболее ценные черты и традиции культуры и быта каждого из народов нашей Родины. В то же время любая из советских национальных культур питается не только из собственных родников, но и черпает из духовного богатства других братских народов и, со своей стороны, оказывает на них благотворное влияние, обогащает их»¹⁴.

THE REFLECTION IN CONTEMPORARY CHOREOGRAPHY OF ETHNO-CULTURAL LINKS IN THE USSR

The state of choreography in our country and the trends of its evolution unambiguously reflect the ethnic and ethno-cultural processes that are taking place among the USSR peoples. One of the notable results of cultural progress during the years of Soviet rule is the rise and development of such an original and complex phenomenon as Soviet multi-national choreography. In a comparatively short time, national ballet appeared in the Union and Autonomous Republics and built up a repertory of their own, have risen to a genuinely professional level. In this complex creative process, an enormous role was played by the Russian school of classical dancing. Borrowing and interchange of folk dances is widespread in choreographical culture. This cultural exchange and mutual enrichment is the more successful owing to the common ideology of the USSR peoples and their mutual friendship. The available data on choreography have already shown a common substratum for Russian, Byelorussian and Ukrainian dancing, constantly recurring common elements that can be traced in the dances of Transcaucasian peoples; the same may be said of the Baltic and other areas of our country. A characteristic trait of the contemporary state of choreography in the USSR is the mutual enrichment of choreographic cultures and the elimination of their former seclusion. The subject matter of each people's present-day dances has much in common not only with that of the dances of other Soviet peoples but of those of other fraternal socialist countries as well.

¹⁴ Л. И. Брежнев, О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, М., 1972, стр. 21.

Г. С. Маслова

ОРНАМЕНТ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ВЫШИВКИ КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК *

Народная вышивка восточных славян, в частности русских, в силу ряда причин в меньшей степени испытала влияние феодального искусства и церкви, чем вышивка большинства народов Центральной и Западной Европы, и поэтому она имеет особое значение для освещения древнейших этапов культурной истории народа. Русская вышивка необычайно многообразна. Характерная ее особенность — развитие сюжетного начала в большей степени, чем в вышивке белорусов и украинцев. В данной статье я рассматриваю отдельные группы сюжетного орнамента (главным образом северных и прилегающих к ним центральных областей).

Собранный полевой и музейный материал относится к XVIII— началу XX в. Сложность его (как, впрочем, и любого другого этнографического материала) состоит в том, что в вышивке сосуществуют орнаменты, возникшие не только на разных этапах того двухсотлетнего периода, к которому относятся собранные образцы, но и более раннего времени. Исследователи уделяли немало внимания выяснению относительной и даже абсолютной хронологии орнамента. С развитием источниковедческой базы такая возможность постоянно расширялась и сейчас можно уже более четко отделить древние пласты в орнаментике от позднейших наслоений и избежать тех ошибок, которые совершались в прошлом. Наши знания о русской вышивке и вышивке соседних народов, а также о древнерусском искусстве все время обогащаются. Исследования и собирательскую работу в этих областях ведут ученые разного профиля: искусствоведы, этнографы, археологи, историки быта и пр.

В задачи настоящей статьи входит рассмотрение некоторых групп орнамента русской народной вышивки. Я остановлюсь лишь на отдельных сюжетах, их относительной хронологии и связи с этнической историей русского населения исследуемых областей.

Функции орнамента многообразны. Его художественный образный «язык», выполняя чисто декоративные задачи, в то же время часто играл роль социального половозрастного знака, вместе с тем он весьма определенно отражал этническую принадлежность, служил средством выражения народного мировоззрения. Так же сложна социальная природа вышивки домашней крестьянской, ремесленной (городской и деревенской) и вышивки, рассчитанной на широкий рынок.

Древний пласт орнамента в вышивке весьма четко прослеживается в сюжетах с антропоморфными и зооморфными мотивами (геометрического орнамента я касаюсь только в связи с сюжетами, так как он требует специального исследования). Сюжетные мотивы архаического пласта общеизвестны. Я хочу обратить внимание на двухчастную компо-

* В основу статьи положен доклад, прочитанный 5 марта 1974 г. на заседании Ученого совета Ин-та этнографии АН СССР.

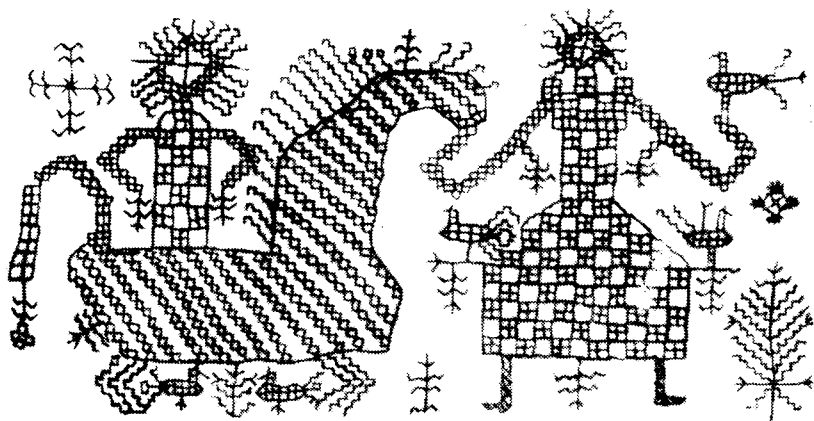

Рис. 1. Вышивка конца полотенца, XIX в. (д. Вяжищи, б. Весьегонского уезда Тверской губ.). Фотографии 1, 3—8 выполнены Ю. А. Аргиропуло

зицию, которая изредка встречалась в вышивке бывшей Тверской и Олонецкой губерний: женщина одной рукой держит под уздцы лошадь, а другой как бы дарует всаднику птицу. На одном из тверских полотенцев этот сюжет дан с большой иконографической полнотой, образуя почти графический рисунок (см. рис. 1).

Наиболее широко распространена трехчастная композиция. Не останавливаясь на ее дробной типологии, которая выявляется из рассмотренных мною вариантов орнамента, отмечу лишь основные хронологические типы, выделенные А. К. Амброзом: 1) с фронтально изображенными персонажами (без каких-либо бытовых деталей); 2) с всадниками, представленными чаще всего в профиль; с внесением бытовых черт, что указывает на типологически более поздний вариант такой композиции¹.

Как известно, вышивки архаического типа отличаются от более поздних прежде всего сюжетом. Однако я считаю необходимым обратить внимание и на ряд деталей, присущих вышивкам архаического типа, которые также позволяют выделить их как особый пласт сюжетной вышивки². Основные детали следующие: 1. Изображение кистей рук персонажей в увеличенном виде, что как бы подчеркивает их жесты (рис. 2). Эта черта присуща искусству Европы и Азии древнейших эпох. Изображение руки в орнаменте вышивки часто вообще рассматривается как самостоятельный мотив. Ему придавалось значение благотворного воздействия на окружающую действительность, что подтверждается существованием подобных сюжетов в других видах народного творчества (резная рука-амулет, свадебный пирог-«ручка» и т. д.). 2. Насыщенность растительными мотивами: растения как будто про-

¹ А. К. Амброз, О символике русской крестьянской вышивки архаического типа, «Сов. археология», 1966, № 1, стр. 68—71.

² Я специально останавливаюсь на этом вопросе в связи с тенденцией низвести эти сюжеты до уровня бытовых и «зачеркнуть» семантику, которую они в себе несут. (См. М. Ильин, Художественная «речь» народного искусства, «Декоративное искусство» (ДИ), 1973, № 7, стр. 35, 36. Правда, эта точка зрения не была поддержана исследователями (см. Г. Вагнер, Трудности истинные и мнимые, ДИ, 1973, № 7, стр. 37, 38; И. П. Работнова, Многозначность содержания, ДИ, 1973, № 11, стр. 28, 29; Т. Разина, Поэтизация древних сюжетов, ДИ, 1974, № 8, стр. 28, 29; В. Вишневецкая, Многозначность символов народного творчества, ДИ, 1974, № 9, стр. 30, 31; Б. А. Рыбаков, Макрокосм в микрокосме народного искусства, ДИ, 1975, № 1, стр. 30—33).

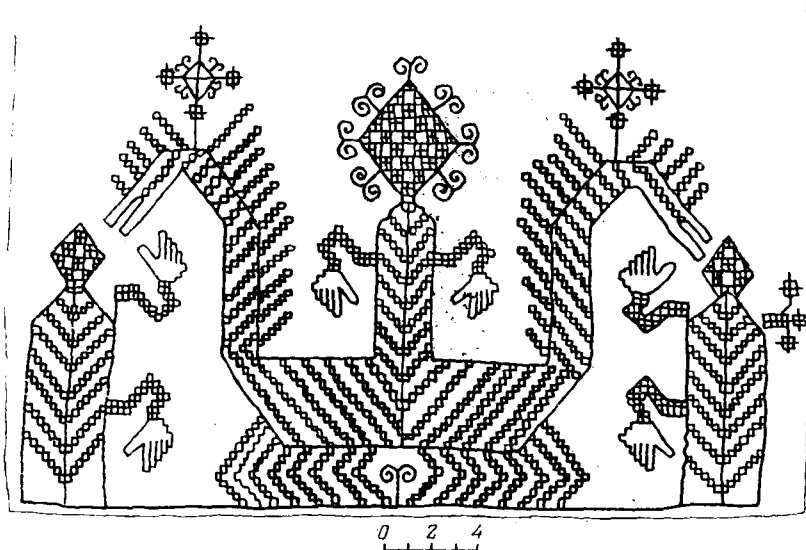

Рис. 2. Конец полотенца (Север). Рисунок Г. В. Шолоховой

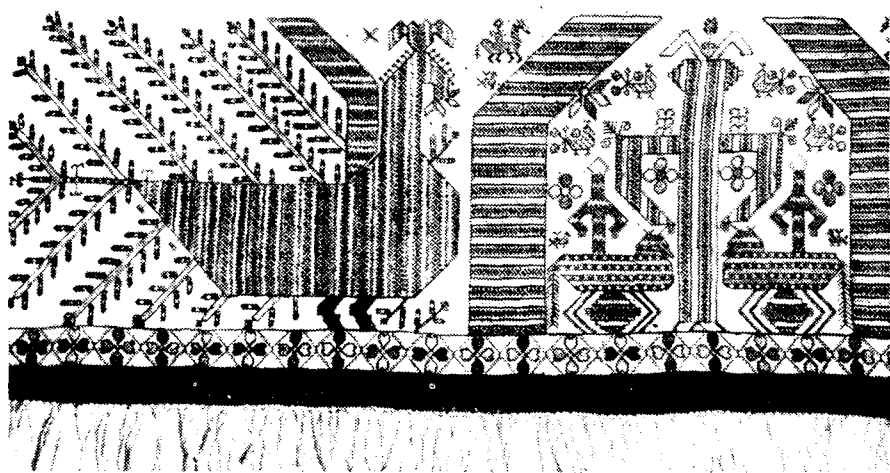

Рис. 3. Край «настилальника» (подзора), первая половина XIX в. (с. Ошевенское, б. Каргопольского уезда Олонецкой губ.). Архив Ин-та этнографии АН СССР

израстают из людей и животных и нередко сливаются с ними. 3. Наличие, как правило, особых геометрических знаков в виде крестообразных фигур, кругов, розеток, ромбов, семантика которых выявлена на широком археологическом, в частности славянском материале³. 4. Характерные особенности иконографии: лаконичность в изображении людей и животных, как бы застывших в торжественных позах, геометричность трактовки.

³ См.: «Происхождение креста», М., 1927; В. Даркевич, Символы небесных светил в орнаменте древней Руси, «Сов. археология», 1960, № 4, стр. 56—59; А. К. Амброз, Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крюками»), «Сов. археология», 1965, № 3, стр. 56—70.

Одним из архаических элементов вышивки являются идолоподобные фигуры, словно вырубленные из дерева⁴. На одной из вышивок древнего извода, которую автору удалось обнаружить в с. Ошевенское Каргопольского района Архангельской области, столбообразная фигура с всадниками по сторонам изображена как бы в капище (рис. 3).

Наличие архаического слоя в вышивке, не связанного с бытовыми сюжетами, выявляется достаточно явственно. Первоначальное содержание этих сюжетов забыто населением. Понять его и установить связь с общинной земледельческой религией славян помогает привлечение сравнительных данных о верованиях, обрядах, фольклоре русской деревни XVIII—XX вв., а также средневековых свидетельств и иконографических памятников.

В центральном женском персонаже вышивки, как бы его ни называли (Мокошь, Рожаница, Мать-Сыра-Земля и др.), несомненно, воплощалось представление о плодородии земли и человека. В орнаменте четко выражена связь этого персонажа с солнцем, водой, растительностью. Подобные представления составляли основу аграрно-производящих обрядов, особенно весенне-летнего цикла, известных славянам с древности и не забытых еще в русских селениях XVIII—XX вв.

К женским (и вообще антропоморфным) изображениям в вышивке следует подходить дифференцированно. Изображение женского персонажа различно по своей иконографии, оно многозначно и, возможно, отражает разные его воплощения.

Большой интерес представляет рогатое существо, на которое впервые обратила внимание В. А. Фалеева⁵. Это изображение вряд ли является результатом свободного варьирования орнамента вышивальщицей, так как оно устойчиво повторяется (см. рис. 3). Следует напомнить о том, что женские головные уборы восточных славян были преимущественно рогатыми и связывались с определенными религиозными представлениями.

Рогатый персонаж русской вышивки — не уникальное явление в искусстве. Рогатые божества плодородия в женском (и мужском) облике нередки в древнем изобразительном искусстве Средиземноморья, Кавказа и других регионов, где они были связаны с аграрным культом.

В вышивке найдла отражение и календарная обрядность — композиции из женских фигур с ветками в руках и деревьях, несомненно, связаны с весенним праздником. На одном из полотенец конца XIX — начала XX в. из бывшего Весьегонского уезда Тверской губернии изображены

Рис. 4. Вышивка полотенца конца XIX в. (б. Весьегонский уезд Тверской губ.). Государственный музей этнографии народов СССР

⁴ В. А. Фалеева, Женский персонаж в русской народной вышивке, «Фольклор и этнография русского Севера», Л., 1973, стр. 119—132.

⁵ Там же, стр. 124—126.

отдельные элементы троицкой обрядности — березка и идущие к ней девушки с ветками. Сюжет дан вполне реалистически, но нередко он бывал представлен и чисто орнаментально. Мотивы календарной обрядности следует отнести к группе бытовых сюжетов. Здесь о них упоминается, чтобы показать многозначность женских персонажей в вышивке.

Мужские изображения до сих пор рассматривались только в качестве конных прибогов со сторонам женской фигуры. Но изображение всадника составляет иногда и самостоятельный узор — всадник становится центральной (иногда единственной) фигурой. Так, на одном из олонечных полотенец изображен всадник с толовой-ромбом (и включенной в него розеткой), отмеченный особыми знаками (кругами, крестообразными фигурами) и окруженный мелкими явно подчиненными ему человеческими фигурами, что указывает на его особое значение⁶. Весьма архаичным выглядит также всадник с лучами вокруг головы и руками, простертыми в благословляющем жесте, подчеркнутым крупными кистями рук, сидящий на так называемой «ладье» — двухголовом коне (рис. 2). Возможно это отголосок древнего антропоморфного солярного образа. Во всяком случае, солнце в представлении русских крестьян еще в XVIII—XIX вв. имело и антропоморфный облик (мужской или женский), а древним славянам солярные образы представлялись конными.

«Пешие» мужские фигуры в вышивке в виде человечков в шапках, составляющих ряды, словно сошли на ткань со страниц Калевалы, где говорится о «лесном народе», «о хозяевах леса».

Можно предположить, что ряды стоящих мужских фигур, как и одиночные «проросшие» мужские изображения, связаны с образами «низшей мифологии», которые включались в вышивку на протяжении всей многовековой истории вышивки. Название «лешаки» для антропоморфных фигур в вышивке Онежского района подтверждает это. Очевидно, первоначальное значение фигур было забыто, а затем заново осмыслено.

Круг зооморфных образов в вышивке в общем ограничен: олень-лось, конь и некоторые другие. Параллели этим изображениям есть и в славянском археологическом материале, причем нередко в трехчастной композиции, характерной для вышивки. Орнитоморфные образы — едва ли не самые распространенные в русской вышивке. Их изображения преобладают даже над изображением коня, представленного достаточно широко. Птицы нередко пронизывают всю композицию архаичного (да и не только архаичного) типа вышивки или же являются основным мотивом узора. Значение птицы как символа тепла, света, сулившей «теплую летушку», а вместе с тем и урожай, хорошо отражено в песнях-веснянках. Птицы чаще всего представлены обобщенно. Но выделяются среди них и определенные виды, особенно водоплавающие, украшавшие главным образом женские головные уборы. Животные и птицы в композициях древнего извода, несомненно, связаны с мифологией, в частности с космогоническими мифами русских и их соседей и имеют древнейшие традиции в искусстве севера Восточной Европы.

В вышивке XVIII—XX вв. широко отражен реальный растительный и животный мир, изображение которого во все времена привлекало вышивальщиц. Но создаваемые ими образы говорят о разном отношении к изображаемому. Это можно хорошо проследить на примере коня, который представляется то строгим — с крутой изогнутой шеей и как бы лучистой гривой, торжественно несущим всадника или всадницу (как в вышивках архаического типа), то веселым кудрявым скачущим коньком, то сказочным конем-птицей, конем-хищником, конем-барсом, то вполне

⁶ Полотенце из Пудожского уезда, переданное В. Н. Харузиной в конце XIX в. в Румянцевский музей.

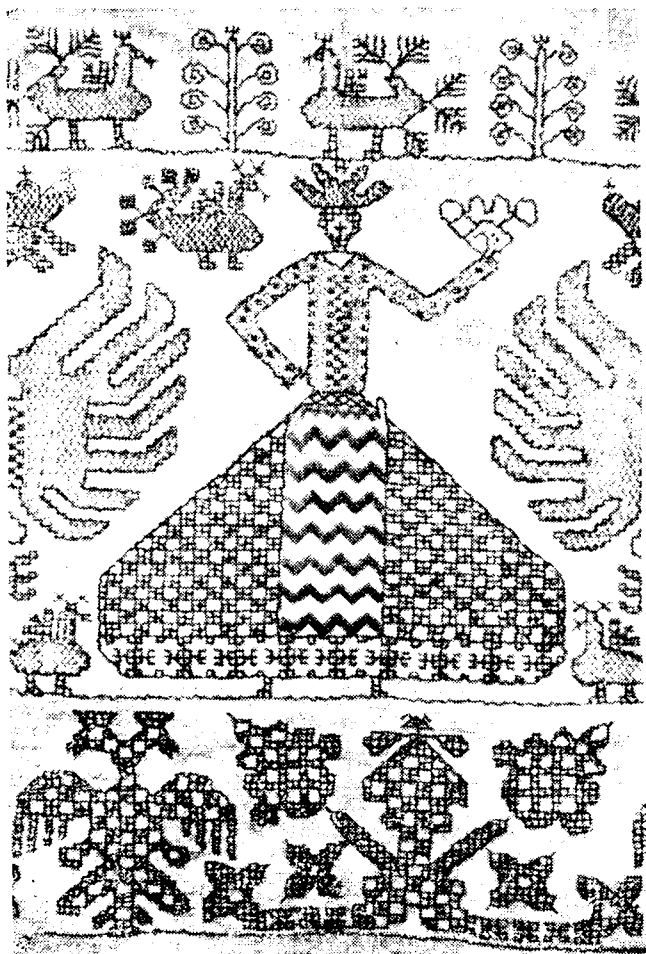

Рис. 5. Фрагмент вышивки подзора (б. Олонецкая губ.). Государственный исторический музей

реалистической крестьянской лошадей, нередко впряженной в повозку.

Наряду с древним лаконичным «спиралевидным» образом лебедя встречаются реалистически изображенные клюющие птицы: «курушки», «петухи» и «цыпушки», характерные для крестьянской домашней вышивки (особенно тамбуром) конца XIX—начала XX в.

Каким образом в вышивке XVIII—начала XX в. могли сохраниться образы глубокой языческой старины? О живучести языческого мировоззрения в XI—XII вв. не только в крестьянской, но и в городской, феодальной среде имеется немало свидетельств. Раскрыть семантику орнамента этого периода во многом помогли работы Б. А. Рыбакова, Г. К. Вагнера и других исследователей. Вытеснение языческой символики из феодального искусства археологи относят к концу домонгольского периода⁷. В деревне же этот процесс растянулся на многие века. «Христианизация деревни,— писал Е. В. Аничков,— это дело не XI—XII вв., а XV—XVI и даже XVII столетий»⁸. Церковные документы

⁷ Б. А. Рыбаков, Русское прикладное искусство X—XIII вв., Л., 1971, стр. 88.

⁸ Е. В. Аничков, Язычество и Древняя Русь, СПб., 1914, стр. 360.

этого времени свидетельствуют о живучести языческих верований на севере: согласно этнографическим данным, они сохранялись (слившись с христианством) и позднее. Это в значительной мере обусловило сохранение древних орнаментальных мотивов. Отдаленность, экономическая и культурная замкнутость районов русского севера также сыграли здесь немаловажную роль. Следует отметить, что традиционные мотивы в вышивке наиболее устойчиво сохранялись в крестьянской среде — в домашней (а не промысловой) вышивке, являвшейся узкой областью женского труда и быта.

В XVIII в., когда произошли существенные изменения в общественной и культурной жизни страны, профессиональное искусство становится все более «светским». В это время, по-видимому, и народное искусство отрывается от своей мифологической основы, хотя доброжелательно-апотроейное значение некоторые орнаменты сохраняли значительно дольше. При всей своей устойчивости архаические сюжеты в вышивке дошли до нас в сильно измененном, часто фрагментарном виде. Трансформация их шла разнообразными путями: усиливалась орнаментальность и нарушалась смысловая связь частей композиции; сюжет становился бытовым, переосмыслилась его семантика, целостная композиция распадалась на отдельные элементы, которые становились основой нового узора и т. д. В качестве примера можно привести вышивку на подзоре (рис. 5), на которой изображена женщина, стоящая подбоченившись. Правой рукой она опирается на бок, а в левой держит, по-видимому, веер. В вышивку внесены и другие бытовые реалии: шапка «кораблик», которую носили в конце XVIII — начале XIX в. на севере, передник, подвязанный на талии. На рис. 6 в трехчастной композиции центральной женской фигуре придана танцующая поза; всадники не связаны с нею. Перед нами сюжеты бытового, а не архаического типа.

Вторая группа орнаментальных узоров, на которой я останавливаюсь, включает мотивы средневекового феодального искусства, входившие в круг образов домашней крестьянской и особенно ремесленной, городской и деревенской, вышивки XVIII—XIX вв. Геральдические мотивы, проникшие в домашнюю вышивку, в значительной мере переосмыслились и выражали не столько мощь феодальной и государственной власти, сколько представления крестьян об окружающей природе. Образ льва-барса, например, широко вошедший не только в ремесленную, но и домашнюю крестьянскую вышивку, нередко наделялся чертами коня и иногда как бы заменял его в композициях. Нередко львы-барсы осмыслились в народе как «медведи». Можно выделить два основных варианта мотива льва-барса, восходящие, по-видимому, к двум разным прототипам узоров: 1) к сцене борьбы — скачущий, стоящий на задних лапах лев-барс, попирает змею (северо-западный вариант) (рис. 7); 2) к геральдической композиции — два когтистых хищника противостоят друг другу с угрожающе поднятой лапой (вариант, характерный для ряда северо-восточных областей, но распространенный гораздо шире) (рис. 8). Лев-барс часто терял свой хищный облик. Так, ориентальный мотив борьбы льва-барса с каким-либо животным на русской почве значительно трансформировался. Порой мы встречаем изображение льва с львенком и т. д.

В третью группу орнаментальных узоров входят бытовые или жанровые сюжеты, которые начинают занимать большое место в вышивке, особенно ремесленной, городской и деревенской, главным образом начиная с XVIII в. Интерес к бытовым реалистическим сюжетам в течение XIX в. все более возрастал. В сюжетной вышивке (на подзорах и полотенцах) отражался быт не только привилегированных классов, но и простых людей (как сельских, так и городских жителей). Излюбленные ее мотивы — эпизоды свадьбы, изображение брачующейся пары, застолье, гуляние в саду; танец, хоровод, корабль, терем и т. д.

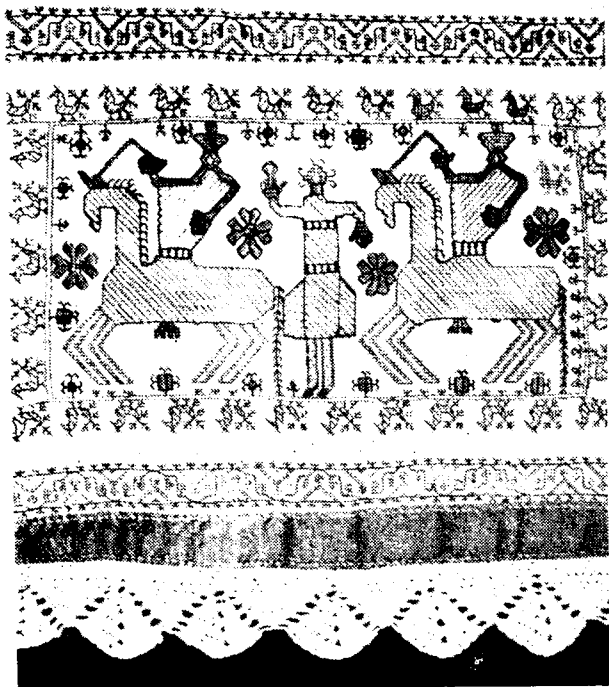

Рис. 6. Вышивка конца полотенца (б. Олонецкая губ.). Музей народного искусства

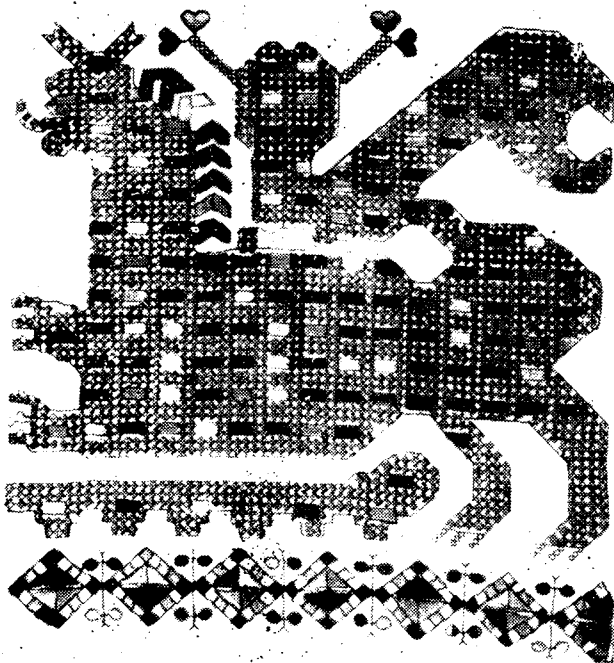

Рис. 7. Вышивка полотенца середины XIX в. (д. Глушево, б. Каргопольского уезда). Архив Ин-та этнографии АН СССР

Рис. 8. Мотив льва-барса в вышивке полотенца. Костромской историко-архитектурный музей-заповедник

Бытовая сюжестика отличалась от сюжетов архаического типа динамикой в изображении людей и животных, стремлением отойти от застывших поз персонажей, внесением бытовых деталей окружающей среды и многим другим. В таких вышивках широко представлен костюм самых разнообразных типов от платьев и камзолов XVIII в. до крестьянских сарафанов конца XIX—начала XX в. Весьма разнообразны архитектурные мотивы, встречающиеся в вышивке и заслуживающие специального исследования. В качестве источников вышивальщицы нередко использовали лубок, гравюры и другой иллюстративный материал, который они активно перерабатывали. Стилистические приемы значительно отличали эту вышивку от лицевых вышивок архаического типа. В ней нередко использовались мотивы русских сказок и средневековых переводных повестей, однако связь орнамента с фольклором проявлялась не только в общности мотивов и образов, но и в том, что фольклор и орнамент отражали единое поэтическое мировоззрение⁹.

Предпринятое мною изучение «географии» орнаментальных мотивов очень важно для этнографического исследования орнамента. Нанесение на карту узоров с антропоморфными фигурами (древнего извода), вышитыми преимущественно двухсторонним швом, выявило компактный регион, охватывающий Псковскую, Новгородскую, Петербургскую, Олонецкую (без северной части), Архангельскую и Вологодскую (без восточных уездов) губернии, большую часть Тверской (за исключением южных уездов), частично некоторые уезды Ярославской и Костромской губерний. Наиболее четко очерчивается юго-западная граница: для Смоленщины эти узоры не характерны, так же как и для южных уездов Тверской губернии, где преобладают геометрические орнаментальные мотивы, выполненные цветной перевитью, распространенные и далее к югу (включая Калужскую, Тульскую, Орловскую, южную часть Рязанской и другие губернии). Юго-восточная граница выявленного региона вырисовывается менее четко: в Ярославской и Костромской губерниях исследуемые сюжеты встречаются реже, в типологически более поздних вариантах и в строчевой технике, а часто в ткачестве (как, напр., в Угличском уезде Ярославской губ. и Устюжском уезде Вологодской губ.). Исключение представляют некоторые уезды Костромского и Нижегородского Заволжья, вышивки которых не только сходны, но даже идентичны вышивкам Каргополья. Такое поразительное сходство может быть объяснено общим происхождением этих вышивок. Подобную бли-

⁹ Г. Маслова, Бытовые сюжеты в русской народной вышивке, «Сов. этнография», 1970, № 6, стр. 119—127.

зость можно объяснить миграционными процессами, связанными с заселением Заволжья, происходившим сравнительно поздно — в конце XVII—XVIII в. Как известно, сюда стекались и старообрядцы, которые могли принести с Севера, в частности из Прионежья, свои орнаментальные мотивы.

На значительной территории Костромской, Владимирской и Московской губерний в вышивке просматривается древняя геометрическая основа орнамента (в разной технике), в значительной степени вытесненная наслоениями позднейшей эпохи, особенно XIX—начала XX в., когда здесь развились ремесленная и промысловая вышивки (в частности, широко распространились строчевышивальное производство) и крестьянское узорное ткачество.

Северо-восточной границей картографируемых узоров следует считать Северную Двину. Орнамент северодвинской вышивки содержит древние антропоморфные изображения (хотя в меньшей степени и с меньшим многообразием вариантов, чем вышивка западного региона) и разнообразные зооморфные мотивы. В нем можно проследить черты сходства с орнаментом Новгородчины, Каргополя, а также Верхнего Поволжья. Но вместе с тем этот орнамент имеет свой, ярко выраженный локальный характер. Данные о вышивке населения, проживающего по берегам Пинеги и Мезени, крайне скудны: известно лишь, что там распространены зооморфные мотивы, сходные с северодвинскими.

Нельзя не отметить, что выделенный на карте регион антропоморфных мотивов совпадает, в основном, с территорией древней Новгородской «области»¹⁰. Это может служить ориентиром для датировки истоков этих мотивов. Орнаментика указанного ареала отлична от распространенной у соседей с запада (финнов, эстонцев, латышей, литовцев) и востока (коми и народов Поволжья). Она характерна для русских этой области, а близость к ней орнамента карел, ижорцев и води, видимо, объясняется ранним включением этих народов в орбиту новгородского влияния. Вместе с тем несомненно, что при контактах славян с различными «чуждскими» группами, элементы искусства последних вливались в древнерусский орнамент. Не только геометрические, но и другие мотивы были восприняты русскими из дославянского искусства севера. Происходило взаимопроникновение орнамента этнически разного населения.

Данное положение подтверждает и другая группа орнаментальных мотивов (олень и водоплавающие птицы в определенной геометрической трактовке), которую я попыталась картографировать. Основной регион этих узоров — Верхняя Волга, на севере он представлен слабее. Это заставляет предполагать, что отсюда — из Верхнего Поволжья — этот орнамент проник по славянскими или, возможно, «чуждскими» группами населения на Северную Двину, Пинегу, озеро Лаче. Вряд ли надо связывать изображения оленя только с севером, граница его распространения на рубеже I и II тысячелетий проходила южнее Верхнего Поволжья.

Вместе с тем прослеживается близость этих узоров с орнаментикой народов Волго-Камья, особенно марийцев. Мотивы оленя и гуськов в русской вышивке идентичны марийским не только по своим стилистическим особенностям, но и по технике исполнения (косой стежок), материалу (шелк, шерсть) и полихромной расцветке. Возникает предположение о связи этих орнаментов у русских с орнаментом уже исчезнувших (в XVIII—XIX в.) «чуждских» групп Верхнего Поволжья.

Ареал разнообразных растительных, зооморфных и орнитоморфных мотивов шире области древних антропоморфных изображений. Далеко

¹⁰ А. Н. Насонов, «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, М., 1951, карта на стр. 96.

за ее пределы выходит, например, мотив павлина, павы. Эта южная птица хорошо «акклиматизировалась» в северных широтах, распространилась в орнаменте вышивки центральных и некоторых южных областей. Что же касается «географии» бытовых сюжетов, то она вряд ли составит компактную территорию. Закономерности ее распространения связаны с определенными социально-экономическими факторами.

DESIGNS IN RUSSIAN EMBROIDERY AS AN HISTORICAL SOURCE

The designs of North Russian thematic embroidery are examined from the viewpoint of their role as an historical source. In embroidery designs dating from the XVIIIth century onwards up to the early XXth century, the author uncovers consecutive strata originating in different historical periods. Three groups of patterns are described. 1) The earliest «stratum», i. e. «archaic type» embroidery (with human and animal figures and plant designs) going back to heathen concepts, vestiges of which still persisted in XIXth century Russian villages. 2) Motifs of feudal art that had infiltrated into the imagery of peasant art and town craftsmanship. 3) Genre subject matter (on the increase from the XVIIIth century onward). The author establishes the polysemantic character of the images of folk embroidery. Areal studies have enabled her to delimit a north-western region where «archaic-type» embroidery is prevalent, and to uncover elements of art emanating from «Chud» groups that have infiltrated into embroidery designs in the North and in the Upper Volga area.

Н. Л. Сухачев

ЛИНГВО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АТЛАСЫ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

В последнее время отмечается интенсивное развитие картографических методов в общественных науках. В области языкознания для территории романских языков издано в составе лингвистических атласов более 50 тыс. карт. Широко охвачены картографированием германская (более 3000 карт) и славянская (более 4000 карт) группы языков, угрофинские языки (свыше 500 карт), японский язык (около 1000 карт); начата подготовка лингвистического атласа Европы¹. Обобщающие этнолингвистические карты содержатся в таких изданиях, как «Атлас народов мира», подготовленный Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, «Атлас языков зоны Тихого и Индийского океанов» Р. Зальцнера. Большой размах получили региональные историко-этнографические исследования, агроэтнография, география фольклора; ведется подготовка историко-этнографического атласа Европы². Различие школ и методов, а также тематическая специфика разных картографических изданий и их полиграфическая основа делают этот материал труднообозримым, а часто и недоступным для непосредственного сопоставления. В настоящей статье сделана попытка охарактеризовать лингво-этнографические атласы, в частности региональные атласы Франции, в качестве источника историко-этнографических сведений.

Тематическое картографирование в общественных науках — не обновление метода и не зарождение новой дисциплины «на стыке наук» (географии, этнографии, языкознания). Речь может идти лишь об единстве подхода к явлениям социального общечеловеческого характера в историческом и географическом аспектах. При этом сохраняется все своеобразие предмета и методов исследования отдельных гуманитарных дисциплин³. Предпосылкой использования лингвистических атласов в

¹ Первый выпуск материалов к этому атласу посвящен анализу названий колеса в европейских языках, см.: A. A. Weijnen and M. L. Alinei, The wheel in the Atlas Linguarum Europae. Heteronyms and semantic density, Amsterdam, 1973. В программе атласа большое внимание уделено историко-этническим процессам и явлениям культурного и бытового порядка в рассматриваемом регионе.

² О состоянии и проблематике ареальных исследований в лингвистике, этнографии, фольклористике, археологии см., в частности, сб. «Проблемы картографирования в лингвистике и этнографии», Л., 1974; об историко-этнографическом атласе Европы см.: «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Москва (3—10 августа 1964 г.)», т. VIII, М., 1970, стр. 516—533; С. И. Брук, С. А. Токарев, Международная конференция по этнографическому атласу Европы и сопредельных стран, «Сов. этнография», 1968, № 5, С. И. Брук, Историко-этнографическое картографирование и его современные проблемы, «Сов. этнография», 1973, № 3, стр. 5—7.

³ Ср., например, следующие выводы, вытекающие из проблемы соотношения этнографии со смежными науками: «...любые попытки „поглощения“ (целиком или в отдельных разделах) одной науки другой могут дать при современном уровне дифференциации и специализации научных знаний лишь неудовлетворительные результаты».

Круг лексики лингво-этнографических атласов * (количество карт)

Круг лексики	AIS	ALG	ALLy	ALEA	Круг лексики	AIS	ALG	ALLy	ALEA
Степени родства	32	27	—	—	Луг, сенокос	24	38	52	—
Рождение, брак, смерть	24	91	—	—	Огородничество	37	14	—	—
Ремесла	71	—	—	73	Выращивание и обработка конопли и льна	28	—	—	—
Лес, орудия и труд дровосека	85	83	27	12	Виды зерновых, полевые работы, сельскохозяйственный инвентарь	57	93	88	128
Дикие животные	13	35	—	63	Виноградарство и виноделие	44	33	39	35
Одежда, ткани, обувь	27	86	51	—	Выращивание маслин и производство масла	5	—	—	22
Части тела, болезни и их лечение	33	77	—	—	Плодоводство	56	40	52	28
Игры и развлечения	2	4	—	—	Животноводство	154	225	51	138
Церковь и клир	27	28	—	—	Транспорт	26	55	25	32
Вера и суеверия	51	7	—	—	Птицеводство	30	24	—	—
Дом и его обстановка	48	90	49	71					
Свет и очаг	29	22	43	26					
Кухня и ее утварь	41	52	—	25					
Еда и питье*	55	26	59	—					
Орошение	16	—	—	—					
Пчеловодство	7	6	—	14					

* Круг лексики наиболее характерных лингво-этнографических атласов отражен в таблице частично. При относительной общности тематики, порядок карт и дробность разработки отдельных тем различны, что ограничивает возможности сопоставления карт по содержанию. Принятые сокращения см. в примечаниях 4, 12, 16.

качестве источника этнографических сведений является не только близость тематики лингвистических и историко-этнографических атласов, т. е. терминологическое содержание карт (ср. табл. 1), но и планомерная установка составителей на материальную сферу бытования языка.

После выхода «Лингво-этнографического атласа Италии и южной Швейцарии» К. Яберга и Я. Юда⁴ в романской лингвогеографии стало традиционным широкое привлечение этнографического материала (реалий языка). Если первоначальной задачей географии диалектов было установление их границ, «языковых ландшафтов» (Г. Венкер), или изучение истории отдельных слов, «атомистических структур» (Ж. Жильерон), то со временем стала все более намечаться тенденция к выделению комплексных «культурных ландшафтов», вплоть до создания атласов таких регионов, как Средиземноморье, Альпы, Карпаты. Основанием для подобного рода исследований послужила не диалектология, генетически более родственная этнографии, а чисто языковедческая лексикология — идея создания атласов по типу «слова и вещи».

В настоящее время можно говорить о сосуществовании в рамках лингвогеографии двух основных исторически сложившихся направлений: 1) диалектологического; 2) лингвистического, или ареальной лингвистики. Они отличаются не столько объектом исследования — пространственная дифференциация языка, сколько системным подходом к исследуемым фактам: 1) характеристика отдельных диалектов и уточнение их границ; 2) выявление общих закономерностей пространственного

(В. И. Козлов, В. В. Покшишевский, Этнография и география, «Сов. этнография», 1973, № 1, стр. 13); «Видимо, материал смежных наук следует привлекать лишь в той степени, в какой этого требует интерпретация собственного материала» (И. Барабаш, Пространство и время в историко-этнографическом исследовании, «Сов. этнография», 1971, № 6, стр. 87).

⁴ K. Jaberg, J. Jud, Sprach- und Sachatlas Italiens und der Südschweiz (AIS), Bd 1—8, Zofingen, Schweiz, 1928—1940.

распределения языка в его современном состоянии (в синхронии) и исторической изменчивости (в диахронии). Соответственно по-разному выражается интерес к этнографии. Диалектология, выделившись в свое время из описательной этнографии, вновь смыкается с ней в постановке проблемы этногеографии по данным лингвистической карты, в частности в славянской школе. Ареальная лингвистика, и более всего французские лингвогеографы, подошла вплотную к проблеме комплексного описания лингвистической и этнографической среды.

Основополагающие для лингвистической географии «Лингвистический атлас Франции» (ALF) Ж. Жильерона и Э. Эдмона и «Немецкий лингвистический атлас» Г. Венкера достаточно подробно рассмотрены в литературе, как и полемика, возникшая вокруг этих изданий⁵. Широко известен и «Лингво-этнографический атлас Италии и южной Швейцарии» (AIS) К. Яберга и Я. Юда, которым, по словам И. Йордана, удалось «заложить основы подлинной сравнительной лингвистической географии»⁶. Ориентируясь на принципы Ж. Жильерона в подаче лингвистического материала (непосредственная фонетическая запись форм у каждого пункта в романской лингвогеографии носит название «синтетической карты»), авторы AIS в сочетании и компоновке карт последовательно придерживались метода «слова и вещи». Значительную роль в пропаганде этого метода сыграл Р. Мерингер, исходивший из идеи единства культурно-исторического развития языка и этноса (1904 г.); первичность вещи по отношению к слову постулировал Г. Шухардт (1912 г.). Наиболее плодотворным в этом направлении явился подход М. Л. Вагнера, который рассматривал слова и вещи «в их непосредственной связи и по возможности в историческом плане» (1921 г.). Вагнер впервые предпринял попытку реставрации народного быта на основе лингвистических данных. Его книга «Сельская жизнь сардов в зеркале языка» в оценке Я. Юда — «образец работы, где сочетается одновременное изучение слов и вещей»⁷.

Следуя этой школе, Яберг и Юд значительное внимание уделили фиксации явлений материальной культуры: только в лингвистические карты было включено более 900 рисунков; дополнительно П. Шейермайером было подготовлено этнографическое приложение к ALF, содержащее свыше 4000 фотографий с пояснением терминов и описанием воспроизведенных реалий⁸. Принципиальное значение имела и группировка карт атласа по тематическим признакам (карты AIS располагались в алфавитном порядке слов). Принятый в дальнейшем почти всеми лингвогеографами, и прежде всего в региональных анкетах, круг лексик AIS тесно переплетается с сюжетами историко-этнографического картографирования (табл. 1). Таким образом, стремление к исследованию «истории отдельных слов» (Ж. Жильерон) в сочетании с тенденцией изучения языка на фоне материальной и духовной культуры его носителей⁹ привело к преобладанию в романской лингвогеографии лексических атласов. В то же время необходимость сохранить лингви-

⁵ См.: М. А. Бородин, Проблемы лингвистической географии, М.—Л., 1966, стр. 15—35; В. М. Жирмунский, Немецкая диалектология, М.—Л., 1956, стр. 75—107; И. Йордан, Романское языкознание, М., 1971, стр. 219—295.

⁶ И. Йордан, Указ. раб., стр. 377.

⁷ О школе «слова и вещи» см.: там же, стр. 102—116; здесь дается ее история и подробная библиография.

⁸ P. Scheuermeier, Bauernwerk in Italien, der italienischen und rätoromanischen Schweiz. Eine Sprach- und Sachkundliche Darstellung landwirtschaftlicher Arbeiten und Geräte. Erlenbach—Zürich, 1943; его же, Bauernwerk in Italien, der italienischen und rätoromanischen Schweiz. Bern, 1956.

⁹ А. Доза, выдвинувший в 1939 г. идею создания «Нового лингвистического атласа Франции» по областям, отмечал: «Атлас Италии и Швейцарии Яберга и Юда ... научил меня многому, в частности, необходимости как можно более отражать реальность и сопровождать карты слов таблицами и зарисовками» (A. Dauzat, La méthode des nouveaux atlas linguistiques de la France, «Orbis», t. IV, № 1, 1955, p. 23).

Картографическая нагрузка тематических атласов (этнографические данные)

Атлас	Приемы картографирования	Подача реаций	Опорная сеть	Картографическая основа
AIS	Значки на лексической карте	Пояснительные рисунки, типологические таблицы, комментарии на карте	Точечная опорная сеть, лимитированная	Схематическая, без привязки к географическим координатам
ALEA	Геометрические значки на этнографической карте	»	»	»
ALG	Отсылка к таблицам, римские цифры на лексической карте, изолинии, значки	»	»	»
Этнографический атлас Польши	Геометрические значки	»	Индексная сеть, число пунктов не лимитировано	Схематическая, с привязкой к географическим координатам
Историко-этнографический атлас «Русские»	Количественно дифференцированные геометрические значки, цветной фон	Типологические таблицы, пояснительный текст	Поездная сеть, статистическая оценка закартографированных пунктов	»

стическую специфику материала (фонетическую форму) способствовала «консервативности» приемов картографирования. При широком применении в германистике и славистике карт обобщающего типа (введение значков, изолиний, заливки, условной штриховки ареалов) в романистике, как правило, сохраняется запись ответов на лексической карте в фонетической транскрипции для каждого пункта. Это резко ограничивает плотность опорной сети и увеличивает масштаб карты, что предопределяет «регионализм» ареальных исследований в лингвистике с точки зрения «технических возможностей» (ср. табл. 2). Во Франции регионализм был обусловлен и методологически — «географическими» традициями культурно-исторического подхода к отдельным территориальным комплексам, «географии человека»¹⁰. Так, А. Л. Терраше, одновременно с Жильероном разрабатывавший принципы «географии диалектов», полагал, что прежде всего важно показать, как связи между людьми (и какие связи) воздействуют на распространение языка, и выделить постоянно действующие человеческие взаимоотношения (*intermediaires humains*) в распространении языка и истории отдельной области¹¹.

¹⁰ См.: О. А. Александровская, Французская географическая школа конца XIX — начала XX века, М., 1972.

¹¹ См.: J. Babin, A. L. Terracher (16 fevr. 1884 — 4 avril 1955), «Orbis», t. IV, № 2, 1955, p. 56. «Человеческий аспект проблемы лингвистических границ, — подчеркивает Ж. Бабен, — поставлен здесь во всем своем объеме» (там же). Опубликованный в 1912 г. атлас А. Л. Терраше отличается от ALF и принципами картографирования — в нем широко применены графические приемы (условная раскраска, изолинии), см.: A. L. Terracher, *Etudes de géographie linguistique. Les aires morphologique dans les parlers populaires du Nord-Ouest de l'Angoumois (1800—1900)*, Atlas, Paris, 1914.

Количественная характеристика лингво-этнографических атласов *

Атлас	AIS	ALEA	ALG	ALLy	ALCB	ALMC	ALCe	ALO
	т. 1—8	т. 1—4	т. 1—4**	т. 1—3	т. 1—2	т. 1—3	т. 1	т. 1
Число пунктов	354	230	169	75	194	55	67	124
Объем анкеты (вопросов)	2000	Нет данных	960	1700	1600	3800	2000	3500
Всего карт	1705	1175	2092	1323	709	1882	616	299
Вспомогательных карт	4	6	29	3	8	6	6	2
Лингво-этнографических карт	47	17	63	70	—	4	—	—
Этнографических карт	—	44	—	1	1	—	—	—
Карт с рисунками	158	73	136	25	140	24	24	—
Отдельных стр. с рис. (типологических таблиц)	21	80	24	4	20	41	8	5
Фотографий на отд. листах	—	7766 (68 л.)	—	—	—	—	—	—

* К вспомогательным отнесены карты рельефа, климата, названий населенных пунктов и т. п.; к лингво-этнографическим — лексические карты при наличии у пунктов отсылок на типы предметов. Типологические таблицы только в AIS и ALEA соответствуют этнографическому содержанию понятия. В большинстве случаев в таблицы собраны образцы реалий. Этнографическая карта в ALLy — типы домов, в ALMC — распространение культуры кукурузы.

** В т. 5 ALG методом изолиний обобщены лингвистические данные предыдущих томов.

В 50—60-х годах, когда повсеместно начался сбор материалов для лингво-этнографических атласов Франции¹², локальный подход к задаче исследования привел в большинстве случаев к пересмотру объема анкет и сети опорных пунктов по областям, к своего рода монополизации авторами отдельных регионов. При этом регионализм был оправдан стремлением к наиболее полной фиксации быстро исчезающих явлений языка и народного быта. Однако тем самым нарушалась полнота материала в целом, и лингвистического и этнографического, последний в ряде атласов незначителен. Наиболее удавшимися из опубликованных можно считать атласы Гаскони (ALG) и Лионэ (ALLy), в которых достаточно полно представлен и этнографический материал, вплоть до включения параллельных «лингво-этнографических» карт, одновременно фиксирующих распределение вещей и их наименований. В целом этнографический материал в лингво-этнографических атласах Франции выступает в качестве дополнительного по отношению к языковому, прежде всего лексическому (табл. 3), даже в тех случаях, когда описа-

¹² В настоящее время опубликованы лингвоэтнографические атласы следующих областей: Лионэ — P. Gardette, Atlas linguistique et ethnographique du Lyonnais, vol. 1—4, Paris, 1950—1968 (ALLy) (Гаскония — J. Ségu y, Atlas linguistique et ethnographique de la Gascogne, vol. 1—6, Paris, 1954—1974 (ALG); Центрального Массива — P. Nauton, Atlas linguistique et ethnographique du Massif Centrale, vol. 1—4, Paris, 1957—1963 (ALMC); Шампани и Бри — H. Bourcelot, Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie, vol. 1, Paris, 1966 (ALCB); Эльзаса — E. Beyer et R. Matzen, Atlas linguistiques et ethnographique le d'Alsace, vol. 1, Paris, 1969 (ALA); Центра — P. Dubuisson, Atlas linguistique et ethnographique du Centre, vol. 1, Paris, 1971 (ALGe); Юры и Альп — J. Martin et G. Tuailon, Atlas linguistique et ethnographique de Jura et des Alpes du Nord, vol. 1, Paris, 1971 (ALJA); Восточных областей — G. Massign on et B. Hori ot, Atlas linguistique et ethnographique de l'Ouest (Poitou, Aunis, Saintonge, Angoumois), vol. 1, Paris, 1971 (ALO); Франш-Конте — C. Dondaine, Atlas linguistique et ethnographique de la Franche-Comté, vol. 1, Paris, 1972 (ALFC); Иль-де-Франс — M. R. Simon i-Aurembou, Atlas linguistique et ethnographique de l'Ile-de-France et d'Orléanais (Ile-de-France, Orléanais, Perche, Touraine), vol. 1, Paris, 1972 (ALIFO). В стадии подготовки атласы: германо-язычной Лотарингии, Пикардии, романской Бретани, Анжу и Мэна, Прованса и провансальского Дофине, восточного Лангедока, средиземноморского Лангедока, романской Лотарингии, Нормандии, Бурбундии — см.: J. Ségu y, Les Atlas linguistiques de la Fraine par régions, «Langue française», 1973. № 18 (mai), p. 70—71.

ние реалий становится самоцелью, как в ALG (специальная этнографическая анкета К. Равье). Некоторые исследователи саму задачу географии в этнографии («фольклористике») считают вспомогательной (прием иллюстрации)¹³, чему очевидно способствовала «атомарность» лингвистической карты, сказавшаяся и в приемах картографирования этнографических реалий и фольклора.

Для итальянской школы традиции комплексного подхода к явлениям народной культуры и языка оказались более прочными. Анкета нового лингвистического атласа Италии помимо 6678 лингвистических вопросов включает 1234 иллюстрации, отражающие лексику промыслов и ремесел. По этой программе У. Пеллисом было собрано в 727 пунктах 7310 фотографий соответствующих реалий. Значительное количество рисунков опубликовано в «Лингво-этнографическом атласе Корсики, круг лексик которого полностью соответствует тематике AIS (всего 2001 карта)¹⁴. Характерной является попытка создания «Историко-лингво-этнографического атласа Фриулии», пробные карты которого показывают, что этнография рассматривается авторами в качестве специальной задачи исследования¹⁵.

Наиболее репрезентативным из новых атласов в романистике является «Лингво-этнографический атлас Андалузии»¹⁶, этнографическая часть которого также достаточно последовательна. Так на листах 735—741 в масштабе 1:250 приводятся 134 плана основных видов жилищ, которые распределены по 14 типам и закартографированы на л. 742 на карте 806. Типы домов, их детали, внутреннее убранство, хозяйственные постройки, печи, колодцы, виды застроек широко представлены на photographиях в приложении к третьему тому ALEA. Почти весь этнографический материал сопровождается параллельными терминологическими картами. В подходе к реалиям испанская лингвогеография, как и итальянская, опирается на опыт немецкой школы. Эти традиции нашли отражение в программе «Лингвистического атласа Пиренейского полуострова»¹⁷, подготовка которого была начата в 1924 г. Хотя первый том атласа и носит чисто лингвистический характер, в дальнейшем он должен приобрести этнографическую направленность.

В целом комплексность лингво-этнографических атласов остается на уровне исходных карт, и ALEA, например, распадается на самостоятельные лингвистическую и этнографическую части (хотя в составе атласа такое разделение и не проведено). Тем не менее единство опорной сети и соотносимость явлений языка и этнографических данных создают основу для сопоставления лингвистических ареалов с историко-этнографическими.

Явления разного порядка даже в системе языка (например, фонетика и лексика) будут иметь различные центры иррадиации, распространяться по разным законам и под влиянием различных причин. Еще более самостоятельными по отношению к языку выступают явления материальной культуры: совпадение лексических границ (изоглосс)

¹³ «Не преуменьшая ценности картографического метода, его вклада в лингвистику как такового, и не отрицая того значения, которое он мог бы иметь в изучении фольклора, мы убеждены, что при современном состоянии фольклористики Эльзаса первоочередным является систематический сбор сведений о народном быте. Атлас ...предстанет только как иллюстрация предварительных выводов, полученных в результате обследования всей совокупности выявленных данных» (H. D. Borza, Notes sur une enquête de folklore en Alsace, «Orbis», t. V, № 1, 1956, p. 82). О понятиях «фольклористика» и «этнография» в европейской науке см.: К. В. Чистов, О взаимоотношении фольклористики и этнографии, «Сов. этнография», 1971, № 5, стр. 17—24.

¹⁴ «Atlante linguistico-etnografico italiano della Corsica», t. 1—10, Pise, 1933—1942.

¹⁵ «Saggio di carte e di commenti dell'ASLEF diretto da G. B. Pellegrini», Udine, 1969 («Studi linguistici friulani», I).

¹⁶ M. Alvar López e. a., Atlas lingüístico y etnográfico de Andalucía (ALEA), t. 1—4, Granada, 1961—1965.

¹⁷ «Atlas lingüístico de la Península Ibérica», t. 1, Madrid, 1962.

с границами соответствующих реалий (изопрагм) будет проявляться скорее в виде случайности, чем закономерности¹⁸. Так, в ALEA для семи типов улья (долбленный улей, плетеные и дощатые и т. д.), дающих очень дробную ареальную ситуацию, преобладает термин *colmena* в различных фонетических вариантах (см. карты 627—628 и табл. 628). Сопоставление наиболее архаичных типов улья с реликтовыми ареалами понятия *abeja* — пчела (карта 624) в данном случае может оказаться более показательным, чем прямое сопоставление предмета и его названия: размытый ареал — *id de la miel*, сохранившийся отдельными островками, нигде не совпадает с современными формами дощатых ульев, соответствуя в основном первому типу (долбленный улей) и четвертому (архаического типа улей цилиндрической формы).

Если, например, в лингвистических атласах славянских языков проведен принцип выявления ареальной оппозиции способом изолиний, установленных на значительном количестве исходных карт («Атлас словацкого языка», сводные карты «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы»), то синтетическая карта романских атласов менее всего показывает противопоставленные диалектные различия. Чтобы преодолеть фактологическую дробность карты, необходимо предварительное рекартографирование данных атласа, сведение воедино значительного числа однозначных явлений, что даст возможность обнаружить ядро типичности диалекта или культурно-исторического ареала, региона.

В лингвогеографии, в частности в романской, достаточно хорошо разработаны вопросы выявления и дифференциации фонетических ареалов, в том числе реконструированных, лексические же ареалы практически остаются несопоставимыми. Можно выявить реликтовую лексику или инновации, установить фонетические или морфологические закономерности развития лексической системы, построить семантическую модель понятия или лексическое поле, но при этом исследование остается в рамках монографического описания лексической или семантической совокупности единиц по схеме «от слов к идеям». Лингвоэтнографические атласы именно благодаря параллельному картографированию обозначающего (слова) и обозначаемого (предмета) дают возможность конкретизировать лексико-семантическую систему. Но, очевидно, для реконструкции лингвистических или культурно-исторических ареалов не может быть рекомендована единая методика картографического анализа, как не существует ее и в общеметодологическом плане.

Фактическое отождествление истории слов с историй вещей у таких исследователей, как Р. Мерингер и Г. Шухардт, исходило из предпосылки автохтонного развития языков. Сложное развитие и взаимопроникновение ареалов в их исторической ситуации чаще приводит к заимствованиям, которые по-разному отражаются в явлениях культурного порядка и в языке. В последнем наиболее подвижен лексический уровень. Если фонетические рефлексy поддаются относительному упорядочиванию в пределах более или менее обширных переходных зон, лексическая карта остается по преимуществу «мозаичной». Ставшие классическими в романской лингвогеографии выводы Ж. Жильерона о примате «народной этимологии» над фонетической, о «терапевтических»

¹⁸ В статье не ставится вопрос об относительности выделяемых границ: имеются в виду достаточно широкие переходные зоны, или изоленты, генерализованное изображение которых и представляет собой соответствующие лингвистические или «этнографические» границы. Поскольку картографирование выступает в качестве метода анализа, вполне правомерно выделение опорных характеристик для подобного анализа в структуре картографического изображения (ядра типичности явления). Наибольшее количество информации для непосредственного анализа предоставляет метод изолиний, см.: В. В. Шкурков, Опыт оценки количества информации при выборе способа картографического изображения, «Геодезия и картография», 1972, № 2, стр. 56—58.

средствах языка, при помощи которых преодолевается возникающая в результате фонетической редукции омонимия слов¹⁹, опираются на данные лексической карты. Во всех случаях распределение лексических ареалов остается, однако, случайным, даже если речь идет о контактных явлениях, влияниях и заимствованиях. Выводы могут быть сделаны по аналогии или «по догадке», но и наиболее обоснованные из них превращают лингвистическую географию в «историю отдельных слов», по определению Ж. Жильерона. Так, например, понятие «носилки» (ALF № 297) дает преобладающий ареал литературной формы *civière*, значительными массивами проникающей с севера на юг, в разрушенный ареал лексемы *brancard*, при наличии отдельных островов некогда, вероятно, обширного ареала *bayard*. Понятия «волокуша» (ALF № 1322) и «повозка» (ALF № 235) показывают еще большее единство новых форм (соответственно *traîneau* и *char*), на фоне которых остались лишь отдельные островки диалектных слов или вклинивающихся заимствований.

Терминологические карты, однако, при всем отличии границ отражаемых понятий дают возможность провести изоглоссы²⁰, правомерность которых может быть доказана не только лингвистически (фонетическая или семантическая этимологизация), но и экстралингвистическими факторами — стоящими за ними реалиями. Общие для карт 235, 297 и 1322 формы *caras*, *brancard*, *bagueau* и др. — не столько результат омонимии, сколько проявление отдельных этапов развития лексической системы. «Переходной» лексике соответствуют переходные типы объектов, промежуточные между «носилками» и «волокушей», «носилками» и «повозкой», «волокушей» и «повозкой», что подтверждают данные лингво-этнографических атласов. Привязка реалий к лингвистической карте конкретизирует это параллельное развитие слов и вещей. Столь же конкретно, вероятно, будет проявляться комплексность материала (привязка терминологии к картографируемым сюжетам) в этнографическом плане. Терминологическая система, отражая состояние соответствующих реалий, дает возможность исследовать эволюцию языка в тесной связи с эволюцией вещей, так как обозначающее (слово) зависит не только от причин языкового порядка, но подчиняется логике развития обозначаемого (предмета). Там, где закономерности в истории развития материальной культуры аналогичны, должны проявляться параллельные семантические сдвиги в лексике. Не обращение к «вещи», а параллельное сопоставление истории слов и истории вещей (бытовых реалий) в их функционировании и развитии может дать наиболее приемлемые результаты при изучении лексики²¹.

Лингво-этнографические атласы романских языков, несмотря на отсутствие последовательности в отборе и объеме привлекаемых этнографических данных, выявляют целый ряд реалий, в частности средств транспорта, сельскохозяйственных и ремесленных орудий, предметов

¹⁹ J. Gilliéron, *Pathologie et thérapeutique verbale*, Paris 1921, p. 29—51.

²⁰ Здесь в лингвистическом понимании термина, отражающем единство явлений, идущих внутри языка (закономерности лексической системы). Представляется правомерным ограничить употребление таких терминов, как «изофоны», «изоэты», «изосоциали», применительно к содержанию стоящих за ними процессов, сохранив за картографическим отображением явлений нейтральный термин «изолиния».

²¹ В этом отношении показателен пример В. Пизани («Этимология», М., 1956, стр. 116): «Слово *carnevale* — „карнавал“ обязано своим именем ... *carus navalis* — „колесница-корабль“ праздничных дионисийских и изидских процессий. Герман Узенер в своей книге о сагах, связанных с потопом, вполне справедливо относил к *carus navalis* повозки в виде лодки, на которых римские дамы выезжали на прогулку в дни карнавала еще в XVIII в., а также различные немецкие *Narrenschiffe* Однако несомненно и то, что, начиная с античной эпохи, христиане видели в *car(ru)navale* уже указание на *carne* — „мясо“, с которым расставались на период всего последующего поста, и в этом смысле переделывали слово на тысячи ладов».

бытового окружения, обнаруживающих этот параллелизм в истории слов и вещей. Практически не освоены в атласах фольклорные сюжеты, а сведения о народных поверьях и отдельных элементах обрядов в основном разбросаны в комментариях. Картографирование полифункциональных ареалов, фольклора и обрядового действия требует дальнейшей разработки методов семантического анализа карты и соответственно приемов картографирования сложных семантических структур. Эта задача частично может быть решена на материале бытовой и ремесленной терминологии, образующей достаточно разветвленную систему понятий. Карты «сани-волокуши» и «повозка» дают для территории Франции более 70 наименований (по изданным атласам), которые далеко не однозначно соотносятся с не менее разветвленной системой транспортных средств — от бревна с развилкой, употребляемого в качестве волокуши, до повозок на автомобильном ходу.

При современном объеме ареальных исследований в лингвистике и этнографии можно было бы ограничиться согласованием программ тематических атласов, не объединяя в одно издание сведения о языке и материальной культуре. Даже при разной картографической основе (трудность, в конечном счете, преодолимая) это создало бы предпосылки для решения целого ряда проблем как общеметодологического, так и частного значения, связанных с техникой картографирования и картографического анализа, вопросами типологии ареалов, реконструкцией лингвистических и культурно-исторических ареалов. Для ряда регионов Франции, Италии и Испании указанные проблемы уже могут быть поставлены на достаточном количестве примеров.

LINGUISTIC-ETHNOGRAPHIC ATLASES OF THE ROMANCE LANGUAGES

The contents of linguistic-ethnographic atlases of the Italian, French and Spanish languages are described. The number of such atlases has greatly increased since the publication of the «Atlas of Language and Material Culture of Italy and Southern Switzerland» by K. Jaberg and J. Jud (1928—1940). The reasons are elucidated that have caused linguists to turn to an integrated description of the cultural-historical environment as a condition under which language functions. Mention is made of the importance of the ideas of R. Mehringer, H. Schuchardt, and M. L. Wagner in the emergence of the «word-and-object» method that has found its reflection in the practice of linguistic geography. The conclusion is reached that the ethnographic material amassed by linguistic geography remains on the whole extraneous to linguistic maps. The problem is posed as to the necessity of co-ordinating future programs of areal studies in linguistics and in ethnography with reference to their common needs and to the particular demands the two disciplines make upon thematic cartography. Of common interest are methods of mapping complex semantic structures and of comparing linguistic areas with the boundaries of corresponding phenomena in material and intellectual culture.

В. Н. Вологодина

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ГАНЕ

Этнические процессы в странах, сравнительно недавно освободившихся от колониальной зависимости, отличаются значительным своеобразием и сложностью. Колониальное господство нарушило естественный ход этнической консолидации, в том числе сложившиеся межэтнические и внутриэтнические связи. В этих условиях особое значение имеет изучение языковой ситуации в развивающихся странах, так как в ней наиболее рельефно отражается сложность проблем этнического и национального развития, а решение проблем национальной консолидации чаще всего и в первую очередь упирается в решение языковых проблем.

Языковая ситуация в Гане типична для целого ряда многоязычных стран Африки, где в качестве государственного принят язык, не являющийся родным ни для одной из групп населения страны, в данном случае — английский.

Гана — государство со сложной этнической структурой. Политические границы Ганы, полученные в наследство от времен колониализма, таковы, что в ее пределах оказались народы разной этнической принадлежности с разными языками и культурой, существенно отличающиеся друг от друга по уровню своего социально-экономического развития.

Южную и центральную часть страны населяют акан. Это самая многочисленная и наиболее развитая этническая общность в Гане. По переписи 1960 г., их свыше 3 млн. Сюда входят следующие народы: ашанти — 895 тыс., фанти — 758 тыс., аквапим — 145 тыс., ачем — 114 тыс., денчюра — 33 тыс., нзима — 178 тыс., аньи-бауле — 103 тыс.¹ (аньи-бауле населяют также юго-восточные районы Берега Слоновой Кости) и т. д. В настоящее время четкие грани между народами этой этнической общности провести довольно трудно.

Севернее акан живут гуанг, или гонджа — 252 тыс., южнее (в центральных районах южной части Ганы) обитают га — 232 тыс. и адангме — 237 тыс.

Восточные районы южной части Ганы населяют эве; около 1 млн. эве живут также в Того. В Дагомее они почти полностью слились с родственными им фон, которые были известны под названием «восточные эве».

Еще более пеструю с этнической точки зрения картину представляет собой северная часть Ганы. По данным различных источников, на севере Ганы насчитывается до 30 различных народностей и племен. Основ-

¹ «Population Census of Ghana 1960. Tribes in Ghana», Accra, 1964. Общая численность населения Ганы по данным 1960 г. — 6727 тыс., по данным 1970 г. — 8546 тыс. чел. («Facts about Ghana», Accra, 1973). Более подробно об этническом составе Ганы см.: И. И. Потехин, Этнический и классовый состав населения Золотого Берега, «Сов. этнография», 1953, № 3; его же, Новое африканское государство Гана, «Сов. этнография», 1957, № 2; его же, Этнографические наблюдения в Гане, «Сов. этнография», 1958, № 3.

ные из них: гурма — 238 тыс., дагомба — 218 тыс., дагарты — 202 тыс., грусси — 148 тыс., фра-фра — 138 тыс., кусаси — 122 тыс., моси — 106 тыс., манде — 91 тыс. и т. д. Всего в северной части Ганы живет около 1,5 млн. чел.

По своей лингвистической принадлежности народы Ганы могут быть разделены на две основные группы. К первой группе относятся народы южной, а также центральной части Ганы — акан, эве, га, адангме. Языки народов этой части страны близки по структуре, т. е. грамматическому строю и словарному составу. Лингвисты объединяют их в так называемую группу *ква* (гвинейские языки). Доминируют здесь языки акан. Подсчитано, что свыше 70% населения страны говорит на языках группы *ква* или понимает их.

Языки акан делятся на две подгруппы — восточную и западную. В восточную подгруппу, которая обычно называется *тви*, входят диалекты ашанти, ачем, аквапим и др. Название «язык *тви*» не распространяется на диалект фанти. Однако различия между фанти и другими диалектами этой подгруппы незначительны, они сводятся только к фонетическим особенностям, поэтому фанти также причисляется к восточной подгруппе языков акан. Для диалектов ашанти, фанти, ачем, аквапим в 1962 г. была произведена унификация письменности, созданы единые правила орфографии.

В западную подгруппу языков акан входят диалекты ании, бауле, нзима, севфи, аанта. Если различия между диалектами в рамках первой подгруппы невелики и сводятся в основном к фонетическим особенностям, то различия между диалектами разных подгрупп более значительны, однако говорящие на них могут понимать друг друга.

Ко второй группе относятся народы северной части Ганы. В языковом отношении большинство народов этой части страны объединены в языковую группу *гур*. Среди лингвистов она известна также под названием *моси-грусси* или *вольтийской* (центральнобантоидные языки).

Языки *гур* можно разделить на несколько подгрупп: 1) *грусси* — диалекты касем и сисала; 2) *моси* (моле) — диалекты дагбани, кусаси, нанкансе, таленси, мампруси, дагарты; 3) *гурма* — диалекты бассари, моба и др. Из всех языков этой группы наиболее распространен дагбани (язык народности дагомба), он в той или иной степени знаком и понятен многим народам северной части Ганы.

По официальным данным, в Гане насчитывается около 60 языков и диалектов, более половины которых приходится на северную часть страны. Однако при внимательном изучении языковой ситуации становится очевидным, что цифра эта значительно завышена. Слияние мелких племен и народностей, двуязычие, создание новых этнических общностей неизбежно приводят к ассимиляции отдельных языков и диалектов, что не всегда учитывается лингвистами. В качестве примеров можно сослаться на языки некоторых племен, живущих на территории юго-восточной части Ганы и известных в научной литературе под названием «остаточных племен», а также на языки тех племен, которые проживают на территории расселения крупных народностей или по соседству с ними, в первую очередь с акан. Кроме того, различия между некоторыми так называемыми языками столь невелики, что нет оснований выделять их в самостоятельные языки. Но к этому вопросу надо подходить с большой осторожностью, иначе он из лингвистической плоскости легко может перейти в политическую.

Языки Ганы развиты очень неравномерно. В колониальный период развитие местных языков всячески задерживалось. Прежде всего, не все языки имели письменность. Письменность для языков акан (*тви*), эве и га была создана миссионерами в конце XIX в. на латинской основе. Из всех языков северной части страны только дагбани и касем имеют письменность, которая к тому же была создана значительно позже, уже после

первой мировой войны. Небольшая часть населения этой части Ганы пользовалась арабской письменностью.

Письменная литература у народов Ганы появляется лишь с начала XX в., в основном на английском языке. Издание книг на местных языках было почти невозможным, учитывая отношение колониальных властей к этим языкам; к тому же неграмотность населения до провозглашения независимости в Гане достигала 80%. На местных языках публиковались главным образом переводы библии, различные религиозные тексты, некоторые фольклорные записи и немногочисленные учебные пособия.

Местные языки, как правило, в школах изучались слабо. В немногочисленных школах, которые в основном принадлежали различным религиозным миссиям и церквям, преподавание велось сначала на одном из местных, затем на английском или на других европейских языках. В северной части Ганы школ почти совсем не было, не считая отдельных медресе (большинство народов этой части Ганы исповедует ислам). У учащихся подавлялся интерес к собственному языку и культуре, большинство из них, кончая школу, не могли ни читать, ни писать на своем языке.

После провозглашения независимости лингвистическим проблемам стало уделяться чрезвычайно большое внимание. В первые же годы правительство молодой республики стало проводить определенную языковую политику. Сохранив английский в качестве государственного языка, правительство объявило, что девять языков получат дальнейшее развитие как «официальные языки». Это — ашанти, фанти, аквапим, нзима, га, дангбе, эве, дагбани и касем. Их стали использовать пресса, радио и телевидение (давая параллельные тексты), на них издается теперь учебная и художественная литература. Практически количество официальных языков сводится к шести, так как диалекты ашанти, аквапим и фанти представляют собой единый язык, а дангбе — диалект га.

Перечисленные выше языки стали обязательными в системе школьного обучения. Обучение на местных языках на первых порах сопровождалось, значительными трудностями. Сказывалась острая нехватка квалифицированных преподавательских кадров, учебных пособий и т. д. Однако молодое государство успешно справляется с этой проблемой. Сейчас местные языки используются почти во всех школах, причем преподавание в сельских начальных школах ведется только на местных языках².

Введению местных языков в систему школьного обучения предшествовала большая подготовительная работа. В 1957 г. в Гане создается специальное «Бюро языков Ганы», призванное способствовать изучению и популяризации местных языков и в первую очередь оказывать помощь школе, обеспечивая ее учебными пособиями.

Особое внимание «Бюро языков Ганы» уделяет языкам акан. Здесь следует прежде всего отметить чрезвычайно важную работу по унификации письменности этих языков.

Как уже говорилось выше, письменность языков акан, в частности тви, была создана миссионерами в конце XIX в. В основу литературной

² Школа в Гане имеет три ступени — начальную (primary), промежуточную (middle) и среднюю (secondary). В начальную школу принимаются дети с 5—6 лет, но в некоторых районах Ганы имеются еще и подготовительные школы, куда принимаются дети в возрасте от 3 до 5 лет. Эти школы созданы в основном для детей, которые говорят на родном языке, отличном от того языка, на котором ведется преподавание в начальной школе. В школах второй и третьей ступени преподавание ведется на английском языке, но местные языки преподаются как обязательная самостоятельная дисциплина. По данным 1973 г., в Гане насчитывается 6684 начальные школы, 3604 школы второй ступени и 149 школ третьей ступени. В школах первых двух ступеней обучалось около 1,5 млн. детей, что составляет более 70% детей школьного возраста. В южных районах Ганы посещаемость школ приближается к 100% («The New Ghana», vol. II, № 1, 1973, p. 10).

формы языка тви лег диалект аквапим. Тогда же со стороны ашанти, главным образом их феодальной верхушки, возникло отрицательное отношение к языку аквапим, так как их учили учителя-миссионеры на языке аквапим и по учебникам на этом языке. Дело дошло до того, что каждое феодальное княжество, входившее в состав государства ашанти, желало иметь свой литературный язык. Впоследствии выдающийся исследователь языков Западной Африки Д. Вестерман создал три литературные формы языка тви — аквапим, ачем и ашанти. Литературная форма фанти была создана методистской миссией.

Единой системы орфографии языков акан, естественно, также не было. У каждого из них существовала своя орфография, предложенная в основном европейцами. И даже в каждом отдельном языке при записи текстов на диалектах последнего принятые правила орфографии не всегда соблюдались, поэтому тексты, записанные на одном диалекте, с трудом понимали говорящие на других диалектах того же языка.

Попытки унифицировать письменность языков акан предпринимались неоднократно. Вопросами унификации письменности языков акан занималась, в частности, профессор Лондонской школы восточных и африканских исследований Ида Уорд.

В 1952 г. в Гане (тогда еще колонии Золотой Берег) был создан специальный «Орфографический комитет акан», который приступил к разработке единой системы орфографии, однако колониальные власти вскоре его распустили.

После провозглашения независимости «Бюро языков Ганы» возобновило деятельность «Орфографического комитета». К его работе были привлечены видные ганские специалисты в области языков акан — К. Акрофи и Дж. Нкетиа, писатель А. А. Опоку, учителя школ и колледжей. Комитет призвал принять участие в его работе всех желающих. Этот призыв нашел отклик у многих энтузиастов. «Орфографический комитет» возглавил С. К. Ота, занимавший тогда пост директора «Бюро языков Ганы».

За сравнительно короткое время комитет разработал единую систему письменности языков акан, утвердил основные правила орфографии с учетом фонетических особенностей всех диалектов.

В 1961 г. вопрос об унификации письменности акан обсуждался в Национальной Ассамблее — парламенте Ганы. Этот факт говорит о том, что вопросы развития и внедрения местных языков занимали важное место в государственной политике.

Новые правила орфографии языков акан были изданы в 1962 г. отдельной книгой³. Правила касаются алфавита (который увеличился с 21 до 28 букв), транскрипции звуков, диакритических знаков, гармонии гласных, ассимиляции согласных. В книге приведены также литературные тексты в качестве примера использования новых правил. В предисловии к книге говорится: «Единая письменность языков акан будет способствовать образованию еще большей языковой общности и обеспечит широкое развитие нашей культуры»⁴.

Таким образом, благодаря созданию новой унифицированной письменности стало возможно широко использовать языки акан в первую очередь в системе школьного обучения. В настоящее время все начальные школы тех районов, где говорят на языках акан, обеспечены учебниками, хрестоматиями и другими учебными пособиями. Заканчивается подготовка к изданию учебных пособий на этих языках для школ второй и третьей ступени и колледжей (учительского, административных работников и т. д.).

³ «The writing of Akan», Accra, 1962.

⁴ Там же, стр. 3.

Говоря об изучении и популяризации языков акан, нельзя не сказать несколько слов о таких специалистах, как К. Акрофи и Дж. Нкетиа, чьи заслуги в этой области чрезвычайно велики.

Клемента Акрофи в Гане справедливо называют «отцом литературы на языке тви», «активным пропагандистом языка», «борцом за создание ганского национального языка». Он начал свою трудовую деятельность в 1922 г. в возрасте 22 лет преподавателем английского языка в учительском колледже пресвитерианской миссии, который он перед тем успешно закончил за два года, получив высшую квалификацию. После пяти лет работы в колледже, несмотря на тяжелую болезнь, К. Акрофи занялся исследовательской работой в области языка тви. Он подготовил ряд текстов в качестве пособий для преподавания этого языка в школе. А через несколько лет составил грамматику языка тви — «*Twi Kasa Mmara*» — первую грамматику тви, написанную самим носителем языка. Д. Вестерман, который вел с К. Акрофи обширную переписку, консультируясь с ним по поводу отдельных вопросов грамматики языка тви, дал очень высокую оценку его труду. В предисловии к этой книге Д. Вестерман указал на большое значение того, что у африканцев возрождается интерес к собственным языкам и культуре, и подчеркнул, что этот интерес надо всячески поддерживать и приветствовать, ибо для африканских народов польза от исследования их языков может быть только в том случае, если они будут изучены самими африканцами, говорящими и пишущими на этих языках⁵.

Грамматика К. Акрофи впервые была издана в 1937 г. и впоследствии неоднократно переиздавалась. До настоящего времени она остается ценным пособием.

После издания грамматики К. Акрофи работал над созданием словника, который в дальнейшем использовался при составлении школьных учебных текстов. В словник вошли слова не только на тви (аквапим, ашанти), но и слова, взятые из других диалектов, отличающиеся от тви по орфографии.

Материалы, собранные при составлении словника, были использованы впоследствии в книге «Учебник по орфографии языка тви». Обе названные книги К. Акрофи являются основными пособиями для изучения языка тви. Детально вникая во все особенности грамматического строя этого языка, он отошел от канонов и образцов, принятых многими европейскими учеными при изучении африканских языков.

При участии К. Акрофи издавалась серия школьных хрестоматий — «*Kan Me Nwe*». Он помогал известному ученому Дж. Б. Данква в издании фундаментального труда, посвященного фольклору народов акан — «*Nyankonsem*», а также другим исследователям и писателям. Практически все публикации на языке тви в 1928—1956 гг. осуществлялись при самом его активном участии или содействии.

К. Акрофи подготовил материалы для практического курса по языку тви для Кембриджского университета, составил сборник пословиц с переводом на английский язык и комментариями, занимался переводом английской литературы на тви и т. д. Таков далеко не полный перечень заслуг К. Акрофи в области изучения языка тви.

Большое значение для развития языков и литературы народов акан имеют труды Дж. Нкетиа. Будучи непревзойденным знатоком фольклора акан, он опубликовал «Песни народов акан», «Обычаи народов акан», «Похоронные плачи народов акан», а также несколько пьес. Дж. Нкетиа является директором Института африканских исследований, где руководит также работой по изучению языков Ганы. В частности, под его руководством идет подготовка аннотированного атласа и словаря языков акан.

⁵ «*Twi Kasa Mmara*», London, 1937, p. VII.

Одновременно с изучением и популяризацией языков акан «Бюро языков Ганы» проводит аналогичную работу и по другим языкам. В 1961 г. был издан большим тиражом ряд справочников («Language Guides») по основным языкам (тви, нзима, эве, га, дангбе, касем, дагбани). В 1963 г. вышло второе издание справочников. На этих языках была издана также учебная литература.

Большое значение придается изучению сложной языковой ситуации в северной части Ганы. В 1963 г. языковыми проблемами северной части Ганы занимался специально назначенный комитет, который должен был дать рекомендации о принятии в качестве официального одного языка из девяти, наиболее здесь распространенных — дагбани, нануми, гурума, моле, мампруси, кусаси, вали-лоби, бабал, фра-фра (в состав комитета вошли лица, говорящие на этих языках). Еще задолго до начала работы комитета велись горячие дискуссии по данному вопросу. Существовало два основных предположения — одно в пользу языка моле, другое в пользу языка дагбани. За моле высказался бывший тогда председателем «Бюро языков Ганы» К. Синтим-Абоадже. Он мотивировал свое предложение тем, что язык моле шире распространен и со временем вытеснит дагбани и другие языки, которые, по его мнению, являются диалектами моле, и сравнивал моле с языком тви. Однако предложение о принятии языка моле в качестве общего языка вызвало резкую оппозицию со стороны вождей северной части Ганы, которые усмотрели в этом предложении желание поставить в привилегированное положение народы, говорящие на языке моле. Несмотря на многочисленные разъяснения «Бюро языков Ганы», Палата вождей отклонила предложение о замене языка дагбани языком моле в качестве ведущего языка севера страны. Нашлись отдельные лица, которые стали говорить чуть ли не о покушении на суверенитет соседней Верхней Вольты, где язык моле также широко распространен.

Учитывая, что вопрос о замене языка может перейти в политическую плоскость, комитет не пришел тогда к определенному решению. Дагбани остался официальным языком для северной части Ганы.

Важная сторона деятельности «Бюро языков Ганы» — популяризация художественной литературы, призванной содействовать развитию местных языков. В свое время К. Акрофи писал: «Труды языковедов создают лишь фундамент языка, сделать же его живым могут только писатели. Без своих Шекспиров, Чосеров, Уитменов, рассказывающих народу на его родном языке, как прекрасна его страна, без своих Мильтонов, создающих эпические поэмы о прошлом своего народа, все усилия лингвистов, направленные на совершенствование языка, обречены на неудачу»⁶.

«Бюро языков Ганы» организует писательские объединения, где начинающим писателям оказывается всяческая помощь и поддержка. Для них создаются различные курсы, семинары и т. д. Одновременно «Бюро языков Ганы» принимает участие и в издании художественной литературы. И наконец, «Бюро языков Ганы» активно участвует в кампаниях по ликвидации неграмотности среди взрослого населения.

Особое внимание к языковым проблемам наблюдается в Гане в последние годы. Создание единой национально-политической общности неизбежно выдвигает вопрос и о едином национальном языке. В Гане все чаще и чаще высказываются мнения, что государственный язык должен быть ганским, независимо от того, кто говорит на нем, ибо «...народ, который не пользуется национальным языком, может легко почувствовать, что его национальная принадлежность неполна и что он страдает от интеллектуальной недостаточности»⁷.

⁶ «Иностранная литература», М., 1961, № 4, стр. 275.

⁷ «West Africa», London, № 2818, 18.6.1971, p. 682.

Проблема языка неоднократно обсуждалась в парламенте Ганы. Еще в 1961 г. выдвигались предложения о введении тви в качестве государственного языка. Этот вопрос долго дискутировался в парламентских кругах. И хотя большинство высказалось за введение в Гане нового государственного языка, предложение об использовании тви было отклонено ввиду его недостаточного развития и изученности. Тогда было вынесено решение об обязательном изучении тви во всех школах Ганы. Отмечалось, что введение одного из местных языков в качестве государственного вызвало бы нежелательные последствия.

В 1971 г. вопрос о замене государственного языка вызвал в парламенте не менее жаркие дебаты. Были высказаны разные точки зрения по вопросу о значении местных языков, о необходимости введения нового государственного языка, выдвигались самые различные предложения.

Некоторые парламентарии в 1971 г. высказывались в пользу избрания акан в качестве государственного языка, поскольку на нем говорит или его понимает около 70% населения Ганы, и он фактически становится основным в стране. Однако большинство пришло к выводу, что в настоящее время «в Гане невозможно выделить какой-либо язык на роль общегосударственного языка»⁸. Тогдашний министр просвещения Р. Ампонса, характеризуя языковую политику правительства, сказал: «Все основные языки Ганы должны иметь равные возможности в системе образования, с тем чтобы в далеком будущем один из них мог стать доминирующим языком и быть принят всеми»⁹.

Предложения о введении своего ганского государственного языка нашли широкую поддержку. Однако многие члены парламента высказались и за сохранение английского языка, считая, что менять государственный язык еще преждевременно. Они подчеркивали, что печальный опыт некоторых других стран мира должен предостеречь от такой попытки.

Надо отметить, что при существующей языковой ситуации недооценивать значение английского языка в общественной жизни Ганы нельзя. Внедрялся английский язык нелегко, и оппозиция к нему как к языку колонизаторов, безусловно, продолжает существовать. Первоначально английский язык считался языком африканской элиты, поскольку только она могла получить образование и, следовательно, изучить его. Однако постепенно английский язык стал входить во многие сферы общения (не говоря уже об управленческом аппарате и системе колониального образования) и занял там господствующее положение. Английский язык до сих пор служит средством общения многих народов, населяющих Гану. Он сыграл немалую роль в формировании национального единства, культурном строительстве народов Ганы, оказав влияние на развитие литературы и науки, способствовал проникновению современных знаний и т. д. Поэтому в Гане есть немало защитников английского языка. В статье, опубликованной в ганской газете «Дейли грэфик», говорилось: «Английский язык — часть нашей жизни, язык политики, правительственных служб, бизнеса и интернациональных связей, ...это не иностранный язык, а второй язык, который в Западной Африке усвоили в качестве собственного»¹⁰.

Для более интенсивного изучения африканских языков в настоящее время принят ряд новых мер. Активизировалась деятельность всех учреждений, занимающихся лингвистическими проблемами. Можно сказать, что практическая направленность успешно сочетается с большой научно-исследовательской работой. Первоначально научные исследова-

⁸ «West Africa», London, № 2817, 11.6.1971, p. 655.

⁹ Там же.

¹⁰ D. Williams, English — it's a part of West African's daily life, «Daily Graphic», Sept. 8, 1962, p. 7.

ния были сосредоточены в созданном вскоре после провозглашения независимости Институте африканских исследований при университете Ганы (Легон). Сейчас научными изысканиями в области местных языков занимаются также и в двух других университетах Ганы (Кумаси и Кейп-Кост). Здесь ведутся исследования по таким направлениям, как сравнительное изучение языков группы ква (акан, эве, га), прикладная лингвистика и т. д. Уже составлена аннотированная библиография по основным языкам этой группы, собраны образцы текстов, записанных при помощи фонетического оборудования. Начата работа по составлению словаря акан, подготавливается к изданию большая монография «Аннотированный лингвистический атлас Ганы». Ведется работа и по изучению языков группы гур: дагомба, бассари, моба, дагарты, касем, сисала и др. Исследователи ставят задачу выявить фонетические особенности этих языков, описать синтаксис, записать тексты и подготовить их переводы. Исследовательская работа сочетается с преподаванием названных языков студентам не только на специально организованных кафедрах, но и на других факультетах¹¹.

В 1970 г. в Аккре был создан специальный языковой центр — Институт языков Ганы, призванный координировать деятельность всех учреждений, связанных с лингвистическими исследованиями, подготовкой языковедческих кадров, изданием книг и т. д. В институте широко поставлено преподавание языков. В 1972/73 учебном году здесь обучалось свыше тысячи студентов, в том числе и из других стран. Институт имеет отделения в нескольких других городах Ганы. При институте организованы курсы переводчиков, а также курсы повышения квалификации преподавателей языков. На специальных летних семинарах языковую практику могут пройти учащиеся школ третьей ступени. Правительство оказывает Институту языков Ганы широкую финансовую поддержку.

Большое внимание уделяется сейчас проблеме многоязычия. Правительство ставит задачу ввести в школах обязательное изучение второго местного языка. Это положение отражено в одном из партийно-правительственных программных документов: «Мы должны изучать свои языки и культуру. Каждый ганец должен изучить в лучшем случае один из ганских языков, отличный от его собственного»¹².

Равноправие принятых в общении языков определяет дальнейшее развитие этнических компонентов населения Ганы.

Как решится языковая проблема в будущем, сейчас сказать нельзя, к этому вопросу надо подходить с большой осторожностью.

Может ли акан стать общегосударственным языком? Основания для этого существуют. Естественные процессы ассимиляции более мелких языков и диалектов, происходящие в результате тесных контактов народов, приводят к тому, что акан становится языком общения во многих бытовых сферах. И наконец, меры, принятые «сверху» — унификация письменности, обязательное изучение в школах, популяризация изданий на языке акан и т. д., — еще более укрепляют положение акан в качестве ведущего языка. Правда, сейчас еще преждевременно говорить о формировании в Гане единого национального языка. Однако нельзя забывать, что этнические процессы оказывают неизбежное влияние на языковые проблемы. Развитие и укрепление контактов между народами, процессы этнического смешения, как и большое социальное и культурное строительство, будут способствовать сглаживанию языковых различий, содействовать образованию нового государственного языка. Но, как справедливо отметил К. Акрофи, «любой язык, который будет домини-

¹¹ В высших учебных заведениях Ганы вводится новая программа обучения, согласно которой студенты в течение одного учебного года должны изучать языки, культуру и историю своей страны.

¹² «The charter of the national redemption council», Accra, 1972, p. 8.

ровать над другими языками в Гане в качестве национального языка, может достичь этого статуса только в результате естественного процесса, а не путем правительственных законодательных актов»¹³.

THE LANGUAGE SITUATION IN GHANA

The author examines the present-day situation of the country's major African languages, particularly that of Akan. The activity of Government organs and scholarly circles in working out a standard spelling for Akan and in introducing the language into the system of public education is described in detail. An important place is given to the propagation, besides Akan, of minor African languages, as well as to the role of English.

¹³ «Drum», Accra, Oct. 1961, p. 32.

И. В. Мордасова

РАЗЛОЖЕНИЕ РОДОВОГО СТРОЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ФАТАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ (СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Судьба, рок, божественное провидение — понятия, которые в течение многих веков занимали немаловажное место в трудах теоретиков религии — жрецов, богословов, религиозных мыслителей. В обыденном сознании с этими понятиями были связаны разнообразные суеверия, предрассудки, обряды. Уже древнейшие письменные памятники, относящиеся к раннеклассовым обществам, содержат многочисленные упоминания о судьбе. Естественно возникает вопрос: является ли вера в судьбу порождением только этой эпохи или ее корни уходят глубже, в недра родового строя? Ответ зависит в конечном счете от того, как исследователь трактует это понятие.

Наиболее распространена точка зрения, связывающая веру в судьбу с чувством несвободы, зависимости. Ее сторонники утверждают, что уже первобытный человек был фаталистом. Так, А. Г. Спиркин пишет, что в родовом обществе с его тождеством свободы и несвободы «поступки человека мыслились как выражение воли сверхъестественных сил, как неотвратимая и слепая власть судьбы»¹.

Согласно другой точке зрения, понятие судьбы формируется лишь в условиях раннеклассового общества². Оно определяется как форма религиозных представлений, отражающая нормативное воздействие на индивида общественного мнения, а не детерминированность вообще, в том числе и биологическую, как то вытекает из взглядов сторонников первобытного фатализма. Сужение видов детерминации, осознаваемых как судьба, приводит к тому, что она становится религиозным синонимом долга.

Несомненно, исследователи, допускающие, что в период первобытно-общинного строя человек уже был фаталистом, впадают в преувеличение. Повседневная практика человека той эпохи строилась по стереотипам, исключаям какой бы то ни было выбор. Даже у стоящих на более высокой ступени развития некоторых африканских племен система воспитания подрастающего поколения направлена на выработку традиционного поведения в определенных условиях. Так, по словам М. Фортеса, у африканских таллензи: «в любой конкретной социальной ситуации

¹ А. Г. Спиркин, *Сознание и самосознание*, М., 1972, стр. 288; ср.: С. С. Аверинцев, *Судьба*, «Философская энциклопедия», т. 5; R. Grundlach, *Schicksal* (art.), «Lexikon für Theologie und Kirche», 2 Aufl., Freiburg, 1964, Bd 9, S. 396; cp. H. Ringgren, *Schicksal* (art.), «Die Religion in Geschichte und Gegenwart», 3 Aufl., Tübingen, 1961, Bd 5, S. 1404.

² С. Пекарчик, *Вера в судьбу. Группа, индивид, эталоны поведения*, «Средние века», вып. 34, М., 1971.

каждый считает само собой разумеющимся, что другой участник дела уже знает или хочет узнать, как вести себя, чтобы это соответствовало ситуации и согласовывалось с уровнем его зрелости»³. Почти в тех же словах пишет о бушменах Й. Бьерре: «Бушменским детям не приходилось задаваться вопросом, что значит плохо или хорошо вести себя, ибо в них воспитывают отношение к традициям племени как к единственно возможной линии поведения»⁴.

То, что «само собой разумеется», мыслится как «единственно возможное» и не имеет отношения ни к воле духов, ни к слепой власти судьбы. Экстраординарные ситуации (болезни, несчастные случаи, смерть сородича) считались результатом магического вмешательства тех или иных сил — колдунов, злых духов. Существовали разнообразные, опять же магические, приемы, с помощью которых такое вмешательство можно было предотвратить. Здесь нет ни предварительной заданности событий, ни понимания воздействия как волевого, а именно эти черты прежде всего бросаются в глаза, когда мы говорим о судьбе.

Противоположная концепция, согласно которой судьба — это форма осознания индивидом воздействия общественного мнения, не вполне бесспорна. Ее сторонники отождествляют это воздействие с необходимостью следовать тем или иным эталонам поведения, причем на первом плане оказываются эталоны господствующей группы, ориентированные на такие ценности, как богатство, щедрость, доблесть и т. д. Сфера хозяйственной деятельности выпадает из поля зрения. Утверждается, что «року (рок и судьба для С. Пекарчика являлись синонимами. — И. М.) не подчинялись, как правило, явления природы — хорошая или дурная погода, урожай, бедствия голода, неожиданные недуги или вызванная ими кончина»⁵. Но этнографический материал показывает, что эти явления на определенном уровне включаются в сферу действия судьбы⁶. Отбросив производственную деятельность, сосредоточив свое внимание на деятельности воинов-профессионалов, на практике социального общения между ними, С. Пекарчик естественно приходит к выводу, что судьба — представление, связанное с классовой эпохой.

В упомянутых нами исследованиях совершенно справедливо отмечалось, что психологически чувство свободы связано с возможностью выбора в той или иной ситуации⁷. Соответственно несвобода — это ограничение выбора. Но, анализируя формирование представлений о судьбе, следует учитывать более сложное взаимоотношение между деятельностью, выбором и свободой.

Во-первых, в той или иной ситуации индивид не просто выбирает линию поведения. Осуществляется выбор между оценками, применимыми к возникшей ситуации, мотивами, которые могут быть сформулированы с учетом данной оценки, конкретными целями, реализующими мотив, действиями, ведущими к достижению намеченной цели. Иными словами противостоящие друг другу возможности могут быть связаны с различными элементами в структуре деятельности. Далеко не однородны и сами ситуации, с которыми сталкивается человек: одни имеют сиюминутное значение, от решения других зависит вся жизнь. Достаточно обратиться к сфере производства с его постоянно возрастающей специализацией и

³ Цит. по кн.: «Исследование развития познавательной деятельности», М., 1971, стр. 91.

⁴ Й. Бьерре, *Затерянный мир Калахари*, М., 1963, стр. 90.

⁵ С. Пекарчик, *Указ. раб.*, стр. 96.

⁶ О повериях подобного рода у батаков см.: W. Engel, *Die Shicksalsidee im Alttertum*, Erlangen, 1926, S. 5; у ванканзе см.: J. Zwernemann, *Präexistenz und Prädestination im Volta — Gebiet und im Aberguinea*, «Zeitschrift für Ethnologie», Bd. 85, Hf. 2, 1960, S. 189.

⁷ А. Г. Спиркин, *Указ. раб.*, стр. 284; С. Пекарчик, *Указ. раб.*, стр. 104.

усложнением технологии, чтобы убедиться, что каждая эпоха предоставляет возможности для выбора в различном объеме и на различном уровне⁸. Поэтому, говоря о судьбе, необходимо прежде всего определить, какого уровня должно достигнуть разнообразие деятельности, чтобы его ограничения стали мыслиться в той или иной форме.

Во-вторых, следует иметь в виду несоответствие того количества свободы, т. е. разнообразия решений для данной ситуации, которым обладает общество в целом, и того количества свободы, которое оно предоставляет отдельному индивиду. На последнего может быть наложен целый ряд ограничений, связанных с его принадлежностью к той или иной социальной группе: касте, цеху и т. д. В рамках одной группы с достаточно четкими границами при распространении соответствующих ограничений на всех ее членов они подчас воспринимаются как само собой разумеющиеся, закономерные. Хотя ограничения, существующие внутри группы, менее очевидны и воспринимаются как индивидуальные, но именно они, будучи социально обусловленными, вступая в противоречие с внешне равными возможностями, порождают фаталистические настроения. Наглядный пример тому — кальвинистское учение о предестинации, связанное с возникновением буржуазного общества «равных возможностей».

Сказанное справедливо и для тех случаев, когда ограничения не связаны непосредственно с социальными процессами, протекающими в обществе. Мы имеем в виду включение в сферу представлений о судьбе несчастных случаев, болезней, смерти, количества детей (бездетности). Очевидно, что все эти явления оказывают самое непосредственное влияние на деятельности индивида, обуславливают ее. В связи с этим они также подразделяются на «закономерные» (в данном случае — нормальные) и «случайные» (отклоняющиеся от нормы). Норма — это средняя, а следовательно, социально обусловленная продолжительность жизни, среднее количество детей и т. д. По некоторым показателям норма будет варьировать не только от эпохи к эпохе, от народа к народу, но и в рамках одного и того же общества от одной социальной группы к другой. Так, у воинов-профессионалов существовали иные представления о нормальной продолжительности жизни, чем у общинников-земледельцев.

Исходя из сказанного, мы видим свою задачу в том, чтобы вычленив в мировоззрении родового и раннеклассового обществ элементы, объясняющие случайные, незакономерные ограничения деятельности. Объем работы позволяет рассмотреть, да и то схематично, лишь основные «фаталистические» представления этих эпох.

* * *

В условиях родового общества наиболее весомыми социальными характеристиками индивида были пол, возраст, место в системе кровнородственных отношений. Они определяли принадлежность человека к той или иной социальной группе и целый ряд соответствующих ограничений, а также место индивида в производственной деятельности коллектива, имели решающее значение при разделении труда и распределении добычи. Следовательно, доля индивида в коллективном производстве и потреблении строго регулировалась и не могла мыслиться как нечто случайное. Поэтому нам кажется спорным распространенное мнение (основанное исключительно на анализе терминов судьбы, например, древне-

⁸ О структуре деятельности и ее развитии см.: А. Н. Леонтьев, Проблема деятельности в психологии, «Вопросы философии», 1972, № 9; его же, Деятельность и сознание, «Вопросы философии», 1972, № 12.

греч. μοιρα), что представление о судьбе генетически связано с понятием доли, получаемой при разделе добычи⁹.

Низкий уровень развития производства, его коллективный характер не позволяли осуществлять выбор на уровне мотивов, целей, действий. Единственный элемент в структуре деятельности, который варьировался, — это ее эффективность. Тот простой факт, что деятельность не всегда удовлетворяет стимулировавшую ее потребность, должен был известным образом осознаваться. С одной стороны, он требовал причинного объяснения и находил его в магических представлениях, с другой — он должен был оцениваться теми, кто заинтересован в результатах данной деятельности (родом, общиной). Разнообразие простых форм деятельности, в которые одновременно были вовлечены члены рода или общины, приводило к тому, что неудача в одной из хозяйственных сфер, например рыболовстве, не ставила под угрозу само существование коллектива. Ее компенсировал успех в собирательстве или охоте и т. д. Возникает представление о том, что удача и неудача распределены равномерно как во времени, так и среди членов коллектива. «По воззрениям долган, — пишет А. А. Попов, — счастье-удача во всем выпадала человеку перед большим несчастьем, а ограниченной удачей обладал почти каждый. Один добывал много диких оленей, другой песцов, у третьего не пропадали олени и быстро размножалось стадо, у четвертого много родилось детей»¹⁰. Подобный же взгляд на удачу мы находим у многих народов, в том числе имеющих развитые представления о судьбе. Интересен следующий отрывок из «Старшей Эдды» («Речи Высокого» *Hávamál*):

«Хворый судьбой не совсем обездолен:
Этот счастлив сынами (*Sonomsæll*),
этот близкой родней, этот богатством,
а этот деяньем»¹¹.

Счастье, удача — *sæll* — имеет в древнесеверных памятниках многочисленные модификации: *sigrsæll* (счастье в победе), *arsæll* (счастье в земледелии), *byrsæll* (счастье в путешествии) и т. д. Причем, как и в примере с долганами, все разновидности «специализированного» счастья могут выпасть на долю человека независимо от его социального положения. Как показал В. Бэтке, даже военная удача (*sigrsæll*) может быть достоянием не только конунга, но и ярда, крестьянина, разбойника. Напротив, *arsæll*, приложенное к конунгу, означает, что на его правление пришлось урожайные годы¹². Равномерное распределение удачи и неудачи, по существу признание их случайного характера, не требует от человека глубокого объяснения их природы. Это объяснение может быть дано на основе магических представлений или вовсе отсутствовать. Специализация удачи, с другой стороны, вполне отчетливо отражает тенденцию к специализации членов коллектива в той или иной сфере.

Разделение труда приводит к переосмыслению удачи и неудачи. Это вполне понятно, так как в новых условиях на эффективность деятельности наряду с чисто внешними обстоятельствами все более решающее влияние оказывают индивидуальные особенности (способности, умение и т. д.). Удача или неудача приобретает более регулярный характер и,

⁹ M. Nilsson, *Geschichte der griechischen Religion*, Bd. 1, München, 1955, S. 362.

¹⁰ А. А. Попов, *Пережитки древних дорелигиозных воззрений долган на природу*, «Сов. этнография», 1958, № 2, стр. 94.

¹¹ «Старшая Эдда», М. — Л., 1963, стр. 21; ср. «Edda. Die Lieder der Codex Regins nebst verwandten Denkmälern», hrsg. von G. Neckel, Heidelberg, 1936.

¹² W. Baetke, *Yngvi und Ynglinger*, «Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philologisch-historische Klasse», Bd 109, Hf 3, Berlin, 1964, S. 22—25.

главное, становится более очевидной. По мере сужения в связи со специализацией видов деятельности, в которые вовлечен человек, неудача в одной из них вызывает все более тяжелые, порой трагические последствия. В то же время и коллектив более пристально наблюдает за деятельностью отдельного индивида. Если раньше неудача одного охотника восполнялась успехом десятка других, то теперь неэффективная деятельность единственного кузнеца, вождя, жреца мыслится как ничем не восполнимая.

Происходит смещение акцентов. Результат деятельности данного индивида относительно стабилизируется, перестает быть случайным. Это предполагает наличие какого-то постоянно действующего фактора; между тем магическое воздействие колдунов, духов, божеств носит эпизодический характер и не может выполнять данной функции. Религиозное сознание может предложить ряд решений, но независимо от их специфики предполагает, что факторы, определяющие постоянный успех одних индивидов и постоянные неудачи других, имеют случайный характер.

Исторически засвидетельствовано два основных типа объяснения соответствующей эффективности деятельности. Первый — это *нагуализм*. Каждый человек имеет свой *нагуаль* — фетиш, животное, дух. Этот нагуаль или рождается или изготавливается при рождении человека, сопровождает его в течение всей жизни, определяет все происходящие с ним события, умирает вместе с человеком. Существование человека и нагуаля — это единое бытие, но как бы разворачивающееся в двух измерениях. Своими корнями нагуализм уходит в тотемические представления (индивидуальный тотемизм можно трактовать как разновидность нагуализма) и завершает свое развитие в духах судьбы, к числу которых могут быть отнесены греческий *δαίμων*, латинский *genius*, скандинавская *fylgja*, славянская *доля*, *срећа*¹³. Связь нагуализма с простейшими представлениями об удаче, в том числе и «специализированной», хорошо демонстрирует латышская *laima*. Это не только счастье, удача, имеющее свои разновидности: *bišu laime* (везение в пчелах), *otram uz zirgeim laime* (везение в коневодстве), *māju laime* (везение в домашнем хозяйстве), но в некоторых случаях и дух-защитник, дух-спутник¹⁴.

Другой религиозный феномен, с помощью которого объяснялась соответствующая эффективность деятельности, — *мана*. Р. Кодрингтон, введший в 1874 г. в научный оборот этот меланезийский термин, писал, что *мана* «...это сила или действие не физическое, а в известном смысле сверхъестественное, оно проявляется в телесной силе или в различных способностях, которыми владеет человек» (курс. наш — И. М.)¹⁵. Телесная сила, физические способности человека достаточно очевидны и могли быть осознаны довольно рано. Но более сложные нормы производственной и социальной деятельности требовали более сложного комплекса способностей. И последние как бы синтезировались в понятии маны, единственным критерием присутствия которой была эффективность деятельности. По словам того же Кодрингтона, «всякий заметный успех есть доказательство того, что человек имеет ману»¹⁶. Именно внешняя сторона дела и составляет основу для перехода от «специализированной удачи» к мане. В Полинезии, на Маркизских островах, о мане каждого мастера (*tuhuna*) судили по той деятельности, в которой он был наибо-

¹³ О нагуализме см.: С. А. Токарев, Ранние формы религии и их развитие, М., 1964, стр. 306—321.

¹⁴ A. Johansson, Der Schrimherr des Hofes im Volksglauben der Hetten, «Acta universitatis Stockholmiensis. Studies in comparative religion», 5, 1964, p. 145.

¹⁵ В письме М. Мюллеру (M. Müller, Lectures on the origin and growth of religion, London, 1874, p. 5).

¹⁶ R. Codrington, The Melanesians, Oxford, 1891, p. 120.

лее искусен¹⁷. Почти повсеместно бытовало представление, что неудача приводит к потере маны.

Очевидно, эти представления об эффективности деятельности, сходные с меланезийским представлением о мане, должны были на определенном этапе появиться у всех народов, в том числе и европейских. В философском аспекте проблему способностей впервые поставил Платон, причем решал ее фаталистически, рассматривая способности как врожденные, но не унаследованные¹⁸. Однако и в доплатоновскую эпоху с ее достаточно сложными производственными отношениями способности человека должны были как-то осознаваться. В еще большей степени это относится к народам, у которых философское мышление не получило сколько-нибудь заметного развития. Сразу же оговоримся, что специфика культурного развития того или иного народа могла наложить свой отпечаток на религиозное осмысление способностей. Так, например, для древнегерманских племен и народностей исследователи выделяют целый ряд понятий, в различной степени соответствующих мане. Это *heil*, *hailingja*, *megin*¹⁹. *Megin* — это сила, которую боги черпают у земли (*iag ardmegni*); они же наделяют ею людей, ибо первые люди, согласно «Прорицанию вельвы», бессильные (*megandi*). Здесь имеется определенное соответствие мане, которая также разлита в природе. «Старшая Эдда» неоднократно прилагает к природным объектам эпитет *heilagr*²⁰. Др.-герм. *heil* очень интересно по своей семантике: «весь», «здоровый», «счастье». Это совокупность жизненных сил человека, его способностей. *Heil* — свойство динамичное, его можно приобрести, потерять и т. д. В то же время наличие или отсутствие *heil* связано у германцев с судьбой человека — эпитетом *horfin-heilla* обозначался человек с темным, неясным будущим. Наконец, *hamingja* — это способности, задатки, наследуемые человеком. Ее передают с именем, в висе (стихотворении) с перечнем предков и т. д. В *hamingja* мана сближается с нагуалистическими представлениями, иногда это дух-хранитель, сходный с *fylgja*²¹.

Менее изучен вопрос о соответствиях мане у славян. Здесь сопоставления могут иметь лишь самый предварительный характер. Так, прасл. *сѣлъ*, ср. русск. «целый», в какой-то степени сближается с др.-герм. *heil*. Важно учитывать не только значение «весь», но и такие производные, как «целовать» и «исцелять». Первому соответствует магическая передача *heil*, в том числе с приветствием. Второму — *heil* в значении «здоровье»²². Другая возможная аналогия — это прасл. * *svetъ*. По мнению В. Ташицкого, в общеславянских сложных именах Святополк, Святослав, Святovit, Святомир и т. д. эта основа имела значение «сильный»²³. Значение «святой», на котором настаивают М. Фасмер и Т. Милевский, не соответствует воинскому характеру имен и делает некоторые из них непереводимыми²⁴. В то же время сближение представлений о силе и об особом харизматическом даре, святости, не случайно. Оно характерно не только для славянских языков, но встречается и у других европейских народов: др.-ирл. *nóib* и *niab* — соответственно «жизненная сила» и «свя-

¹⁷ E. S. C. Handy, Polynesian religion, Honolulu, 1927, p. 26.

¹⁸ К. К. Платонов, Проблема способностей, М., 1972.

¹⁹ J. de Vries, Altgermanische Religionsgeschichte, Berlin, Bd 1, 1956, S. 268, 336.

²⁰ E. Neumann, Das Schicksal in der Edda, Giessen, 1955, S. 34.

²¹ W. Wirth, Das Schicksalsglaube in der Islandsagas, Stuttgart, 1940, S. 111, 112.

²² М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. 4, М., 1974, стр. 297.

²³ W. Taszycki, Rozprawy i studia polonistyczne, t. IV, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, s. 23.

²⁴ М. Фасмер, Указ. раб., т. 3, стр. 585; Т. Milewski, Indoeuropejskie imiona osobowe, «Prace komisji językoznawstwa, PAN», № 18, Wrocław, 1969. О воинском характере имен см. В. В. Иванов, В. Н. Топоров, К реконструкции праславянского текста, «Славянское языкознание. V Международный съезд славистов», М., 1969, стр. 126.

щенный», др.-греч. ἰερός «сильный, живой, священный»²⁵. Уже упоминавшееся др.-герм. *heil* — это не только «счастье», но и «здоровье», а его производное — *heilagr* получает значение «святой»²⁶. В этом сближении отразился один из важнейших этапов в развитии общества, охарактеризованный К. Марксом и Ф. Энгельсом как «действительное разделение труда», выделение духовного производства в особую сферу и совпадающее с этим процессом обособление жречества²⁷. Выполнение функций жреца, колдуна, шамана и т. д. требовало целого комплекса способностей, психических свойств. Они не всегда имелись у человека от рождения, однако даже их приобретение путем искуса осмыслялось как дар духов, богов, других представителей, как правило умерших, жреческого сословия, т. е. в любом случае как случайное, произвольное по отношению к человеку.

К. Маркс и Ф. Энгельс следующим образом определяли психологические последствия разделения труда: «Собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей силой, которая угнетает его, вместо того, чтобы он господствовал над ней»²⁸. В какой-то степени уже представление об удаче и неудаче было шагом на этом пути отчуждения деятельности, но лишь в форме маны это отчуждение приобрело систематический характер. Являясь осмыслением такого важного компонента в структуре личности, как способности, мана в то же время мыслится существующей вне человека и независимо от него, она разлита в природе, ее можно приобрести и потерять, возникает сложный ритуал, направленный на сохранение и сбережение маны.

В литературе неоднократно обращалось внимание на то, что представления о мане служили обоснованием социального неравенства. Если принять трактовку маны как способностей, то подобная коллизия закономерна. Закрепление той или иной деятельности, тех или иных социальных функций мотивируется тем, что у данной социальной группы (рода, семьи) существуют способности (мана) к осуществлению этой деятельности. В то же время этот шаг в общественном развитии порождает конфликт между тем, что группа ожидает от индивида, выполняющего определенную ему функцию, и теми возможностями, которые имеются для этого у индивида. Наследуя от своих родителей сферу деятельности, человек склонен рассматривать ее, а точнее переживать, как чуждую, случайную, особенно при отсутствии соответствующих способностей. Именно на этой ступени деятельность человека и становится его «долей», «уделом». По Д. Томсону, такой смысл вкладывался первоначально в др.-греч. μοῖρα. Даже μοῖρα θεῶν — «судьбы богов» — не что иное, как определенные им сферы могущества²⁹. Шумерское *me*, аккадское *parṣu* обозначали и определенные хозяйственные функции, и предопределение³⁰. Представления о детерминированной свыше профессии пришли на смену представлениям о детерминированных здоровье, жизненной силе в Древнем Египте (конец Среднего царства)³¹. Эти примеры отно-

²⁵ W. Havers, Die Religion der Urindogermaner im Lichte der Sprache, «Christus und Religion der Erde», 2 Aufl., Bd. 2, Freiburg, 1956, S. 732—734. А. Д. Вейсман подчеркивает, что для ἰερός значение «сильный», «мощный» было первоначальным и указывает на связь со словом — «сила», «мускул». См. «Греческо-русский словарь», изд. 5, СПб., 1899, стр. 623, 624.

²⁶ J. de Vries, Altnordisches etymologisches Wörterbuch, Leiden, 1961, S. 73.

²⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 30.

²⁸ Там же, стр. 31.

²⁹ Д. Томсон, Исследования по истории древнегреческого общества, т. I, М., 1958, стр. 333.

³⁰ В. А. Белявский, Вавилон легендарный и исторический, М., 1972, стр. 109.

³¹ S. Mogenz, Untersuchungen zur Rolle des Schicksal in der ägyptischen Religion, «Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philologisch-historische Klasse», Bd 51, Hf 8, S. 15.

сятся к культурам с развитыми ремеслами, искусством, но в обществах с более однородной деятельностью по существу наблюдается та же самая картина. «Доля», «удел» существуют в иерархическом плане: доля конунга, ярда, воина, земледельца и т. д.

Важно подчеркнуть, однако, что несходство «доли», конунга с «долей» простого воина, «удела» торговца с «уделом» земледельца воспринималось в раннеклассовую эпоху как само собой разумеющееся, данное от природы. Представление же о счастливой или несчастной судьбе возникало, прежде всего, из сравнения результатов деятельности людей, обладавших одинаковым социальным статусом, т. е. источником фаталистических настроений было формальное признание «равных возможностей» за всеми членами той или иной социальной группы, касты, слоя. Но каков был механизм этих настроений? Всякая деятельность, помимо ее реального значения для общества, имеет и личностный смысл для занимающегося ею индивида. По теории А. Н. Леонтьева, личностный смысл образуется отношением цели данной деятельности к ее мотиву, включающему эту деятельность в деятельность более высокого порядка³². Например, цель воина во время битвы — уничтожение противника, но мотивом может служить либо стремление к почету, либо самосохранение. Последний мотив при некоторых условиях позволяет человеку поставить иную цель — уклониться от соприкосновения с неприятелем. Мотив является необходимым условием деятельности, но в некоторых ситуациях он действует в неявной форме. Самое же главное в том, что сохраняющаяся в условиях раннеклассового общества система ценностей еще в значительной мере отражает отношения предшествующего периода и вступает в противоречие с реальным опытом индивида³³. В этих условиях предписанная ему линия поведения во многих случаях представляется неоптимальной, немотивированной. Казалось бы, должна возникнуть «бессмысленная» ситуация, но в нее вводится универсальный мотив — судьба, который в данном случае является формой самооправдания индивида, капитулирующего перед обществом. Этот же универсальный мотив оказывается удобным и для «маскировки», зачастую бессознательной, тех действительных мотивов, руководящих индивидом, которые он не может публично выразить. Агамемнон, оскорбив Ахилла, говорит: «Я не виновен, а виновны Зевс, мойры и ходящая во мраке Эриния, которые во время народного собрания вложили мне в сердце дикое ослепление»³⁴. Отчуждение мотива деятельности — один из важнейших компонентов представлений о судьбе. Но в этот комплекс включаются и предшествующие формы фаталистических представлений: удача, мана, нагуаль.

Подводя итог, мы должны еще раз подчеркнуть, что развитие фаталистических мотивов в ту или иную эпоху находится в прямой зависимости от степени отчуждения деятельности от совершающих ее индивидов и что наиболее точную характеристику этих мотивов мы находим в приводившемся выше высказывании Маркса и Энгельса. Судьба как религиозная идея интересна тем, что она весьма тонко отражает изменения в структуре деятельности, в ее распределении между членами коллектива.

Мы старались показать, что далеко не сразу к судьбе стала возводиться *вся* действительность, первоначально это были ее отдельные фрагменты, и в этих ограниченных рамках человек считал себя сопричастным нематериальным силам. Разрастание этих фрагментов, охват ими всей действительности оказывается теснейшим образом связанным с идеей бога.

³² А. Н. Леонтьев, Деятельность и сознание, стр. 136—140.

³³ Е. М. Штаерман, Эволюция идеи свободы в древнем Риме, «Вестник древней истории», 1972, № 2.

³⁴ Гомер, Илиада, XIX, 86—9.

DISINTEGRATION OF PRIMITIVE SOCIETY AND THE RISE OF FATALISTIC CONCEPTS

The author examines the problem of the origins of the belief in Fate. This belief is regarded as a reflection in religious form of the alienation of man's activity in the course of the division of labour. The evolution of fatalistic motifs is considered as a function of the level reached in this process and of the mode by which activity is alienated from the acting individual. The religious concepts, that, having arisen within primitive society, later became elements of a belief in Fate, are based on the same processes. These are primarily ideas of good and bad luck based upon the results (effective or otherwise) of activity, and the concept of *mana* giving a religious interpretation of man's capacity for a certain type of activity. A decisive role in the development of a belief in Fate was played by the contradiction (characteristic of early class society) between the objective social value of human activity and its subjective personal meaning.

А. В. Чернецов

К ИЗУЧЕНИЮ ГЕНЕЗИСА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПАХОТНЫХ ОРУДИЙ

Истории восточнославянских пахотных орудий отведено значительное место в работах отечественных исследователей¹, однако ряд важнейших вопросов до сих пор еще не решен. Так, появление в Восточной Европе плуга — пахотного орудия с односторонним отвалом одни исследователи относят к первым векам нашей эры², другие — чуть ли не к XVIII в.³ Нет единства взглядов и на проблему происхождения основного традиционного орудия русских крестьян — сохи⁴. Такое положение объясняется не только скудостью источников (русские изображения пахотных орудий появляются лишь с конца XV в., а археологический материал, содержащий металлические наконечники — наральники, сошники, лемехи этих орудий, — дает очень ограниченную информацию по истории пахотных орудий)⁵, но и тем, что ряд историков-аграрников фактически отрицает самую возможность исторического изучения пахотных орудий. Ими в принципе отвергается общепринятый (в частности, в археологии) и вы-

¹ Н. А. Рожков, *Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.*, М., 1899; Дм. Зеленин, *Русская соха, ее история и виды*, Вятка, 1907; П. Н. Третьяков, *Подсечное земледелие в Восточной Европе*, «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», 1932, т. XIV; В. П. Левашова, *Сельское хозяйство*, сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», «Труды Государственного исторического музея», вып. 32, М., 1956; А. В. Кирьянов, *История земледелия Новгородской земли X—XV вв.*, сб. «Труды новгородской археологической экспедиции», т. II, М., 1959; В. И. Довженко, *Землеробство в древней Руси до середины XIII ст.*, Киев, 1961; Г. Е. Кочин, *Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства*, М.—Л., 1965.

Исследования советских этнографов касаются главным образом истории восточнославянских пахотных орудий XVIII—XX вв. и в основном посвящены их описанию и классификации. Наиболее важны в методическом отношении работы: Г. Г. Громов, *Подсечно-огневая система земледелия крестьян Новгородской губернии в XIX—XX вв.*, «Вестник МГУ», Историко-филологическая серия, 1958, № 1; его же; *География пахотных орудий русских крестьян в XIX в.*, сб. «Доклады по этнографии. Географическое общество СССР», Л., 1967; Д. В. Найдич-Москаленко, *О происхождении и классификации русских пахотных орудий*, «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1959, № 1; Ю. Ф. Новиков, *О некоторых закономерностях развития орудий обработки почвы в России*, сб. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», V, М., 1962. Интересный, хотя и спорный, опыт использования данных письменных источников о пахотных орудиях для решения узловых исторических проблем, см. А. В. Арциховский, *Социологическое значение эволюции земледельческих орудий*, «Труды секции археологии РАНИОН», М., 1927; И. Смирнов, *Образование Русского централизованного государства*, «Вопросы истории», 1946, № 2—3.

² Историография вопроса см. Ю. А. Краснов, *К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры*, «Краткие сообщения Ин-та археологии», 1972, 128.

³ Г. Е. Кочин, *Указ. раб.*, стр. 45—47; см. также А. В. Чернецов, *К вопросу о происхождении восточноевропейского плуга и русской сохи*, «Вестник МГУ», История, 1972, № 2.

⁴ Историографию вопроса см.: А. В. Чернецов, *Указ. раб.*, стр. 77.

⁵ Ю. А. Краснов, *К проблеме эволюции рала (об одном широко распространенном заблуждении)*, сб. «Древние славяне и их соседи», М., 1970; А. В. Чернецов, *О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий*, «Советская археология» (далее — СА), 1972, № 3, стр. 136, 137.

державший испытание временем формально-типологический метод⁶, как якобы непригодный при изучении земледельческих орудий в силу того, что их конструкция определяется только функциональными (включая сюда и соответствие орудий конкретным почвенным и ландшафтным условиям) и социально-экономическими факторами⁷. Такая категоричность, по-видимому, объясняется недостаточным знакомством с литературой, посвященной формальной типологии других орудий труда⁸ и боевого оружия⁹. Едва ли хоть один исследователь, занимавшийся формальной типологией орудий труда, отрицал значение для выработки их формы и конструкции функциональных моментов. Но в то же время определяющую роль последних не следует переоценивать. Соответствие формы и конструкции орудия природной среде, системе и технике земледелия не абсолютно, а относительно. На одних и тех же землях и в тех же условиях орудия могут варьировать в известных пределах (и действительно варьируют, например вследствие экономического расслоения крестьянства¹⁰) и при этом сохранять в конструкции следы генезиса, культурно-исторических традиций. Устойчивость этих традиций определялась инерционностью технического мышления крестьян. Поиск новых форм не мог осуществляться иначе, кроме как методом «проб и ошибок», при котором за первооснову всегда бралась традиционная модель. Данные этнографии показывают, что крестьяне нередко ошибочно объясняли значение тех или иных элементов конструкции своих пахотных орудий и предпочитали ссылаться на традицию¹¹, что переход к новым, более прогрессивным формам орудий затруднялся вследствие консерватизма крестьянской идеологии (например, старообрядцы отказывались пользоваться косулей как новшеством)¹². Характерно, что колонисты, принимавшие участие в освоении южнорусских степей, приносили с собой свои традиционные пахотные орудия¹³ и не использовали местный украинский плуг, хотя он и был хорошо приспособлен к местным условиям. Важные достоинства традиционных орудий, частично утраченные современной агротехникой¹⁴, объясняются тем, что при чрезвычайно медленном эмпирическом поиске неудачные формы орудий сами собой отмирали в силу экономических причин, а удачные мало-помалу совершенствовались. При описанном способе эволюции орудий типологический ряд, составленный из переходных форм, является отражением реального процесса развития конструкции орудий и никак не противоречит определяющей роли функции в этом процессе.

Ученые, отрицающие правомерность применения формально-типологического метода при изучении истории пахотных орудий, отмечают, что

⁶ Существо метода изложено, в частности, в кн. А. С. Амальрик, А. Л. Монгайт, В поисках исчезнувших цивилизаций, М., 1966, стр. 106—112.

⁷ См.: Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Некоторые вопросы агроэтнографических исследований, СЭ, 1967, № 1; ср. Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии, СЭ, 1967, № 3.

⁸ См., например, В. П. Левашов, Указ. раб., стр. 60—73, табл. 16, 17 (эволюция металлического серпа), стр. 40—48 (типология железного топора); отмечается, что некоторые формы топоров могут рассматриваться как этнический признак. См. также W. M. Flinders Petrie, Tools and weapons, London, 1917.

⁹ А. Н. Кирпичников, Древнерусское оружие, вып. 1—2, М., 1966, вып. 3, Л., 1971; J. Petersen, De norske vikingsverd, Kristiania, 1919.

¹⁰ Ф. Я. Полянский, Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма, М., 1954, стр. 228; E. C. Sifton, Plough and pasture, London, 1946, p. 70.

¹¹ В. С. Мамонов, Старинные орудия обработки почвы из села Староселье на Днестре, СЭ, 1962, № 4.

¹² Д. М. Зеленин, Указ. раб., отр. 79, 152, 180, 181.

¹³ А. А. Скалковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. II, Одесса, 1853, стр. 65—67; «Описание некоторых в Малороссии употребительных плугов», «Технологический журнал», т. I, ч. II, СПб., 1804.

¹⁴ Ю. Ф. Новиков, Указ. раб. и другие его работы. Ср. Критическое описание традиционных пахотных орудий в статье В. П. Горячкина, Соха, косуля, сабан, «Полная энциклопедия русского сельского хозяйства», т. IX, СПб., 1905.

в конструкции орудий нет нефункциональных частей. С этим никто не спорит. Однако не все элементы конструкции орудия имеют одинаковую значимость с точки зрения механики. Так, первостепенное функциональное значение имеет взаимное расположение точек, к которым приложены основные силы, действующие на орудие (сила тяги, сила сопротивления почвы и сила пахаря), расположение центра тяжести, ширина и глубина борозды, характер трущихся поверхностей и т. п. Особенности же формы отдельных частей орудий в тех местах, где к ним непосредственно не прикладывается сила, способы соединения этих частей между собой могут варьировать, не оказывая существенного влияния на функции орудия. Именно эти черты и являются основными для формальной типологии. Отметим, что важный источник для изучения древних и средневековых пахотных орудий — старинные изображения — в настоящее время практически не может быть использован для функциональной характеристики, но дает довольно правильное представление о «скелете» орудия. Один тип по формальной классификации может включать орудия разных пропорций и размеров с неодинаковой формой рабочей части, и, следовательно, иметь совершенно различную функциональную характеристику. Новый тип появляется лишь в тех случаях, когда широкие пределы, в которых может варьировать форма орудия в рамках одного типа, уже не устраивают земледельцев (на основе эволюции старого или за счет усвоения формы, отражающей иную культурно-историческую традицию). В ряде случаев смена типов объясняется не агротехникой, а изменением технологии изготовления пахотных орудий. Таким образом, принципиальные возражения против использования формально-типологического метода (который, кстати сказать, представляет собой разновидность сравнительно-исторического анализа и первичную, простейшую стадию формализации материала, т. е. вполне современных и универсальных научных приемов) не представляются вполне убедительными. В типологических построениях может быть оспорена правомерность последовательности тех или иных звеньев, а никак не сам принцип построения подобных схем.

В типологических построениях исследователи истории пахотных орудий, как правило, выводят рассматриваемое орудие из ближайших прототипов, генезис которых представляется ясным. Своеобразие восточнославянских пахотных орудий и скудость известий об их конструкциях до XVIII в. заставляют прибегнуть к составлению «многоступенчатой» схемы развития орудий. Чем больше таких ступеней, тем больше, конечно, вероятность ошибки. Но, пожалуй, создание такой типологической схемы — первое, что можно сделать для того, чтобы как-то представить себе орудия длительного периода истории восточнославянской агротехники. Следующей стадией может быть попытка увязать эту схему с типологией металлических частей древнерусских пахотных орудий¹⁵. За исходные формы в таблице взяты находки и изображения орудий эпохи бронзы, среди которых выделяется ограниченное число простейших типов, каждый из которых представлен значительной серией¹⁶. В основу таблицы положен принцип развития от простого к сложному, так как при сравнении древних и средневековых находок и изображений с этнографическим материалом становится очевидным, что именно этот путь был, безусловно, преобладающим (хотя возможен и иной путь). Таким образом, при

¹⁵ См., например, А. В. Чернецов, О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий.

¹⁶ См. соответствующие разделы в работах: P. Leser, *Entstehung und Verbreitung des Pfluges*, Münster, 1931; A. G. Haudricourt, J. B. Delamarre, *L'homme et la charrue à travers le monde*, Paris, 1955; P. V. Glob, *Ard og Plov i Nordens Oldtid*, Aarhus, 1951. Одному из древнейших типов рал посвящена статья Ю. А. Краснова, «Рала симферопольской стелы (К истории пахотных орудий в Старом свете)», СА, 1971, № 2.

всем своим схематизме предлагаемая таблица может рассматриваться как наиболее вероятный вариант эволюции конструкции орудий (а не их развернутых функциональных характеристик, которые по отношению к пахотным орудиям русского средневековья пока преждевременны).

Орудия, аналогичные древнейшим ралам эпохи бронзы, встречаются в европейском этнографическом материале, в частности у южных и западных славян. В Восточной Европе такие древнейшие формы распространены не были. Русская и полесская сохи, а также украинский плуг отличаются от них сложностью и своеобразием конструкции. Большая часть украинских рал с полозом относится к так называемому «четырёхстороннему» типу, известному в Европе с X в.¹⁷ Широко распространённым на Украине было рало без полоза. Это орудие просто по конструкции, но, в отличие от более ранних рал без полоза¹⁸, имеет вместо ральника и рукояти, составляющих одну часть, в которую вставляется грядиль, две отдельные части, вставляющиеся в грядиль. Только очень редкие орудия, у которых ральник и грядиль изготовлены из одного куска дерева, могут отражать древнейшую традицию¹⁹.

Древнейшие рала Восточной Европы изображены на симферопольской стеле. Оба орудия — рукояточные рала с зачаточным полозом, имеющие в основном восточные аналогии (среднеазиатский омач)²⁰. В этнографическом материале Восточной Европы XVIII—XIX вв. наибольшую близость к этим ралам имеют четырёхсторонние рала с полозом.

Кривоградильные рала эпохи бронзы и раннего железного века, найденные в торфяниках Украины, Белоруссии и Брянской области²¹, не имеют прямых аналогий в этнографическом материале Восточной Европы. Определённое сходство с этими ралами наблюдается в конструкции украинского плуга, однако между этими двумя формами в типологической таблице необходимо поставить ряд переходных форм, о бытовании которых в Восточной Европе данных нет.

Древнейшие изображения славянских рал найдены в болгарском городе Плиске (рисунок на камнях X—XI в.) и в чешском городе Зноймо (фреска 1134 г.). Орудия, изображённые в г. Плиске, отличаются и от древнейших кривоградильных рал Балканского полуострова, и от позднейших орудий болгар, что, возможно, связано с принесёнными славянами с севера орудиями, в частности с рукояточным ралом. Рукояточные рала с зачаточным полозом, близкие изображённым на симферопольской стеле, — наиболее вероятные типологические прототипы позднейших рал с так называемым четырёхсторонним скелетом²². Этот последний тип рала можно опознать в одном не совсем ясном рисунке из Плиски²³.

¹⁷ В. С. Мамонов, Указ. раб., стр. 85, рис. 21; P. Leseg, Указ. раб., стр. 294, рис. 90.

¹⁸ Д. М. Зеленин, Указ. раб., черт. 14; K. Moszyński, *Kultura ludowa Słowian*, cz. I, *Kultura materialna*, Kraków, 1929, s. 155, fig. 133—135; s. 156, fig. 137, 138. Ср. P. V. Glob, Указ. раб., стр. 91, рис. 116; стр. 93, рис. 118; стр. 94, рис. 121.

¹⁹ П. Парфенов, О сельском хозяйстве юго-западной России, «Русский вестник», 1873, № 106, стр. 640; «Возникновение и развитие земледелия», М., 1967, стр. 165, рис. 43. Ср. А. К. Сергеев, Земледельческие орудия белорусского Полесья, «Материалы по этнографии России», т. I, СПб., 1910, стр. 48, рис. 3 (2); ср. P. V. Glob, Указ. раб., стр. 94, рис. 120.

²⁰ Ю. А. Краснов, Рала симферопольской стелы.

²¹ Б. А. Шрамко, К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе, СА, 1961, № 1, стр. 76, рис. 2; его же, Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника, СА, 1964, № 4, стр. 85, рис. 1; Л. Поболь, Деревянное рало из торфяника у с. Каптановичи, «Acta Baltico-Slavica», V, Białystok, 1967.

²² St. Stantchev, Un monument de l'agriculture slave à Pliske, «Slavia Antiqua», Poznań, 1954, № 4, fig. 2, 3.

²³ St. Stantchev, Указ. раб., стр. 342, рис. 2(3); Ж. Выжарова, О происхождении болгарских пахотных орудий, М., 1956, стр. 45, рис. 18 (6); А. В. Чернецов, О периодизации..., стр. 136, рис. 1, 2.

Большой интерес представляет рукояточное орудие с раздвоенной рабочей частью²⁴, что находит аналогию с русской сохой. Орудие из Зноймо имеет не вполне ясную двухрукояточную конструкцию²⁵. Его можно условно сближать с однозубой двухрукояточной белорусской и польской сошкой.

Сравнение этнографических материалов восточных славян и других славянских народов свидетельствует о значительных различиях в традициях изготовления пахотных орудий.

У западных славян с XIV—XVI вв. был распространен двухрукояточный прямогрядильный четырехсторонний плуг, ареал которого частично заходит в Западную Украину²⁶. Для восточных славян это орудие нехарактерно. Совсем неизвестен у них однорукояточный плуг, широко распространенный в Польше²⁷. Рукояточное рало без полоза, местами встречающееся в польском этнографическом материале²⁸, у восточных славян не распространено (украинское рало без полоза, как уже говорилось, отличается особым способом скрепления основных частей). Своеобразный вариант рала без полоза — с высоко расположенным центром тяжести (встречалось в Польше, Чехии²⁹ и в некоторых других европейских странах) — не имеет аналогии у восточных славян.

Только польское четырехстороннее рало с полозом, известное в этнографическом материале, имеет аналогию на Украине³⁰. Чешские и словацкие пахотные орудия XVIII—XIX вв. частично сходны с польскими, частично представлены своеобразными усложненными типами рал, не имеющими аналогий у восточных славян. Некоторые из них имеют общие черты с балканскими орудиями (кривогрядильные рала, четырехсторонние рала с «ушами» — двойными отвалами). Для южных славян наиболее характерны три типа орудий: кривогрядильный двухрукояточный плуг³¹, в принципе близкий украинскому плугу и татарскому сабану, кривогрядильные рала с двойным отвалом — «ушами»³² (в том числе орудия с колесным передком, нередко с череслом — формы, переходные от рала к плугу) и четырехсторонние рала, обычно отличающиеся от рал этого типа, известных у восточных и западных славян, наличием «ушей»³³.

Едиственный общий для всех славянских народов тип рала с четырехсторонним скелетом не относится к числу древнейших. Мы не располагаем убедительными данными о его существовании ранее X в. Еще более сомнительна большая древность балканского и украинского плуга.

Отметив черты, отличающие традиционные пахотные орудия восточных славян от древнейших типов рал эпохи бронзы, и от орудий, родственных и соседних народов, перейдем к составлению типологической схемы, показывающей степени формального родства между всеми этими типами орудий.

Так называемое «рукояточное» рало без полоза — один из древнейших типов рал Старого Света, известный в Европе с эпохи бронзы. Именно к этому типу восходит подавляющее большинство всех позднейших

²⁴ St. Staničev, Указ. раб., стр. 342, рис. 3(2).

²⁵ J. Mašín, *Romanska nastenna malba v Cechach a na Morave*, Praha, 1954, fig. 14.

²⁶ K. Moszyński, Указ. раб. стр. 168, рис. 145, стр. 170, рис. 148; P. Leser, Указ. раб., стр. 197, рис. 181—182.

²⁷ K. Moszyński, Указ. раб., стр. 170, рис. 147.

²⁸ Там же, стр. 153, рис. 130.

²⁹ Там же, стр. 152, рис. 129; Fr. Šach, *Soustava oradel stareho sveta a zarazení nařadí z území Československa*, Praha, 1965, p. 197, fig. 26.

³⁰ K. Moszyński, Указ. раб., стр. 155, рис. 133—135.

³¹ Там же, стр. 71, рис. 149—150; P. Leser, Указ. раб., стр. 272, рис. 117—119.

³² P. Leser, Указ. раб. стр. 156, рис. 136; Ж. Выжарова, Указ. раб., стр. 7, рис. 1 (а, в, г); стр. 8, рис. 2; стр. 10, рис. 4.

³³ K. Moszyński, Указ. раб., стр. 156, рис. 137, 138; Ж. Выжарова, Указ. раб., стр. 7, рис. 1(б); стр. 9, рис. 3; P. Leser, Указ. раб., стр. 175, рис. 120, 121.

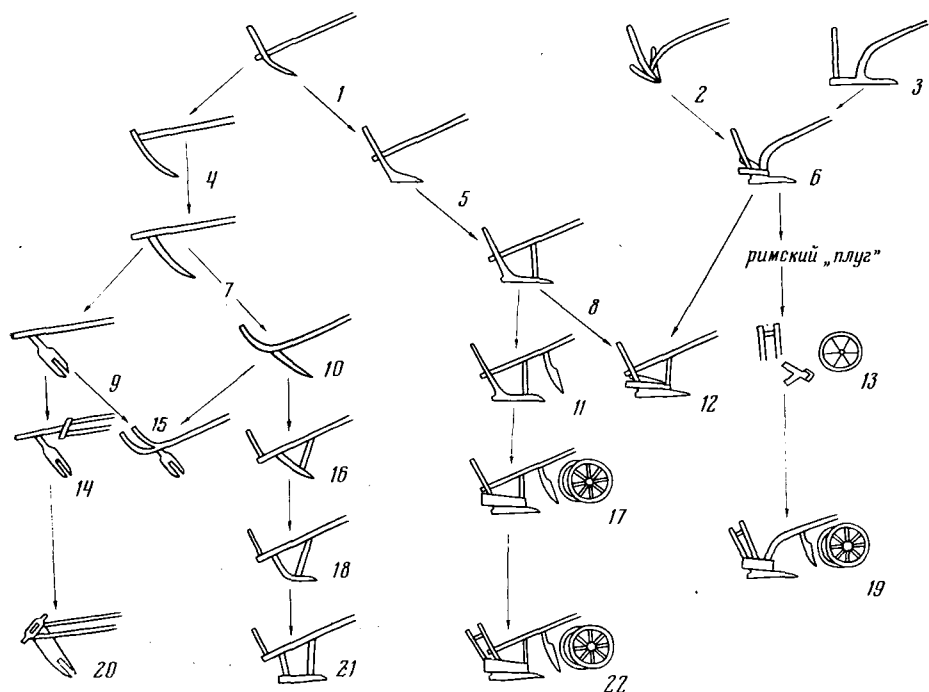

Табл. 1. Происхождение традиционных пахотных орудий восточных славян (номера расшифровываются в тексте)

пахотных орудий. Вариант типа сохранился у западных славян³⁴ (табл. 1, № 1).

Переход к распахиванию тяжелых почв с неравномерным почвенным слоем должен был способствовать изменению конструкции пахотного орудия — перемещению центра тяжести кверху. Это в дальнейшем приводит к тому, что соединение основных частей орудия оказывается на уровне рук пахаря. Тем самым верхняя часть ральника теряет роль рукоятки. В качестве последней могут использоваться дополнительные части³⁵ (табл. 1, № 4).

Более рациональной формой рала с высоко расположенным центром тяжести является такое, у которого ральник вставляется в грядиль, а не наоборот³⁶ (табл. 1, № 7). Противоположная конструкция теряет свои преимущества у этого типа рал отчасти потому, что верхняя часть ральника уже не может быть использована как рукоятка, а также в связи с тем, что усилие влечения, действующее в таких ралах почти параллельно грядилю, делает крепление последнего с рабочей частью (грядиль вставляется в рабочую часть) ненадежным. Крепление, при котором ральник вставляется в грядиль, более надежно; оно дает возможность использовать заднюю часть грядиля как рукоятку. Рала этого типа могли широко распространиться в лесной зоне Европы в период перехода

³⁴ P. V. Glob, Указ. раб., стр. 91, рис. 116; стр. 93, рис. 118; стр. 94, рис. 121; K. Moszyński, Указ. раб., стр. 153, рис. 130, 131.

³⁵ E. Werth, Grabstock, Hacke und Pflug, Ludwigsburg, 1954, стр. 195, рис. 110; P. Leser, Указ. раб., стр. 128—129, табл. 4 (a, b); Fr. Sach, Указ. раб., стр. 190, рис. 13, 14; стр. 191, рис. 15.

³⁶ P. Leser, Указ. раб., стр. 123, рис. 31; K. Moszyński, Указ. раб., стр. 52, рис. 129; Fr. Sach, Указ. раб., стр. 197, рис. 126; K. Vilkuņa, Bericht über die Untersuchung «Die volkstümlichen Pflüge Finnlands», «Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum», pars II, «Acta Ethnologica», Helsinki, 1968, S. 404, Abb. 2.

лашенного земледелия с ограниченных, наиболее благоприятных участков на широкие просторы еще почти неосвоенных лесных земель. В дальнейшем, по мере окультуривания земель, такие рала должны были уступить место другим.

Поскольку окультуривание обычно ведет к увеличению почвенного слоя и появлению у него однородных механических свойств, можно ожидать, что рала с высоко расположенным центром тяжести должны заменяться обычными ралами с низко расположенным центром тяжести. Последние могли возникнуть самостоятельно, но и могли произойти от рал с высоко расположенным центром тяжести, у которых ральник вставляется в грядиль. Такие рала с низко расположенным центром тяжести сохраняют не только своеобразный способ соединения основных частей орудия, но и характерный признак: рукоять рала — это задний конец грядиля, но только изогнутый вверх.

Рала подобного типа известны на Украине³⁷ (табл. 1, № 10). Функционально такое орудие ничем не уступает рукоятчному типу рала и ни в чем не превосходит его. То, что на территории Восточной Европы распространилось не обычное рукоятчное рало, а описанная разновидность объясняется не функциональными особенностями орудия или свойствами местных почв (они могли изменить пропорции орудия, форму его «рабочего заострения», а не способ соединения грядиля и ральника), а генезисом этого орудия, оставившим зримые следы в его конструкции. По формальным признакам украинскому ралу с ральником, вставляющимся в грядиль, близки специализированные орудия для тяжелых почв — своеобразные отрезы, с помощью которых производилась подготовка поля к пахоте ралом или плугом. Такие орудия известны в различных местах Европы, в частности в Скандинавии и Португалии³⁸. Некоторые орудия, происходящие из Каринтии, имеют характерную, по-видимому, архаичную черту — их рукоять образуется изогнутым вверх задним концом грядиля³⁹. Уже говорилось, что эта последняя редкая черта известна у украинских рал. У большей части украинских рал без полоза архаическая конструкция, при которой изогнутый задний конец грядиля используется в качестве ручки, заменена более простой в изготовлении, сборной⁴⁰ (табл. 1, № 16).

Механические свойства почв могли способствовать появлению различных форм рабочей части пахотного орудия, включая такие, у которых передняя часть начинает по существу превращаться в полоз⁴¹ (табл. 1, № 18). Отсюда простой переход к ралу с полозом в качестве особой части. От классического четырехстороннего рала с полозом такое рало отличается тем, что вместо рукояти, составляющей одно целое с задней стойкой, в которую вставляется грядиль, здесь задняя стойка и рукоять — отдельные части, вставляющиеся в грядиль⁴² (табл. 1, № 21). Это различие не имеет функционального значения и является свидетельством различного происхождения соответствующих орудий.

Если происхождение русской сохи связано с эволюцией древнейших рал, то эти ее «предки» должны были первоначально иметь вместо двух

³⁷ В. С. Мамонов, Указ. раб., стр. 74, рис. 8; стр. 75, рис. 10; В. И. Довженок, Указ. раб., стр. 63, рис. 28, 29.

³⁸ P. Leser, Указ. раб., стр. 171, рис. 54; стр. 303, рис. 151; A. G. Haudricourt, J. B. Delamarre, Указ. раб., стр. 244, рис. 94; стр. 408—409, табл. XIV, рис. 48.

³⁹ P. Leser, Указ. раб., стр. 302, рис. 150.

⁴⁰ Д. М. Зеленин, Указ. раб., чертеж 14; М. М. Ковальский, Поширення тягло-вих знарядь обробітку ґрунту на Волині на початку ХХ ст., «Матеріали з етнографії та мистецтвознавства», Київ, 1963, вып. VII—VIII, стр. 180, рис. 13, 14; стр. 181, рис. 15.

⁴¹ М. М. Ковальский, Указ. раб., стр. 181; I. A. G ü l d e n s t ä d t, Reisen durch Russland und in Kaukasischen Gebürge, Bd. II, СПб., 1791, рис. 2.

⁴² А. Сидорович, Рало и экстрипатор, «Труды Вольного экономического общества», 1871, т. III, вып. 3, стр. 321, фиг. 3; P. Leser, Указ. раб., стр. 203, рис. 87; стр. 204, рис. 89; В. И. Довженок, Указ. раб., стр. 68, рис. 31.

зубьев один и вместо оглобель (обеж) — грядиль. Для того, чтобы сформировалась характерная конструкция сохи, рало с высоко расположенным центром должно было получить раздвоенную рабочую часть и приспособиться к одноконной упряжи. Первичная форма сохи должна была иметь грядиль. Такая форма сохранилась в этнографическом материале⁴³ (табл. 1, № 9). Затем появляется форма с поперечным брусом, набиваемым на укороченный грядиль, и оглоблями — обычный способ приспособления орудий с грядилем для одиночной упряжи, изображенный на миниатюре XVI в. из рукописи Жития Сергия Радонежского⁴⁴ (табл. 1, № 14). Затем этот брус перемещается к рассохе, а грядиль исчезает⁴⁵ (табл. 1, № 20).

Полесская соха, распространившаяся в XVII в.⁴⁶ (табл. 1, № 15), формируется на основе рала, близкого украинскому, посредством заимствования двузубости русской сохи.

Своеобразной вариацией прямогрядильного рукоятчного рала является рало с зачаточным полозом (типа «омач»). В XVIII—XIX вв. такое рало было распространено преимущественно на Востоке. Древнейшее изображение рала указанного типа найдено в Крыму (Симферопольская стела). Подобные рала были распространены в Европе, в частности у южных славян⁴⁷ до X—XII вв. (табл. 1, № 5).

Именно с этим типом рал можно генетически связывать распространенное на Украине так называемое четырехстороннее рало с полозом (табл. 1, № 8)⁴⁸. Эта конструкция известна по западноевропейским миниатюрам, изображающим древнейшие плуги. В качестве промежуточных звеньев, связывающих четырехстороннее рало и плуг, можно указать известное в этнографическом материале четырехстороннее рало с двойным отвалом⁴⁹ (табл. 1, № 12) (последняя деталь, по-видимому, позаимствована у средиземноморских кривогрядильных рал, имевших ее с античного времени) и четырехстороннее рало с череслом⁵⁰ (табл. 1, № 11). На древнейших изображениях западноевропейские плуги⁵¹ (табл. 1, № 17) представлены с одной (иногда с раздвоенной) ручкой, что характерно и для позднейших плугов Центральной и Западной Европы. С XIV в. появляются четырехсторонние плуги с двумя рукоятками, одна из которых поддерживает отвальную доску⁵² (табл. 1, № 22). Можно думать, что

⁴³ В. С. Мамонов, Указ. раб., стр. 89, рис. 29; K Moszyński, Указ. раб., стр. 163, рис. 141.

⁴⁴ А. В. Арциховский, Древнерусские миниатюры как исторический источник, М., 1944, стр. 187, рис. 50. Этнографические аналогии: В. С. Мамонов, Указ. раб., стр. 75, рис. 10; В. И. Довженко, Указ. раб., стр. 63, рис. 29; А. К. Сержпутовский, Указ. раб., стр. 49, рис. 4; E. Werth, Указ. раб., стр. 187, рис. 102; A. G. Haudecourt, J. B. Delamagge, Указ. раб., стр. 192, рис. 73; стр. 12, рис. 7.

⁴⁵ Древнейшие изображения на миниатюрах XVI в. в Лицевом летописном своде (А. Д. Горский, Древнерусская соха по миниатюрам Лицевого летописного свода, «Историко-археологический сборник, посвященный А. В. Арциховскому», М., 1962, стр. 342—343, рис. 1—8). Подробную аргументацию в пользу такой версии генезиса сохи см. А. В. Чернецов, К вопросу...

⁴⁶ См. Z. Podwińska, Technika uprawy roli w Polsce sredniowiecznej, Wrocław, 1962, стр. 280—282. В домонгольское время в пределах позднейшего ареала полесской сохи были распространены, судя по находкам металлических наконечников, совсем иные орудия.

⁴⁷ Ю. А. Краснов, Рала симферопольской стелы, стр. 52, рис. 1; стр. 56, рис. 4 (2); Z. Podwińska, Указ. раб., стр. 136—137, рис. 73; St. Stantchev, Указ. раб., стр. 342, рис. 2 (1, 2).

⁴⁸ P. Leser, Указ. раб., стр. 275, рис. 120, 121; стр. 283—284, рис. 127, 128; В. С. Мамонов, Указ. раб., стр. 85, рис. 21.

⁴⁹ Ж. Выжарова, Указ. раб., стр. 7, рис. 1 (б); P. Leser, Указ. раб., стр. 275, рис. 120, 121.

⁵⁰ Ю. А. Краснов, К вопросу о существовании плуга..., стр. 4; Z. Podwińska, Указ. раб., стр. 267, рис. 151; стр. 269, рис. 153.

⁵¹ Z. Podwińska, Указ. раб., стр. 206—209, рис. 106—111; P. Leser, Указ. раб., стр. 71, рис. 17.

⁵² Z. Podwińska, Указ. раб., стр. 211, рис. 13; стр. 212, рис. 114, стр. 227.

эта разновидность плуга, широко распространенная в Польше, Венгрии и Румынии⁵³, является результатом взаимовлияния двух различных конструкций плуга — четырехстороннего однорукоятного западноевропейского и двухрукоятного кривоградильного, распространенного у южных и восточных славян («славянский» плуг по Братаничу).

Наличие у восточноевропейского плуга кривого градилья заставляет связывать его происхождение с иным прототипом — кривоградильным ралом с полозом. В исходном варианте градиль и полоз такого рала изготовлены из одного куска дерева. Такие рала впервые известны по пиктографическим знакам Крита. Они были найдены также в торфяниках Восточной Европы⁵⁴ (табл. 1, № 2). Еще в античности кривоградильные рала могли иметь двухсторонний отвал, предок одностороннего, плужного. Подобный двойной отвал впервые появился у месопотамских рал⁵⁵ (табл. 1, № 3), однако он наиболее характерен для кривоградильных рал Средиземноморья. У античных кривоградильных рал с «ушами» градиль является уже отдельной частью, зато ручка составляет одно целое с полозом⁵⁶ (табл. 1, № 6).

Между таким кривоградильным ралом с «ушами» и украинским плугом можно поместить ряд промежуточных форм. Отметим некоторые из них. Кривоградильное рало с «ушами», с одним колесиком, с двухколесным передком, с череслом. Есть кривоградильные рала с раздвоенной, расширенной подошвой, с двумя ручками. Есть кривоградильные рала, у которых градиль имеет двойной изгиб, причем его задний конец лежит на полозе. Развитие всех этих конструктивных элементов привело к формированию украинского плуга⁵⁷ (табл. 1, № 19).

В числе его исторических предшественников следует выделить так называемый римский «плуг», который (если правомерно реконструировать орудие, комбинируя отдельные отрывочные данные разных античных авторов) имел двойной отвал, двойную подошву, колесный передок, чересло⁵⁸. Как непосредственный предшественник украинского плуга может рассматриваться орудие, изображенное на миниатюре Радзивилловской летописи. У него имеются две ручки, двойной отвал и колесный передок⁵⁹ (табл. 1, № 13). Так как это орудие имеет двойное отвальное приспособление, его нельзя назвать плугом; в то же время все остальные черты заставляют видеть в нем ближайшего «родственника» плуга.

В восточноевропейском этнографическом материале есть близкая аналогия этому орудью. Это двухотвальный сабан, изредка встречавшийся в XIX в. в Поволжье⁶⁰. Более отдаленно изображенное на миниатюре орудие напоминает чешское двухотвальное колесное рало (наколесник) и некоторые балканские рала⁶¹. Можно сближать орудие с миниатюры

⁵³ К. Moszyński, Указ. раб., стр. 165, рис. 45; стр. 170, рис. 148; Н. Демченко, Земледельческие орудия молдаван XVIII — начала XX в., Кишинев, 1967, стр. 57, рис. 7; стр. 54.

⁵⁴ Fr. Säch, Radlo a pluh na uzemi Československa, Praha, 1961, p. 33, fig. 7, 8; стр. 43, fig. 11; P. V. Glob, Указ. раб., стр. 14—27, рис. 6—25; Б. А. Шрамко, К вопросу о технике земледелия..., стр. 76, рис. 2; его же, Древний деревянный плуг..., стр. 85, рис. 1; Л. Поболь, Деревянное рало.

⁵⁵ H. Frankfort, Cylinder seals, London, 1939, pl. XXVII.

⁵⁶ P. Leser, Указ. раб., стр. 107, рис. 25; стр. 109, рис. 26.

⁵⁷ Br. Bratanič, Nekoliko napomena o tehničkoj konstrukciji starog slovenskog pluga, «Etnografija Polska», III, Wrocław, 1960.

⁵⁸ А. В. Арциховский, Социологическое значение...; М. А. Сергеев, Итальянский плуг, «Византийский временник», т. 9, 1956.

⁵⁹ «Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи», СПб., 1902, т. I, л. 7; А. В. Арциховский, Древнерусские миниатюры..., стр. 5.

⁶⁰ Д. В. Найдич, Пахотные и разрыхляющие орудия, «Русские. Историко-этнографический атлас», М., 1967, стр. 54 (к сожалению, не указан источник информации).

⁶¹ P. Leser, Указ. раб., стр. 289, рис. 134; стр. 290, рис. 135; ср. Ж. Выхарова, Указ. раб., стр. 7, рис. 1, а.

с гипотетическим римским «плугом», который имел съемные двухсторонние отвальные доски, двойную подошву, «лопатообразный» лемех (отдельные античные лемехи, условно привязываемые к римскому «плугу», близки древнерусским симметричным), колесный передок. Реконструируемое тяжелое рало не может быть выведено непосредственно из какого-либо другого более простого типа рал, известных в Восточной Европе. Здесь неизвестны рала с двойным отвалом, двойной подошвой, с подошвой и двумя рукоятями, примитивные орудия с колесным передком, а также крайне редки орудия с устройством для поддержания вожжей; кривоградильные рала известны только в раннем железном веке. Следовательно, появление орудия подобного типа свидетельствует о том, что какие-то неизвестные нам типологические предшественники его бытовали в Восточной Европе и раньше. Тогда придется предположить ряд переходных форм, о бытовании которых в Восточной Европе данных нет, или то, что подобные тяжелые рала были привнесены извне. В последнем случае источником влияния следует считать скорее всего Балканы, где издавна известны кривоградильные рала и где могли рано распространиться орудия с двойным отвалом (известные римлянам). Все это свидетельствует о том, что В. И. Довженок, говоривший о преемственности украинского рала с полозом обычного типа и украинского плуга⁶², игнорировал важные конструктивные отличия этих орудий. Промежуточные типы, связывающие древнейшие рала с украинским плугом, в Восточной Европе неизвестны. Зато они в изобилии встречаются на Кавказе и в Средиземноморье, в частности на Балканах. Ближайшая аналогия украинскому плугу — плуги южных славян, что заставляет предположить заимствование прототипа украинского плуга с Балкан. Именно прототипа, а не сформировавшегося плуга, потому что главное изменение конструкции орудия (превращение рала в плуг) произошло, как показывает типология лемехов, на Руси⁶³. О том же свидетельствует миниатюра Радзивилловской летописи.

Рассмотренный материал подтверждает родство всех пахотных орудий восточных славян с европейскими. Нет никаких оснований искать прототипы восточнославянских орудий (например, русской сохи) на Ближнем или даже Дальнем Востоке⁶⁴. Согласно предположенной схеме, русская соха и украинское рало без полоза восходят к известному в Центральной и Северной Европе ралу с высоко расположенным центром тяжести. Четырехстороннее рало с полозом — форма относительно поздняя, известная в Европе повсеместно. Наконец, конструкция украинского плуга свидетельствует о связи восточнославянской агротехники со средиземноморской.

Предложенная таблица происхождения традиционных пахотных орудий восточных славян покажется, возможно, чрезмерно умозрительной и в силу этого недостоверной. Думается, однако, что многие представленные в ней звенья, могут рассматриваться как бесспорные или наиболее вероятные.

Рала с высоко расположенным центром тяжести не относятся к древнейшим типам пахотных орудий. Наиболее вероятные их типологические предшественники — прямоградильные рала без полоза, что и показано в таблице. При этом автору было важно не только отметить преемственность этих орудий, но и выделить такие рала и типологически связанные с ними орудия (рала с рабочей частью, вставляющейся в градиль, сохи) как особую «ветвь» родственных орудий. Разбирая происхождение сохи, автор исходил из большей древности русской, а не полесской сохи.

⁶² В. И. Довженок, Указ. раб., стр. 71, 72.

⁶³ А. В. Чернецов, К вопросу...

⁶⁴ Об этом см.: J. Falkowski, *Narzedzia rolnicze typu ryclowego*, Lwów, 1931, стр. 112—113, 115—121; E. Werth, Указ. раб., стр. 207, карта XVI; K. Vilkinen, *Die Pflugeräte Finnlands*, Helsinki, 1971.

Хотя последняя ближе по конструкции к ралу, она, как показывают письменные и археологические источники, появилась лишь в XVII в. Близость двузубых сох с грядилем и сравниваемых с ними рал с высоко расположенным центром тяжести очевидна. На формальное родство восточнославянских орудий, у которых рабочая часть вставляется в грядиль (вариации русской сохи, полесская соха, украинское рало без полоза), указывал В. С. Мамонов. Существование на Украине рала без полоза с ручкой, образованной изогнутым кверху задним концом грядиля, позволяет предположить, что рала с рабочей частью, вставляющейся в грядиль, происходили от рал с высоко расположенным центром тяжести. Однако, если ход развития пахотных орудий был иным, все равно трудно отрицать генетическое родство орудий, объединяемых столь редкой чертой — тем, что их рабочая часть вставляется в грядиль, тем более, что речь идет о близких географических районах. Таким образом, если последовательность звеньев данной цепочки и может быть подвергнута сомнению, то «водораздел» между украинским ралом без полоза и его типологическими «родственниками» и вариациями «рукоятчных» рал оправдан и обусловлен наличием важного и устойчивого конструктивного различия. Конструкции двух основных типов украинских рал свидетельствуют о разных традициях, воплощенных в соответствующих орудиях. Эти орудия не только не могут быть генетически выведены один из другого, но также не могут считаться родственными формами.

Развитие украинского плуга показано очень схематично, хотя число переходных форм в этнографическом материале позволяло сделать ряд более полным. Генетическая связь плуга или его элементов с древними средиземноморскими ралами с «ушами» признается почти всеми исследователями, занимавшимися происхождением плуга. Восточноевропейский и балканский варианты колесного плуга имеют больше оснований считаться прямыми преемниками древних средиземноморских традиций, чем западно- и центральноевропейский, ввиду наличия у первых кривого грядиля. Наличие у восточноевропейского плуга кривого грядиля и двух рукояток свидетельствует о том, что близкого генетического родства между этим орудием и украинскими ралами нет.

Таким образом, формальный анализ показывает, что формирование традиционных пахотных орудий восточных славян было сложным процессом, в котором переплелись различные традиции (предлагаемая автором типологическая схема показывает связь восточнославянских пахотных орудий с тремя исходными типами древнейших рал). В то же время все ближайшие «родственники» и генетические предшественники восточнославянских пахотных орудий могут быть найдены в пределах Европы.

TOWARDS RESEARCH INTO THE ORIGINS OF EASTERN SLAV PLOUGHING IMPLEMENTS

Little is known about the agricultural technology of Early Russia. The iron parts of ploughing implements uncovered by archaeology do not yield comprehensive data on the design of the implements themselves. The few extant Early Russian drawings of ploughing implements date from periods beginning with the close of the XVth century. The main features of mediaeval Eastern Slav ploughing implements may be reconstructed by the aid of formal typology. The pre-history of Eastern Slav ploughing implements described by ethnographers may be presented as a typological diagram showing the development of these later forms as resulting from the evolution of the earliest Bronze age ards. Eastern Slav material comprises ploughing implements whose designs go back to different cultural-historical traditions. At the same time, the direct «ancestors» and «nearest relatives» of these implements (not excepting the Russian *sokha* with its peculiar design) are to be found in Europe.

Б. Н. Комиссаров

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
АКАДЕМИКА Г. И. ЛАНГСДОРФА**

В 1974 г. Академия наук СССР отметила 200 лет со дня рождения выдающегося русского ученого и путешественника академика Григория Ивановича Лангсдорфа (1774—1852). Человек больших и разносторонних знаний, Г. И. Лангсдорф внес существенный вклад в ботанику, зоологию, географию и многие другие отрасли науки. Большое значение сохраняют по сей день и его этнографические исследования. Изучение вклада академика Г. И. Лангсдорфа в этнографию может стать темой большого коллективного труда. В данной статье предпринята попытка систематизировать печатные и архивные материалы Г. И. Лангсдорфа, касающиеся этнографии.

Уроженец юго-западной Германии, Г. И. Лангсдорф в октябре 1793 г. поступил в Геттингенский университет, являвшийся тогда одним из главных центров немецкой научной мысли эпохи Просвещения. Как этнограф он сформировался под влиянием своего учителя и наставника профессора И.-Ф. Блуменбаха. И. Блуменбах был крупным анатомом, физиологом, антропологом и в то же время замечательным знатоком истории путешествий разных эпох. Лекции И. Блуменбаха, яркие, впечатляющие, пробуждали мысль и жажду открытий, учили рассматривать природу и человека в их единстве и взаимодействии. Учениками И. Блуменбаха были А. Гумбольдт; исследователи Африки Ф. Хорнеманн, У. Зетцен, Г. Рентген, М.-Г. Лихтенштейн, И. Буркхардт; Максимилиан принц Вид-Нейвид, много путешествовавший по Северной и Южной Америке; Ф. Линк, изучавший Пиренейский полуостров, А. Грисбах, А. фон Гакстгаузен, известный своими трудами о России, и многие другие. Особое место среди них занял Г. И. Лангсдорф¹.

После получения степени доктора медицины Г. И. Лангсдорф с 1797 по 1802 г. занимался естественнонаучными исследованиями в Португалии, побывал в Испании. В тот период он вступил в переписку с Петербургской Академией наук и в январе 1803 г. был избран ее членом-корреспондентом. Известно, что, вернувшись в Геттинген, Г. И. Лангсдорф начал обрабатывать свои заметки о пребывании на Пиренейском полуострове, но эти материалы пока не обнаружены.

В августе 1803 г. Г. И. Лангсдорф присоединился в Копенгагене к экспедиции И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. С этого времени он был неразрывно связан с Россией и русской наукой. Кругосветное путешествие чрезвычайно расширило интересы Г. И. Лангсдорфа. В эти годы он научился скрупулезно собирать, систематизировать и осмысливать научный материал самого разнообразного характера. Тогда же начались и интенсивные этнографические исследования ученого.

¹ Н. Plischke, Johann Friedrich Blumenbachs Einfluß auf die Entdeckungsreisenden seiner Zeit, Göttingen, 1937, S. 60—64.

В период кругосветного путешествия Г. И. Лангсдорф побывал на о. Tenerif, о. Santa-Katarina близ побережья Бразилии, на о. Нукухива, у о. Гавайи. С октября 1804 по апрель 1805 г. он находился с посольством Н. П. Резанова в Японии. В мае 1805 г. Г. И. Лангсдорф был на о. Сахалине. С июля по сентябрь 1804 г., в июне 1805 г. и с сентября 1806 по май 1807 г. ученый путешествовал по Камчатке. В июле 1805—сентябре 1806 гг. Г. И. Лангсдорф посетил Алеутские острова, о. Кадьяк, о. Баранова, Калифорнию (Сан-Франциско), побережье Аляски. В июне 1807—марте 1808 гг. он совершил путешествие по суше из Охотска в Петербург.

Материалы, собранные в 1803—1808 гг., нашли отражение в целой серии работ Г. И. Лангсдорфа. Многие из них содержат и ценные этнографические наблюдения. Находясь в октябре 1803 г. на о. Tenerif, ученый сделал заметки о захоронениях коренных жителей острова гуанчей². В августе 1804 г. и июне 1805 г. Г. И. Лангсдорф писал из Петропавловска И. Блуменбаху и своему геттингенскому коллеге доктору Нохдену о нравах и обычаях жителей о. Нукухива и айнов³. С Камчатки он послал в Петербург небольшой словарь языка нукухивцев⁴. В октябре 1807 г. из Иркутска Г. И. Лангсдорф отправил министру коммерции и иностранных дел Н. П. Румянцеву свою рукопись «Darstellung der politischen Lage von Kamtschatka und Vorschlag zur Vebesserung des zerrütteten Zustand dieser Halbinsel» (Изъяснение политического положения Камчатки и предложение для улучшения расстроенного состояния этого полуострова), содержащую обширные и разнообразные данные о положении камчадалов⁵. В 1809 г. во Франкфурте-на-Майне путешественник опубликовал статью о камчатских мухоморах, в которой не только описал эти грибы, но и сообщил подробнейшие сведения об использовании их наркотических свойств ительменами и коряками⁶. В 1810 г. Г. И. Лангсдорф напечатал подробное описание татуировок жителей Нукухивы и иллюстрировал его собственными рисунками⁷. В следующем году упомянутая работа была переиздана в Веймаре на немецком языке⁸.

Капитальное описание путешествия Г. И. Лангсдорфа увидело свет во Франкфурте-на-Майне в 1812 г.⁹ Два великолепно изданных тома

² «Reisenachrichten von Hrn. D. Langsdorff von Santa Cruz auf Tenerife, den 25 Oct. 1803», «Magazin für den neuesten Zustand der Naturkunde», Bd 9, 1805, S. 203—206.

³ «Fernere Reisenachrichten von Hrn. D. Langsdorff an J. F. Blumenbach aus dem Petropalowschen Hafen auf Kamtschatka den 23 Aug. 1804», «Magazin für den neuesten Zustand der Naturkunde», Bd. 10, 1805, S. 193—206; «Reisenachrichten von Hrn. D. Langsdorff. Auszug aus einem Briefe and Dr. Noehden, den 6 Juni 1805 Peter Paulshafen», Там же, Bd 11, 1806, S. 289—298.

⁴ Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (ЛОААН), ф. 1, оп. 2, 1805, № 13, § 182.

⁵ Архив внешней политики России (АВПР), ф. Главный архив, 1—7, 1802, д. 1, папка 44, л. 17—36. Эта рукопись подготовлена к печати. См.: Т. К. Шафрановская, Неизвестная рукопись академика Г. И. Лангсдорфа о Камчатке, в кн.: «Проблемы исследования Америки в XIX—XX вв. Тезисы докладов к конференции, посвященной 200-летию со дня рождения академика Г. И. Лангсдорфа» (далее — «Проблемы...»), Л., 1974, стр. 30—32.

⁶ G. Langsdorff, Einige Bemerkungen, die Eigenschaften Kamtschadalischen Fliegenschwammes betreffend, «Annalen der wetteräischen Gesellschaft für die gesammte Naturkunde», Bd 1, 1809, S. 249—256.

⁷ Г. Лангсдорф, Описание узоров, наводимых жителями острова Вашингтона на их теле, «Технологический журнал», т. VII, ч. 2, 1810.

⁸ «Langsdorff's Nachricht über die Tatowirung der Bewohner von Nukahiwa und der Washington-Insulaner», в кн.: A. J. von Krusenstern, Beschreibung der Insel Nukahiwa, Weimar, 1811, S. 40—47.

⁹ G. Langsdorff, Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in Jahren 1803 bis 1807 (далее — «Bemerkungen...»), Bd 1, Frankfurt am Mayn, 1812. Список переизданий описания кругосветного путешествия Г. И. Лангсдорфа см.: Б. Н. Комиссаров, Академик Г. И. Лангсдорф (к 200-летию со дня рождения), «Изв. ВГО», т. 106, 1974, вып. 2, стр. 133.

размером в четвертую долю листа и объемом почти в 650 страниц были дополнены двумя альбомами, включающими 43 гравюры. «Каждый наблюдатель,— писал ученый, определяя характер предлагаемой читателю книги,— имеет собственную точку зрения, с которой он видит новые предметы и судит о них, у него своя особая сфера, в которую он стремится включить все, что стоит в более тесной связи с его знаниями и интересами... Я старался выбрать то, что мне казалось представляющим общий интерес — нравы и обычаи разных народов, их образ жизни, продукты стран и общую историю нашего путешествия»¹⁰.

В основу труда Г. И. Лангсдорфа были положены его путевые дневники. Однако перед нами не публикация дневников и не мемуары, а научное сочинение. Г. И. Лангсдорф проделал громадную работу, сопоставляя материалы собственных наблюдений с данными своих предшественников. Он тщательно изучил труды У. Блига, И. Браама, Д. Ванкувера, Д. Вильсона, Д. Кука, Ж. Лабилардьера, Ж.-Ф. Лаперуза, Г. Форстера и многих других европейских ученых и путешественников. Обработывая свои материалы, касающиеся Русской Америки, Камчатки, Сибири, Г. И. Лангсдорф сравнивал их с сочинениями И. Биллингса, С. П. Крашенинникова, И. Ф. Крузенштерна, Г.-Ф. Миллера, П.-С. Палласа, Г. А. Сарычева, Г.-В. Стеллера, И. Э. Фишера, А. К. Шторха. С японскими географическими трудами и картами, а также некоторыми сведениями о языке айнов его познакомил Г.-Ю. Клапрот.

Труд Г. И. Лангсдорфа внес крупный вклад в изучение этнографии почти всех районов мира, в которых побывал путешественник¹¹. Современный американский географ К. Вебб, анализируя книгу Г. И. Лангсдорфа, справедливо отметил, что он был одним из тех исследователей Бразилии, которые «открывали обширное тропическое царство с экзотическими ландшафтами, людьми, обычаями, флорой и фауной»¹². Г. И. Лангсдорф описал одежду населения о. Санта-Катарина, характерные пищу и напитки его жителей, способы охоты, обычаи гостеприимства, танцы, пение, музыкальные инструменты и т. д. Познакомившись с состоянием местного земледелия, скотоводства, рыболовства, китобойного промысла, ремесленного производства, торговли, ученый пришел к выводу, что их развитие в значительной мере сдерживалось из-за зависимого положения Бразилии. Этим, по его мнению, объяснялась и малочисленность населения, а также отсутствие просвещения и медицинской помощи.

Изучение Г. И. Лангсдорфом жителей островов Нукухива и Гавайи открыло новую страницу в этнографии Океании. «Этот труд,— писал Ф. Ратцель,— всегда называют в первом ряду среди огромной и весьма

Рис. 1. Портрет Г. И. Лангсдорфа, гравюра Ф. Лехмана, 1809 г. Рис. 1—3 взяты из альбома Г. И. Лангсдорфа, приложенного к описанию его путешествия (см. сноску 9)

¹⁰ G. Langsdorff, Vorwort, в кн.: «Bemerkungen...», Bd 1, S. 1.

¹¹ H. Damm, Völkerkunde der von Langsdorff besuchten Gebiete, в кн.: H. v. Langsdorff, Eine Reise um die Welt, Leipzig, 1951, S. 26—35.

¹² К. Вебб, Академик Г. И. Лангсдорф и развитие географической науки в Бразилии, в кн.: «Проблемы...», стр. 18—20.

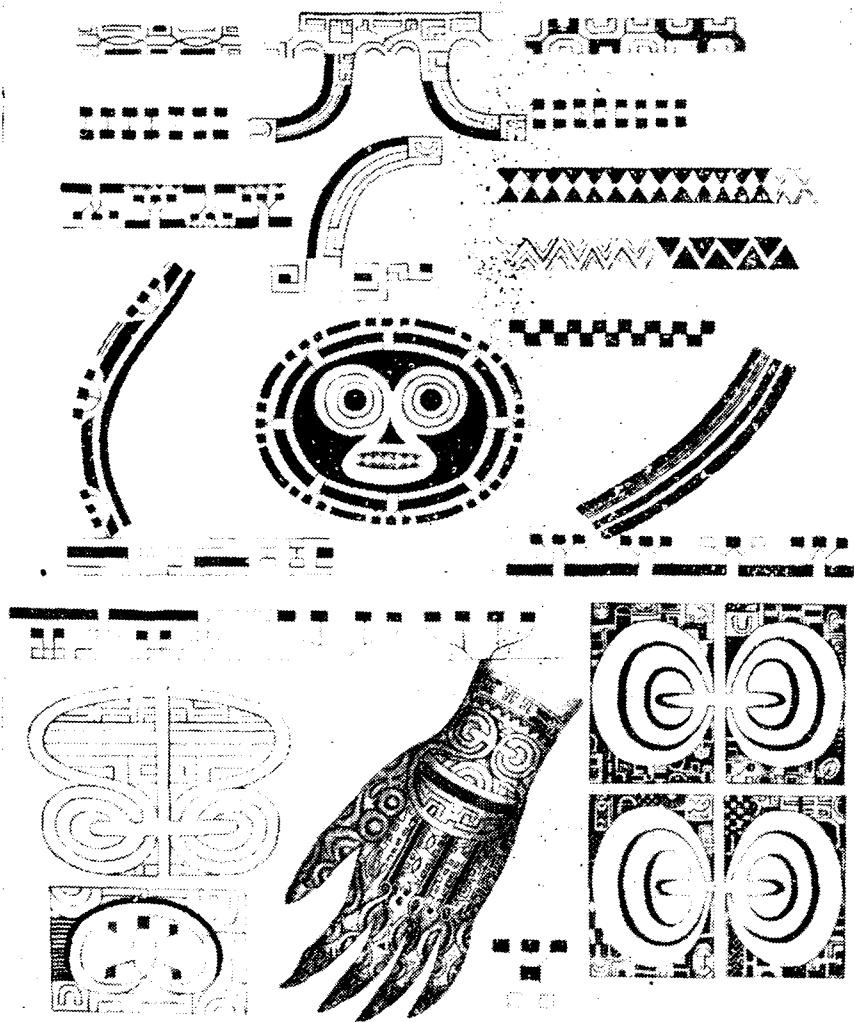

Рис. 2. Основные мотивы татуировки у жителей о-ва Нукухива. Рисунок Г. И. Лангсдорфа

значительной литературы о путешествиях в Полинезию»¹³. Такая оценка объясняется не только разнообразием материалов, собранных путешественником, но и методами их изучения, представлявшими в то время значительный шаг вперед. Во время десятидневной стоянки «Надежды» в мае 1804 г. у о. Нукухива Г. И. Лангсдорф уделил основное внимание этнографическим, антропологическим и лингвистическим исследованиям. Несмотря на то, что в последней четверти XVIII в. в этой части Океании побывали Д. Кук, Э. Маршан, Д. Вильсон и другие европейские путешественники, нравы, обычаи, хозяйственный уклад островитян были почти неизвестны или, как убедился Г. И. Лангсдорф, часто описывались неверно.

Большую часть собранных сведений сообщили ученому два европейца, осевшие на Нукухиве,—француз Жан Батист Кабри и англичанин Эдуард Робертс. Результаты расспросов этих людей, перенявших многие

¹³ F. Ratzel, Georg Heinrich Freiherr von Langsdorff, «Allgemeine Deutsche Biographie», Bd 17, Leipzig, 1886, S. 689.

обычай островитян, Г. И. Лангсдорф непременно сопоставлял и считал достоверным лишь то, что подтверждалось обоими. Много важных наблюдений сделал путешественник и сам, когда съезжал на берег.

Сведения, собранные Г. И. Лангсдорфом о жителях Нукухивы, не только обширны, но и очень разносторонни. Путешественник оставил заметки, касающиеся общественного устройства, одежды, пищи, жилищ, лодок, утвари, украшений, обычаев, обрядов, религиозных представлений, элементов искусства нукухивцев. С особой тщательностью Г. И. Лангсдорф изучил татуировки островитян. Он произвел также антропометрические измерения.

Рассматривая обычай каннибализма на Нукухиве, Г. И. Лангсдорф провел специальное сравнительно-этнографическое исследование. Он сопоставил услышанное на острове с данными о каннибалах у Геродота, Страбона, Плиния и других авторов с известными ему сведениями о каннибализме в Африке, Бразилии, Мексике. Сделав удивительно детальное и точное описание татуировки островитян (рис. 2), ученый высказал свои соображения о том, как она влияет на потоотделение. Он записал около 400 слов и выражений нукухивцев, причем услышав их из уст Ж. Кабри, снабдил его переводы своими критическими замечаниями¹⁴. Из материалов Г. И. Лангсдорфа о жителях Нукухивы Л. Я. Штернберг находил особенно ценным описание местных видов табу, а также записи музыки островитян, предоставленные путешественнику его спутником по плаванию на «Надежде», натуралистом. В.-Г. Тилезиусом фон Тиленау¹⁵.

Изучение народов Океании Г. И. Лангсдорф продолжал и во время кратковременной стоянки близ о. Гавайи в начале июня 1804 г. Правда, на берег он не съезжал, но описал физический облик гавайцев, подплывавших к кораблю, их татуировку, лодки, замеченные у них болезни и т. д. Заметки о гавайцах Г. И. Лангсдорф сделал и во время зимовки в Ново-Архангельске, по рассказам встреченных там моряков. Важно, что в своей книге ученый оговорил это, разграничив результаты собственных наблюдений и сведения, собранные другими лицами.

Описание кругосветного путешествия Г. И. Лангсдорфа является важным источником по этнографии Японии. Несмотря на строгую изоляцию русского посольства от внешнего мира, Г. И. Лангсдорф, знакомый с Японией по сочинениям Э. Кемпфера, К.-П. Тунберга и других путешественников XVIII в., не оставлял попыток получить собственное представление об этой стране и ее людях. Во время посещения корабля «Надежда», а затем резиденции посольства представителями японской администрации и выездов для ведения переговоров Г. И. Лангсдорф внимательно наблюдал, а затем описывал внешний облик японцев различного общественного положения, обычаи и нравы, сложный дипломатический церемониал, японские корабли, лодки и многое другое.

Исключительную ценность представляют сделанные путешественником описания внешнего облика и особенностей быта айнов, которых он наблюдал на о. Сахалин, близ бухты Анива и на северо-восточной оконечности о. Хоккайдо. Сведения об айнах, содержащиеся в трудах Крашенинникова, Ж. Лаперуза и других предшественников Г. И. Лангсдорфа, были весьма отрывочны и неточны. Как и И. Ф. Крузенштерн, Г. И. Лангсдорф стоит у истоков изучения проблемы происхождения айнов, занимающей этнографов многие десятилетия¹⁶. С помощью Г.-Ю. Клапрота ученый составил небольшой сравнительный словарь (около 90 слов) диалектов айнов, живших на Камчатке, Курильских

¹⁴ «Bemerkungen...», Bd. 1, S. 144, 145, 155—159.

¹⁵ Л. Я. Штернберг, Этнография, в кн.: «Тихий океан. Русские научные исследования», Л., 1926, стр. 167.

¹⁶ Л. Я. Штернберг, Айнская проблема, «Сборник МАЭ», т. VIII, Л., 1939, стр. 367.

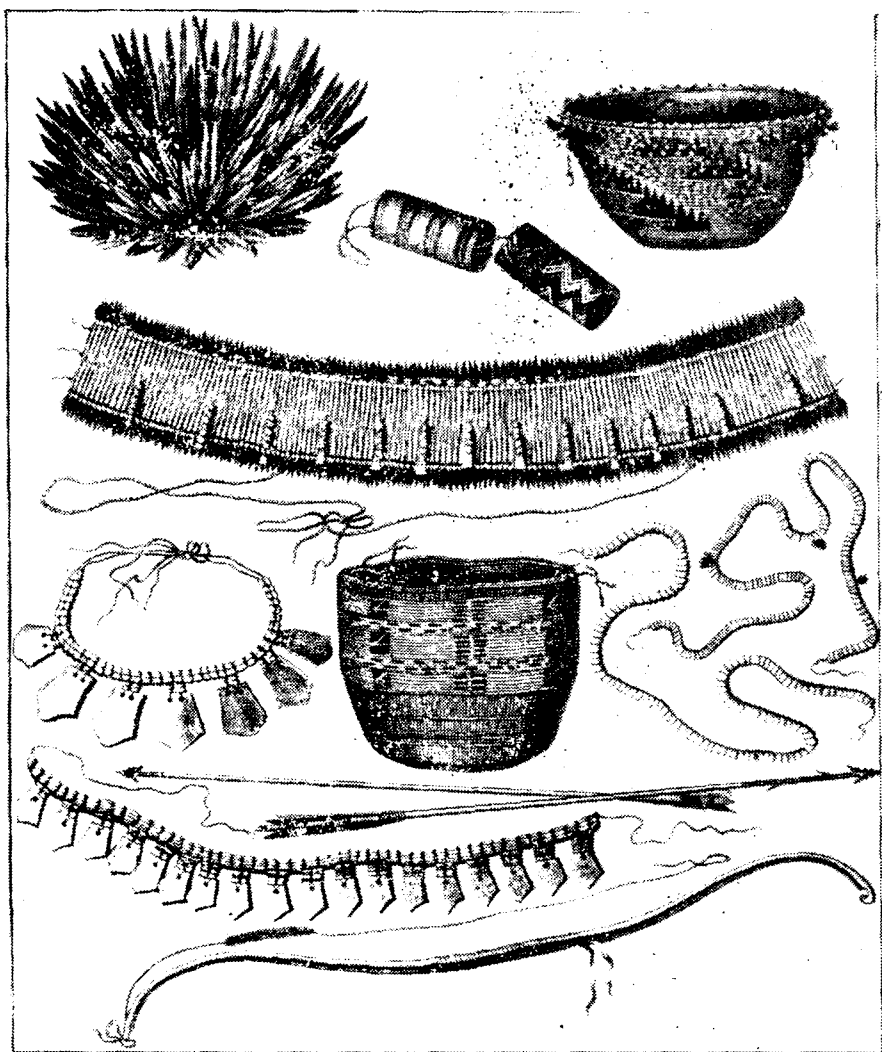

Рис. 3. Предметы материальной культуры жителей Новой Калифорнии и Нор-
фольк-Зунда. Рисунок Г. И. Лангсдорфа

островах, о. Хоккайдо, в южной и северо-восточной частях Сахалина¹⁷. Это был первый словарь такого рода.

Труд Г. И. Лангсдорфа может быть причислен к важнейшим источникам по этнографии северо-западной части Северной Америки. Ученый описал промысел морских котиков на о. Св. Павла, жилище, пищу, одежду, украшения, татуировку алеутов Уналашки, собрал сведения об их байдарках, оружии, охоте на китов, а также занятиях женщин, брачных отношениях, развлечениях, религии. Не менее подробно и основательно Г. И. Лангсдорф отразил в своем описании культуру коренных жителей Кадьяка — эскимосов-конягов, условия жизни местных алеутов и русского населения острова. У побережья Аляски, около залива Кукак, путешественник наблюдал быт эскимосов-конягов¹⁸.

¹⁷ «Bemerkungen...», Bd. 1, S. 300—303.

¹⁸ Р. Г. Ляпунова, Этнографические исследования Г. И. Лангсдорфа в Северо-Западной Америке, в кн.: «Проблемы...», стр. 23, 24.

Наряду с Ю. Ф. Лисянским Г. И. Лангсдорф был пионером в изучении тлинкитов (колошей, как называли их русские). В октябре 1805 г. ученый предпринял поездку в северо-восточную часть о. Баранова, где находились поселения этих индейцев. Ученый описал жилища тлинкитов, их семи-общины, пищу, одежду, охоту, рыбную ловлю, оружие, плетеные изделия, украшения, обычаи, образ жизни. Г. И. Лангсдорф наблюдал тлинкитов и во время посещения ими Ново-Архангельска. Эти материалы ученого представляют большой интерес. Хотя сведения о тлинкитах содержатся в описаниях ряда путешественников, наблюдавших их вскоре после Г. И. Лангсдорфа, специальное научное исследование этих индейцев было предпринято только в 20—30-е годы XIX в. русским этнографом и миссионером И. Е. Вениаминовым.

Г. И. Лангсдорф был первым русским исследователем населения Калифорнии¹⁹ и, в частности, калифорнийских индейцев, входящих в семью пенути. Находясь в Сан-Франциско, он побывал в близлежащих миссиях монахов-францисканцев и подробно описал положение, быт и культуру живших там индейцев.

В части, касающейся Камчатки, труд Г. И. Лангсдорфа можно поставить в один ряд с сочинениями С. П. Крашенинникова, Г.-В. Стеллера и других известных исследователей полуострова. Ученый часто бывал в ительменских и русских поселениях. Он совершил большую поездку из Петропавловска в Нижнекамчатск по долине р. Камчатки и возвратился назад по западному побережью полуострова. Г. И. Лангсдорф побывал в одном из стойбищ оленных коряков близ селения Тигиль. Он отметил половое разделение труда у коряков, определил роль оленеводства в их жизни, дал описание отдельных элементов их материальной культуры: переносного жилища (яранги), меховой одежды, пищи и т. д.²⁰ Тогда же ученый описал наркотическое действие местного мухомора и его широкое использование коряками и ительменами. Г. И. Лангсдорф выяснил число жителей в 50 населенных пунктах Камчатки. Он был первым из ученых, проводивших подобную работу после С. П. Крашенинникова. Классическим признается и очерк путешественника о собаководстве у камчадалов²¹. Во время путешествия из Охотска в Иркутск Г. И. Лангсдорф кратко описал встретившиеся населенные пункты, а также быт эвенков и бурят, которых ему удалось наблюдать.

Гравюры, приложенные к книге Г. И. Лангсдорфа, снабжены подробными пояснительными текстами. Они не только иллюстрируют соответствующие места описания, но и имеют вполне самостоятельное научное значение, являясь превосходным историко-этнографическим источником. Из 43 гравюр одна касается путешествия вдоль берегов Северной Европы, одна посвящена о. Тенериф, одна — о. Санта-Катарина, десять — Нукухиве, одна — о. Гавайи, тринадцать — Японии, одна — Сахалину, десять — Русской Америке, три — испанской Калифорнии, две — Камчатке, одна — Сибири.

Точное число гравюр, выполненных по рисункам Г. И. Лангсдорфа, обнаружившего незаурядные способности художника, пока установить не удалось. Однако 15 из них, несомненно, были созданы на основе рисунков ученого, а остальные — с рисунков В.-Г. Тилезиуса фон Тиленау, члена посольства Н. П. Резанова майора Е. Фридрици, петербург-

¹⁹ Н. Н. Bancroft, *History of California (1542—1890)*, vol. I, San Francisco, 1884, p. 38; Л. Я. Штернберг, *Этнография*, стр. 152; Р. Пирс, *Материалы Г. И. Лангсдорфа как источник по истории Аляски и Калифорнии*, в кн.: «Проблемы...», стр. 27—30.

²⁰ В. В. Антропова, *Этнографические материалы академика Г. И. Лангсдорфа о народах Камчатки (ительмены, коряки, айны)*, в кн.: «Проблемы...», стр. 8—10.

²¹ Л. Я. Штернберг, *Этнография*, стр. 152; В. В. Антропова, *Старинные камчадалские сани*, «Сборник МАЭ», т. X, Л., 1949, стр. 47—92.

Рис. 4. Река Кубатан близ Сантуса. На носу лодки изображен Г. И. Лангсдорф, рядом с ним, вероятно, астроном экспедиции Н. Г. Рубцов. 1825 г., черная акварель. Рисунок А. Тонзя. ЛОААН, ф. 63, оп. 2, № 2

ского художника А. П. Орловского, который сделал их по эскизам Лангсдорфа и Тилезиуса. Рисунки и чертежи каноэ нукухивцев и гавайцев, лодки сахалинских айнов, байдарок с Уналашки, Кадыяка, Аляски были выполнены «судовым мастером» И. П. Корюкиным, путешествовавшим на корабле «Нева». Основная часть оригиналов, с которых были сделаны гравюры, хранится ныне в Бэнкрофтской библиотеке в США²². Среди 38 находящихся там рисунков есть и несколько неопубликованных работ Лангсдорфа.

В апреле 1812 г. Г. И. Лангсдорф, являвшийся с 1808 г. адъюнктом Петербургской Академии наук, был избран экстраординарным академиком. Спустя несколько месяцев он был назначен российским генеральным консулом в Рио-де-Жанейро, куда прибыл в апреле 1813 г. Следующие 17 лет своей жизни он провел в Бразилии, став одним из наиболее крупных исследователей этой страны в начале XIX в. Наряду с изучением природы Бразилии путешественник уделял большое внимание сбору материалов о ее населении. В одном из своих бразильских дневников Г. И. Лангсдорф писал, что его особый интерес привлекали «географические и политические условия ... нравы, обычаи, языки»²³. Уже спустя месяц после прибытия в бразильскую столицу он прислал конференции Академии наук письмо, в котором сообщал различные сведения об индейцах племени ботокудов и высказывал свои соображения об их внешнем сходстве с алеутами²⁴. В марте 1814 г. Г. И. Лангсдорф отправил в Петербург небольшой словарь языка ботокудов²⁵. Ученый предлагал сравнить посылаемый материал с языком коренных жителей о. Баранова. Г. И. Лангсдорф, видимо, задумался над проблемой заселения юж-

²² Bancroft Library, Robert B., Honeymann, Jr. Collection, Langsdorff Group, 63, 2, 1000—1037.

²³ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 2, л. 82 об., 88 об.

²⁴ Там же, ф. 1, оп. 3, № 76, л. 339—340.

²⁵ Там же, № 77, л. 63—64.

ноамериканского континента и, на наш взгляд, избрал правильный путь для ее решения.

В 1821 г. Г. И. Лангсдорф встал во главе большой русской научной экспедиции в Бразилию. Ученый был хорошо осведомлен о результатах исследования этой страны к началу 20-х годов XIX в. Он знал о путешествиях Д. Мейва, В. Эшвеге, Максимилиана принца Вида-Нейвида, О. Сент-Илера, И. Шпикса, К. Мартиуса, И. Поля, И. Наттерера и других европейских ученых. Со многими из них Г. И. Лангсдорф был знаком лично. Разрабатывая планы будущей экспедиции, он старался не повторять маршруты своих предшественников. В 1824—1826 гг. экспедиция обследовала малоизученные районы провинции Минас-Жераис, а также южную, западную и северо-западную части провинции Сан-Паулу. В 1827 г. Г. И. Лангсдорф и его спутники путешествовали по Мату-Гросу, а затем двумя отрядами пришли на Амазонку: первый по рекам Риу-Прету, Аринус, Журуэна и Тапажос, второй — по Гуапоре, Маморе и Мадейре. Первые осуществленное комплексное изучение Бразильского нагорья и пересечение его с исследовательскими целями по речным системам верхней Параны, верхнего Парагвая и Тапажоса было научным подвигом Г. И. Лангсдорфа и участников его экспедиции, преодолевших за восемь лет путешествий более 15 тыс. км²⁶. Тропическая лихорадка, которой Г. И. Лангсдорф заболел весной 1828 г., спускаясь по р. Журуэна, привела к расстройству памяти, и он не смог вернуться к научной работе. Умер Г. И. Лангсдорф во Фрейбурге в 1852 г.

Архив экспедиции Г. И. Лангсдорфа, затерянный в 30-х годах XIX в. и обнаруженный только в 1930 г., содержит свыше 4 тыс. страниц рукописей, около 600 рисунков, десятки карт и планов²⁷. Кроме обширной информации, касающейся разных отраслей науки, этот архив включает многочисленные и уникальные этнографические материалы. Мы остановимся лишь на тех из них, которые непосредственно связаны с деятельностью Г. И. Лангсдорфа²⁸.

Разнообразные этнографические наблюдения содержат неопубликованные дневники Г. И. Лангсдорфа 1824—1828 гг., насчитывающие в целом около 1400 страниц²⁹. Этнографические материалы дневников можно разделить на три группы. Одни были собраны во время посещения

²⁶ Б. Н. Комиссаров, Академик Г. И. Лангсдорф и его экспедиция в Бразилию (1821—1829), в кн.: «Материалы экспедиции академика Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821—1829 гг. Научное описание», Л., 1973 (далее — «Материалы...»), стр. 7—43.

²⁷ Б. Н. Комиссаров, Архив экспедиции Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1829), в кн.: «От Аляски до Огненной земли», М., 1967, стр. 275—285; его же, Судьба архива первой русской экспедиции в Бразилию, «Археографический ежегодник за 1971 год», М., 1972, стр. 182—190.

²⁸ Об этнографических материалах других участников экспедиции см.: «Материалы...», стр. 47—49; 50, 58, 59, 72—77, 82, 83, 104—110, 127—131; Г. Г. Манисер, Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1828), М., 1948; Н. Г. Шпирин, «Живописное описание путешествия из Порту-Фелис в Куяба» Г. Флоранса, «Сов. этнография», 1936, № 6, стр. 104—110; Б. Н. Комиссаров, Новый русский источник по истории и этнографии Бразилии 20-х годов XIX века (Записки Н. Г. Рубцова), «Сов. этнография», 1963, № 3, стр. 172—176; «Бразилия в описаниях участников русской экспедиции 1821—1829 годов» (подготовка публикации, вводная статья, редакция переводов и примечания Б. Н. Комиссарова), «Новая и новейшая история», 1966, № 3, стр. 115—127; Б. Н. Комиссаров, Из дневника участника русской научной экспедиции в Бразилию в 1821—1829 гг., «Латинская Америка», 1972, № 5, стр. 144—160; 1973, № 1, стр. 142—161; А. И. Алексеев, Б. Н. Комиссаров, Н. Г. Рубцов и его роль в исследовании Бразилии, «Изн. ВГО», т. 98, 1966, вып. 6, стр. 500—506; А. Е. Гайсинович, Б. Н. Комиссаров, Новые бразильские рукописи Э. П. Менетрие, «Изн. ВГО», т. 100, 1968, вып. 3, стр. 249—251. Список предметов этнографической коллекции, собранной экспедицией Г. И. Лангсдорфа в Бразилию, см.: Г. Г. Манисер, Указ. раб., стр. 151—154; см. также: К. К. Гильзен, Человеческая голова как военный трофей у индейцев племени мундуруку, «Сборник МАЭ», т. V, Пг., 1918, стр. 351—358.

²⁹ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 1, л. 1—335; № 2, л. 1—109 об.; № 3, л. 1—137; № 4, л. 1—26; № 5, л. 1—44; № 6, л. 1—20 об.; № 7, л. 1—24.

ученым поместий (fazend), другие — в городах, селениях, на приисках, наконец, много важных наблюдений путешественник сделал, когда экспедиция встречалась с индейцами.

Заметки Г. И. Лангсдорфа о жителях fazend заслуживают пристального внимания³⁰. Несомненную ценность представляют сведения о положении и эксплуатации рабов в fazendaх. Ученый, посетивший более 150 бразильских поместий, подробно описал условия труда и быта невольников, а также собрал данные об их численности в некоторых fazendaх. В дневниках мы находим сведения об одежде, пище, жилищах негров, регламенте их трудового дня, дневных нормах, действовавших при выполнении земляных работ, в прядильном, ткацком, сахарном производствах.

В отличие от многих путешественников, оставивших общие замечания о быте fazendeiro, Г. И. Лангсдорф описал вполне определенных лиц, обстановку конкретных господских домов. В дневниках можно найти сведения о меблировке дома хозяина поместья, его одежде, пище, распорядке дня, досуге. Важно, что ученый (иногда с помощью более или менее пространных описаний, а порой несколькими штрихами) дал представление об интересах, умственном развитии, образовании, психическом складе многих встретившихся ему fazendeiro³¹.

За время путешествия Г. И. Лангсдорф посетил около 300 городов и селений Бразилии. «Я люблю узнавать историю возникновения населенного пункта», — признавался ученый³². «Очень трудно изучать нравы и обычаи здешних обитателей», — сетовал он на другой странице дневника³³. Из записи, сделанной в начале февраля 1825 г., мы узнаем, что Г. И. Лангсдорф, возвращаясь из провинции Минас-Жераис в Рио-де-Жанейро, вез местные костюмы и другие достопримечательности: «одежды из атласа, вышитые золотом и цветным шелком, хлопчатобумажные ткани, кружева»³⁴.

Если западноевропейские путешественники начала XIX в. обращали внимание в основном на столицы провинций или относительно крупные города, то Г. И. Лангсдорф оставил, кроме того, заметки о многих мелких селениях и местечках, таких, как Мерсес, Помбу, д'Уба, Президиу, Санта-Рита, Морру-де-Агуа-Кенте, Гимараэс и др. Он обычно рассказывал историю населенного пункта, описывал его планировку, постройки, улицы, указывал число домов и очагов. Ученого занимали вопросы техники городского строительства, снабжения водой и топливом. Г. И. Лангсдорф приводил данные о численности населения, его расовом, социальном и профессиональном составе. Как врач, он интересовался медицинской помощью, а также общественным призрением, детским образованием, церквями и монастырями. Мы находим сведения и о вооруженных силах, административном управлении, судебных органах, почтах.

Значительное место Г. И. Лангсдорф уделил описанию быта и нравов населения городов. Он сделал заметки об интерьерах домов горожан различного состояния, их посуде, одежде, пище, домашних торжествах, приемах гостей, досуге (пении, музицировании и т. д.), отправлении религиозного культа. Интересны записи о положении бразильских женщин, кровной мести, бандитизме, воровстве, проституции, а также дезертирстве и уклонении от призыва в армию, широко распространенных в период крайне непопулярной в народе войны с Объединенными про-

³⁰ Б. Н. Комиссаров, Бразильская fazenda первой трети XIX века в дневниках Г. И. Лангсдорфа и на картах Н. Г. Рубцова, «Вестник ЛГУ, серия истории, языка и литературы», 1969, № 8, вып. 2, стр. 62—70.

³¹ См., например, ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 1, л. 63—63 об.

³² Там же, л. 80 об.

³³ Там же, л. 108 об.

³⁴ Там же, № 2, л. 33 об.

Рис. 5. Открытие новой золотой россыпи на Риу-дас-Помбас, 1824 г., чернила и тушь (перо), карандаш. Рисунок М. Ругендаса. ЛОААН, ф. 63, оп. 2, № 25

винциями Ла-Платы в 1825—1828 гг. Привлекают внимание страницы, посвященные описанию жизни улиц, светских и церковных праздников. В 1825 г. Г. И. Лангсдорф был свидетелем торжеств в Сан-Паулу в связи с третьей годовщиной коронации императора Педру I, оставил заметки о закладке памятника на р. Ипиранге в честь провозглашения независимости, в 1828 г. наблюдал различные празднества в Диамантину и т. д. Для исследования вопросов размещения населения по территории тогдашней Бразилии могут быть полезны данные о расстояниях между отдельными населенными пунктами.

Этнографические записи, сделанные Г. И. Лангсдорфом во время посещения золотых и алмазных приисков Бразилии, получили некоторое отражение в литературе³⁵, но основная их часть еще не введена в научный оборот. Ученый побывал на десятках приисков и среди них на таких крупных, как Дескоберта Нова и Алмазный округ в провинции Минас-Жераис и Диамантину в провинции Мату-Гросу. Он детально описал труд рабов и вольнонаемных старателей. Интересны заметки о жителях Алмазного округа: чиновниках, купцах, контрабандистах-гаримпейру и др. Г. И. Лангсдорф собрал сведения о строительстве домов и хижин, снабжении округа продовольствием, местном огородничестве и садоводстве, пище, одежде, музыке, танцах. Путешественник внимательно наблюдал и быт жителей Диамантину. Он тщательно описал конструктивные особенности и внутреннее убранство их жилищ, основные занятия, развлечения, семейные отношения, уровень образования, представления о медицине, всевозможные обычаи и обряды, взгляды на религию. Г. И. Лангсдорф указал общую численность населения Диамантину, привел данные о расовом и социальном составе, миграциях, смертности. Весьма интересны заметки и о том, как специфический быт диамантинцев отражался в их языке.

³⁵ Н. Г. Шпринцин, Подожжение индейцев и негров Бразилии (по материалам русских экспедиций), «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. VII, 1949, стр. 62—69; «Бразилия в описаниях...», стр. 118—122.

Большое научное значение имеют записи Г. И. Лангсдорфа, касающиеся индейского населения. Некоторые из них нашли отражение в публикациях Н. Г. Шпринцин³⁶, однако большинство этих записей неизвестны этнографам. Оригинальный маршрут экспедиции позволил Г. И. Лангсдорфу сделать ряд ценных наблюдений и собрать немало сведений об индейской политике тогдашнего правительства Бразилии, освободительной борьбе индейцев, их роли в хозяйственной жизни страны.

Значительную часть интересующих нас материалов Г. И. Лангсдорф почерпнул из рассказов дорожных знакомых. В провинции Минас-Жераис это были местные фазендейру, представители администрации, священники и другие лица. Из бесед с ними ученый получил представление о масштабах и методах экспроприации индейских земель, целеустремленной правительственной политике выселения и истребления аборигенов. Данные, приведенные собеседниками Г. И. Лангсдорфа, по-видимому, заслуживают внимания. Изгнание из Минас-Жераиса основной массы индейцев закончилось лишь к 1810—1812 гг., и связанные с этим воспоминания еще не успели потускнеть. Однако нельзя не учитывать, что они исходили от людей, относившихся к коренному населению, как правило, весьма недружественно, и могли в какой-то степени исказить действительность. Г. И. Лангсдорф узнал о том, когда были отвоеваны у индейцев берега р. Параиба, местности близ селений Помбу, Президиу, Санта-Рита, Барра-ду-Баралью, прииска Дескоберта Нова. Он выяснил, где расселялись остатки племен пури, коропо, короадо, ботокудов, привел данные о численности бразильских аборигенов в некоторых церковных приходах³⁷.

Ученый собрал интересные сведения об индейских промыслах в Минас-Жераисе. Немаловажное значение среди них имел сбор корня ипекакуанья, применявшегося в лечебных целях. Г. И. Лангсдорф рассказал о методе, сроках и продолжительности сбора этого корня, количестве ипекакуанья, которое индеец мог собрать в день и в год, рыночных ценах на корень, быте сборщиков из племен коропо и короадо, взаимоотношениях последних с властями и местным бразильским населением³⁸. Другой индейский промысел, привлечший внимание Г. И. Лангсдорфа, состоял в разведении и сборе съедобных муравьев. Он получил распространение как в Минас-Жераисе, так и в других частях страны. Жирное тельце самки муравья не только охотно употреблялось в пищу, но и являлось лакомством, заменяя сало и весьма дефицитное в тогдашней Бразилии сливочное масло³⁹. Путешественник упомянул также о последствиях широкого распространения этого промысла: муравьи уничтожали посадки сельскохозяйственных культур, что чрезвычайно обостряло отношения между индейцами и фазендейру. Для решения возникшей проблемы Г. И. Лангсдорф предложил охранять муравьедов и даже специально разводить этих животных.

Находясь в городах и селениях провинции Сан-Паулу, Г. И. Лангсдорф сделал заметки о численности индейцев, изгнанных из некоторых ее местностей, торговых связях между аборигенами и бразильцами, процессе смешения коренного населения с выходцами из Европы⁴⁰. Ряд записей такого рода относится ко времени пребывания ученого в селе-

³⁶ Н. Г. Шпринцин, М. В. Крутикова, Индейцы гуато, «Изв. ВГО», т. 80, вып. 5, стр. 500—506; Н. Г. Шпринцин, Индейцы апиака (из материалов первой русской экспедиции в Южную Америку), «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. X, 1950, стр. 84—96.

³⁷ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 1, л. 21 об., 67 об., 80, 88 об., 89 об., 96, 98—100, 101 об., 109 об., 113, 120 об.

³⁸ Там же, л. 97—98, 286 об.—287.

³⁹ Там же, л. 101 об.—102 об., 275 об.

⁴⁰ Там же, № 2, л. 82, 103—103 об., 105 об.

нии-fazенде Камапуан, лежавшей на тогдашней границе провинций Сан-Паулу и Мату-Гросу. Здесь он узнал о контактах между бразильцами и индейцами гуато, населявшими берега р. Парагвай. Гуато выращивали хлопок, изготавливали хлопчатобумажные ткани, вели меновую торговлю с жителями Камапуана, использовались ими в качестве проводников⁴¹.

Во время путешествия из Камапуана в столицу Мату-Гросу г. Куяба основной темой бесед Г. И. Лангсдорфа со встречавшимися ему бразильцами было восстание индейцев племени гуайкуру. Оно вспыхнуло близ местечка Миранда осенью 1826 г.⁴² В начале января 1827 г. при подходе к Куябе Г. И. Лангсдорф и его спутники встретили карательную экспедицию, посланную властями Мату-Гросу против гуайкуру. Данное ученым описание этой экспедиции представляет существенный интерес⁴³. В дальнейшем в Мату-Гросу Г. И. Лангсдорф неоднократно слышал о вооруженной борьбе индейцев с колонизаторами⁴⁴.

Помимо сведений, полученных от различных лиц, Г. И. Лангсдорф заносил в свой дневник и личные впечатления от встреч с индейцами. Нужно отметить, однако, что разыскать представителей коренного населения было делом далеко не простым. Индейцев короадо путешественник видел 17—19 июля 1824 г. в одной из fazенд близ селения Президиу в провинции Минас-Жераис⁴⁵. Они пришли в fazенду в поисках работы. Спустя день Г. И. Лангсдорф встретил индейца племени пури и получил от него сведения о местах расселения этого племени⁴⁶.

Несмотря на неоднократные попытки Г. И. Лангсдорфа отыскать бразильских аборигенов, его следующая встреча с ними состоялась лишь 18 декабря 1826 г. в селении Албукерки (Корумба) в провинции Мату-Гросу. Вокруг пылали подожженные гуайкуру степи, и все окрестные племена, имевшие контакты с бразильцами, стремились укрыться в селениях последних. В Албукерки пришла группа индейцев гуана. Гуана хотели плыть в Куябу, и их касик попросил разрешения Г. И. Лангсдорфа присоединиться к экспедиции ввиду опасности со стороны гуайкуру⁴⁷. По пути из Албукерки в столицу Мату-Гросу к экспедиции примкнула и группа индейцев гуато. С 26 декабря 1826 г. по 1 января 1827 г. Г. И. Лангсдорф побывал в нескольких их селениях. «Некоторые гуато довольно хорошо говорили по-португальски и служили нам переводчиками», — писал он⁴⁸. В начале января экспедиция встретила более 200 гуана, которые плыли из Куябы. В те дни Г. И. Лангсдорф сделал немало записей, касающихся методов управления «замиренными» индейцами, их хозяйственных связей с бразильцами и влияния этих отношений на быт и психологию аборигенов⁴⁹. Подобные вопросы нашли отражение и в заметках, относящихся к 11—21 апреля 1828 г., времени пребывания ученого в селениях индейцев апиака на р. Аринус⁵⁰. В промежутках между изнурительными приступами лихорадки Г. И. Лангсдорф раздавал индейцам подарки, оказывал медицинскую помощь и этим завоевал их полное доверие. Ученый лишь жаловался, что при нем часто не было переводчика.

За годы путешествий по Бразилии Г. И. Лангсдорф сделал записи языков индейцев коропо, короадо, пури, машакали, гуана, каяпо, составил словарь лингва жерал, т. е. «общего языка», в основу которого легли

⁴¹ Там же, № 3, л. 84 об., 91 об. — 92.

⁴² Там же, л. 109 об. — 110, 113—113 об., 114 об.

⁴³ Там же, л. 123 об., 125 об., 129.

⁴⁴ Там же, № 4, л. 2, 6 об.; № 7, л. 6 об., 8, 18 об.

⁴⁵ Там же, № 1, л. 95 об. — 98.

⁴⁶ Там же, л. 98—100.

⁴⁷ Там же, № 3, л. 112—112 об., 116.

⁴⁸ Там же, л. 121.

⁴⁹ Там же, л. 114 об. — 116, 118—123 об., 126—127, 130.

⁵⁰ Там же, № 7, л. 11 об. — 21 об.

языки тупи, дополненные португальскими заимствованиями⁵¹. Эти материалы ученого описаны⁵², но еще не стали предметом специального лингвистического исследования. Большой интерес представляет француско-ботокудский словарь, составленный видным знатоком индейской культуры и языков Г. Т. Марлиером, подаренный автором Г. И. Лангсдорфу и сохранившийся в архиве экспедиции⁵³.

Обширные и разнообразные сведения о населении Бразилии содержатся в коллекции документов по этнографии и истории этой страны, которую собрал Г. И. Лангсдорф. Эти документы касаются провинций Минас-Жераис, Сан-Паулу, Мату-Гросу. Они были почерпнуты ученым в архивах, столичных и провинциальных учреждениях Бразилии, домах представителей бразильской администрации и других лиц. Документы дошли до нас в виде подлинников, копий и конспектов.

Сведения о населении Минас-Жераиса содержатся в сделанном Г. И. Лангсдорфом конспекте неопубликованного варианта статьи известного бразильского путешественника и естествоиспытателя Ж. Виейры Коуту, написанного в конце XVIII — начале XIX в.⁵⁴ Этнографические материалы можно найти и в неподписанной (местами скопированной, а местами проконспектированной) рукописи о капитании Минас-Жераис, относящейся к 1806—1807 гг. и принадлежавшей, по-видимому, перу ее тогдашнего губернатора Педру Марии Шавьера де Атаиде и Меллу⁵⁵. Г. И. Лангсдорф скопировал и отзыв Г. Т. Марлиера о вышедшей в 1823 г. в Париже книге французского путешественника О. Сент-Илера, побывавшего в Бразилии в 1816—1822 гг.⁵⁶ В своей рукописи Г. Т. Марлиер, бывший комендантом военных постов и индейских поселений на Риу-Доси в провинции Минас-Жераис, описал быт и нравы ботокудов, коропо, короадо, пури, рассказал о жизни аборигенов в созданной им колонии Петерсдорф, хозяйстве этого поселения.

Сведения о численности социальных и расовых групп населения Сан-Паулу, его общем приросте, числе браков, рождаемости, смертности содержит проконспектированный Г. И. Лангсдорфом отчет за 1820—1824 гг. президента жунты да фазенда (финансового ведомства) этой провинции Лукаса Антониу Монтейру де Барруша⁵⁷. В папке под заглавием «Noticias sobre os Indios» собраны скопированные Г. И. Лангсдорфом заметки об индейских племенах провинции Мату-Гросу⁵⁸. Авторами заметок были представители местной администрации: комендант округа Вилла-Мария Жуан Перейра Лейти, капитан-мор г. Диамантину Антониу Жозе Рамуш и Кошта, начальник постов на бразильско-парагвайской границе капитан Жозе Кравейру де Са. Документы относятся к февралю — марту 1827 г. Они содержат разнообразные, но из-за служебного положения авторов записок в известной мере тенденциозные сведения об индейцах бороро, паресси, апиака, гуато, гуана и др.

Некоторые заметки об индейцах каяпо, гуайкуру, бороро, паресси мы находим в неподписанной и недатированной рукописи, рассказыва-

⁵¹ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 22, л. 1—28; № 23, л. 1—3 об.; № 25, л. 1—10; № 26, л. 1—2 об.

⁵² «Материалы...», стр. 55, 56; О. К. Васильева-Шведе, Лингвистические материалы русской экспедиции в Бразилию 1821—1829 гг., «Научный бюллетень ЛГУ», 1947, № 14—15, стр. 36—42; ее же, Лингвистические материалы академика Г. И. Лангсдорфа, в кн.: «Проблемы...», стр. 14—17.

⁵³ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 24, л. 7—15 об.; Н. Г. Шпринцин, Из архивных материалов по языкам индейцев Бразилии, «Сов. этнография», 1964, № 3, стр. 139, 140.

⁵⁴ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 32, л. 1—15 об.; Б. Н. Комиссаров, Академик Г. И. Лангсдорф и бразильский ученый Ж. Виейра Коуту, «Изв. ВГО», т. 102, вып. 4, 1970, стр. 370—373.

⁵⁵ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 31, л. 1—52.

⁵⁶ Там же, № 40, л. 4—6; Aug. de Saint-Hilaire, Aperçu d'un voyage dans l'intérieur de Brésil, Paris, 1823.

⁵⁷ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 30, л. 59—62 об.

⁵⁸ Там же, № 28, л. 1—9.

ющей о путешествии из Сан-Паулу в Куябу⁵⁹. Судя по содержанию документа, его автором был, по-видимому, купец, предпринявший плавание в столицу Мату-Гросу в самом начале XIX в. «Страх попасть в руки каяпо», о котором откровенно писал этот безымянный путешественник, не способствовал объективности его сообщений об индейцах.

Ценные данные о населении трех упоминавшихся выше провинций содержатся в собранных Г. И. Лангсдорфом статистических таблицах⁶⁰. Их можно разделить на три группы. К первой относятся таблицы, в большинстве своем содержащие материалы о численности, социальном, расовом, возрастном, половом составе, семейном положении, приросте и плотности населения, данные о рождаемости, смертности, браках на определенный год в провинциях, округах, городах, местечках⁶¹. Ряд таблиц первой группы, кроме того, включает сведения о количестве и видах предприятий, числе занятых в каждой отрасли хозяйства свободных и рабов, указатели профессий с данными о численности, о социальном положении представителей каждой из них, списки наиболее крупных семей, материалы о числе населенных и пустующих домов. Ко второй группе можно отнести таблицы, в которых сравнивается численность социальных и расовых групп населения отдельных частей страны в разные годы⁶². К третьей — списки населенных пунктов или церковных приходов с указанием числа жителей в них в те или иные годы⁶³.

В целом материалы академика Г. И. Лангсдорфа представляют собой уникальный источник по этнографии Америки, Азии и Океании. Исследования, проведенные ученым в Бразилии и Северной Америке, дают основания считать его одним из основоположников русской американистики. В связи с 200-летием со дня рождения Г. И. Лангсдорфа Академия наук СССР в октябре 1974 г. провела Всесоюзную научную конференцию, в которой участвовали также ученые из многих зарубежных стран. Конференция приняла решение о подготовке полного издания опубликованного и архивного наследия выдающегося ученого. В это издание должны войти статьи Г. И. Лангсдорфа, рассеянные по страницам русских и европейских журналов начала XIX в., ставшее давно классическим, но так и не переведенное на русский язык описание его кругосветного путешествия, наконец, публикация архива экспедиции в Бразилию, включающего дневники, труды, письма и другие материалы ученого, а также рукописи, карты, рисунки его спутников — Н. Г. Рубцова, Л. Риделя, Э. П. Менетрие, М. Ругендаса, А. Тонэя, Э. Флоранса. Предполагаемое издание, вне всякого сомнения, обогатит советскую и мировую этнографическую науку.

ETHNOGRAPHIC RESEARCH BY ACADEMICIAN G. I. LANGSDORF

The article deals with the ethnographic materials on the peoples of Asia, America and Oceania comprised in the literary and manuscript heritage of the prominent Russian scholar and traveller, Academy member, G. I. Langsdorf. Such materials are to be found in Langsdorf's seldom cited articles published in Russian and German periodicals at the beginning of the XIXth century; in his description of his round-the-world voyage in 1803—1808; in the archives of his Brazil expedition of 1821—1829. There are valuable ethnographic data in G. I. Langsdorf's unpublished Brazil diaries for 1824—1828 and in his collection of various notes and documents on Brazil's population. The author stresses the importance of publishing the complete literary and manuscript heritage of G. I. Langsdorf.

⁵⁹ Там же, № 30, л. 2—12.

⁶⁰ Б. Н. Комиссаров, С. Л. Третьяков, Материалы по статистике населения Бразилии первой четверти XIX в.: в архиве экспедиции Г. И. Лангсдорфа, в кн.: «Исследования по новой и новейшей истории», Л., 1972, стр. 17—30.

⁶¹ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 15, л. 1—5; № 16, л. 1—4, 9—10; № 30, л. 28—29, 37—40.

⁶² См. например: там же, № 30, л. 33.

⁶³ Там же, л. 30, 35, 36.

В. П. Курылев

МАТЕРИАЛЫ ПО ЗЕМЛЕДЕЛИЮ КАЗАХОВ МАНГЫШЛАКА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

(К ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ АТЛАСУ СРЕДНЕЙ АЗИИ
И КАЗАХСТАНА)

О земледелии у казахов п-ова Мангышлак, где проживало главным образом большое родовое объединение Малого жуза — адай¹, известно немного. Немногочисленные дореволюционные литературные источники сообщают, что в ряде мест полуострова, природные условия которого мало пригодны для земледелия, казахи наряду с кочевым скотоводством (традиционной и ведущей отраслью их хозяйства) занимались также хлебопашеством. Одно из первых известий об этом содержится в работе М. И. Иванова². Он сообщает, что в некоторых районах Мангышлака казахи и туркмены занимались хлебопашеством. Немногим больше материала содержится у Бр. Залеского — поляка, который за время девятилетней ссылки в Казахстан создал замечательный альбом зарисовок из жизни казахов, изданный им впоследствии с обширными комментариями в Париже³. О наличии на Мангышлаке, главным образом между горными хребтами Актау и Каратау, родников, 160 из которых имели пресную воду, а около 40 — соленую, пишет Кияшко. По его словам, водой из некоторых источников казахи орошали немногочисленные пашни, засеянные пшеницей, ячменем и просом⁴. Р. Карутц, совершивший поездку по полуострову в первом десятилетии XX в., упоминает о том, что казахи занимались хлебопашеством в весьма ограниченных размерах⁵.

Советскими исследователями этому вопросу посвящены две работы. Первая из них принадлежит агрономам М. М. Ищенко и Б. К. Щелокову. На основе материалов, собранных во время экспедиции 1926 г. в Западном Казахстане (в составе почвенно-ботанического отряда Казахской экспедиции АН СССР), они написали специальный раздел о земледелии в книге, посвященной изучению сельского хозяйства Адаевского уезда⁶. Авторы излагают интересные данные о поливном (как они пишут, «сухом») земледелии на Мангышлаке, способах обработки почвы и уборки урожая, а также о наиболее распространенных в этом районе сельскохозяйственных культурах. Другая работа на-

¹ В. В. Востров, М. Муканов, Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.), Алма-Ата, 1968, стр. 84—88, 248—254.

² М. И. Иванов, Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 году, «Записки Русского географического общества», кн. 2, СПб., 1847, стр. 290, 299—300.

³ Br. Zaleski, La viedessteppes Kirghizes, Paris, 1865, p. 53, 63.

⁴ Кияшко, Очерки Закаспийского края, «Военный сборник», 1897, № 9, стр. 159, 165—166; № 10, стр. 383; № 11, стр. 188.

⁵ Р. Карутц, Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке, СПб., 1910, стр. 40.

⁶ М. М. Ищенко, Б. К. Щелоков, Земледелие, в кн.: М. М. Ищенко, И. С. Казбеков, И. В. Ларин, Б. К. Щелоков: Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда, вып. VI, Л., 1928.

Распределение основных сельскохозяйственных культур на Мангышлаке (по годам) *

Год	Пшеница				Просо		Ячмень		Джугара		Овощи	
	озимая		яровая		десяти	пудов	десяти	пудов	десяти	пудов	десяти	пудов
	десяти	пудов	десяти	пудов								
1912	80	5 440	33	2 720	105	7 344	12	84	10	650	43	376
1913	88	4 928	32	1 792	97	6 984	20	960	11	715	50	1 020
1914	100	12 800	135	17 280	110	11 320	25	3 200	30	2 700	57	2 744

* По данным «Приложения к Обзору Закаспийской области за 1912—1913—1914 гг», Асхабад, 1916, № III.

писана советским этнографом В. В. Востровым, который побывал на Мангышлаке летом 1957 г. в составе экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Он сообщает, правда, очень кратко, о системе земледелия, основных сельскохозяйственных орудиях, посевных культурах, способах обработки почвы и оросительных сооружениях, бытовавших до революции у мангышлакских казахов⁷.

Изложенное выше побудило нас написать настоящую статью на материалах, собранных автором во время экспедиции на Мангышлак летом 1972 г.⁸.

В природно-географическом отношении территория Мангышлака, так же как и прилегающих к нему п-ова Бузачи на северо-западе и плато Устюрта на востоке, представляет собой типичную зону полупустынь и пустынь, перемежающихся в ряде мест большими массивами песков, среди которых наиболее значительны Бостанкум и Сам. Ежегодное количество осадков, которые выпадают здесь главным образом весной и осенью, даже в наиболее благоприятные годы не превышает 200 мм. В районе невысоких Мангыстауских гор — хребтов Актау и Каратау, идущих параллельно друг другу с северо-запада на юго-восток, можно наблюдать выход грунтовых вод на поверхность в виде родников. Таким образом, Мангышлак по своим естественно-природным условиям мало пригоден для земледелия. Однако до революции здесь бытовало, согласно сообщениям информаторов, не только поливное, но и неполивное (богарное) земледелие.

Земледелием на Мангышлаке более или менее постоянно занимались бедные казахи, не имевшие совсем или имевшие очень мало скота, которые вели в отличие от основной массы скотоводов-кочевников оседлый образ жизни. По словам Р. Карутца, земледелие здесь «не считают почетным занятием»⁹. Кроме бедняков, в наиболее благоприятные годы (когда выпадало много осадков) посевы производили и некоторые из тех казахских хозяйств, которые вообще занимались скотоводством и кочевали.

Казахи сеяли главным образом зерновые культуры: просо, пшеницу, ячмень, джугару, а также в очень ограниченных размерах выращивали бахчевые: арбузы, дыни. О распространении этих культур на Мангышлаке упоминают перечисленные выше авторы, причем наиболее подробные сведения приведены в работе М. М. Ищенко и Б. К. Щелокова¹⁰.

⁷ В. В. Востров, Новые материалы по этнографии казахов-адаевцев, Сб. «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана», «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 8, Алма-Ата, 1960, стр. 160—161.

⁸ Полевые материалы автора, Архив Ленинградского отделения Ин-та этнографии АН СССР (далее — ЛО ИЭ АН СССР), ф. К-1, оп. 2, д. 964—968.

⁹ Р. Карутц, Указ. раб., стр. 40.

¹⁰ М. И. Иванин, Указ. раб., стр. 296, 299; Кияшко, Указ. раб., стр. 188; В. В. Востров, Указ. раб., стр. 161; М. М. Ищенко, Б. К. Щелоков, Указ. раб., стр. 186—193.

По сведениям наших информаторов, основной культурой, выращиваемой здесь, было просо, в меньшем количестве сеяли пшеницу, ячмень, джугару и т. д. М. М. Ищенко и Б. К. Щелоков в своей работе пишут, что преобладающей культурой была пшеница¹¹. Если сравнить данные о выращивании этих культур за 1912 и 1913 гг., то можно прийти к выводу, что пшеница и просо были основными сельскохозяйственными культурами на Мангышлаке (см. табл. 1).

Необходимо отметить, что пшеница и просо преобладали почти во всех районах Казахстана¹².

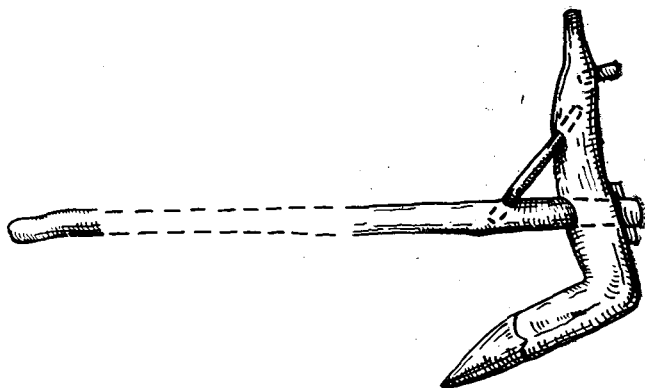

Рис. 1. Деревянное пахотное орудие казахов Мангышлака — шокай агаш

На Мангышлаке высевали два вида проса: *кызылтары* («красное просо»), которое вызревало за 40 дней, и *актары* («белое просо»), созревавшее за 50 дней.

Казахи сеяли как яровую, так и озимую пшеницу, причем первую, по словам информаторов, сеяли в основном в марте, а вторую — в сентябре. Площадь, занимаемая яровой пшеницей, как отмечают М. М. Ищенко и Б. К. Щелоков, превышала посевы озимой только в более благоприятные дождливые годы¹³.

Богарное земледелие было локализовано в основном в предгорьях Актау и Каратау, как правило, во впадинах и лощинах, где весной скапливалось много воды от таяния снегов и дождей и почва, таким образом, получала достаточный запас влаги¹⁴. Как сообщают информаторы, в некоторых лощинах (по-казахски *ой*) сооружали даже небольшие земельные ограды — *ор* для задержания воды.

Отличительная черта земледелия казахов Мангышлака до революции — отсутствие обработки почвы перед посевом. Согласно сообщениям информаторов, существовало два способа посева зерна в необработанную почву. При первом просо и пшеницу весной просто бросали в трещины, образовавшиеся при подсыхании поверхностного слоя земли после обильных дождей. При втором бросали зерно в грязь, которая еще не успела подсохнуть, а затем прогоняли по этому месту отару овец. О втором способе сообщает Д. Д. Букинич, наблюдавший в начале 1920-х годов на Усть-Урте в низовьях р. Чегана, как «... для заделки

¹¹ М. М. Ищенко, Б. К. Щелоков, Указ. раб., стр. 188.

¹² Л. К. Чермак, Киргизское хозяйство в Степном крае, Сб. «Район железной дороги Петропавловск-Спасский завод в экономическом отношении», СПб., 1912, стр. 245; И. В. Захарова, Материальная культура казахов-колхозников Юго-Восточного Казахстана (по материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей), «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», т. 3, Алма-Ата, 1956, стр. 110.

¹³ М. М. Ищенко, Б. К. Щелоков, Указ. раб., стр. 186.

¹⁴ Там же, стр. 182.

разбросанных по жидкому илу семян пшеницы просто прогоняли несколько раз стадо баранов»¹⁵. М. М. Ищенко и Б. К. Щелоков также обратили внимание на подобный способ посева в районе р. Чегана. «Семена разбрасываются,—пишут они,—по подсыхающему илу, и по нему несколько раз прогоняется стадо овец. Если после посева стоит не особенно жаркая погода или же перепадают дожди, то семена успевают прорасти и всходы раскуститься»¹⁶.

Важно отметить, что два разных наших информатора указали на одну и ту же лошину — Ауздыбас, расположенную севернее гор Актау, как на место, где казахи в прошлом довольно успешно применяли этот древ-

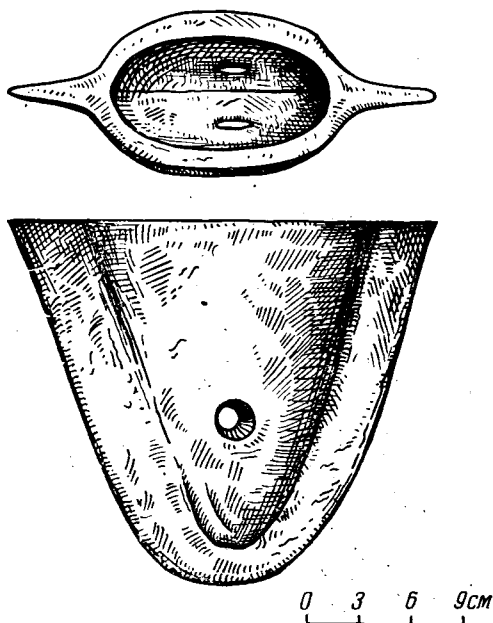

Рис. 2. Литой чугунный наконечник для пахотного орудия — база, или тыс. Из собрания МАЭ № 6701-1.

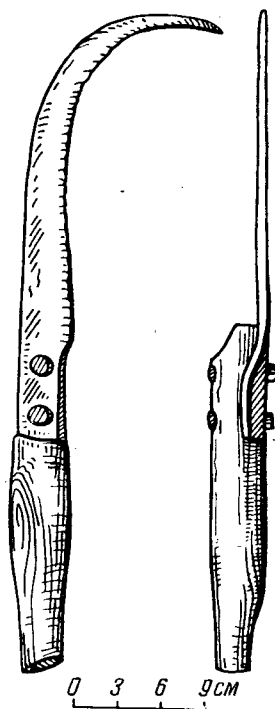

Рис. 3. Серп с зазубренным лезвием — орак. Из собрания МАЭ № 6701-2

ний метод посева зерна. Таким же образом, по их словам, иногда засевались участки и на урочищах Карасай и Енселе.

Этот способ посева мы зафиксировали также в Восточном Казахстане во время экспедиции 1973 г. Так, Зайнулла Бекжанов из аула Когедай Зайсанского района Восточно-Казахстанской области рассказал, что он сам видел, как один из его старейших родственников — Кутабай поливал свой участок (около одной четверти десятины) водой, а на следующий день сеял просо, затем вместо бороны прогонял по этому месту несколько раз отару овец¹⁷.

Однако в основном землю перед посевом обрабатывали с помощью деревянного пахотного орудия, которое на Мангышлаке называли

¹⁵ Д. Д. Букин и ч, История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и животноводства, «Хлопковое дело», 1924, № 3—4, стр. 113.

¹⁶ М. М. Ищенко, Б. К. Щелоков, Указ. раб., стр. 205.

¹⁷ Полевые материалы автора, Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. К-1, оп. 2, д. 972, л. 46.

шокай агаш (*шокай* — по-казахски «сапог из верблюжьей кожи») в отличие от общеказахского — *жер, агаш, тыс агаш или колтыс*. Иногда землю вскапывали лопатой — *бель*¹⁸.

Судя по описанию информаторов, *шокай агаш* напоминает по своей конструкции широко известное во всей Средней Азии и Казахстане пахотное орудие — *омач* (рис. 1). Очевидно, поэтому М. М. Ищенко и Б. К. Щелоков в своей работе называют его «омач». Они пишут: «Примитивная соха, или по местному названию — «омач», коса, серп и лопата — таков весь сельскохозяйственный инвентарь земледельца»¹⁹.

Деревянную основу этого пахотного орудия изготовляли местные казахские мастера. На конец основы *шокай агаша* казахи-земледельцы надевали литой чугунный наконечник — *база*, или *тыс* (рис. 2). Покупали его на ярмарках в Кокжаре (ныне г. Уил) или же в форте Александровском (ныне форт Шевченко). За него так же, как и за деревянную основу, давали одного барана. По своей форме наконечник напоминает широко распространенный по всей Средней Азии и Казахстану чугунный сошник, который у узбеков Бухары и Хорезма называется — *паза* или *тиш* (последний термин встречается еще и в Самаркандской области)²⁰.

В качестве тягловой силы казахи использовали пару лошадей или быков. В упряжь входило обычное для Средней Азии и Казахстана ярмо, которое по-местному называлось *мойун агаш*²¹. При отсутствии или

малочисленности рабочего скота казахи запрягали в пару также вола и лошадь, лошадь и верблюда и т. п.²².

Сев производили вручную, вразброс. Затем землю боронили деревянной бороной — *пана*, представлявшей собой бревно длиной 2—3 м, которое волочил верблюд.

Урожай казахи снимали главным образом с помощью серпа с зазубренным лезвием — *орак* (рис. 3). Жали как мужчины, так и женщины. При молотьбе снопы расстилали на току — *кирман* и гоняли по

Т а б л и ц а 2
Площадь поливных и неполивных земель
(в десятинах)*

Год	Поливные земли	Неполив- ные земли	Всего
1900	151	467	618
1903	534	120	654
1909	400	192	592

* Составлена по данным работы М. М. Ищенко и Б. К. Щелокова, *Земледелие*, в кн. М. М. Ищенко, И. С. Казбекова, И. В. Ларина, Б. К. Щелокова. «Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда», вып. VI, Л., 1928, стр. 182.

ним скот, преимущественно лошадей или верблюдов. Зерно от мякины отделяли, подбрасывая его лопатами на ветер. Такого типа молотьба так же, как и веяние лопатами, характерна для многих районов Казахстана и Средней Азии²³.

На Мангышлаке господствовала залежная система, которая заключалась в том, что землю под посев использовали в течение нескольких лет, а затем забрасывали²⁴. Это было вызвано рядом причин, главные из них: отсутствие достаточного количества влаги в почве, сильная засоренность, а при поливном земледелии и засоленность ее. Залежная система земледелия преобладала во всем Казахстане²⁵.

М. М. Ищенко и Б. К. Щелоков пишут, что при неполивном земледелии озимая пшеница засеивалась обычно по осенней пашне, а если ози-

¹⁸ Вг. Zaleski, Указ. раб., стр. 8; В. В. Востров, Указ. раб., стр. 16.

¹⁹ М. М. Ищенко, Б. К. Щелоков, Указ. раб., стр. 185.

²⁰ Л. А. Фирштейн, Земледельческие орудия таджиков и узбеков (по материалам МАЭ). «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. 26, Л., 1970, стр. 158.

²¹ Там же, стр. 161.

²² М. М. Ищенко, Б. К. Щелоков, Указ. раб., стр. 185.

²³ Л. К. Чермак, Указ. раб., стр. 244.

²⁴ В. В. Востров, Указ. раб., стр. 160.

²⁵ Л. К. Чермак, Указ. раб., стр. 247.

мые посевы погибали, пашня пересевалась под яровые культуры²⁶. Вообще, как отмечают информаторы и указанные выше авторы, урожай при неполивном земледелии на Мангышлаке были весьма неустойчивыми; бывали годы, когда все выгорало от засухи. Так было, например, в 1896 и 1897 гг.²⁷ Это обстоятельство послужило, очевидно, одной из основных причин сокращения у казахов Мангышлака неполивного земледелия за счет увеличения поливного (см. табл. 2).

Как пахоту, так и сев казахи Мангышлака вели либо силами отдельного хозяйства, либо совместными усилиями хозяйств одного аула, в котором обычно жили семьи родственников: отца и выделенных им женатых сыновей или же (после смерти отца) семьи родных братьев²⁸. Так, в семейно-родственной группе Сетимбетбалдары каждое хозяйство пахало самостоятельно²⁹. Несколько хозяйств объединялись в том случае, если в каждом не хватало чего-либо для проведения земледельческих работ. Такое объединение называлось *ортак*. Одно хозяйство выделяло, например, рабочий скот, другое — пахотное орудие и т. д. Собранный урожай делили поровну. Так, в ортак объединялись хозяйства Султангельды и Бекмагамбета, входившие в упомянутую выше семейно-родственную группу. Объединялись они потому, что у каждого было только по одной корове, которых использовали как тяговую силу. По сути дела это была «супруга», широко бытовавшая среди бедняков-земледельцев во всем Казахстане³⁰.

Однако, судя по материалам, имеющимся в нашем распоряжении, гораздо чаще все земледельческие работы хозяйства одного аула производили совместно. Так, по словам Молдаша Нурманова, принадлежавшего к семейно-родственной группе Булатбалдары, хозяйства четырех аулов этой группы в основном занимались земледелием. Исключением составляло хозяйство Кожамета, который имел много скота и кочевал. Аулы Булатбалдары все вместе обрабатывали свои пашни в урочище Йыр. В ауле отца нашего информатора Досмагамбета было еще два хозяйства его родных братьев. Все земледельческие работы они выполняли коллективно, а собранный урожай делили между собой на три равные части. Если им помогал Жанабай, который принадлежал тоже к группе Булатбалдары, но своей земли не имел и в основном зарабатывал на жизнь пастушеством, то урожай делили уже на четыре равные доли. В другом ауле этой же родственной группы глава одного хозяйства Усенбай с 1911 г. бодел в течение шести лет. Все это время, несмотря на то что он уже не мог сам пахать и сеять (только в уборке урожая принимала участие его жена), остальные одноаульцы, которые были ему родными братьями, выделяли семье Усенбая равную с другими долю урожая. Такую же долю получал и упоминавшийся ранее Кджахмет, хозяйство которого находилось в том же ауле, сам он кочевал, но своим одноаульцам выделял рабочий скот, орудия и посевной материал.

В семейно-родственной группе Булатбалдары все хозяйства имели свои пахотные орудия, так как они регулярно занимались земледелием. В тех же группах, хозяйства которых сеяли лишь в дождливые годы, шокай агаш имелся, как правило, один на весь аул. Так, в семейной

²⁶ М. М. Ищенко, Б. К. Щелчков, Указ. раб., стр. 184—185.

²⁷ Там же.

²⁸ А. Н. Букейхан, Казаки Адаевского уезда, «Казаки. Антропологические очерки», сб. 1, Л., 1927, стр. 64.

²⁹ О семейно-родственных группах у казахов см.: В. П. Курылев, К вопросу о семейно-родственных группах у казахов, «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР», Л., 1972, стр. 39—40.

³⁰ См. «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Темирский уезд», Оренбург, 1910, стр. 226; «Статистические сведения исследования хозяйств аулов-жастау Бадамской волости Чимкентского уезда на 1925—1926 гг.», Центральный государственный архив (далее — ЦГА) КазССР, ф. 698, оп. 1а, д. 48а, л. 53; ф. 74, оп. 4, д. 786, л. 2.

группе Мендыбайбалдары в ауле Бекбисена, состоявшем из трех хозяйств родных братьев, имелось одно пахотное орудие. По сообщению информатора Халила Мурунова, в ауле его отца Муруна было четыре хозяйства. Все они коллективно владели одним пахотным орудием, с помощью которого сам Халил и его старший брат Жали распахивали землю для всех. Такой вид взаимопомощи был распространен во всем Западном Казахстане. Например, известно, что у казахов Эмбинской волости Темирского уезда «одной сохой пользовались 5—6 домохозяйств»³¹.

Если засеянные участки были невелики и для их обработки хватало своих сил, хозяйство или аул собирали урожай самостоятельно. В противном случае на помощь приходили члены семейно-родственной группы. Так, в группе Атанбалдары, хозяйства которой сеяли только в дождливые годы, каждый убирал свой урожай и лишь тем, кто не мог справиться, оказывали помощь.

При неполивном земледелии в земельных отношениях казахов Мангышлака господствовал «захватный способ». В этом случае пахотный участок находился в распоряжении того хозяйства или аула, которое первым его обработало, и до тех пор, пока им пользовалось. Когда же данное хозяйство или аул переставали обрабатывать участок, его могли использовать под посев другие. В группе Булатбалдары, например, каждый аул засеивал столько, сколько мог обработать. Если часть пашни оставалась неиспользованной, то ее мог засеять другой аул, причем право первенства имели члены семейно-родственной группы Булатбалдары.

«Захватный способ» был распространен почти по всему Казахстану. Так, в Акмолинском уезде пашня принадлежала одному хозяину лишь до тех пор, пока он не забрасывал ее на долгий срок³². В Семиреченской же области, как сообщает В. А. Васильев, захваченный участок оставался в наследственном пользовании семьи³³.

Как уже отмечалось выше, неполивное земледелие было залежным и носило в основном случайный характер. Через два-три года нужно было подыскивать новые участки, пригодные для посева, т. е. хорошо насыщенные влагой. Для этого наиболее опытного одноаульца посылали в те места, где прошли обильные весенние или осенние дожди. Если он находил такой участок, то отмечал его особой меткой — *шокалак*, которая большей частью представляла собой небольшой насыпанный руками бугорок земли. В этом году право сеять здесь в первую очередь получали хозяйства его аула, во вторую — семейно-родственной группы, а затем уже, если земли было достаточно, и другие.

Распределением участков между аулами одной семейной группы занимался ее аксакал (старший в группе), а в самих аулах — аксакалы аулов.

Орошаемое земледелие было сконцентрировано главным образом на Мангышлаке, в горах Каратау и Актау. Это же отмечают М. М. Ищенко и Б. К. Щелоков. Они пишут: «Наиболее удобные для поливного земледелия площади сосредоточены в районе Мангышлакского полуострова в долинах между гор Ак-тау и Кара-тау. Посевы орошаются родниковой водой, причем в зависимости от величины годовых осадков воды в родниках хватает на большую или меньшую площадь посева»³⁴.

³¹ «Материалы по киргизскому землепользованию... Темирский уезд», стр. 179.

³² «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей, Акмолинская область, Акмолинский уезд», т. III, ч. II, Чернигов, 1909, стр. 126.

³³ В. В. Васильев, Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины, Пг, 1915, стр. 86.

³⁴ М. М. Ищенко, Б. К. Щелоков, Указ. раб., стр. 183.

Наиболее многоводными родниками были Шетпе, Акмыш, Куркуре-ук, Тушибек, Жингельды, Улубай. По сведениям «Обзора Закаспийской области», максимальная площадь под полив из родников (после снежной зимы и обильных весенних дождей) на Мангышлаке не превышала 900 десятин³⁵.

По сообщению М. И. Иванина (конец первой половины XIX в.), в южной части полуострова между оз. Каракуль и Каспийским морем находились источники пресной воды, что давало возможность казахам и туркменам заниматься здесь хлебопашеством³⁶. Однако за истекшие годы (около 130 лет) высохли не только эти источники, но и само озеро. Очевидно поэтому ни один из наших информаторов не указал на это место как на пригодное для земледелия.

Орошаемое земледелие на Мангышлаке было основано на поливе посевов из горных родников — *булак*. В тех случаях, когда они были маловодными, воду из нескольких источников собирали вместе с помощью арыка — *кез салма* в специальный водоем — *аудан*, расположенный, как правило, выше полей, предназначенных для орошения. Из этого водоема вода по другому арыку — *салма* поступала на поля. М. М. Ищенко и Б. К. Щелоков сообщают о том, что вода родников накапливалась в нескольких водохранилищах, соединенных между собой арыками. После наполнения нижележащего водохранилища к нему закрывался доступ воды, и она поступала в водоем, расположенный выше. Получался ряд расположенных друг над другом прудов, из которых по мере надобности производился полив посевов³⁷. К сожалению, нам не удалось собрать сведений о подобных водохранилищах. Можно предположить, что там, где воды в родниках было мало, казахи сооружали несколько водоемов, а там, где ее хватало, как, например, в роднике Жингельды, ограничивались одним водохранилищем.

Для удобства полива казахи-земледельцы Мангышлака разделяли поля невысокими земляными валиками — *кыра* на небольшие площадки размером около одной сотки — *атыз*. В Чилийском районе Кзыл-Ордынской области (бывший Перовский уезд) термином «атыз» обозначали поливную часть пашни³⁸. В сообщении Бр. Залеского о земледелии мангышлакских казахов говорится: «Киргизы (казахи.— В. К.), которые занимаются этим микроскопическим земледелием, проявляют не только большое терпение, но также некоторые навыки в ирригации; они проводят воду на свои маленькие поля и их грядки из источников, которые довольно часты в горах (очевидно, грядками Б. Залеский называет небольшие участки — *атыз*,— В. К.). Они ухитряются провести ее на расстояние от 6 до 8 км и, таким образом, оросить почти целые долины»³⁹.

В урочище Жингельды (в горах Каратау), как сообщил информатор Тилеген Калмагамбетов, было три родника. Отметим, что в работах М. И. Иванина, Кияшко, М. М. Ищенко и Б. К. Щелокова урочище Жингельды указывается как место, где воды было особенно много⁴⁰. Воду этих трех источников казахи соединили и подвели к водоему, где она накапливалась в течение ночи. С утра ее выпускали через сквозное отверстие, выдолбленное в одном из камней запруды водохранилища — *тесик тас* в арык, откуда ее уже подавали непосредственно на поля.

До революции водой из родников Жингельды пользовалось около 25 хозяйств рода Шонай, к которому принадлежал наш информатор.

³⁵ «Обзор Закаспийской области за 1911 г.», Асхабад, 1916, стр. 131.

³⁶ М. И. И в а н и н, Указ. раб., стр. 269.

³⁷ М. М. И щ е н к о, Б. К. Щ е л о к о в, Указ. раб., стр. 184.

³⁸ Полевые материалы автора, Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. К-1, оп. 2, д. 919, л. 23.

³⁹ Вг. Z a l e s k i, Указ. раб., стр. 8.

⁴⁰ М. И. И в а н и н, Указ. раб., стр. 299; Кияшко, Указ. раб., стр. 171; М. М. И щ е н к о, Б. К. Щ е л о к о в, Указ. раб., стр. 183.

В течение недели, по его словам, из этого родника можно было полить около 13 га посевов. В один день полив производили четыре хозяйства, каждое из которых владело участком земли примерно в 0,5 га.

Как известно, во многих районах Казахстана, Средней Азии и в некоторых других районах нашей страны (например, на Кавказе) для орошения полей в горной местности используется вода небольших родников и источников⁴¹. В горах Каратау (Южный Казахстан) орошение производилось, например, из ключей и рек, несущих с гор снеговую воду. Так как эти источники большей частью мелководны, то для использования их в целях орошения казахи устраивали запруды вблизи мест, предназначенных под пашни. По мере надобности вода из них поступала с помощью арыков⁴². Система оросительных сооружений у казахов Мангышлака почти до мелочей напоминает ирригационные устройства в горных районах Восточного Казахстана⁴³.

Место под пашню и, следовательно, арык, проводящий воду из водоема на поля — *салма*, через определенные промежутки времени меняли в связи с тем, что пашня после нескольких лет эксплуатации засорялась и засолялась. Арык же, соединяющий родники с водоемом — *коз салма*, а также сам водоем были всегда стационарными. Ежегодные ремонты и проведение новых арыков производились силами тех хозяйств, которые намеревались в данном году засеять землю. Доля участия каждого хозяйства в ремонте, как сообщил информатор Кулмырза Утегенов, зависела от величины площади засеваемой пашни. Таким образом, только труд, затраченный на устройство и ремонт оросительной системы, давал право на пользование водой, что, впрочем, было характерно не только для Казахстана, но и для многих других районов Средней Азии. В Центральном Казахстане водой для полива из рек Токрады и Джынышке (бывший Каркаралинский уезд) пользовались только те, кто участвовал в ежегодном ремонте и чистке оросительных каналов⁴⁴. В бывшем Аулие-Атинском уезде еще в 1920-х гг. казахи делили пахотные земли между теми хозяйствами, которые участвовали в работах по сооружению и очистке арыка⁴⁵. Тот же порядок существовал и у казахов-земледельцев Перовского уезда⁴⁶.

Перед посевом казахи Мангышлака землю поливали, и, когда она подсыхала, каждое хозяйство самостоятельно распахивало и заседало свои участки. При неполивном земледелии эти работы чаще всего выполнялись совместными усилиями всех хозяйств аула.

К помощи других хозяйств прибегали при устройстве земляных валиков — *кыра*, так как это, по словам Тилегена Калмагамбетова, была довольно трудоемкая работа. Один человек за день насыпал валики на площади не более пяти соток и, таким образом, затрачивал на обработку участка в 0,5 га (т. е. 50 соток — обычный размер участка, которым владело хозяйство) десять дней. Если же ему помогали 10—15 человек, то эту работу делали за один день, что было очень важно, так как посеянное зерно уже начинало прорастать. Хозяйства помогали друг другу и при уборке урожая, причем в первую очередь помощь оказывалась внутри семейно-родственной группы.

⁴¹ Б. В. Андрианов. Полевое изучение народной ирригации в предгорьях Западного Узбекистана, «Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 года. Тезисы докладов и сообщений по этнографии», Ташкент, 1973, стр. 32.

⁴² «Материалы по киргизскому землепользованию. Сырдарьинская область, Перовский уезд», Ташкент, 1912, стр. 54.

⁴³ Полевые материалы автора, Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. К-1, оп. 2, д. 973, л. 40 об.

⁴⁴ «Материалы по киргизскому землепользованию. Семипалатинская область, Каркаралинский уезд», т. VI, СПб, 1905, стр. 90.

⁴⁵ Партархив Казахского филиала Института марксизма-ленинизма, ф. 141, оп. 1, д. 106, л. 137.

⁴⁶ Полевые материалы автора. Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. К-1, оп. 2, д. 918, л. 39.

У казахов Мангышлака владельцем всего родника и его оросительной системы была, как правило, семейно-родственная группа или же очень малый по численности экзогамный род (в литературе его называют еще и первичным родом). О совместном использовании родников для орошения полей казахами-земледельцами Мангышлака имеются данные в архивных и литературных источниках⁴⁷.

Выше уже отмечалось, что владельцем родника Жингельды был род Шонай. Родник Тушибек принадлежал роду Кырымкул; Акмыш — роду Жары; Куркуреук — семейно-родственной группе Сарыкаскабалдары, причем не все хозяйства этих родовых объединений занимались земледелием. Многие только кочевали и лишь те, которые имели мало скота, были оседлыми и обрабатывали землю. Совместное владение пашнями и арыками при поливном земледелии было характерно почти для всего Казахстана. Например, у казахов бывшего Перовского уезда пашнями как при поливном, так и при неполовном земледелии пользовались сообща, целым родом или отдельной его ветвью⁴⁸.

Хозяйства, которые сеяли на орошаемых землях, выступали как наследственные владельцы отдельных участков. Первоначально родник занимался «захватным способом» и уже потом становился собственностью тех, кто устраивал на нем оросительную систему и начинал использовать ее для орошения. Так, родник Куркуреук в урочище Жармыш, принадлежавший семейно-родственной группе Сарыкаскабалдары, был найден одним из ее представителей — Есениязом. Он же, по преданию, распределил участки земли, орошаемой из этого родника, между остальными хозяйствами своей группы, занявшимися земледелием.

Социальное неравенство, характерное для казахского общества до-революционного периода, нашло отражение и в земельных отношениях при орошаемом земледелии. Байские хозяйства тоже имели участки поливных земель. Однако сами они их не обрабатывали, а использовали для этой цели своих бедных родственников. Сказанное выше свидетельствует о наличии среди казахов Мангышлака одной из форм издольщины.

В некоторых случаях поливные участки сдавали в аренду, причем, как правило, арендная плата носила натуральную форму и составляла одну десятую урожая. Так, в роде Шонай трое сыновей бая Исая были владельцами отдельных пахотных участков. Сами они их не обрабатывали, а сдавали в аренду своим родственникам — Таша и Балшикбау. Арендаторы отдавали за это владельцам участков одну десятую урожая. Один из членов упоминаемой выше семейно-родственной группы Тумабалдары рода Шонай — Сюйюрбай арендовал землю под пашню в урочище Жарсу, пользуясь для орошения водой из родника Акмыш, который принадлежал роду Жары. За это он отдавал хозяину участка 10% собранного урожая.

Право собственности на поливные участки земли у казахов-земледельцев Мангышлака было ограниченным. Во-первых, владельцы не могли их продать представителю другого родового объединения без согласия всей семейно-родственной группы или рода. Да и покупать землю посторонние опасались, так как через некоторое время ее могли отнять обратно, особенно если акт продажи не был зафиксирован у волостного старшины. «Право на воду и землю имеют лишь члены этих поколений (подразумеваются родовые объединения казахов. — В. К.) и никто из них не в праве продать, подарить или даже отдать в аренду

⁴⁷ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 939, л. 8; Д. И. Суботич, Материалы по землепользованию в Закаспийской области, Асхабад, 1903, стр. 5, 6.

⁴⁸ «Справка об экономике казахов Караузякской волости Перовского уезда, 11 мая 1910 г.», ЦГА КазССР, ф. 232, оп. 1, д. 50-б, л. 6.

свою долю воды и земли в руки лиц, не принадлежащих к этому поколению»⁴⁹. Однако, как указывают информаторы, случаи продажи орошаемых пашен и небольших родников все же были. Так, например, по словам Тилегена Калмагамбетова, его отец Калмагамбет Сагынов купил в начале нынешнего столетия несколько участков поливной пашни (площадью около 1,5 га) на родниках Уразбай и Карадуван, отдав за них одного верблюда. Он сообщал также, что в 1870 г. некий Каражан из рода Бокай купил у другого рода за одного верблюда и верблюженку родник, который назывался тогда Эндем. В настоящее время он называется Каражан булак.

Во-вторых, владельцы поливных пашен часто предпочитали не отдавать их другим даже во временное пользование, потому что боялись потерять родник. Например, семейно-родственная группа Сарыкаскабалдары разрешала чужим только поить скот из своего родника Куркуреук, а брать воду для полива полей не позволяла даже в те годы, когда все хозяйства группы сами ничего не сеяли. Подобные же случаи отмечались и в других районах Казахстана. На территории бывшего Каркаралинского уезда, например, в общинной группе № 261 избегали «пускать на пашню посторонних даже на один год из боязни, чтобы такой припущенник не предъявил претензии на землю»⁵⁰.

В заключение отметим, что земледелие казахов Мангышлака, как в общих чертах, так и во многих деталях, сходное с земледелием других районов Казахстана, имело, однако, и ряд особенностей, обусловленных своеобразными естественно-природными условиями данного региона, а также его относительной изолированностью. Определенное значение имело и то, что земледелие у казахов Мангышлака, в основном занимавшихся скотоводством и ведущих кочевой образ жизни, было второстепенным занятием и носило весьма непостоянный характер.

⁴⁹ Д. И. С у б о т и ч, Указ. раб., стр. 5.

⁵⁰ «Материалы по киргизскому землепользованию... Каркаралинский уезд», стр. 34.

Т. Ташбаева

ИЗ ИСТОРИИ АРЕНДЫ (ИЖОРА) И ТОВАРИЩЕСТВА (ШИРКАТ) В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УЗБЕКИСТАНА

До Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане господствовали феодальные отношения, поэтому при изучении экономики того периода аграрная проблема является основной.

Для глубокого исследования первоосновы аграрных отношений — социально-экономического базиса общества — большое значение имеет изучение хозяйственной деятельности народа, так как именно здесь формируются общественные отношения.

Как известно, при феодализме вследствие отсутствия или слабости общегосударственных связей в каждой стране и даже в отдельных ее районах складывались локальные варианты социальных отношений. И хотя основные их черты ясны, многие конкретные проявления еще недостаточно раскрыты. Поэтому задачей, остающейся актуальной и в наши дни, является изучение всех тех многообразных форм, которые принимали социальные отношения при феодализме. Сюда относятся такие формы феодальных отношений, как *ижора* и *ширкат* (*шерикство*).

В нашу задачу входит рассмотрение на этнографическом материале ижоры и ширката в сельском хозяйстве Узбекистана в конце XIX — начале XX в.

Для Узбекистана исследование этих вопросов представляет значительные трудности, так как в распоряжении историков недостаточно материала. Хотя в работах отдельных дореволюционных авторов и содержится ценный фактический материал, однако их сообщения, как правило, носят общий характер и не раскрывают сущности аграрных отношений¹. Писали на эту тему и советские авторы, в том числе этнографы². Но в целом вопрос об ижоре и шерикстве не стал пока объектом специального исследования.

¹ В. Наливкин, Очерки земледелия в Наманганском уезде, «Туркестанские ведомости», 1880, № 27; П. П. Шишов, Сарты, «Сб. материалов для статистики Сырдарьинской области», ч. I, вып. XI, 1904, стр. 19; В. И. Масальский, Туркестанский край, в кн.: «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», т. XIX, СПб., 1913, стр. 439; Ор. Шапский, Амударьинские очерки, Ташкент, 1900, стр. 130—133; А. Губаревич-Радобильский, Экономический очерк Бухары и Туниса (опыт сравнительного исследования двух систем протектората), СПб., 1905, стр. 32, 33.

² О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова, Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955; К. Ш. Шаниязов, К вопросу о социальных отношениях у карлуков Южного Узбекистана в конце XIX — начале XX в. (по этнографическим данным), «Изв. АН УзССР, серия общественных наук», 1959, № 3; Н. Н. Ершов, Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией, Сталинабад, 1960; Н. А. Кисляков, Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LXXIV, М.—Л., 1962; М. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк), «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XLIII, Душанбе, 1967.

Наше сообщение построено на материалах, собранных во время экспедиции в Андижанскую, Бухарскую, Хорезмскую и Сурхандарьинскую области, сильно различавшиеся в прошлом по своему социально-политическому и экономическому развитию. Так, в экономике Андижанской области, входившей в состав Туркестана, доминировало хлопководство, а в обследованных нами районах бывших ханств — в основном зерновые культуры.

Основное население районов — узбеки, встречаются и представители различных в прошлом родо-племенных групп, например кипчаки, курама (Андижан), мангыты (Бухара). В этих районах проживают также таджики (Бухара), арабы, туркмены (Бухара).

Как известно, в Бухарском и Хивинском ханствах, а до 1886 г. и в Туркестанском крае, как и в других мусульманских странах, формы землевладения и землепользования определялись нормами мусульманского права (шариат). Мусульманское законодательство знает три формы пользования чужой землей: *ижора* — аренда земли за установленную заранее плату, *музориат* (издольщина) — аренда земли из доли урожая и *шерикство* (товарищество). Все эти три формы были характерны для сельского хозяйства дореволюционного Узбекистана.

В исторической литературе термин «аренда» широко применяется для обозначения не только аренды в собственном смысле этого слова, но и издольщины, хотя социальное значение этих терминов различно. Применение термина «аренда» к издольщине, как на это уже указывали историки, носит чисто условный характер³. Собственно аренда могла и не содержать элементов эксплуатации, в то время как издольная аренда (издольщина) представляла собой основную форму феодальной эксплуатации в сельском хозяйстве.

Ижора (в Хорезме — *кесым*, *касм*) представляла собой аренду земли за определенную заранее плату деньгами или натурой⁴. Еще в средние века широкое распространение этого института вызвало необходимость регламентации его мусульманским правом — шариатом. Ижоре посвящен специальный раздел «Хидая»⁵.

В Узбекистане такого рода аренды были двух форм: 1) аренда земли состоятельными людьми для сдачи ее затем крестьянам. В этом случае аренда служила средством получения дополнительной прибыли и 2) аренда земли крестьянами для обработки ее собственными силами. Например, как сообщает С. Хусаинов, 1890 г. рождения, из кишлака Ангарык Хивинского района Хорезмской области, у него с отцом было мало земли и поэтому они в своем же кишлаке брали в аренду (*касм*) четыре танапа⁶ (1,6 га) земли, принадлежащей родственнице хивинского хана Юлпошабечча. Землю они орошали своим чигирем и несли все повинности, которые были связаны с владением землей. Хозяйка земли никаких расходов не несла и получала 40 батманов⁷ (800 кг) пшеницы в год независимо от урожая.

Если арендатор не мог внести арендную плату (например, вследствие неурожая), она переносилась на следующий год. Однако в этом случае хозяин земли имел право отобрать у арендатора землю или по-

³ И. П. Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., Л., 1960, стр. 286.

⁴ Ижора — буквально наем, аренда, сдача в аренду, внаем, вознаграждение, оплата. См. «Арабско-русский словарь», М., 1958, стр. 28.

⁵ «Хидая. Комментарии мусульманского права», Ташкент, 1893, т. III, кн. XXXI, стр. 257—307. Хидая написана Бурхан аль-Маргинани (из Ферганы) в XII в. Она являлась одним из основных комментариев мусульманского права и в практике определения имущественных отношений играла главную роль.

⁶ Один танап в Туркестане равнялся 0,18 га, в Бухаре — 0,25 га, в Хорезме — 0,40 га.

⁷ Один батман в Хиве равнялся 20 кг, в Ургенче — 40 кг, в Бухаре — 128—130 кг, в Сурхандарье — 160 кг.

требовать через казюя причитающуюся ему плату. В кишлаке Уйрат (Ургенчский район Хорезмской области) Тожибобо (1886 г. рождения) и Н. Оллабергенов (1892 г. рождения) рассказали нам следующий случай: дехканин-арендатор не смог внести арендную плату в указанный срок, и хозяин земли обратился с жалобой к казюю. Арендная плата была записана за дехканином как долг. Кроме того, землевладелец в счет долга собрал плоды с 10 абрикосовых деревьев на собственной земле арендатора, а потом вырубил их. Дехканина заковали в кандалы и увели на строительство дома этого бая до выплаты долга.

Бедные дехканские хозяйства не всегда могли выплатить договорную сумму и поэтому редко прибегали к такой форме аренды⁸. Чаще всего землю в аренду (ижора) брали состоятельные люди. Баи брали в ижора земли у тех крестьян, которые сами не могли обрабатывать свои участки. Так, Рахмат Нигматуллаев (1898 г. рождения, кишлак Гаждумак Гиждуванского района Бухарской области) сообщил, что, получив от отца три танапа (0,75 га) земли, он сдал ее в ижора Саидбаю: 10 соток за 100, 7 соток — за 50 руб.

Часто арендные операции производились вакуфными учреждениями. Как правило, дехкане, сидевшие на вакуфных землях, вносили этим учреждениям определенную плату деньгами или натурой, называвшуюся *ижора хаки* (плата за аренду), а себя они иногда именовали ижорадорами⁹. Например, М. Мадаминов из кишлака Сангар (Хива), имевший два с половиной танапа (1 га) вакуфной земли, которая находилась у него в наследственном пользовании, платил в год по два батмана (40 кг) пшеницы и один батман (20 кг) джугары с каждого танапа. Р. Раимбаев и А. Бакиев из кишлака Гоук (Хива) отдавали за аренду вакуфной земли по два батмана пшеницы и два батмана джугары в год. Абулов из кишлака Ниезмат-Арбоб (Ургенч) платил в год по две тилли¹⁰ за танап (0,4 га) вакуфной земли, занятой садом. Матчанов из этого же кишлака за танап земли отдавал мутавалию мечети Хатиббуво одну тиллю. В кишлаке Туячи (Избасканский район Андижанской области) один дехканин арендовал танап (0,18 га) вакуфной земли за 100 кг риса в год и т. п.¹¹

Арендаторами вакуфной земли выступали также откупщики (ижорадоры) и баи, которые имели орудия производства для обработки до-

⁸ А. Шахназаров, Очерки сельского хозяйства Туркестанского края, СПб., 1898, стр. 50; «Материалы по изучению хозяйства оседлого туземного населения в Туркестанском крае. Сартовское хозяйство в Чимкентском уезде Сырдарьинской области», Ташкент, 1912, стр. 92; Н. Н. Александров, Земледелие в Сырдарьинской области, «Туркестанское сельское хозяйство», 1916—1918, стр. 230 (отд. оттиски); В. В. Юферов, Хозяйство сартов Ферганской области, Ташкент, 1911, стр. 21; М. Вахабов, Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент, 1961, стр. 123; К. Сарыбаев, Из истории аграрных отношений в Каракалпакии (конец XIX — начало XX в.), канд. дис., Ташкент, 1964, стр. 176.

⁹ Сообщения М. Мадаминова, 1902 г. рождения (кишлак Сангар Хивинского района Хорезмской области); А. Бакиева, 1896 г. рождения; Р. Раимбаева, 1895 г. рождения (кишлак Гоук Хивинского района Хорезмской области); Б. Абулова, 1885 г. рождения; Ш. Матчанова, 1868 г. рождения (кишлак Ниезмат-Арбоб Ургенчский р-н Хорезмская область); Н. Раззакова, 1888 г. рождения (г. Хива Хорезмской области) и др.

¹⁰ Одна тилля в Хорезме равнялась 9 танга. Одна танга равнялась 15 коп. (курс конца XIX в.).

¹¹ Сообщения А. Маткаримова, 1895 г. рождения (Туячи, Избасканский р-н Андижанской области); Гаибберды Ашматов, 1867 г. рождения, Шералиева Мадалибия, 1878 г. рождения (кишлак Пап, Папский район Наманганская область); Абдимумина Кадиркулова 1883 г. рождения (г.р. Андижан); Нурулло Отаева, 1908 г. рождения (кишлак Гиждуван, Гиждуванского района Бухарской области) и др. А. Кошчанов также сообщает, что с вакуфных земель в Хорезме взималась плата в денежной форме и натурой. Если плата была натуральной, то, как правило, она составляла от полутора до двух батманов зерна в год (причем половина зерна — пшеница и половина — джугара). См.: А. Кошчанов, Из истории аграрных отношений в Хивинском ханстве в конце XIX — начале XX в., Канд. дис., Ташкент, 1967, стр. 93.

полнительной земли¹². Как баи, так и откупщики, раздавали эти земли дехканам на началах издольщины¹³. Такие издольщики подвергались двойной эксплуатации, так как арендатор стремился выколотить из них больше, чем внес сам за аренду.

В сельском хозяйстве Узбекистана существовала также форма производственных отношений, основанная на равенстве сторон, — институт шерикат, или шерикство (товарищество)¹⁴. Как и аренда, она была освящена мусульманским законодательством.

Дехкан, вступающих между собой в такие отношения, называли шерики (компаньоны)¹⁵, а также тенгшерик, тенгуртак (равный, одинаковый).

Шерикство представляло собой старый обычай, генетически связанный с родственной или соседской взаимопомощью, когда стороны объединялись на равных началах. Примером шерикства может служить хозяйственная связь между двумя дехканами в кишлаке Хуфар Сарыасийского района Сурхандарьинской области. Умар Бабакаланов имел 12 танапов (3 га) земли и одного вола. В течение шести лет он был шерик с дехканином из того же кишлака Исой Раджабовым, имевшим приблизительно столько же земли и одного вола. Шерики сообща обрабатывали всю землю, поровну вносили семена и деньги для покупки зубьев для бороны. Весь урожай свозили на один ток и после обмолота делили на две равные части¹⁶.

Бытовало несколько разновидностей шерикства: объединение земли и средств ее обработки, объединение только земли или только скота; в Хорезме, где большая часть земель орошалась с помощью чигирия, пользование общими чигирями.

Когда к шерикству, как к взаимопомощи, прибегали дехканские хозяйства, которые не имели возможностей для самостоятельного ведения хозяйства, оно представляло собой простое кооперирование труда и средств производства (земли, семян, рабочего скота и др.) для совместного пользования.

Рассмотрим пример шерикства трех дехкан, о котором нам также рассказали в Сурхандарье. А. Абдурахманов, 1880 г. рождения (кишлак Хуфар), имевший пару волов, и двое дехкан из этого же кишлака, у которых было по четыре танапа (по 1 га) поливной земли, но отсутствовал скот, стали шериками. На земле работали все вместе и урожай делили на три равные части.

Так, например, Ф. Гадоев, 1893 г. рождения, из кишлака Сангар Сарыасийского района Сурхандарьинской области, имевший одного вола и около 80 танапов (20 га) богарной земли, в течение длительного времени обрабатывал свою землю на условиях шерикства со своим односельчанином Равшанбува, у которого было 24 танапа богарной земли и один вол. Из всей земли ежегодно обрабатывалась только треть. Остальная оставлялась под паром. Шерики работали вместе и урожай делили поровну.

Подобное объединение средств производства и труда дехканских хозяйств описано М. Р. Рахимовым. Он отмечает два типа трудового шерикства.

¹² О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова, Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955, стр. 46; Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 98; О. А. Сухарева, Бухара XIX — начала XX в., М., 1966, стр. 282.

¹³ П. П. Иванов, Архив хивинских ханов XIX в., Л., 1940, стр. 153; Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 98; О. А. Сухарева, Указ. раб., стр. 282.

¹⁴ «Хидая», т. III, стр. 97—136.

¹⁵ Шарика — букв. быть соучастником, компаньоном. См.: «Арабско-русский словарь», М., 1958, стр. 505.

¹⁶ Сообщение У. Бабакаланова, 1899 г. рождения (кишлак Хуфар).

1. Когда дехканин имеет землю и семена, но у него нет рабочего скота и инвентаря. В таком случае он вступает в шерикство с дехканином, который имеет в достаточном количестве рабочий скот и инвентарь, но мало земли.

2. Когда два или три бедных дехканских хозяйства объединяют землю, рабочий скот, инвентарь и семена для посева. В обоих типах шерик работают вместе и урожай делят поровну. Налог выплачивается каждым в отдельности из своей доли урожая¹⁷.

В. Наливкин описывает и другой вид шерикства: один дехканин дает землю, другой — семена. Каждая из сторон в равных пропорциях представляет рабочий скот, «пашут вместе, затем вместе... ухаживают за посевами, поливают, полют, молотят...»¹⁸. По нашему мнению, автор в данном случае или что-то не понял, или описал нетипичный случай, так как, по всей вероятности, тот, кто внес семена, должен был или больше работать, или каким-то другим путем компенсировать предоставленный другой стороной более ценный вклад — землю, тем более, что, по словам самого автора, земля в описываемом районе ценилась высоко.

Формы трудового шерикства не имели широкого распространения¹⁹. Особенно редко они встречались в Фергане, так как там было много дехкан, лишенных основных средств производства, в связи с чем они не могли вступать в отношения шерикства, предусматривающего объединение на равных основаниях. В ханствах, по сравнению с Туркестаном, шерикство было распространено более широко. Почти обо всех случаях трудового шерикства нам рассказали в районах бывших ханств. Из девяти информаторов в Сурхандарье пятеро прибегали к шерикству, причем в четырех случаях в их отношениях не было элементов эксплуатации²⁰.

К шерикству относилась также *супряга*.

Супряга — это объединение в одну упряжку рабочего скота разных хозяйств (для обозначения супряги, кроме общепринятого термина *шерик*, в разных районах употреблялись также термины *алгоу*, *кош*, *хам'юк*, *тегиш* и др.). Так как в Средней Азии для пахоты, боронования и других сельскохозяйственных работ требовалась упряжка из двух животных (как правило, волов), крестьянин, имеющий только одного вола или одну лошадь, должен был для работы получить второе животное. Такое объединение было наиболее часто встречающейся формой шерикства для всего Узбекистана, о чем свидетельствуют литература²¹ и сообщения наших информаторов.

При супряге земля, принадлежащая шерикам, обрабатывалась каждым из них по очереди, на равных основаниях. М. Пирматов, 1900 г. рождения, из кишлака Туячи (Избаскан) сообщил, что его отец имел одного вола и поэтому вступал в алгоу с кем-нибудь из своих соседей, также имевшим одного вола. Р. Халиков, 1892 г. рождения, из кишлака Бидодан Гиждуванского района Бухарской области вступал в супрягу (хам'юк) со своим односельчанином Хусеином. По сообщению М. Каландарова, 1891 г. рождения, из кишлака Шейх Мавлон Кият (Хивин-

¹⁷ М. Р. Рахимов, Указ. раб., стр. 116—118.

¹⁸ В. Наливкин, Указ. раб.

¹⁹ М. Вахабов, Указ. раб., стр. 123.

²⁰ Сообщения У. Бабакаланова, 1899 г. рождения, А. Абдурахманова, 1880 г. рождения (кишлак Хуфар), Ж. Нурова, 1884 г. рождения (Чукур), Ф. Гадоева, 1898 г. рождения (кишлак Сангар Сарыасийского района Сурхандарьинской области).

²¹ В. Наливкин, Указ. раб.; Л. Костенко, Земледельческая производительность Средней Азии, «Туркестанские ведомости», 1870, № 17; А. А. Шишов, Указ. раб., стр. 150; В. И. Массальский, Указ. раб., стр. 439; А. Губаревич-Радобильский, Указ. раб., стр. 32, 33; «История народов Узбекистана», т. II, Ташкент, 1947, стр. 251; М. Рахимов, Указ. раб., стр. 117; Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 142.

ский район Хорезмской области) его братья для обработки земли объединяли скот с кем-нибудь из соседей.

В том случае, когда у двоих шериков площадь обрабатываемой земли была разная, скотом каждый пользовался все равно одинаковое число дней²². Тот, у кого земли было меньше, мог использовать упряжку по своему усмотрению (дать ее родственникам и т. д.)²³.

Супруга также использовалась баями как средство эксплуатации. Иногда дехканин объединял скот с баем, отдавая ему за пользование волом определенную долю урожая или отработывая определенное число дней²⁴. К супруге прибегали и издольщики, не имевшие своего рабочего скота, если они получали от землевладельца только одного вола²⁵.

К одной из форм шерикства следует отнести и распространенное в Хорезме совместное пользование чигирем. Соседние хозяйства общими усилиями покупали чигирь или сообща платили за его изготовление, приглашая мастеров на дом — это обходилось дешевле. В такие шерикства объединялись чаще всего от трех до пяти, а иногда даже до семи—восьми хозяйств.

По принципу шерикства дехкане в Хорезме объединялись и для обязательных работ по очистке ирригационных каналов (казу)²⁶.

Древнейший обычай взаимопомощи и выросший из него институт шерикства богатые землевладельцы использовали в эксплуататорских целях, прикрываясь формой товарищеских отношений. В литературе приводятся примеры такого шерикства, когда один шерик передает землю и средства ее обработки другому, который и выполняет всю работу. Подобные примеры приводили и наши информаторы. Хотя в народе эти отношения и называли шерикством, по сути дела они являлись не чем иным, как настоящей издольной арендой. Здесь отсутствовали основные признаки шерикства — равноправное товарищество и равенство сторон.

По социальному признаку отношения шерикства можно подразделить на два вида: 1. Между дехканами, когда стороны выступали как равноправные. В этом случае это было простым кооперированием труда и средств производства для совместного пользования. 2. Между дехканами и баями. В этом случае оно являлось формой эксплуатации дехкан.

Из изложенного выше следует, что в конце XIX — начале XX в. институты ижоры и шерикства были характерны для сельского хозяйства Узбекистана. Естественно, что в кратком сообщении нет возможности охватить все варианты обоих институтов. Предлагаемое сообщение — лишь первые шаги в специальном их исследовании.

Поскольку письменных источников по затронутым вопросам крайне мало, необходимы широкие этнографические исследования, которые охватили бы разные типы хозяйств на всей территории Узбекистана и выявили бы различия в этих институтах.

²² Н. А. Кисляков сообщал о пользовании шериками упряжкой в течение двух дней. См. Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахиобла, «Труды Ин-та антропологии, этнографии и археологии АН СССР», т. X, М.—Л., 1936, стр. 30.

²³ Сообщения Сафара Раджабова, 1883 г. рождения (Гиждуван Гиждуванский район Бухарской области); Шермата Ульжабаева, 1907 г. рождения (кишлак Туячи Избасканского района Андижанской области); Мамадали Умарова, 1886 г. рождения (кишлак Кукунбай Ферганского района Ферганской области).

²⁴ Сообщения Д. Ахмедова, 1896 г. рождения (кишлак Туячи); И. Амонова, 1883 г. рождения (Гаждумак), Р. Узакова, 1895 г. рождения (Гамхур); Т. Хамраева, 1900 г. рождения (Янги-Рабат Гиждуванский р-н, Бухарская область) и др. См. также М. Р а х и м о в, Указ. раб., стр. 119, 120.

²⁵ Сообщения Р. Узакова, А. Хожиева, 1891 г. рождения (Уба, Гиждуванский р-н, Бухарская область).

²⁶ Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957, стр. 263, 264; А. Кошчанов, Указ. раб., стр. 180; сообщение Дж. От. Оташева, 1897 г. рождения (г. Ургенч).

Н. Ф. Мокшин

ВТОРЫЕ ИМЕНА У МОРДВЫ

Исследование так называемых вторых имен — одна из актуальных задач антропониимики, особенно важная при анализе этнокультурного процесса интеграции народов. По справедливому мнению Р. Ш. Джарылгасиновой, «второе имя, как правило, является результатом синкретизма культур, религий и возникает в условиях перехода от одной антропонимической системы к другой»¹.

В изучении вторых имен учеными сделаны пока еще первые шаги. Это относится и к общетеоретическим, и к конкретным проблемам, касающимся условий бытования второго имени в той или иной этнической среде.

Данная работа является первой попыткой изучения вторых имен у мордвы на основании письменных исторических источников, данных фольклора, а также полевых материалов, собранных автором.

Установлено, что еще до присоединения мордовского народа к России его именник состоял не только из исконно мордовских личных имен², но и славянских, тюркских, арабских и др., заимствованных мордвой непосредственно или опосредованно от народов — создателей этих имен. Из наиболее популярных среди мордвы русских дохристианских имен можно назвать следующие: Беляй, Бурнай, Бурнаш, Буян, Гуляй, Девятка, Дурай, Дурнай, Жадей, Ждан, Желай, Живай, Зевай, Любим, Малка, Малой, Малыш, Меншой, Милуш, Надежка, Назван, Недосей, Неключ, Несмеян, Нехорош, Нечай, Первой, Первуш, Петай, Поздей, Радай, Чудай, Чужай, Ширий и др.; из тюркских: Абыз, Акбулат, Алмакай, Бай, Байтемир, Бегиш, Бектяш, Бекшай, Бичура, Булай, Ишей, Ишмамет, Енбулат, Казанчей, Китай, Мемей, Мурзай, Ногай, Сабай, Сарай, Селеват, Сюлдук, Тансар, Теребердей, Тукай, Узветь, Уразай, Урас, Ушман, Чалмай, Чембулат, Чолпан, Ямаш и др. Все эти имена не были вторыми, а употреблялись наравне с собственно мордовскими антропонимами. Аналогичным образом употреблялись и некоторые христианские имена, воспринимавшиеся мордвой от русских еще до христианизации, которая завершилась в середине XVIII в. Об этом свидетельствуют, например, документальные материалы, относящиеся к началу XVI в. Так, в судебном списке от 4 апреля 1508 г. по тяжбе братии Печерского Вознесенского Полянского монастыря с мордвином Ивантой Рамстеевым о владении лесными угодьями за рекой Пьяной говорится: «И судьи спросили Ивантиных знахорей мордвы Учевата, да Ивана, да Узветя: скажите вы в божью правду, по своей вере, де мордовской, чей то лес, где мы стоим...»³.

¹ Р. Ш. Джарылгасинова, «Вторые имена» как историко-этнографический источник, в сб.: «Ономастика Поволжья», Ульяновск, 1969, стр. 22.

² Картотека указанных имен, составленная нами, хранится в Мордовском научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики.

³ «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. I, Саранск, 1940, стр. 141.

Христианские имена встречаются и в произведениях устного народного творчества, возникших задолго до принятия мордвой христианства. Например, в песне «Где Казань воздвигается» говорится о двух родных братьях-мордвинах, строителях Казани, один из которых носит имя Ивана (т. е. Ивана.— *Н. М.*), а другой — Вельмака (исконно мордовское имя.— *Н. М.*). В этой же песне упоминается старик-мордвин Василий и его дочь Марюша⁴.

На бытование у мордвы и других народов Поволжья русских (христианских) имен до их крещения исследователи обратили внимание довольно давно. Еще В. О. Ключевский указывал, что «приволжский инородец, мордвин или черемисин XVI—XVII вв., нося христианское имя, пишет вкладную грамоту ближнему монастырю с условием, буде он крестится и захочет постричься в том монастыре, то его принять и постричь за тот его вклад»⁵.

Вторые имена начинают распространяться у мордвы в связи с принятием ею крещения, во время которого мордвин или мордовка получали русское (христианское) имя, а также и фамилию, часто производившуюся от личного имени крестного отца по образцу русских фамилий на -ов, -ев, -ин, -(к)ин, реже на -онков, -енков, -ский. Иногда, хотя и редко, мордве давались и дохристианские русские вторые имена, поскольку они были в ходу у русских. Сохранилась, например, жалованная грамота царя Ивана Васильевича мордвину Ивашке Кельдяеву от 8 марта 1564 г., в которой сказано: «Лета 7072 г. марта 8 дня, государь, царь и великий князь Иван Васильевич Арзамасского уезду села Кужендей служивого своего мордвина Ивашку Кельдяева, он же по его, цареву слову наречен Дружина, и его Ивашку, пожаловал вотчинами...»⁶. Таким образом, мордвину, имевшему уже христианское имя (Ивашка), было дано дохристианское русское имя (Дружина).

Первоначально в обиходе у новокрещеной мордвы русское (обычно христианское) имя употреблялось как второе, после собственного мордовского, потом оба имени функционировали одинаково, спустя какое-то время русское имя стало выступать на первое место, а мордовское отошло на второе и, наконец, русское имя полностью заменило мордовское.

Процесс перемены мордовского традиционного имени на русское был длительным, он растянулся на целые века (до второй половины XIX в.) и, естественно, нашел отражение в государственных и церковных документах. Так, в грамоте Казанского митрополита Андриана Спасо-Юнгинского монастыря архимандриту Мисаилу от 16 ноября 1687 г. о розыске беглых новокрещеных крестьян говорилось: «...А буде где в приходе были новокрещены татаровя, и мордва, и черемиса, и чуваша, и иных вер новокрещены, мужеск пол и женск, оставя христианскую веру, перешли жить от верных к прежним своим иноверным сродцам... и о тех новокрещеных имать у них, приходских попов, скаски..., описывая всему годы, и месяцы, и числа, кто в веру христианскую крестился... и имена их до крещения, и в крещенье как были...»⁷.

Христианские имена долгое время были формальными, казенными, их почти никто не знал. Например, в челобитной «новокрещена» деревни Сураева починка Краснослободского присуду Я. Стефанова на другого «новокрещена» патриарху всея Руси Андриану от 14 июля 1696 г. сообщалось, что «...приходил мордовское имя Маска, а русское имя, коим его зовут, того я, сирота твой, не упомяну. И пришел он, Маска, ко

⁴ «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», т. I, Саранск, 1963, стр. 321—328.

⁵ В. О. Ключевский, Курс русской истории, Соч., т. I, М., 1956, стр. 306.

⁶ «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. I, стр. 153.

⁷ «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. II, Саранск, 1940, стр. 72.

мне, сироте твоему, в домишко и взял у меня, сироты твоего, женишку мою Марку...»⁸.

Непривычные церковные имена, «резавшие ухо», постепенно подверглись соответствующей адаптации в мордовских языках. Так, Федор — эрзянски стал произноситься как Кведор, Филипп — Квилё, Фома — Кома, Федосья — Кведо, Фекла — Кекла, Марфа — Марква, Николай — Миколь, Харитон — Каритон, Захар — Закар, Гаврил — Гаорё, Дарья — Дарё, Марья — Марё, Пелагея — Полё, Акулина — Околь, Аксинья — Окся, Наталья — Наталь, Егор — Ёгорь, Агафья — Ога, Игнатий — Иго, Александр — Лесо, Александра — Лёса, Анисья — Ансё, Аграфена (Агриппина) — Окро, Артем — Артё и т. д.

Мордовские дохристианские имена могли даваться и после крещения. Их получение сопровождалось традиционным обрядом наречения имени *лемдима* (морд. *лем* — имя, *лемдямс* — дать имя, именовать). Один из зарубежных путешественников, побывавший в России в XVII в., писал о народах Поволжья, в том числе и о мордве, следующее: «Говорят, что некоторые из этих племен, когда у них родится дитя, зовут московитских священников, чтобы они помолились над ним, окадили его и называли именем какого-либо святого, после же дают ему имя, какое им хочется, и некоторые, по рассказам, дают новорожденному имя животного, какое встретят, выйдя из дому...»⁹. По словам анонимного автора, жителя мордовского села Скафтым Кузнецкого уезда (сельского священника, по мнению Д. К. Зеленина) еще в середине XIX в. встречалось «назначение старухами-мордовками другого имени новорожденному младенцу, вследствие чего ныне не только старики, но и средних лет люди носят на себе два имени»¹⁰.

Однако русские (христианские) имена постепенно настолько вошли в быт мордвы, адаптировались в ее среде, что стали восприниматься как свои. Например, в мордовской народной песне «Васальге» («Василиса») говорится о том, как старик и старуха выбирали дочери имя:

Какое имя, старуха, выбрать нам?

Давай-ка выберем имя Васальге.

Васальге — имя, мой старик, хорошее¹¹.

Наиболее стойко вторые имена, мордовские по происхождению, сохранялись в названии членов семьи.

Представляет большой интерес старинный мордовский обычай называть в семье сных особыми семейными или «жизненными именами» (*эрямо лемть*, морд. *эрямо* — жизнь, *лем* — имя): Парава, Мазава, Вежава, Ашава и др. Этот обычай у мордвы был впервые зафиксирован участниками экспедиции Академии наук 1768—1774 гг. И. И. Лепехиным (у эрзи) и П. С. Палласом (у мокши).

Когда невесту привозят в дом жениха, его «... отец, — пишет И. И. Лепехин, — при собрании всех гостей и сродников берет поставленный на столе длинный пирог аршина в полтора за конец и подымает другим концом пирога наложенное на невесту покрывало, говоря сии слова: вот тебе свет, будь счастлива к хлебу, животу и к размножению семьи. Потом переменяет ей свекор прежнее имя и называет Мезява, большая, если женится старший сын; Сернява, середняя; Вежава, меньшая, по старшинству их мужей. Тогда жених и сродники увидят невесту, а невеста своего жениха или мужа...»¹².

⁸ Там же, стр. 118—119.

⁹ «Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским», М., 1898, стр. 8.

¹⁰ Д. К. Зеленин, Дореволюционный быт мордвы, в сб.: «Советская этнография», т. I, М.—Л., 1938, стр. 95.

¹¹ «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», т. I, стр. 74.

¹² «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта И. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году», ч. I, СПб., 1771, стр. 172.

«Еще и ныне, — указывал П. С. Паллас, — держатся они того обыкновения, что на другой день после свадьбы старший из сродников, взяв хлеб с привешенною к нему небольшою шапкою и пряжкой, которую носят на груди, приносит в дар молодой, ставит трижды ей на голову и при том не всегда по порядку говорит сии три слова: *татей, мезей, пивей*, только выговариваемое на последи слово должно быть обыкновенное имя молодой...»¹³.

Этот же обычай во второй половине XIX в. был описан анонимным автором из села Скафтым Кузнецкого уезда (50-е годы)¹⁴, Н. Барминским (60-е годы)¹⁵ и известным мордовским этнографом М. Е. Евсевьевым (80-е годы)¹⁶.

Когда молодые, сообщал анонимный автор из Скафтыма, возвращались после церковного венчания в дом жениха, дружка во всеуслышание давал молодой «...новое семейное название, одно из следующих: 1) *Парава*, по буквальному переводу: хорошая, от слова *пара* — хорошо; это всегдашнее название жены старшего сына или брата. 2) *Мазава* — красивая, от *мазы* — красиво, всегда принадлежит жене второго брата или сына. 3) *Вежава* составляет неотъемлемое название жены третьего брата или сына в семье, значит малая, от *вежа* — малый. 4) *Ашава* — белая, от *аша* — белый, наименование жены четвертого сына или брата... Невеста свое название носит до самой смерти. Так зовут ее всегда свекор и свекровь, муж и все малые дети семьи. От этого часто случается, что односемейные и даже муж не знают настоящего имени молодой жены»¹⁷.

М. Е. Евсевьев отмечал: «Имен, которые давались молодухам, у эрзи было шесть: Мазава (красивая женщина), Ашава (белая женщина), Парава (хорошая женщина), Вежава (младшая женщина), Сырнява (золотая женщина) и Тятява (значение забыто). Самыми употребительными из них были первые четыре, причем первые три давались старшим снохам и в каком угодно порядке, а «Вежава» давалось всегда младшей снохе...»¹⁸.

По этой же причине в переписных книгах иногда домовладелицы-вдовы ошибочно именовались не их официальными девичьими именами, а семейными, «жизненными именами», данными им после выхода замуж. Например, в переписной книге Алатырского уезда, составленной в 1696 г. С. Г. Грибоедовым, сказано: «Деревня Селищи — вдова Ашафка Учеватова, жена Алемасова. Деревня Баявка — вдова Парафка Литюшева. Деревня Тургакова — вдова Вежафка Алушева, жена Вирясова... Деревня Лунга — вдова Мазафка Аконяева, жена Чемаева. Деревня Кобасво — вдова Сырняфка Начарова, жена Терентьева. Деревня Ст. Ардатова — вдова Тетяфка Анзина, жена Истякова»¹⁹.

По мнению М. Е. Евсевьева, переименование снох связано с существовавшим у мордвы ранее обычаем похищения невест и вызвано оно было стремлением скрыть «тайну похищения»²⁰.

Однако это объяснение вряд ли можно считать правильным, ибо в таком случае незачем было бы соблюдать столь строгую регламентацию присвоения перечисленных имен, например, младшую сноху обязательно называть Вежава, о чем сообщает сам М. Е. Евсевьев, а еще раньше писал И. И. Лепехин. Анонимный автор из села Скафтым обращает особое внимание на то, что имена всем снохам давались в определенном порядке в соответствии с возрастом их мужей.

¹³ П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I, СПб., 1809, стр. 112.

¹⁴ Д. К. Зеленин, Указ. раб., стр. 89.

¹⁵ Н. Барминский, Некоторые обряды мордвы Саратовской губернии, «Саратовский справочный листок», 1869, № 53—54.

¹⁶ М. Е. Евсевьев, Мордовская свадьба, Саранск, 1959, стр. 254—256.

¹⁷ Д. К. Зеленин, Указ. раб., стр. 89.

¹⁸ М. Е. Евсевьев, Указ. раб., стр. 254.

¹⁹ Там же, стр. 255.

²⁰ Там же, стр. 256.

На наш взгляд, указанные термины вообще не являются личными именами, а представляют собой особые и, видимо, восходящие к глубокой древности общемордовские термины свойства; именно поэтому так строга их регламентация, так четко соблюдается порядок их присвоения по старшинству. От этих наименований, видимо, зависели права и обязанности той или иной снохи в большой семье.

Кроме того, «жизненные имена» по структуре своего образования четко отличаются от обычных мордовских женских имен, что также является весьма существенным аргументом против их признания женскими дохристианскими личными именами. Хотя до нас дошло сравнительно немного мордовских женских имен, так как царские власти предпочитали оформлять государственные документы на мужское население, но все-таки некоторые из них известны как из письменных, так и из фольклорных источников (Мака, Накя, Паштеня, Цебарка, Лапай, Ракса, Шинду, Лумзур, Саманька, Сыржа, Акамка, Мязярго, Паё, Снальтё, Атютя, Нуяль, Кастуша, Цеца, Сэняша, Сиямка, Люкшамка, Сюмерге, Утяша, Найко, Мамилька). Они не похожи на так называемые семейные «жизненные» имена, образованные, как правило, из двух слов, причем второй их составной частью было слово *ава* (женщина). Правда, у мокши аналогичные термины употреблялись в усеченной форме. Три таких слова для обозначения снох — *тятей, мезей и пивей*, как уже отмечалось ранее, были зарегистрированы П. С. Палласом 200 лет назад. Термины этого типа и сейчас бытуют у мокши: *маза* (звательная форма *мазай*) — жена старшего брата; *тязя* (*тязай*) — жена второго брата; *вяжа* (*вяжай*) — жена третьего брата; *пава* (*павай*) — четвертого; *тятя* (*тятяй*) — пятого²¹. Но это те же самые «жизненные имена», что и у эрзи, только в данном случае они выступают без прибавления слова *ава* (ср. мокш. *Мазай* — эрз. *Мазава*, мокш. *Вяжай* — эрз. *Вяжава*, мокш. *Тятяй* — эрз. *Тятява* и т. д.).

«Жизненных имен» для обозначения снох первоначально, вероятно, было больше, ибо некоторые из дошедших до нас мордовских женских имен когда-то в прошлом являлись, видимо, также семейными, «жизненными именами»: Равжава, Литова (Литава), Азравка (Азрава), Виртява, Кирдява, Покшава, Элюва, Стирява (Сырява), Кильдюва, Канюва.

Довольно значительный их набор не должен нас удивлять, так как речь идет об обозначении ими снох в больших неразделенных семьях. Позднее, с распадом больших семей на малые, стали использоваться лишь несколько терминов свойства, остальные же превратились в обычные женские имена.

В настоящее время дохристианские имена у мордвы не употребляются совсем. Мордва имеет общий с русскими именник и аналогичную антропонимическую систему в целом, что свидетельствует о завершении этнического процесса интеграции мордвы с русскими в сфере антропонимии.

Из фамилий, бытующих сейчас у мордвы, этническую функцию в той или иной степени несут лишь те, которые содержат в своей основе дохристианское мордовское личное имя или другое мордовское слово: Авакшин, Азоркин, Алявин, Вельматов, Вергезов, Кирдяпкин, Кшнякин, Нарваткин, Пазавин, Паксюткин, Пакштяев, Пивцайкин, Пизелкин, Пиксасов, Пиксин, Пингаев, Пиняёв, Динясов, Письмаркин, Пичайкин, Пичкаев, Позакшин, Покшкин, Пурцакин, Раужин, Сарасов, Серькин, Сеськин, Синдяев, Сурайкин, Суралеев, Сюваткин, Сяткин, Телин, Тетяйкин, Тикшайкин, Трямкин, Тумайкин, Тундавин, Тундин, Тургасов, Урявин, Чекайкин, Чиняев, Чичайкин, Чиряскин, Чувайкин, Шукшин, Яксаргин, Янгайкин, Якшамкин и т. п.

²¹ Р. В. Бабушкина, Термины родства как факты генетической связи мордовского народа с другими финно-угорскими народами, в сб.: «Этногенез мордовского народа», Саранск, 1965, стр. 353.

В. А. Троицкий

**РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ
НА СЕВЕРЕ ПОЛУОСТРОВА ТАЙМЫР
В XVIII ВЕКЕ**

Русские землепроходцы стали проникать на полуостров Таймыр в конце XVI — начале XVII вв., сначала в низовья рек Енисея и Пясины, а затем — в бассейны рек Хеты и Хатанги. Постоянные русские селения на этих реках и на арктическом побережье между Енисеем и Пясиной возникли только в конце XVII — начале XVIII века¹.

Первые достоверные сведения о названиях этих селений и местах их нахождения дает карта Мангазейского уезда, составленная геодезистом П. Чичаговым в 1725—1730 гг.² На этой карте отмечены самые северные селения на морском побережье в устьях Пясины и Хатанги, а также в верховьях притока Пясины — реки Дудыпты. П. Чичагов нанес на карту и реку Таймыру, впадающую в море между Пясиной и Хатангой, однако населенных пунктов в ее бассейне не показал.

В историко-этнографической литературе достаточно полно освещено освоение русскими южных районов полуострова Таймыр, ограниченных бассейнами рек Енисея, Пясины, Хеты и Хатанги³, но о том, как далеко на север полуострова Таймыр распространились русские поселения, достоверных сведений почти нет.

В последние десятилетия побережье полуострова Таймыр исследовалось многими гидрографическими экспедициями, попутно выявившими и следы старинных русских поселений. Собранные данные при сопоставлении с опубликованными и хранящимися в архивах позволяют уточнить северную границу русской колонизации Таймыра в XVIII веке.

Географическое положение самых северных промысловых зимовий на Таймыре в 40-х гг. XVIII в. можно установить по путевым журналам участников Второй Камчатской экспедиции Д. Стерлегова, Х. Лаптева и С. Челюскина за 1740—1742 гг. путем навигационной прокладки их маршрутов на современных картах. К северу от устья реки Пясины находились два постоянных зимовья: Верхне-Пясинское (на нынешнем мысе Старожилы, против острова Фарватерный) и Нижне-Пясинское (в северо-восточной части Пясинского залива). В 10 км к северо-западу от Нижне-Пясинского зимовья (на современном мысе Носок) стоял «бала-

¹ В. А. Александров, Русское население Сибири XVII и начала XVIII веков, М., 1964, стр. 15; Н. К. Ауэрбах, Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея, «Научно-промысловые исследования Сибири», сер. А, вып. 6, Красноярск, 1929, стр. 11.

² В. А. Троицкий, О картах Сибири геодезиста Петра Чичагова, «Изв. Всесоюзного географического о-ва» (далее «Изв. ВГО»), т. 10, 1974, стр. 139.

³ В. А. Александров, Указ. раб.; Н. К. Ауэрбах, Указ. раб.; М. И. Белов, Арктическое мореплавание с древних времен до середины XIX в., т. I, «История открытия и освоения Северного морского пути», М., 1956; Б. О. Долгих, Население полуострова Таймыр и прилегающего к нему района, «Северная Азия», 1929, № 2; В. Н. Скалон, Из истории древних русских поселений на Крайнем Севере Сибири, «Изв. Иркутского сельскохозяйственного ин-та», вып. 18, 1960.

Рис. 1. Место городища зимовья Н. Фомина

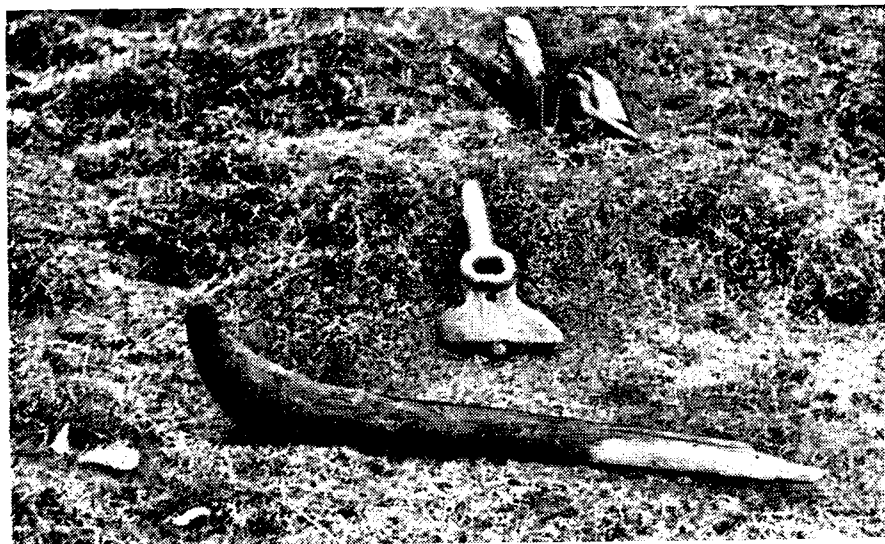

Рис. 2. Детали старинных нарт, найденные на месте зимовья Н. Фомина

ган». В 40-х гг. XVIII в. это была самая дальняя от устья Пясины постройка на севере⁴. Развалины этих поселений сохранились до сих пор.

Следы проникновения человека на Западный Таймыр Х. Лаптев и С. Челюскин обнаружили и еще севернее — на южном входном мысе залива Миддендорфа (современный мыс Лемана), где они «сыскали старые огнища» на песчаной косе⁵. Вблизи этого места в 1961 г. были найдены остатки человеческого черепа, возможно, относящегося ко времени «старых огнищ»⁶. К заливу Миддендорфа предшественники Х. Лаптева и С. Челюскина проникли, вероятно, от устья Пясины. Сюда, види-

⁴ Центральный Государственный Архив Военно-Морского флота (далее ЦГАВМФ), ф. 913, оп. 1, д. 41, л. 121; д. 48, л. 118; В. А. Троицкий, Остров Диксон. Историко-географический очерк, Красноярск, 1972, стр. 76.

⁵ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 41, л. 119.

⁶ В. А. Троицкий, Остров Диксон, стр. 40

мо, добралась одна из тех русских экспедиций, которые сибирские власти не раз посылали в XVII в. из Енисея для прохода морем к устью Лены⁷.

На нынешнем мысе Восьмого марта (76°15' сев. шир.) С. Челюскин в 1742 г. нашел построенное незадолго до его путешествия зимовье хатангского жителя Скородина⁸. Это наиболее северное поселение на восточном берегу Таймыра.

По путевому журналу Х. Лаптева (1741 г.) можно восстановить место нахождения зимовья «новокрещенного якута» Никифора Фомина⁹ на Таймырской губе, построенного за 7 лет до посещения этих мест Х. Лаптевым¹⁰. В журнале содержатся сведения о том, что якут Н. Фомин выезжал на промысел на 80 верст к северу от устья реки Таймыры, пересекая нынешний полуостров Оскара.

Когда Х. Лаптев после трех дней пути на северо-восток от зимовья Н. Фомина достиг южного берега нынешнего залива Дика (76°42' сев. шир.), он записал: «Здесь наехали маяк Фомичев»¹¹. Эта запись свидетельствует о том, что Н. Фомин бывал здесь не один раз и поставил деревянный знак для опознания местности.

Можно утверждать, что в районе от Хатанги до озера Таймыр, а также по берегам Нижней Таймыры не было в XVIII в. ни одного населенного пункта. Поскольку и Х. Лаптев и С. Челюскин предпочитали останавливаться на ночлег в зимовьях, они обязательно упомянули бы о них в журналах.

В 1843 г. Таймырскую губу посетил А. Ф. Миддендорф, но он дошел только до расположенного в устье реки Таймыры островка Бэра, от которого до зимовья Н. Фомина оставалось еще 12 км.

На острове Бэра А. Ф. Миддендорф нашел развалившуюся избушку, которую он ошибочно принял за упомянутое Х. Лаптевым зимовье Н. Фомина¹². В 1901 г. эту избушку видел Э. В. Толль, указавший ее точное местонахождение¹³. В соответствии с указаниями, приведенными в его записках, в 1972 г. в этом месте были найдены остатки постройки — следы нижних вен-

цов, размером 2,5×3 м. Небольшие размеры избы доказывают, что она предназначалась только для кратковременных ночевок во время охоты или рыбной ловли и была рассчитана лишь на одного человека. Она от-

⁷ А. Ф. Миддендорф, Путешествие на север и восток Сибири, ч. I, СПб., 1860.

⁸ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 41, л. 159.

⁹ А. Ф. Миддендорф и Э. В. Толль неточно называют его «якутом Фомой». См.: А. Ф. Миддендорф, Указ. раб., стр. 92; Э. В. Толль, Плавание на яхте «Заря», М., 1959, стр. 204.

¹⁰ Х. П. Лаптев, Берег меж Лены и Енисея, «Записки Гидрографического департамента», т. XX, 1851, стр. 22.

¹¹ Х. П. Лаптев, Журнал пути 1741 г., в кн.: А. Ф. Миддендорф, Указ. раб., стр. III.

¹² А. Ф. Миддендорф, Указ. раб., стр. 92.

¹³ Э. В. Толль, Указ. раб., стр. 203.

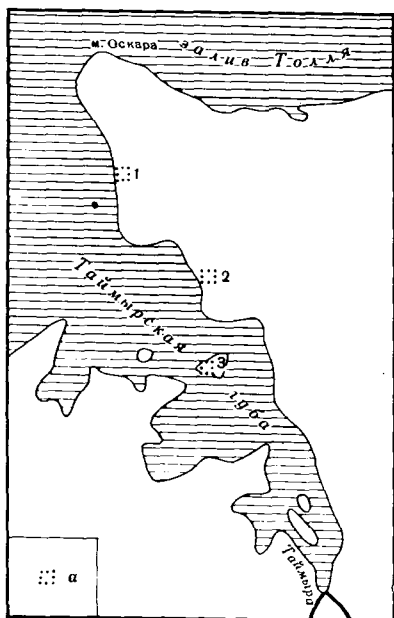

Рис. 3. Местонахождение развалин поселений XVIII в. в р-не Таймырской губы: а — развалины зимовий; 1 — остатки сруба (2,5×6,5 м), впервые обнаруженного в 1915 г. экспедицией Б. А. Вилькицкого; 2 — городище зимовья Н. Фомина, найденное в 1972 г.; 3 — развалины постройки (2,5×3 м), обнаруженной в 1843 г. А. Ф. Миддендорфом

нюдь не была зимовьем Н. Фомина, в котором останавливались Х. Лаптев и С. Челюскин вместе с 3—4 солдатами. Построил ли на острове Бэра избу якут Н. Фомин или же живший на Таймырской губе в конце XVIII в. Фирс, поселенец с реки Дудыпты (о нем упоминает А. Ф. Миддендорф)¹⁴, неизвестно.

Постройки были обнаружены и на северо-восточном берегу Таймырской губы. В 1915 г. на Таймырскую губу заходили гидрографические суда «Таймыр» и «Вайгач». С них близ мыса Медвежий Яр была видна «развалившаяся поварня»¹⁵. Эта постройка стояла на прибрежном холме близ устья нынешней речки Неудобной (в 15 км к северо-западу от зимовья Н. Фомина). Ныне от этой постройки сохранились два нижних венца.

В 1929 г. Б. О. Долгих опубликовал сведения, которые он получил на Таймыре в 1927 г.¹⁶ Ему сообщили, что местные жители видели на берегу какой-то безымянной реки, впадающей в море к западу от устья Таймыры три русских избы. В одной из этих изб, расположенной в одном дне пути от устья неизвестной реки вверх по ее течению, были найдены русские предметы и детская люлька¹⁷. На приложенной к статье Б. О. Долгих картосхеме эти три избы показаны на нынешней реке Коломейцева, в 100 км западнее устья Нижней Таймыры. Однако это вряд ли соответствует действительности. В 1901 г. участниками русской полярной экспедиции Академии наук А. А. Бялыницким-Бируля и Г. Э. Вальтером была составлена первая карта района, прилегающего к устью реки Коломейцева, но никаких изб на ней не показано. Трудно предположить, чтобы исследователи не заметили построек, если бы они действительно были. Геологи и картографы, обследовавшие реку Коломейцева в последние десятилетия, также не обнаружили в этом районе строений.

На карте Туруханского края, составленной в 1929 г. Красноярским отделом Географического общества (при участии Б. О. Долгих) цепочка из трех изб показана уже на самой Нижней Таймыре, причем почти в среднем течении реки¹⁸. Ссылаясь на Б. О. Долгих, многие исследователи и сейчас высказывают предположение, что в низовьях Нижней Таймыры русские поселения возникли в первой четверти XVII века¹⁹.

Можно ли считать окончательной точку зрения, что упомянутые выше избы были расположены на Нижней Таймыре?

Отметим, что еще А. Ф. Миддендорф писал: «Низовой части р. Таймыры не достигает ни одно из кочующих племен, даже в летние свои странствования... никто из них не доходил до соленой воды»²⁰. Остатки русских поселений на реке Нижней Таймыре несомненно были бы замечены Х. Лаптевым и С. Челюскиным в 1741—1742 гг., однако в их журналах ни разу не упоминается о существовании жилья в этом районе. В 1843 г., спускаясь вниз по реке, А. Ф. Миддендорф напряженно искал на ее берегах следы пребывания своих предшественников, но на всем пути он заметил только несколько щепок, рубленных топором, и выделанную мамонтовую кость²¹.

В 1969 г. Б. О. Долгих, еще раз проанализировав сообщение о трех русских избах, пришел к выводу, что река и избы, о которых ему сообщили в 1927 г., вероятно, находятся в районе, расположенном не очень да-

¹⁴ А. Ф. Миддендорф, Указ. раб., стр. 75.

¹⁵ А. М. Лавров, Дневник 1915 г., Архив ВГО, р. 19, оп. 1, д. 5, л. 378.

¹⁶ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 67.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Объяснительная записка к географической карте Туруханского края», Красноярск, 1928, стр. 9.

¹⁹ Д. М. Лебедев, В. А. Исаков, Русские географические открытия и исследования, М., 1971, стр. 109.

²⁰ А. Ф. Миддендорф, Указ. раб., стр. 19, 75.

²¹ Там же, стр. 92.

леко от устья Пясины²². Если эти постройки видели поблизости от устья Пясины, то скорее всего, Б. О. Долгих получил сведения о них от иганасан, сопровождавших в 1921 г. Н. А. Бегичева во время поисков двух пропавших норвежцев — участников экспедиции Р. Амундсена. Просмотр дневников Н. А. Бегичева и прокладка его маршрута на современной карте по записанным им компасным направлениям пути и пройденным расстояниям, показывают, что в 40 верстах севернее устья Пясины

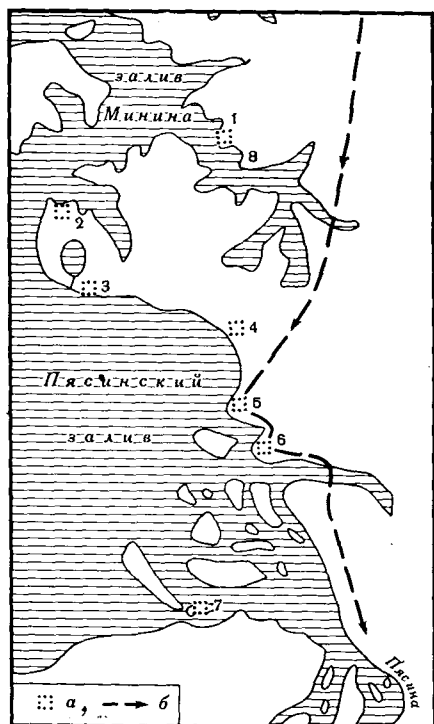

Рис. 4. Местоположение развалин поселений XVIII века в Пясинском заливе: а — развалины зимовий; б — маршрут Н. А. Бегичева; 1 — остатки сруба (2×4 м) на юго-восточном берегу фьорда Хутуда; 2 — городище (5×20 м); обнаружено в 1934 г. гидрографами; 3 — место «балагана», упоминаемого Х. Лаптевым и Д. Стерлеговым как наиболее северное поселение (1741 г.). Ныне здесь постройки зимовья Рыбное; 4 — остатки сруба (3×8 м) на месте «Нижне-Пясинского» зимовья, указанного Х. Лаптевым и Д. Стерлеговым (1741 г.); 5 — остатки городища (6×20 м) соответствующие «четырёхкомнатной избе», обнаруженной в 1921 г. Н. А. Бегичевым; 6 — место «Верхне-Пясинского» зимовья, указанного Х. Лаптевым и Д. Стерлеговым (1741 г.). Ныне здесь зимовье Лидия, возле которого заметны развалины постройки (4×6 м); 7 — развалины большого зимовья, в котором провёл весну Х. Лаптев в 1741 г. Близ современных построек заметны развалины двух срубов размером около 5×20 м каждый; 8 — место современного зимовья Хутуда

Н. А. Бегичев видел две развалившиеся избы, одна из которых находилась на нынешнем мысе Восточный, а вторая — на мысе Старожилов севернее протоки Старицы²³. Остатки их можно видеть и теперь. Четырёхкомнатная изба расположена несколько севернее мыса Восточный. Построена она, без сомнения, позднее 1741 г., так как Х. Лаптев о ней не упоминает. Вторая изба на мысе Старожилов соответствует местоположению Нижне-Пясинского зимовья. Это можно установить путем сравнения маршрутов Х. Лаптева и Д. Стерлегова с маршрутом Н. А. Бегичева.

В 1934 г., высадившись в 100 км к северу от устья Пясины, гидрографы нашли полуразрушенное зимовье на юго-западном входном мысе бухты Рыбной. Остатки этой избы хорошо заметны и теперь. Судя по размерам (20×5 м), это несомненно было большое «коренное» зимовье²⁴. В конце 30-х гг. древние развалины небольшого (4×5 м) строения были обнаружены еще севернее — на северо-восточном мысе фьорда Хутуда.

В 1740—1741 гг., когда в этих местах были Д. Стерлегов и Х. Лаптев, ни в бухте Рыбной, ни в фьорде Хутуда зимовий не было. Если бы путешественники обнаружили здесь постройки, они несомненно упомянули бы об этом в своих дневниках, поскольку для них было чрезвычайно важно иметь пристанище севернее устья реки Пясины. Между тем, наи-

²² Это мнение высказано в письме Б. О. Долгих к автору от 17-го ноября 1969 г.

²³ «Дневник Н. А. Бегичева», Архив АН СССР, ф. 47, оп. 5, д. 6; д. 8, лл. 9—11.

²⁴ В. А. Троицкий, Остров Диксон, стр. 53.

более северным жильем они оба называют «балаган», стоявший на мысе Носок, в 50 км южнее бухты Рыбной. Так как в XIX—30-х годах XX в. никаких промыслов севернее устья Пясины не было²⁵, можно предположить, что зимовья в бухте Рыбной и во фьорде Хутуда возникли после Второй Камчатской экспедиции, однако не позже 1760 г. С конца 1760-х гг. промыслы на побережье между островом Диксон и рекой Пясиной пришли в упадок вследствие секуляризации Туруханского монастыря (владельца зимовий) и вывода населения с севера Туруханского края на южные границы Сибири²⁶. Карта Туруханского края, составленная местным исправником в 1784 г., показывает, что на морском побережье между устьем реки Пясины и Енисейским заливом в это время не было ни одного поселения²⁷. Отмечены лишь поселения в Енисейском заливе. На этой же карте подписано: «Зимовей в натуре 24 для песцового промысла владельца енисейского мещанина Портнягина». Видимо, эти зимовья располагались на восточном берегу Таймыра. В 1780-х гг. промыслы здесь еще процветали. Потомки Портнягина занимались охотой и рыболовством на берегах Хатангского залива вплоть до 1920-х гг.²⁸

Наиболее северное поселение на Восточном Таймыре, отмеченное в 1742 г. С. Челюскиным, — зимовье Скородина — располагалось на нынешнем мысе Восьмого марта (76°15' сев. шир.). В 1940 г. топографы обнаружили небольшую развалившуюся избу в 12 км к северо-западу от мыса Восьмого марта. Место, где она стояла, было названо мыс Избой²⁹. По современным данным это наиболее северное поселение на восточном берегу Таймыра, построенное русскими промышленниками, проникшими сюда со стороны Хатанги.

Следы проникновения русских найдены также в 160—200 км к северо-западу от зимовья Скородина — на острове Фаддея в районе залива Симса. В 1940 г. здесь были обнаружены развалившаяся избушка и остатки лагеря неизвестной русской экспедиции, потерпевшей кораблекрушение в первой половине XVII в., и найден клад, состоящий из монет и других предметов. В литературе его называют «таймырской находкой» и датируют 1617—1619 гг. Датировка основана на данных нумизматического анализа серебряных монет-копеек. При этом исследователи предполагают, что монетный клад «судя по всему слагался на севере Поморья»³⁰. Сторонники этой точки зрения не принимают во внимание, что такой клад мог сложиться в Мангазее или Якутске. Поэтому делается недостаточно обоснованный вывод, что, поскольку в те годы на Лене или Хатанге еще не было развитых торгово-промышленных центров, из которых могла быть снаряжена такая экспедиция, потерпевшие кораблекрушение прибыли на остров Фаддея из Карского моря, обогнув мыс Челюскин³¹. В литературе отмечалось, что вряд ли правомерно отождествлять время завершения собирания клада со временем его доставки на северо-восток Таймыра. Возможен разрыв между этими событиями в 15—20 лет, поскольку путешествия в Сибирь были длительными; кроме того, монетный клад «мог составиться в результате многих неизвестных нам обстоятельств»³². Сомнение в том, что мореходы прибыли на острова Фаддея с

²⁵ Там же, стр. 54.

²⁶ В. А. Александров, Указ. раб., стр. 77; Н. К. Ауэрбах, Указ. раб., стр. 12; В. А. Троицкий, Остров Диксон, стр. 47; «Сенатский архив», т. XIII, СПб., 1913, стр. 43, 70.

²⁷ «Географический атлас Тобольского наместничества 1784 г.», п. 15, Картохранилище Географического общества СССР, инв. Р-90.

²⁸ В. Н. Скалон, Указ. раб., стр. 305.

²⁹ А. И. Косой, На восточном побережье Таймырского полуострова, М., 1944, стр. 68.

³⁰ «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века», Л.-М., 1951, стр. 212.

³¹ Там же, стр. 4, 211.

³² М. И. Белов, Мангазее, Л., 1969, стр. 112.

запада, возникает еще и потому, что в составе «таймырской находки» обнаружено большое количество остатков шкурок пушных зверей, причем, более половины из них — собольи³³. Возникает вопрос, зачем было везти в неведомые земли так много драгоценных собольих мехов? Добыть же соболя у берегов Таймыра было невозможно, поскольку в этих местах он не водится. Этот и другие факты³⁴ позволяют предположить, что владельцы «таймырской находки» могли прибыть на остров Фаддея с востока, скорее всего из устья Лены, откуда они хотели вывезти «пушную казну» в Россию по морю. Весьма вероятно, что это путешествие было предпринято в середине 30-х гг. XVII в. из Якутского острога, основанного в 1633 г.

Тщательный осмотр северных районов побережья Таймыра между Таймырской губой на западе и заливом Симса на востоке, проведенный в летние месяцы 1970—1972 гг. гидрографическими экспедициями Министерства морского флота и коллективом полярников мыса Челюскин в поисках следов экспедиции В. А. Русанова, пропавшей в Карском море в 1912 г., не выявил здесь остатков построек, аналогичных развалинам избушки на острове Фаддея.

Летом 1972 г., ориентируясь по пеленгам, записанным в журнале Х. Лаптева, которые он брал из зимовья Н. Фомина на соседние мысы Таймырской губы, нам удалось найти городище этого зимовья. Оно находится на южном берегу устья крупного ручья в 3,2 км к северу от мыса Шатер и занимает площадь 20×6 м. Видимо, эти развалины уже давно накрыл оползень. Под дерном угадываются контуры построек, торчат полусгнившие бревна и ребра деревянных дисков — поплавок рыболовных сетей. Одна из сторон зимовья граничит с галечным морским пляжем. При сильных подъемах уровня воды в Таймырской губе край городища размывается прибоем. В обрыве культурного слоя высотой 0,5—1 м заметны волноприбойная ниша и вымываемые деревянные детали. Среди них мы нашли обломок полоза и копыл (вертикальная стойка) нарты собачьей упряжки. Нарты такого типа, имеющие «толстые копылы» в форме гитары, со слабо загнутыми кверху широкими полосьями... распространены у якутов к востоку от Хатанги³⁵.

Следовало бы произвести археологические раскопки известных теперь развалин трех старинных зимовий в Таймырской губе: в устье реки Неудобной севернее мыса Шатер и на острове Бэра. Возможно, что здесь будут обнаружены какие-то предметы, оставшиеся от пребывания Х. Лаптева и С. Челюскина. Но главное в том, что благодаря раскопкам удастся установить, когда возникли и когда были покинуты эти самые северные поселения на Таймыре.

Уже отмечалось, что прежде чем обойти с запада мыс Челюскин, землепроходцы XVII в. должны были освоить устье реки Нижней Таймыры³⁶. Если бы зимовья на севере полуострова Таймыр можно было датировать началом XVII в., гипотеза о прибытии мореплавателей на острова Фаддея с запада получила бы серьезное подтверждение. С раскопками зимовья Н. Фомина в Таймырской губе следует поспешить, так как оно размывается морем. Кстати, добраться теперь в Таймырскую губу можно без трудностей: летом 2—3 раза в месяц туда летают гидросамолеты из Хатанги за свежей рыбой.

³³ В. А. Троицкий, Новые находки на острове Фаддея, «Изв. ВГО», т. 105, 1973, вып. 1, стр. 63.

³⁴ Там же, стр. 64, 65. С. В. Обручев считал необходимым «пересмотреть вновь всю проблему с „таймырской находки“ — В. Т.) и изучить все материалы, чтобы заново решить некоторые вопросы, остающиеся спорными и неясными» (С. В. Обручев, Таинственные истории, М., 1973, стр. 17).

³⁵ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 55.

³⁶ В. А. Троицкий, Новые находки на острове Фаддея, стр. 64.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Э. В. Померанцева

ЯРИЛКИ

Весной 1973 г. мы слышали в старинном приокском селе Дединово¹ привлечшее наше внимание слово «ярилки». Необычное это слово было произнесено двумя женщинами среднего возраста, исконными жительницами этого села. В ответ на вопрос о песнях мы слышали: «Вот закончим посевную и устроим ярилки, поем, угощаемся — тогда и песни записать можно». Ни та, ни другая не могли объяснить значения этого слова, сказать, почему так называются гулянья. Одна из них утверждала, что «ярилки» устраивают только по случаю завершения посевной, другая — что так издавна в Дединове называли любые гулянья молодежи.

Сколько мы потом ни искали это слово, сколько ни задавали наводящих вопросов, никто из жителей Дединова (кроме упомянутых двух женщин), даже самые пожилые из них, не только не мог нам объяснить его значения, но даже не помнил, чтобы когда-нибудь его слышал.

Оказалось, что редкое слово «ярилки» является отзвуком забытого обычая, зафиксированного в этом селе в конце XIX в.

В 1898 г. в Дединове и близлежащих к нему селах Ловцах, Любичах и Белоомуте провел два месяца Н. М. Мендельсон², собирая этнографические материалы. В статье «Из наблюдений в Зарайском уезде Рязанской губернии»³ он писал о том, что в Дединове «сохранилась до сих пор память о празднике в честь Ярилы: в ночь на последнее воскресенье перед Петровским постом справляют «Ярилки», для чего по реке отправляются к местности, называемой «Ярилина плешь». Старики говорят, что когда-то пелись песни, специально приуроченные к этому празднику; песни эти, разумеется, забыты, но разнuzданный характер самого праздника сохранился»⁴. Более подробные сведения о праздновании в Дединове «ярилок» мы находим в записях того же Н. М. Мендельсона, представленных им в свое время в Этнографическое бюро В. Н. Тенишева⁵ и хранящихся в Ленинграде в отделе рукописей Государственного этнографического музея. В этих записях отмечается эротический характер песен «с причинкой», связанных с этим праздником, и говорится о

¹ Село Дединово Луховицкого р-на Московской области (в прошлом Зарайского уезда Рязанской губ.) неоднократно привлекало внимание археологов, этнографов, фольклористов. В 1973 г. туда выезжали сотрудники Института этнографии АН СССР Т. Б. Долгорукова и Э. В. Померанцева.

² Н. М. Мендельсон (1872—1934) — впоследствии известный литературовед и историк театра.

³ Н. М. Мендельсон, Из наблюдений в Зарайском уезде Рязанской губернии, «Этнографическое обозрение», 1899, № 1—2, стр. 385—391.

⁴ Там же, стр. 385.

⁵ См. Э. В. Померанцева, Фольклорные материалы этнографического бюро В. Н. Тенишева, «Сов. этнография», 1972, № 6, стр. 137—147.

том, что на вопрос, кто же был этот Ярила, собиратель услышал: «Он любовь одобрял»⁶.

Поскольку Мендельсон относительно песен, бытовавших 20—30 лет назад, ссылается на свидетельство стариков, можно думать, что в 60—70-х годах XIX в. празднование Ярилы, т. е. «разнузданные» гулянья и песни в честь покровителя любви, происходило как священный традиционный ритуал, в котором участвовала только молодежь. Семейные люди на «ярилки» не допускались.

В том же архиве Тенишева хранятся и точные записи 1898 г. внимательного собирателя А. Балова о совместных гуляньях мордвин и русских в Пошехонском уезде Ярославской губернии: за неделю до Иванова дня отмечался «молодой Ярила» и перед самым Ивановым днем — «старый Ярила»⁷.

Нельзя не вспомнить, что в 1873 г. сравнительно недалеко от Дедина и Пошехонья А. Н. Островский писал свою поэтическую «Снегурочку», которая кончается гимном богу солнца и любви Яриле, гневающемуся на берендеев «за стужу чувств». Он хорошо знал литературу о Яриле, внимательно изучил статью о нем Древлянского⁸, сообщавшего, что, согласно белорусским преданиям, Ярила — молодой, красивый, на белом коне, в белой мантии, с венком на голове. Островский с интересом наблюдал гулянья в честь Ярилы в Костромской губернии. Недалеко от усадьбы Щельково, где драматург писал свою весеннюю сказку, пронизанную древними мифологическими мотивами, находилась Ярили-на долина, в которой на троицу происходили народные гулянья, собиравшие народ со всей округи. По свидетельству исследователей жизни и творчества Островского, последний «не пропускал этих народных увеселений»⁹. Ярили-на день Островский упоминает в своем Щельковском дневнике и в записной книжке¹⁰.

В первые десятилетия XX в. в Даниловском уезде Ярославской губернии был еще жив обычай в заговенье «погребать Ярилову плешь». При этом парни лепили из глины фигуру «Ярилы» в рост человека с подчеркнутыми признаками мужской силы, а против него ставили «Ярилиху». После гулянья их разбивали и сбрасывали в реку¹¹.

И материалы Н. М. Мендельсона и А. Балова, и наблюдения А. Н. Островского, и записи М. М. Зимины — все это говорит о том, что в конце XIX — начале XX в. в Центральной России еще живы были народные обычаи, связанные с именем Ярилы.

Поэтому заслуживает полного доверия то, что в книге П. Ефименко, вышедшей в 1868 г.¹², о культе Ярилы говорится как о широко распространенном явлении. Подтверждается и то, что, как утверждает А. Н. Афанасьев, «народ еще недавно представлял Купала и Ярила как существа живые, человекоподобные»¹³.

Многочисленные свидетельства о праздновании Ярилы в первой половине XIX в. в Кинешме, Костроме, Галиче, Воронеже, Владимире, в Ярославской, Казанской, Тверской, Рязанской, Тамбовской губерниях.

⁶ Архив Государственного музея этнографии. Фонд Тенишева. Рязанская губ., Зарайский уезд. Корреспондент Н. М. Мендельсон, разд. Д, п. 103, л. 23.

⁷ Там же, Ярославская губ., Пошехонский уезд. Корреспондент А. Балов, разд. Ж, п. 243, л. 1.

⁸ Древлянский, Белорусские народные предания, «Журнал Министерства народного просвещения. Прибавления», 1846, кн. 1, глава «Ярыло», стр. 20—22.

⁹ А. И. Ревякин, А. Н. Островский в Щелькове, Кострома, 1957, стр. 105.

¹⁰ А. И. Орлов, А. Н. Островский и фольклор Ивановской области, Иваново, 1948, стр. 21.

¹¹ М. М. Зимин, Так было прежде, Центральный государственный архив литературы и искусства, ф. 1455, оп. 1, ед. хр. 51, л. 6.

¹² П. Ефименко, О Яриле языческом божестве русских славян, СПб., 1868.

¹³ А. Н. Афанасьев, Поэтическое воззрение славян на природу, т. 1, 1866, стр. 728.

И. Снегирев в своем известном труде о народных праздниках отмечает, что Ярилу «и ныне... вспоминают в разных губерниях России, особенно в северных и южных»¹⁴.

Кроме того, Снегирев указывает, что «Иван Купала, празднуемый от Днепра до Немня, между чернью называется Ярилов в Ярославской, Тверской и Рязанской губерниях»¹⁵. Он же говорит о том, что всесвятское заговение в Костроме и Твери известно под именем Ярилы¹⁶.

Все исследователи, писавшие о Яриле, отмечают вакханальный характер посвященных ему празднеств, пишут о том, что гулянья эти сопровождались не только плясками, песнями и ряженьем, но и пьянством, сквернословием, вольными отношениями между полами, кулачными боями. Недаром против этих буйных игрищ, «на коих случались и смертоубийства и увечья», в 1763 г. решительно восстал Тихон Задонский, назвавший их «бесовскими»¹⁷.

Заслуживает внимания предположение П. Ефименко, считавшего, что после принятия христианства судьба Ярилы сложилась следующим образом: «Его имя, образ, деятельность и празднование в честь его раздвоились на две главные части. Одна часть, менее нравственная, осталась собственно за Ярилом, другая часть, не заключавшая в себе ничего предосудительного, отнята от него и перенесена на св. Георгия»¹⁸.

Предположения А. Н. Афанасьева и П. Ефименко, связывавших Ярилу с Купалой и св. Георгием, возродились в наши дни, но уже подкрепленные убедительными доводами. Так, например, Р. О. Якобсон, исследуя русские и сербские весенние обряды, рассматривает Ярилу «как одну из ипостасей многоликого божества» или, быть может, одного «из тесной купы богов»¹⁹.

В. В. Иванов и В. Н. Топоров в недавно вышедшем исследовании справедливо указывают, что «до сих пор чаще всего Ярила рассматривался или как совершенно изолированный и независимый мифологический персонаж уровня, следующего за уровнем богов, или вообще ставился под сомнение как порождение „кабинетной“ мифологии»²⁰. Им удалось неопровержимо доказать его связь со всей славянской мифологической системой.

Очень убедительно предположение исследователей, что «связью Ярилы не с официальным культом, а с сезонными хозяйственными обрядами можно объяснить сохранение ритуала Ярилы не только в Белоруссии, но и у других восточных славян»²¹.

Не учитывавшиеся до сих пор в достаточной мере поздние свидетельства подтверждают существование в прошлом славянского культа Ярилы. В народе же память о нем сохранилась доньше лишь в слове, употребляемом вне мифологических представлений.

Есть основание связывать с культом Ярилы и поморский обычай второй половины XIX в. «Яровухи», по крайней мере его название. Так называлась, как установила Т. А. Бернштам, совместная ночевка в доме невесты парней и девушек накануне свадьбы²².

Конечно, одно лишь совпадение, иногда даже разительное, словесного выражения или фольклорного текста с обозначением древнего ми-

¹⁴ И. Снегирев, Русские простонародные праздники, т. 1, М., 1838, стр. 29.

¹⁵ Там же, стр. 179.

¹⁶ Там же, стр. 180.

¹⁷ А. С. Фаминцын, Божества древних славян, СПб., 1884, стр. 224.

¹⁸ П. Ефименко, Указ. раб., стр. 36.

¹⁹ Р. О. Якобсон, Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии, «Труды VII МКАЭН», т. V, М., 1970, стр. 611.

²⁰ В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Исследования в области славянских древностей, глава «Ярила и его соответствия у славян», М., 1974, стр. 180.

²¹ Там же, стр. 215.

²² К. В. Чистов, Актуальные проблемы изучения традиционных обрядов русского Севера, сб. «Фольклор и этнография», Л., 1974, стр. 18.

фологического представления еще не дает права на то, чтобы видеть в нем отзвуки мифологии.

Например, нет оснований, как это делают В. В. Иванов и В. Н. Топоров, сблизать с культом бога Ярилы загадку о венике («Выбежал Ярилко из-за печного столба, зачал бабу ярить, только палка стучит»), несмотря на имя Ярилко и наличие в ней второго эротического плана²³.

Общеизвестно, что слово нередко таит в себе неожиданные глубины, уводит в далекую древность. Однако надо помнить, что слово требует осторожного, ответственного отношения к себе, учета всего комплекса его звучания, значения, характера употребления, всей его живой жизни в языке народа.

В заключение хочется подчеркнуть, что связь услышанного нами в 1973 г. в с. Дединово слова «ярилки» с древним культом несомненна, она подтверждается, как мы видим, целым рядом промежуточных звеньев.

²³ В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Указ. раб., стр. 213.

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. И. ЛАНГСДОРФА

22—24 октября 1974 г. по решению Секции наук о Земле Президиума АН СССР в Ленинграде состоялась конференция, посвященная 200-летию со дня рождения академика Г. И. Лангсдорфа. Она была организована Географическим обществом СССР и несколькими академическими институтами (Этнографии, Латинской Америки, Географии, Зоологическим и Ботаническим), Ленинградским государственным университетом им. А. А. Жданова, Архивом АН СССР. Активную роль в подготовке и организации конференции сыграл Институт этнографии АН СССР. Ведущие ученые Института входили в состав Оргкомитета; ряд сотрудников Института выступили с докладами на пленарных и секционных заседаниях.

На конференцию были приглашены специалисты из ГДР, ПНР, ФРГ, США, Канады, Бразилии. Зарубежные ученые проявляют большой интерес к исследованиям советских ученых по этнографии и истории народов Америки, а также к источникам, хранящимся в архивах и музеях Советского Союза.

На заседаниях рассматривался широкий круг проблем, связанных с жизнью и деятельностью Г. И. Лангсдорфа, с историей американистики, с теми направлениями в науке, которым посвятил свою жизнь неутомимый исследователь. На конференции работали четыре секции: истории географических знаний (председатель М. И. Белов), этнографии и источниковедения (председатель Р. В. Кинжалов), языкознания (председатель О. К. Васильева-Шведе), биологических наук (председатель Л. Е. Родин).

В первый день работы конференции на пленарном заседании были зачитаны приветствия вице-президента АН СССР акад. А. П. Виноградова и президента Всесоюзного географического общества акад. С. В. Калесника. После вступительного слова акад. М. П. Алексеева с обзорным докладом об изучении научного наследия Г. И. Лангсдорфа выступил Б. Н. Комиссаров (ЛГУ). Докладчик рассказал о творческом пути исследователя, его научных интересах, путешествиях и открытиях. В 1803 г. Г. И. Лангсдорф был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. В 1803—1806 гг. ученый принял участие в кругосветном плавании Н. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, а затем сопровождал Н. П. Резанова в путешествии по Русской Америке. В 1808 г. он приехал в Петербург и стал адъюнктом Академии наук. В 1812 г. во Франкфурте-на-Майне вышло в свет двухтомное описание кругосветного путешествия Г. И. Лангсдорфа, принесшее ему мировую известность. В том же году ученый был избран экстраординарным членом Академии наук; вскоре после этого он назначается российским генеральным консулом в Рио-де-Жанейро.

Выполняя консульские, а иногда и дипломатические обязанности, Г. И. Лангсдорф путешествовал по стране и постоянно посылал из Бразилии в Петербург в Академию наук материалы естественнонаучного и этнографического характера. В 1822—1828 гг. ученый возглавил русскую экспедицию во внутренние районы Бразилии. Однако весной 1828 г. Лангсдорф тяжело заболел и вместе со своими спутниками вернулся в Рио-де-Жанейро.

Болезнь ученого, оказавшаяся неизлечимой, помешала ему обработать собранные материалы. Деятельность Лангсдорфа в Бразилии не была оценена современниками, архив экспедиции затерялся. Умер Г. И. Лангсдорф в 1852 г. во Фрейбурге.

Историю изучения научного наследия Лангсдорфа докладчик разделил на три периода. В первый период (с 30-х годов XIX в. до 1930 г.) было начато изучение зооло-

гических и ботанических коллекций, собранных Бразильской экспедицией, опубликовано первое описание этого путешествия, составленное художником экспедиции Г. Флорансом на основе своего путевого дневника, началась обработка этнографических коллекций и т. п. В 1930 г. в Ленинграде был найден архив экспедиции Лангсдорфа. С этого времени начинается второй период в изучении наследия ученого, характеризующийся значительным расширением исследований этнографических и лингвистических материалов, собранных в Бразилии. С начала 60-х гг. (третий период) ведется большая работа по выявлению новых материалов Лангсдорфа в советских и зарубежных архивах, их систематизации, расшифровке, описанию, исследованию, археографической обработке.

Далее докладчик указал на то, что проведенные исследования показали уникальную ценность научного наследия Лангсдорфа, необходимость академического издания всех его литературных и архивных материалов. Следует продолжить поиски невыявленных рукописей, публикаций, рисунков в библиотеках и архивах разных стран, завершить обработку этнографических коллекций¹.

О. К. Васильева - Шведе (ЛГУ) охарактеризовала лингвистические материалы, собранные Г. И. Лангсдорфом, и распределила их по четырем группам. Она подчеркнула, что научное значение лингвистических записей ученого будет возрастать по мере совершенствования методики исследования индейских языков, результаты изучения которых важны как для общего, так и для специального языкознания. Докладчица отметила, что записи Лангсдорфа представляют большой интерес для лингвистов, изучающих грамматический строй португальского языка и его бразильского варианта. Особое значение имеют собранные ученым сведения о ныне исчезнувших индейских языках.

На заседании выступили также профессора Р. Бартли (США) и Р. Пирс (Канада). Первый рассказал о деятельности Г. И. Лангсдорфа в качестве русского генерального консула в Рио-де-Жанейро. В первые годы после провозглашения независимости Бразилии (1828 г.) царское правительство отказалось признать новое государство, однако сохранило свое консульство в Рио-де-Жанейро. В этих сложных условиях Лангсдорф сыграл решающую роль в поддержании русско-бразильских связей. Ему удалось не только наладить дружественные отношения с императором Педру I и его министрами, но и получить от бразильских властей финансовую поддержку для своей научной экспедиции.

Р. Пирс отметил, что книга Г. И. Лангсдорфа, в которой описано его кругосветное путешествие 1803—1808 гг., является одним из самых важных источников по Русской Америке начала XIX в. Однако, чтобы извлечь максимум информации из того, что написано ученым, нужно тщательно изучить его взгляды, сильные и слабые стороны, сопоставить его описания с работами других авторов.

22 и 23 октября в Музее антропологии и этнографии АН СССР и в Географическом обществе СССР открылись юбилейные выставки, на которых участники конференции ознакомились с этнографическими коллекциями, привезенными Г. И. Лангсдорфом из Бразилии, с его рукописями и публикациями, с рисунками художников Бразильской экспедиции М. Ругендаса, А. Тонэя, Г. Флоранса. Иностранные участники конференции посетили Музей Академии художеств СССР, где ознакомились с альбомом художника М. Т. Тиханова — участника кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 гг.

После осмотра выставок начались секционные заседания.

Заседание секции истории географических знаний открылось докладом М. С. Альперовича (Ин-т всеобщей истории АН СССР, Москва), посвященным деятельности европейских и североамериканских исследователей первой половины XIX в. в Парагвае. Как известно, в этот период, особенно в годы диктатуры Франции (1814—1840), границы страны были закрыты для иностранцев, и немногочисленные описания Парагвая первой половины XIX в. представляют огромную ценность, несмотря на предвзятость и тенденциозность некоторых из них.

Н. Н. Болховитинов (Ин-т всеобщей истории АН СССР, Москва) рассказал о научной деятельности русских дипломатов в Америке в первой половине XIX в.

¹ Подробнее об этнографических исследованиях Г. И. Лангсдорфа см. статью Б. Н. Комиссарова в этом номере журнала.

П. П. Свиньин, П. И. Полетика и несколько позже Ю. А. Валленштейн оставили ряд работ (опубликованных в русской и американской печати того времени и хранящихся в архивах), посвященных внутреннему положению США и различным дипломатическим вопросам. Ю. А. Валленштейн в 1830-х гг. сменил Г. И. Лангсдорфа на посту русского генерального консула в Рио-де-Жанейро. Как и его знаменитый предшественник, он вел там не только дипломатическую, но и научную работу.

На заседании выступили зарубежные ученые Р. Грэм (США), Д. Гибсон (Канада), Н. В. Луз (Бразилия). Первый из них охарактеризовал бразильское общество XIX в. В этот период начинает разрушаться старая социально-экономическая структура, в страну проникают либеральные идеи, научные представления о природе и обществе. Все это определило ту историческую обстановку, в которой проходили экспедиции Г. И. Лангсдорфа и других европейских исследователей. Доклад Н. В. Луз был посвящен американским экспедициям Херндона и Джиббона в Бразилию в середине XIX в., т. е. в период, связанный с началом капиталистического проникновения в Амазонию. Д. Гибсон рассказал о поисках, изучении и публикации письменных источников по Русской Америке, отметив большую работу, сделанную по этим вопросам советскими исследователями.

Л. С. Кашихин (Государственный архив Пермской области) сообщил о том, что на основе архивных материалов он выяснил время рождения К. Т. Хлебникова — «летописца Российско-Американской компании»: январь — февраль 1785 г. М. А. Коган (ВГО, Ленинград) посвятил доклад деятельности Д. Н. Анучина, его трудам о географических знаниях европейцев накануне эпохи великих географических открытий и биографии Х. Колумба. В. И. Барабанов (ЛГУ) рассказал о малоизвестной у нас экспедиции В. Ф. Карвинского в Мексику и на Кубу в 1840—1843 гг.

С докладами на секции выступили также С. Е. Мостяхов (Якутский Гос. ун-т), В. А. Лачининский (ЛГУ) и А. Н. Глинка (Ин-т Латинской Америки АН СССР, Москва). Первый рассказал об участии коренного населения американской Арктики в экспедиционных исследованиях XIX в. (Э. Парри, Д. Ж. Франклина, Д. Росса и др.). В. А. Лачининский посвятил свое сообщение истории исследования и колонизации Техаса. В докладе А. Н. Глинкина были охарактеризованы советские исследования по Бразилии (их проблематика, этапы становления советского бразилеведения).

Работа секции этнографии и источниковедения началась с доклада Л. А. Файнберга (Ин-т этнографии АН СССР, Москва), посвященного постановке проблем общественного строя индейцев Амазонии в работах немецких путешественников конца XIX в. (К. Штейнена, М. Шмидта, П. Эренрейха). К. Штейнен собрал ценный материал об общественном строе племен, еще не затронутых европейским влиянием. Особенно интересны его данные о пережитках материнского рода у индейцев верховьев р. Шингу. М. Шмидт, изучавший индейцев бакайри, пришел к выводу, что их община основана преимущественно на соседских связях, а хозяйство велось большими материнскими семьями. Большой интерес представляет описание П. Эренрейхом матриархальных порядков и мужских домов у каража (на р. Арагуае).

Р. Круше (ГДР) сообщил о неизвестных материалах экспедиции Г. Мейера на р. Шингу в 1898—1899 гг., находящихся в лейпцигском Музее народоведения. Т. И. Лысенко (Ленинградское отделение Архива АН СССР) выступила с сообщением о материалах, касающихся жизни и деятельности Г. И. Лангсдорфа, хранящихся в советских и зарубежных архивах.

В. А. Антропова (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) охарактеризовала Г. И. Лангсдорфа как исследователя народов Камчатки (ительменов, коряков, айнов). В 1804—1807 гг. Лангсдорф побывал на Камчатке трижды, пробыв там в общей сложности около девяти месяцев. Он неоднократно выезжал в русские и ительменские селения, впервые после С. П. Крашенинникова собрал значительные демографические данные, подробно описал упряжное собаководство у ительменов. Среди материалов, касающихся камчатских и курильских айнов, особенно ценны лингвистические записи. Словарь диалекта камчатских айнов уникален.

Тема «Г. И. Лангсдорф и Камчатка» рассматривалась также в сообщении Т. К. Шафрановской (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград), описавшей неизвестную рукопись путешественника, хранящуюся в Архиве внешней политики России и посвященную природным богатствам и населению Камчатки. В докладе Д. Д. Ту-

маркина (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) был освещен вклад Г. И. Лангсдорфа в изучение народов Океании.

Р. Г. Ляпунова и Г. И. Дзенискевич (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) посвятили доклады истории изучения коренного населения (эскимосов, алеутов, индейцев) северо-западной Америки. Р. Г. Ляпунова охарактеризовала вклад Г. И. Лангсдорфа в исследование разных народов этого региона, а Г. И. Дзенискевич — опубликованные и хранящиеся в архивах сообщения русских исследователей XVIII—XIX вв. (В. Иванова, П. Корсаковского, И. Васильева, А. Глазунова, Л. Загоскина и др.) об атапсках-ингаликах. Выступавший в прениях Л. А. Шур (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) отметил, что в советских архивах хранится много ценных материалов по Русской Америке, нуждающихся в публикации. Он указал также на большую ценность не переведенной на русский язык и почти не вошедшей в научный оборот книги Г. И. Лангсдорфа о его кругосветном путешествии, из которой Р. Г. Ляпунова и Р. Пирс извлекли много интересных сведений.

Р. Юппиен (ФРГ) выступил с докладом, посвященным рисункам художников Бразильской экспедиции. Всеобщее внимание привлек совместный доклад супругов Э. Кроунхарт-Воган и Т. Вогана (США), в котором были изложены материалы об американском путешественнике Джоне де Вольфе — спутнике Г. И. Лангсдорфа в поездках по Русской Америке и Сибири. При обсуждении доклада американских исследователей Р. В. Макарова (Гос. историко-архивный ин-т, Москва) отметила, что прозвучавшая в нем оценка деятельности Российско-американской компании и характера русско-американских отношений в начале XIX в. в основном совпадает с взглядами советских историков.

В докладах Л. Н. Гусаровой² (Центральный гос. архив Военно-Морского флота СССР, Ленинград) и Б. В. Лукина (ЛГУ) рассматривались вопросы классификации материалов по этнографии и истории Америки, хранящихся в Центральном государственном архиве Военно-Морского флота СССР и Архиве АН СССР.

В. Л. Афанасьев (Ленинградское отделение издательства «Наука») выступил с докладом об изучении жизни, деятельности и литературного наследия Бартоломе де Лас Касаса в XIX в. Он отметил, что это было время, когда расширился круг публикуемых сочинений Лас Касаса, появились многочисленные критико-библиографические и историко-публицистические работы о выдающемся испанском гуманисте.

В сообщении М. Ш. Файнштейна (Ленинградское отделение Архива АН СССР) был охарактеризован поступивший в архив небольшой личный фонд (копии писем, рисунки, фотографии) Г. Г. Манизера — руководителя русской экспедиции в Бразилию, Аргентину и Парагвай в 1914—1915 гг. В докладе Б. П. Полевого (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) были рассмотрены забытые труды активного участника польского восстания 1830—1831 гг. Адама Гуровского, с 1848 г. поселившегося в США. В «Вестнике промышленности» за 1859—1860 гг. печатались его «Письма из Америки», содержащие ценные сведения об американском обществе накануне Гражданской войны.

В. А. Вишневецкая (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) сделала обзор материалов архива И. Т. Беляева, хранящегося в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (около 1100 листов). Беляев, проживший в Парагвае несколько десятков лет, много сделал для оказания помощи местным индейским племенам; он является автором ряда работ по материальной и духовной культуре индейского населения. В 1924—1932 гг. Беляев организовал 14 научных экспедиций по изучению района Чако. Рукописи, фотографии, карты, рисунки Беляева — ценный и оригинальный источник по этнографии чулупи, мака, чамакоко и других племен Чако и по истории Парагвая 1930-х годов.

Весьма плодотворной, несмотря на небольшое число прочитанных докладов, оказалась работа секции языкознания. Первым на заседании выступил Ю. В. Ваников (Ин-т дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва) с сообщением о языке куна (Панама)³. Докладчик рассказал о результатах фонологического, морфологического и син-

² Текст был зачитан Н. Г. Сергеевой.

³ В подготовке доклада участвовал информатор Ю. В. Ваникова — А. А. Монтальван.

тактического анализа языка. Выступившая в прениях по докладу О. К. Васильева-Шведе отметила большое значение изучения индейских языков для исследования общей языковой типологии.

Е. М. Вольф (Ин-т языкознания АН СССР, Москва) посвятила доклад весьма малоизученному вопросу — особенностям бразильской топонимики (по происхождению индейской и португальской). А. М. Гах (ЛГУ) рассмотрел некоторые характерные черты бразильского варианта португальского языка (употребление предлогов при глаголах движения). В докладе Е. Г. Голубевой (ЛГУ) были выделены этапы становления национального языка Бразилии (XVI—XVII, XVIII, XIX—XX вв.). Докладчица отметила, что язык современной Бразилии характеризуется известным своеобразием в области фонетики, лексики и грамматики (преимущественно синтаксиса), не затрагивающих, однако, основ португальского языкового строя.

Большой интерес вызвал доклад Ю. В. Ванникова и М. Виньярского (Государственный пед. ин-т иностранных языков им. М. Тореца), посвященный актуальной для романского языкознания проблеме категорий вида и времени испанского глагола. Он вызвал дискуссию, которую было решено перенести на специальное заседание кафедры романской филологии ЛГУ.

Основные положения докладов московских лингвистов из Ин-та языкознания АН СССР Г. В. Степанова «Изучение языковой ситуации в Латинской Америке в XIX—XX вв.» и Г. А. Климова «Изучение языков тупи-гуарани в XIX в.», которые не смогли приехать на конференцию, осветила О. К. Васильева-Шведе.

24 октября состоялось заключительное пленарное заседание конференции, на котором был прочитан ряд докладов и подведены итоги. Л. А. Шур рассказал о русских ученых и путешественниках в странах Америки в XIX в., К. Узбб (США) выступил с докладом «Академик Г. И. Лангсдорф и развитие географической науки в Бразилии». Он охарактеризовал Лангсдорфа как зрелого, вдумчивого и разностороннего исследователя, одного из крупнейших представителей географической науки своего времени. В заключение К. Узбб остановился на развитии географии в современной Бразилии, отметив высокий уровень ведущихся исследований, связь научной работы с хозяйственным освоением территории и охраной окружающей среды. Г. Бехер (ФРГ), вновь обратившись к материалам Бразильской экспедиции Лангсдорфа, предложил сосредоточить внимание на комплексном изучении научного наследия ученого советскими, немецкими и бразильскими исследователями, в частности, сопоставить различные материалы экспедиции, хранящиеся в музеях и архивах СССР, Бразилии и ФРГ.

На этом заседании были также сделаны доклады, касающиеся результатов экспедиции Г. И. Лангсдорфа в области естественных наук⁴.

Подводя итоги работы секций, выступили их председатели, отметившие высокий уровень представленных докладов. Заключительное слово произнес вице-президент Всесоюзного географического общества А. Ф. Трешников.

Участники конференции приняли резолюцию, в которой отметили необходимость проведения ряда мероприятий с целью увековечения памяти исследователя и ввода в научный оборот всех собранных им материалов. Было решено просить Академию наук СССР в сотрудничестве с учеными Бразилии, ГДР, ФРГ и других стран издать полное собрание научных трудов и неопубликованных материалов Г. И. Лангсдорфа, а также изобразительные и картографические материалы Бразильской экспедиции, научное описание этнографических коллекций Лангсдорфа, хранящихся в музеях СССР, Бразилии и других стран, завершить обработку его зоологических и ботанических коллекций, подготовить и издать монографию о его жизни и деятельности. Отмечена важность периодического проведения конференций по проблемам исследования Америки XIX—XX в. с участием зарубежных ученых («Лангсдорфовские чтения»), важность подготовки издания архивного наследия других русских путешественников XIX—начала XX в. в Южную и Северную Америку. Было принято решение издать материалы, посвященные юбилею Г. И. Лангсдорфа, в том числе сборник статей по материалам конференции.

⁴ См. «Проблемы исследования Америки в XIX—XX вв. Тезисы докладов к конференции, посвященной 200-летию со дня рождения академика Г. И. Лангсдорфа», Л., 1974.

Доклады, прочитанные на конференции, показали, что академик Г. И. Лангсдорф занимает видное место в истории отечественной науки. Он внес большой вклад в развитие этнографии, географии, зоологии, ботаники, оставил ряд важных научных трудов и ценнейший архив. Особенно велик вклад ученого в исследование Бразилии. Г. И. Лангсдорф может по праву считаться одним из основателей отечественной американистики.

Ю. Е. Березкин

ШЕСТАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ОКЕАНИСТОВ И АВСТРАЛОВЕДОВ

21—22 января 1975 г. в Москве состоялась шестая всесоюзная конференция океанистов и австраловедов¹. Как отметил в своем вступительном слове заместитель председателя Советского национального Тихоокеанского комитета АН СССР К. В. Малаховский, со времени первой такой конференции, состоявшейся в июне 1968 г., в Океании произошли большие перемены: обрели независимость Тонга и Фиджи, в этом году станет независимым государством Папуа-Новая Гвинея, приближаются к независимости Соломоновы острова и некоторые другие архипелаги. После прихода в 1970 г. к власти в Австралии лейбористского правительства произошли определенные сдвиги во внутренней и внешней политике этого государства. Новая ситуация в Австралии и Океании делает еще более актуальными гуманитарные исследования этого региона.

В. Б. Якубовский (Ин-т мировой экономики и международных отношений АН СССР) выступил с докладом «Тенденции формирования тихоокеанского центра экономики и политики мирового капитализма». Осветив современную расстановку сил в бассейне Тихого океана и охарактеризовав политику важнейших капиталистических государств этого региона, докладчик подробно остановился на развивающихся здесь интеграционных процессах.

В докладе И. А. Лебедева (Ин-т мировой экономики и международных отношений АН СССР) были проанализированы новые моменты в японо-австралийских экономических отношениях. Автор обосновывал тезис о возникновении своего рода экономического комплекса Япония — Австралия, для которого характерна растущая взаимозависимость этих двух стран. Если серьезные затруднения, переживаемые мировым капиталистическим хозяйством, приведут к образованию новых обособленных экономических группировок, рассматриваемый комплекс может стать стержнем регионального блока, который возглавит Япония.

В. И. Иванов (Ин-т востоковедения АН СССР) сделал доклад «Теория „демократического социализма“ как основа экономической политики лейбористов Австралии». Автор проанализировал теоретические установки идеологов австралийского лейборизма и их отражение в практической деятельности лейбористской партии и в политике сформированного ею правительства.

Во многих докладах, представленных на конференции, затрагивались этнографические проблематика и связанные с нею вопросы.

Так, в докладе В. Р. Кабо (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) рассматривались дискуссионные проблемы происхождения и древнейшего прошлого народов, населяющих прибрежные области Северо-Восточной Азии и некоторые острова северной части Тихого океана (айнов, нивхов, ительменов и др.). На основании комплексного использования данных археологии, антропологии и этнографии докладчик сделал попытку проследить австрало-океанийско-дальневосточные культурные и этнические связи, восходящие к той далекой эпохе, когда Юго-Восточную Азию и Океанию населяли протоавстралоиды. В. Р. Кабо полагает, что большая тихоокеанская культурная общность простиралась тогда от Австралии до Приморья и что позднее, в эпоху дзёмон,

¹ О предыдущих конференциях см.: «Сов. этнография», 1968, № 6; 1969, № 5; 1970, № 6; 1971, № 5; 1974, № 3.

новая этнокультурная общность, генетически связанная с первой, охватывала территорию Японии, Сахалина, нижнего Амура и Приморья, а возможно, простиралась по цепи Курильских островов вплоть до Камчатки. По мнению автора, развиваемая им концепция может объяснить глубокие культурные взаимосвязи, характерные для всего этого обширного ареала.

Д. Д. Тумаркин (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) выступил с докладом «Науру: проблемы и перспективы». В докладе были широко использованы полевые материалы, собранные автором во время посещения этого островного государства на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев». Массовая добыча фосфоритов принесла науранцам материальное благосостояние, но вместе с тем способствовала подрыву и разрушению их традиционного жизненного уклада и самобытной культуры. При нынешних темпах добычи через 20 лет все залежи фосфоритов будут исчерпаны, причем более четырех пятых поверхности этого маленького острова превратится в бесплодную пустыню. Правительство Науру начало осуществлять экономические проекты, призванные возместить утрату в недалеком будущем основного источника доходов. Но, как отметил докладчик, восстановление здесь среды обитания в широких масштабах едва ли осуществимо.

Тема доклада В. П. Николаева (Ин-т востоковедения АН СССР) — «Социальные изменения в тихоокеанских владениях США». Кратко охарактеризовав уровень социально-экономического развития полинезийцев Восточного Самоа, микронезийцев подопечной территории Тихоокеанские острова и населения о. Гуам ко времени установления здесь американского колониального режима, автор проследил вызревание на этих островах капиталистической социальной структуры. По мере размывания традиционного полунатурального уклада развивается мелкотоварный уклад, появляются торговцы и владельцы небольших предприятий. Значительная часть самостоятельного населения трудится на предприятиях, принадлежащих американским капиталистам, обслуживает военные базы, работает по найму у администрации. В деревнях (за исключением Гуама) еще сохранились архаические социальные слои — рядовые общинники и вожди. Но ведущей тенденцией является трансформация вождей в служащих администрации и частных предпринимателей, а крестьян-общинников — в наемных рабочих и мелких фермеров.

Б. Н. Путилов (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в своем докладе показал тесную связь песенного фольклора новогвинейской деревни Бонгу (Берег Маклая) с обрядовой системой, производственно-магической практикой и комплексом представлений, характерными для первобытнородового коллектива. Эта связь выражается в функциональном назначении песен, в характере их исполнения, в текстовом содержании и образности. В частности, песенные тексты, внешне предельно простые, обнаруживают свою глубину и значительность при выявлении их обрядовой обусловленности и магической направленности. Сравнительный анализ бонгуанских песен показывает их историко-типологическую общность с папуасским фольклором других районов Новой Гвинеи.

Доклад И. К. Федоровой (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) был посвящен анализу языка различных фольклорных памятников обитателей о. Пасхи (Рапануи), в том числе текстов из рукописей, обнаруженных Т. Хейердалом. Это позволило автору выявить некоторые особенности исторического развития рапануйского языка. Анализ, в частности, показал, что в рапануйском языке, имеющем генетическое родство с другими малайско-полинезийскими языками, нет неполинезийского субстрата. По мнению И. К. Федоровой, не поиск такого субстрата, а кропотливое изучение фольклорных текстов, относящихся к ранним периодам истории рапануйского языка, поможет исследователям понять и изучить дощечки с письменами кохау ронгоронго.

В докладе А. А. Леонтьева (Ин-т языкознания АН СССР) анализировался социолингвистический статус неомеланезийского языка (пиджин инглиш Новой Гвинеи) и рассматривались перспективы его использования в различных сферах общения. Автор пришел к выводу, что неомеланезийский язык имеет реальные шансы стать (наряду с английским) одним из национальных языков независимого государства Папуа — Новая Гвинея, хотя и в этом случае его социолингвистические функции не могут не быть ограниченными. Значительная часть доклада была посвящена характеристике неомеланезийского языка с точки зрения его внутренних потенций.

М. А. Журинская (Ин-т языкознания АН СССР) сделала доклад «Именные possessивные конструкции в меланезийских языках». При этом основное внимание было обращено на конструкции так называемой неотторжимой принадлежности. Их историко-социологическая интерпретация, предложенная в свое время Л. Леви-Брюлем, не может быть признана достоверной как в силу неправомерности отождествления форм языка и мышления, так и в результате анализа языковых данных. В докладе уточнялась собственно лингвистическая интерпретация рассматриваемого явления и намечались пути его дальнейшего изучения, в том числе и в общезыковедческом плане.

Л. Г. Стефанчук (Ин-т востоковедения АН СССР) выступила с докладом «Изменение колониальной политики в сфере просвещения в 60-е годы (на примере Папуа—Новой Гвинеи)». В докладе отмечалось, что вместо политики замедленного распространения начального образования австралийская администрация этой территории взяла в 60-х годах курс на постепенное создание системы среднего, профессионально-технического и высшего образования. По мнению автора, такое изменение политики властей объяснялось неизмеримо возросшей потребностью колониальной администрации в местных квалифицированных кадрах, усилившейся тягой коренного населения к знаниям и давлением со стороны международной общественности.

Два доклада представили филологи-австраловеды: М. Г. Григорьева (МГУ) рассказала о творческом пути А. Л. Гордона (вторая треть XIX в.), отражающем возникновение австралийской национальной поэзии, а О. В. Родзевич (Ин-т литературы АН СССР) проанализировала австралийский социальный роман 1930-х годов на примере творчества В. Палмера.

Доклад С. С. Мастыкиной (МГУ) «Проблемы этнографии Австралии и Океании в советской исторической литературе 30-х годов» носил историографический характер. В нем были проанализированы соответствующие публикации в журналах «Проблемы истории докапиталистических обществ» и «Советская этнография», рассказано о трудах С. А. Токарева, Е. Ю. Кричевского, В. И. Равдоникаса, И. И. Винникова, А. М. Золотарева и ряда других исследователей.

В сообщении П. Н. Нурмекунда (Тартуский гос. ун-т) были приведены любопытные факты о зарождении в середине XIX в. эстонской океанистики.

В заключение был показан цветной документальный фильм «К берегам далекой Океании» (автор сценария А. А. Ажсенов, режиссер и оператор В. Г. Рыжлин, оператор А. Н. Попов), снятый во время экспедиции 1971 г. на «Дмитрии Менделееве».

Заседания конференции проходили при большой активности присутствующих. По ряду докладов развернулись оживленные прения, причем некоторые их участники, по существу, сделали самостоятельные сообщения.

К сожалению, на этой конференции, как и на предыдущей, не были представлены быстро развивающиеся научные центры Сибири и Дальнего Востока.

Материалы конференции будут изданы отдельным сборником.

Д. Д. Тумаркин

СИМПОЗИУМ «КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Симпозиум состоялся в Ленинграде 18—19 июня 1974 г. Он был организован Научным советом по комплексному изучению истории мировой культуры при Президиуме АН СССР, в организации его принимали участие Институт этнографии АН СССР, Институт археологии АН СССР и Институт философии и права АН Армянской ССР. Кроме того, в работе симпозиума участвовали этнографы, археологи и философы других учреждений Москвы, Ленинграда, Еревана, Свердловска и других городов. Два дня работы симпозиума были посвящены обсуждению докладов Э. С. Маркаряна, Ю. В. Бромлея и Ю. Н. Захарука и дискуссии по затронутым ими проблемам, причем

тексты докладов не зачитывались, так как участники заседаний были ознакомлены с ними заранее.

Со вступительным словом на симпозиуме выступил академик Б. Б. Пиотровский, который указал на важность затронутых в докладах вопросов.

Программа симпозиума включала обсуждение следующих проблем: 1) общая характеристика культурологического подхода к общественным явлениям; 2) культура как предмет этнографических и археологических исследований; 3) проблема культурно-исторической типологии.

В докладе «О специфике культурологического рассмотрения общественных явлений» Э. С. Маркарян, касаясь проблемы соотношения культурологического и социологического знания, обратил внимание на трудности, возникающие при вычленении из социального целого предмета исследования культурологии, ибо культуру необходимо не только рассматривать в качестве особого измерения общества, но и выделить ее в ряду других измерений.

Формулируя определение культуры как «специфического способа человеческой деятельности», Э. С. Маркарян обратил внимание на отсутствие в прежних попытках определения культуры понятия «деятельность», что является, по его мнению, причиной их неудовлетворительности.

Э. С. Маркарян поставил вопрос о проблеме понимания культуры как общего адаптивного механизма общества. Общество предстает в этом плане как «универсальная адаптивно-адаптирующая система», а история культуры — как адаптация к изменяющимся условиям среды путем выработки различных форм человеческого существования. Данное определение культуры предполагает «систему специфических средств и механизмов, благодаря которым люди (в отличие от чисто биологических систем) решают свои проблемы».

Говоря об «аксиологической» и «дезаксиологической» трактовках культуры, Э. С. Маркарян указал на то, что они не являются взаимоисключающими. Каждая из двух трактовок имеет право на существование в зависимости от целей, которые ставит перед собой исследователь: гуманитарно-воспитательные и управленческие задачи требуют «аксиологического» подхода, научно-исследовательские — «дезаксиологического».

Касаясь деления культуры на материальную и духовную, Э. С. Маркарян отметил, что в основе такого деления должно лежать функциональное основание. В соответствии с двумя функциями культуры одни ее элементы направлены на биофизическую среду, включая и человека, а другие — на духовный мир людей, их сознание и психику в целом, при этом некоторые элементы культуры могут выполнять роль и «материальных», и «духовных».

Э. С. Маркарян считает, что в соответствии с двумя уровнями исследования должны быть выделены общая и конкретная историческая культурологии. Первая займется изучением общих свойств культуры. Вторая же — исследованием исторически данных культур.

Но исследование «исторически данных культур» требует двух уровней абстракции, на одном из которых изучаются «общие исторические типы культур», а на другом — «локальные исторические типы культур». Смещение этих двух аспектов исследования недопустимо; необходимо, по мнению автора доклада, их умелое сочетание.

Наконец, касаясь соотношения культуры как специфического способа человеческой деятельности со способом общественного производства, Э. С. Маркарян указал, что понятие общественно-экономической формации помогает установить «критерии однотипности и разнотипности культурно-исторических систем в зависимости от занимаемого ими места в развитии мировой культуры».

Ю. В. Бромлей представил на обсуждение доклад «Культура как предмет этнографических исследований». Автор отметил, что для решения сформулированной в названии проблемы необходимо выяснить: 1) что такое культура; 2) какова предметная область этнографии.

Исходя из деления человеческой деятельности на сферу производства и сферу потребления, Ю. В. Бромлей выделил последнюю, обозначаемую обычно термином «быт». Относящиеся к этой сфере компоненты культуры и объединяются понятием «бытовая культура». Последняя противопоставляется «профессиональной» культуре (относящейся к специализированному производству). Автор отметил, что на ранних стадиях развития об-

щества производственная и бытовая культуры едины и лишь впоследствии происходит их расчленение.

Далее докладчик перешел к рассмотрению вопроса о предмете и объекте этнографии. Опираясь на укрепляющееся ныне представление, что объектом этнографии являются этносы, он указал, что культура изучается здесь в аспекте ее функционирования в рамках этносов. Но поскольку культуру этносов изучают многие науки, автор предлагает ввести критерий для определения предмета этнографии. Таким критерием, по его мнению, может служить этническая специфика. В результате в поле зрения этнографа оказываются те компоненты культуры, которые выполняют этнические функции, т. е. функции внутриэтнической интеграции и межэтнической дифференциации, осуществляемые, помимо языка, традиционно-бытовыми компонентами культуры.

Отмечая значение анализа внутренней структуры этнических общностей, Ю. В. Бромлей говорил о важности и другого, ареального аспекта исследования, ибо судить о выполнении каким-то элементом культуры этноса этнических функций можно, лишь зная его пространственное распространение.

В докладе «Некоторые проблемы культуры и археология» Ю. Н. Захарук, принимая в основном определение культуры, предложенное Э. С. Маркаряном, настаивал на включении в это определение «результатов человеческой деятельности» и подчеркивал, что это с позиции археологии весьма существенно. Формула культуры, по его мнению, выглядит так: $K(D \rightarrow P)$, где K — культура, D — деятельность и P — результаты. Автор призывал учитывать различную природу составляющих культуру компонентов: D относится к категории процессов, а P — «к категории вещей, вещному миру».

Ю. Н. Захарук предложил также формулу ИД (исторической действительности): $ID = O \cdot S \cdot K(D \rightarrow P)$, где S — общество, а O — природа, «являющаяся условием существования общества и функционирования культуры». Движущей силой этой «супер-системы связей, состояний и т. д.» является D , а носителем — S .

Ю. Н. Захарук призвал различать НИД (N — настоящая) и ПИД (P — прошлая). Конкретные феномены ПИД остаются в НИД в виде следов. Эти следы являются историческими источниками, от которых исследователи движутся к P , о них к D и K в целом и уже от последней — к изучению общества.

Автор доклада обратил внимание на существенное отличие феномена культуры от археологической культуры, которая характеризуется статичностью, изолированностью составляющих ее компонентов, неполнотой, фрагментарностью, нередко — компрессией (смещением в едином комплексе разновременных и разнокультурных объектов). Археологическая культура, по мнению Ю. Н. Захарука, как правило, совпадает с этносом.

Обсуждение докладов и дискуссия в основном свелись к нескольким проблемам. Прежде всего, обсуждению подверглось само определение культуры, предложенное Э. С. Маркаряном. При этом были высказаны различные точки зрения на это сложное и многогранное явление. Так, по мнению В. М. Межуева, культура — это «способность людей связываться друг с другом не на уровне норм, а на уровне смысла, что с точки зрения биологической нелогично». По мнению А. С. Мыльникова, культура — это «совокупность духовных потребительных ценностей как продуктов духовного (нематериального) производства, отражающих, выражающих и объективирующих общественное сознание и формируемых в конечном счете под воздействием материального производства».

Довольно большие споры вызвало определение «специфический способ деятельности», против которого возражали, например, С. А. Токарев и Г. Е. Арешьян. Ряд выступавших (Н. Н. Чебоксаров, С. А. Токарев и др.) предлагали включить в определение культуры «результат деятельности», который Э. С. Маркарян рассматривает как компонент «способа деятельности». В то же время большинство участников (С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, И. С. Кон, А. М. Хазанов и др.) с теми или иными оговорками приняли определение Э. С. Маркаряна.

Следующая проблема, затронутая в обсуждении, — культура как внебиологический феномен. На важность выяснения соотношения биологического и социального указывали Н. Н. Чебоксаров, С. А. Арутюнов и др. Так, С. А. Арутюнов высказал мнение, что между культурой и некультурой нет резкой границы. По мнению Л. С. Клейна, слабое место концепции Э. С. Маркаряна заключается в том, что он за основу разгра-

ничения биологических и культурных явлений принял тип организации, ибо это порождает лишь новые проблемы (например, проблему критерия отличия общества от стада).

Отвечая выступавшим, Э. С. Маркарян указал, что из внебиологического характера культуры вовсе не вытекает отсутствие ее зависимости от биологических факторов, что существует, так сказать, «биологическая предопределенность» феномена культуры, который возник как «определенный общий механизм, направленный на поддержание определенного биологического вида».

В то время как одни выступавшие считали само собой разумеющимся понимание культуры как механизма адаптации к среде, у других это вызвало резкие возражения (В. М. Межуев и др.).

Обсуждению подверглась и проблема «аксиологического» и «дезаксиологического» подхода к культуре. Здесь оппонентом большинства участников симпозиума выступил Л. Л. Челидзе, настаивавший на невключении в понятие «культура» так называемых отрицательных явлений общественной жизни. Эта точка зрения не нашла поддержки у других выступавших (Ю. В. Бромлей, А. М. Хазанов, М. А. Членов).

Некоторые из участников симпозиума выражали свое согласие с принципом, по которому Э. С. Маркарян разграничивает духовную и материальную культуру. Других же выступавших изложенное в докладе обоснование этого критерия не удовлетворило. Так, по мнению Л. С. Клейна, уязвимое место имеется в предложении устанавливать «доминантную функцию» тех или иных элементов культуры, ибо это возможно далеко не всегда.

С. А. Токарев в своем выступлении предостерег участников симпозиума от опасности, которая заключается в отрыве от реальности, от познавательных целей и переключении внимания с действительности на изучение наших понятий о ней. Признавая важность поставленных в докладе Э. С. Маркаряна проблем, С. А. Токарев указал на то, что исследование в данном случае «превращается в разговор об общих понятиях, дефинициях, а последний — в самоцель».

Иная точка зрения содержалась в выступлении Н. Н. Чебоксарова, который говорил о нужности дискуссии подобного рода, ибо много ошибок и различных недоразумений происходит в результате разного понимания одних и тех же терминов.

На симпозиуме были подняты также проблемы, связанные с культурно-исторической типологией. Из них наиболее оживленному обсуждению, пожалуй, подвергся вопрос о соотношении археологической культуры и этноса. В то время как Ю. Н. Захарук полагал, что археологическая культура, как правило, совпадает с этносом, его оппоненты выражали в этом сомнение (Б. Б. Пиотровский, Н. Н. Чебоксаров, А. С. Клейн, А. М. Хазанов, М. Г. Рабинович). Некоторые выступавшие остановились на соотношении археологической культуры, с одной стороны, и хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических (или историко-культурных) областей — с другой.

Обсуждению подверглись также вопросы, связанные с разработкой таких понятий, как хозяйственно-культурный тип (ХКТ) и историко-этнографическая область (ИЭО). Если Н. Н. Чебоксаров считает и то, и другое локальными историческими типами, то Э. С. Маркарян, соглашаясь с таким определением ИЭО, настаивает на признании ХКТ общей исторической формой.

Мнения разделились и по вопросу о соотношении предметных областей археологии и этнографии — вопросу, на котором останавливались многие участники обсуждения (Г. Е. Арешьян, Ю. И. Мкртумян, Ю. Н. Захарук, М. А. Членов, Ю. В. Маретин, В. Р. Кабо, С. А. Арутюнов). У Ю. Н. Захарука археология фактически свелась к палеоэтнографии (по выражению Ю. В. Маретина), но ряд выступавших (М. Г. Рабинович и др.) не согласились с этой точкой зрения. По мнению М. А. Членова, например, попытки построить высший надкультурный уровень, где на широком фронте соприкасаются археология и этнография, не очень плодотворны, а контактируют эти науки лишь в сравнительно небольшом секторе.

В выступлениях некоторых этнографов (Ю. В. Бромлей, М. Г. Рабинович) прозвучало сожаление по поводу того, что не всегда философы и археологи достаточно хорошо знакомы с проблематикой и теоретическими исследованиями в этнографии.

В целом симпозиум показал необходимость и плодотворность междисциплинарной исследовательской кооперации в изучении проблем культуры.

А. Н. Кожановский

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АТЕИЗМ И ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

18 октября 1974 г. методологический семинар Института археологии АН СССР совместно с Методическим советом по научно-атеистической пропаганде при Черемушкинском РК КПСС г. Москвы провел научно-теоретическую конференцию «Атеизм и проблемы происхождения человечества». Основной ее задачей было проанализировать новейшие данные о происхождении и древнейшем прошлом человечества в связи с задачами антирелигиозной пропаганды.

Конференцию открыл акад. Б. А. Рыбаков. В своем вступительном слове он отметил большую мировоззренческую важность поставленных проблем. Б. А. Рыбаков подчеркнул, что за последнее время знания о происхождении человечества и его древнейшей культуре значительно обогатились, и необходимо, чтобы наши пропагандисты и лекторы по атеизму овладели ими и умели правильно их интерпретировать.

Первый доклад на тему «Генетика и происхождение человека» был сделан акад. Н. П. Дубининым. В нем был высказан, по определению самого докладчика, ряд дискуссионных положений. По мнению Н. П. Дубинина, возникновение человека — не результат закономерного процесса, реакции на длительное давление отбора, а напротив, следствие случайной, внезапной и неожиданной мутации, приведшей к вспышке искры сознания. Возникновение сознания стало тем скачком, который отделил человека или, точнее, еще предчеловека от животных. Сущность этого отличия заключалась в том, что у животных поведение и психика непосредственно зависят от среды, у человека же в результате мутации появляется внутренняя мотивация акцептора решения, т. е. решение может быть принято без функциональной связи со средой. Что касается роли труда в процессе антропогенеза, то, по мнению Н. П. Дубинина, он наложился на уже возникшее сознание. Без этого труд, элементы которого есть и у животных, не привел бы к возникновению человека.

С появлением сознания, по мнению докладчика, начинается особая «гармонизирующая» эволюция, в ходе которой физические особенности человека преобразуются в соответствии с его внутренними потребностями, и таким путем ликвидируется первоначальная дисгармония сознания человека с его обликом. Окончание этого процесса означает второй крупный скачок, знаменующийся появлением человека современного типа. В дальнейшем биологическая природа человека больше не меняется, наследование осуществляется только социально.

Мнение Н. П. Дубинина едва ли может считаться убедительным. В современной советской генетике высказываются и прямо противоположные взгляды относительно зависимости между высшими формами поведения и психической деятельности животных и человеческим разумом. В частности, в работах Л. В. Крушинского хорошо, на наш взгляд, обоснованы идеи, согласно которым уже у животных существует элементарная рассудочная деятельность, взаимопомощь, альтруистические акты поведения и т. п., и появление человека рассматривается не как результат внезапной случайной мутации, а как логическое завершение существующей уже у высших позвоночных системы взаимостимулирующей связи между степенью развития рассудочной деятельности и групповыми отношениями¹. Следует отметить, что и в докладах В. П. Алексеева (Ин-т этнографии АН СССР) и Г. Н. Матюшина (Ин-т археологии АН СССР) на данной конференции были высказаны точки зрения, противоположные сформулированной Н. П. Дубининым.

Кроме того, хорошо известны господствующие в советской антропологии и истории первобытного общества положения о решающей роли трудовой деятельности.

Выступившая вслед за Н. П. Дубининым И. К. Иванова (Ин-т геологии АН СССР) сделала доклад «О геологическом возрасте ископаемого человека». Она посвятила его обзору новых палеоантропологических открытий, определению их геологического возраста и особенностям природных условий, в которых жили гоминоиды и древ-

¹ Л. В. Крушинский, Роль элементарной рассудочной деятельности в эволюции групповых отношений животных, «Вопросы философии», 1973, № 11, стр. 128.

нейшие гоминиды. И. К. Иванова отметила, что процесс гоминизации шел как в Южной Азии, так и в Восточной приэкваториальной Африке, но в первой из названных областей он прервался уже на начальном этапе в результате неблагоприятного изменения природных условий в конце миоцена и особенно в плиоцене. Напротив, в Восточной Африке, и прежде всего в Восточной рифтовой зоне к югу от озера Виктория, в течение многих миллионов лет существовали стабильные благоприятные климатические условия, не препятствовавшие развитию органической жизни. Для этой области был характерен мозаичный ландшафт, сочетавший тропические леса, саванны, кустарниковые и болотные заросли и очень разнообразный и многочисленный животный мир. В то же время ряд факторов осложнял существование живших здесь гоминоидов. Им было трудно бороться с крупными животными; частые извержения вулканов и наводнения нарушали привычный образ жизни, лишали их привычной пищи, требовали новых форм приспособления к среде. Все это служило стимулом для развития и в конце концов привело к возникновению здесь человека. Таким образом, по мнению И. К. Ивановой, «...природные условия... в значительной степени определили место и время становления гоминид». В дальнейшем ходе процесса антропогенеза природная обстановка постепенно теряет свое значение.

И. К. Ивановой были проанализированы условия обнаружения конкретных палеоантропологических находок и оценивался их возраст.

В. П. Алексеев в докладе «Антропологические вопросы в происхождении человека» развивал мысль о большом расхождении эволюционных линий человека и человекообразных обезьян. О них можно говорить лишь как о дальних родственниках, у которых вымерли промежуточные ветви. В настоящее время не вызывает сомнения, что эволюционная ветвь, ведущая к гоминидам, выделилась не менее 12—14 млн. лет назад, а 4—5 млн. лет назад сформировалось семейство гоминид, куда входит и современное человечество со своими ископаемыми ближайшими предшественниками.

Обращаясь к вопросу о прародине человечества, докладчик подчеркнул, что в свете новых находок в Восточной Африке азиатская гипотеза прародины человечества кажется теперь гораздо менее убедительной как с фактической, так и с теоретической стороны, чем африканская. В этой связи В. П. Алексеев говорил о том, что не только в Азии, но и в Африке распространены открытые скальные ландшафты, благоприятные для процесса очеловечивания.

Большое внимание было уделено в докладе и культурным аспектам проблемы антропогенеза и прежде всего проблеме древности трудовой деятельности. Докладчик подчеркнул, что хотя древнейшие из ныне известных находок орудий вдвое моложе, чем время формирования семейства гоминид, а именно датируются 2,6—2,1 млн. лет назад, это не означает разрыва между формированием гоминид и появлением трудовой деятельности. Тесная взаимосвязь между этапами морфологического развития древнейших предков человека и прогрессом орудий труда позволяет утверждать, что трудовой фактор целиком определяет поступательное движение человечества с самых ранних этапов, а древнейшие орудия просто еще не найдены.

Г. Н. Матюшин в докладе «К вопросу о причинах возникновения и роли общественно-трудовой деятельности в процессе антропогенеза» полемизировал со взглядами тех буржуазных ученых, которые полагают, что новые открытия опровергают теорию Энгельса о происхождении человека. Докладчик дал краткий обзор новых данных об использовании орудий обезьянами и наличии у них элементов социальной организации, о роли крупных мутаций в процессе антропогенеза и их возможных причинах, в частности повышенной радиации, и, наконец, о влиянии на антропогенез космических явлений — изменений (инверсий) магнитного поля Земли. Анализируя все эти данные с материалистических позиций, Г. Н. Матюшин пришел к следующим основным выводам: «...интенсивная вулканическая активность, усиление сейсмичности, крупных подвижек земной коры... и т. п. привело к обнажению крупных месторождений урановых руд и создало в Восточной и Южной Африке зону повышенной радиации. Совпадение этого процесса с геомагнитными инверсиями, усилившими общепланетарный фон ионизирующего излучения и ослабление магнитного поля Земли, привели к появлению крупных мутаций у гоминид, обитавших в Восточной и Южной Африке. За десятки тысяч лет инверсий хроническое действие всех отмеченных факторов привело к появлению гоминид нового типа, изменившихся в процессе мутаций настолько, что они уже

потеряли возможность существования за счет чисто животных средств для существования и вынуждены были перейти к систематическому применению орудий и их изготовлению».

П. И. Борисковский (Ин-т археологии АН СССР, Ленинград) в докладе «Новые открытия в области палеолита и проблема безрелигиозного периода» подчеркнул, что за последние 15 лет археологам пришлось по многим вопросам пересмотреть устоявшиеся представления. Еще не так давно считалось, что резцы и скребки возникли не ранее позднего ашеля, а теперь обнаружены резцы, скребки, обработанные кости, которые относятся к олдувайской эпохе, т. е. к дошеллю по прежней классификации. Обнаружены остатки жилищ этой же эпохи; ранее появление жилищ датировалось верхним палеолитом. Значительно более древними, чем это считалось, оказались и первые следы религиозных представлений. В этой связи докладчик упомянул находку тайника с черепами пещерного медведя в позднеашельском слое Азыжской пещеры в Азербайджане, погребения костей бурого медведя в мустьерском слое пещеры Регурду во Франции и ранее открытые погребения медведей в мустье Драхенлоха и других альпийских пещер, бросание катышей в изображение человека в Базау, пирамиду из каменных сфероидов в мустье Туниса и другие находки. Из всего этого П. И. Борисковский сделал закономерный вывод, что техника и культура древнейших людей уже в нижнем палеолите оказались несравненно более развитыми, чем представлялось ранее, и что, в частности, первые проявления религии относятся к среднему или позднему ашелю. Однако из этого, как подчеркнул докладчик, никак не вытекает извечность религии, просто граница ее возникновения, разделяющая безрелигиозный и религиозный ее периоды, отодвинулась в более древнюю эпоху. По мнению П. И. Борисковского, она проходит между олдувайской эпохой и последующим временем. Люди олдувая в отличие от их ашельских потомков не умели ни добывать огонь, ни пользоваться им, в их жилищах не было ни очагов, ни мастерских. Нет у олдувайцев и следов религиозных верований. Таким образом, новые открытия в археологии не опровергают наших представлений о наличии дорелигиозного периода в истории человечества.

Докладом П. И. Борисковского закончилась эта интересная конференция, ставшая важным шагом на пути обобщения и осмысления новых открытий в области генетики, археологии, палеоантропологии и других наук, занимающихся происхождением и древнейшим прошлым человечества.

Л. А. Файнберг

ВСТРЕЧА СЛАВИСТОВ В ЮГОСЛАВИИ

По приглашению Международного славистического центра (МСЦ) Социалистической Республики Сербии автор этих строк принял участие в IV Международной научной встрече славистов, проходившей в Белграде и Новом Саде в сентябре 1974 г.

МСЦ был организован несколько лет назад объединенными усилиями ученых-славистов филологического факультета Белградского университета, философских факультетов университетов в Новом Саде и Приштине и Комиссии Республиканского исполнительного веча Сербии по сотрудничеству с зарубежными странами в области культуры, науки и образования. Среди славистических научных организаций Европы МСЦ пользуется заслуженной известностью и авторитетом, ежегодно он проводит семинары для молодых славистов и студентов зарубежных стран, а также международные научные встречи по проблемам лингвистики, литературы и фольклора. Результаты этих встреч отражаются в специальных годичных сборниках (в настоящее время издано три сборника) ¹.

¹ «Научни састанак слависта у Вукове дане». Реферати и саопштења, 1—3, Београд, 1972—1974.

Главная тема IV Международной встречи славистов — «Югославская народная словесность в мировой литературе». Организаторы встречи нашли для обсуждения этой темы очень удачный повод: двести лет назад вышла книга аббата А. Фортиса «Путешествие по Далмации», в которой была опубликована на сербскохорватском языке и в итальянском переводе народная баллада «Хасанагиница». Баллада имела шумный успех в Европе — ее вскоре перевел на немецкий язык Гете, затем появились переводы на английский, французский и другие языки. В России «Хасанагиницу» переводили А. Х. Востоков и А. С. Пушкин. Таким образом, двести лет назад произошло первое знакомство новой европейской литературы с южнославянской народной поэзией. Естественно, что тема, предложенная МСЦ, вызвала широкий интерес, и с докладами на Белградском симпозиуме выступили ученые из Австрии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, ГДР, Дании, Италии, СССР, США, Франции, ФРГ, Швеции и других стран.

На симпозиуме говорили прежде всего о «Хасанагинице» — о самой балладе и о ее многочисленных переводах, переложениях, отголосках в европейских и североамериканской литературах.

Удивительная судьба у этой баллады! О ней написано, как уверяют специалисты, более двух тысяч статей и заметок; во многих литературах Европы ее переводы относятся к самым поэтическим творениям; по мотивам баллады созданы картины; в театрах Югославии ставят ее инсценировки (участникам симпозиума был показан спектакль Белградского народного театра по пьесе Л. Симовича). «Хасанагиницу» можно услышать и сейчас в исполнении народных певцов, однако надо иметь в виду, что исполнение это идет не от живой народной традиции, а от позднейшего влияния книги. Несколько поколений югославских фольклористов безуспешно пытались записать «подлинную» «Хасанагиницу». Похоже, что это удалось сделать лишь однажды — безвестному собирателю, чей текст попал в руки итальянского путешественника по Далмации.

В «Хасанагинице» есть все, что может увлечь поэта, ученого, просто любителя народной поэзии: острый балладный сюжет с драматической семейной коллизией; психологически глубокий и необыкновенно трогательный образ героини; картины сурового быта; загадочность некоторых ситуаций и необъясненность мотивов поведения героев; проблематичность реально-исторических связей.

На симпозиуме снова и снова предпринимались попытки объяснения «темных» мест баллады, комментировались реалии и мотивы, анализировались и сопоставлялись тексты (В. Недич — «Двести лет изучения „Хасанагиницы“», М. Пантич — «Проблема „Хасанагиницы“ в записях И. Мештровича и М. Мурко»; Ж. Ружич — «Версификация „Хасанагиницы“»; П. Ивич и А. Младенович — «Филологические замечания к „Хасанагинице“»; Р. Пешич — «Вопросы об историчности Хасанаги и Хасанагиницы»; П. Влахович — «Образ матери в „Хасанагинице“»; Н. Килибарда — «Характер трагической вины в „Хасанагинице“ Фортиса»; М. Ризвич — «Социальные аспекты баллады о „Хасанагинице“»).

Серия докладов была посвящена переводам «Хасанагиницы» и других народных баллад: К. Давидсон — «„Хасанагиница“ в шведской версии»; М. Павлович — «Славянская антитеза во французских переводах „Хасанагиницы“»; Р. Флора — «Румынские переводы „Хасанагиницы“»; Р. Куич — «„Хасанагиница“ в Голландии»; М. Стойнич — «Сербские народные баллады в переводах Анны Ахматовой и Николая Заболоцкого»; С. Пенчич — «„Хасанагиница“ в пушкинском переводе»; М. Анджелич — «„Хасанагиница“ в венгерской литературе»; Е. Милович — «О влиянии „Хасанагиницы“ на немецких поэтов». Доклады Б. Новаковича, В. Вуковича и С. Марковича характеризовали опыты драматизации «Хасанагиницы» писателями Югославии — М. Огризловичем, А. Шантичем, Л. Симовичем.

Среди всех этих выступлений, шедших в общем в русле доброй научной традиции, особое впечатление произвел доклад М. Беговича, поставившего вопрос — как следовало бы объяснить определенные части «Хасанагиницы» с точки зрения шариатского права? Дело в том, что баллада была сложена, скорее всего, в мусульманской среде и отражает характерные для нее быт, отношения и нормы. Докладчик прочитал некоторые части баллады глазами историка обычного права и нашел в нормах шариата вполне удовлетворительные объяснения отдельных сюжетных ее загадок. Так еще раз подтвердилась плодотворность союза фольклористики и этнографии.

Разумеется, симпозиум занимался не одной «Хасанагиницей». В его программу очень удачно вписались доклады по теории и истории народной баллады как жанра (Н. Банашевич — «О проблеме мистификации жанров устной словесности»; Д. Йович — «Некоторые методологические предпосылки изучения языка народной поэзии»; К. Пенушлиски — «Македонская историческая баллада в нашей современности»; Л. Вардьяш — «Роль сербской и хорватской поэзии в теории фольклорной баллады»; Б. Ничев — «Проблемы фольклорной баллады»; О. Вестерхолт — «О нерешенных проблемах изучения югославского эпоса (функции эпической системы)»; И. Деретич — «Гегель о нашей народной поэзии»).

Большой цикл докладов был посвящен различным аспектам темы «Сотрудничество Якова Гримма и Вука Караджича», а также отдельным моментам жизни и деятельности Вука Караджича.

На симпозиуме выступили и советские ученые. В докладе В. П. Гудкова (МГУ) была рассмотрена дискуссия, ведшаяся вокруг работ Вука в русской печати в 40—50-е годы XIX в. Б. Н. Путилов (Институт этнографии АН СССР) представил доклад «Югославянская баллада и русская культура», в котором попытался дать полный обзор переводов и проанализировать основные направления в литературном, культурно-общественном и научном освоении югославянского народного эпоса в России с конца XVIII в. до наших дней.

Международная встреча славистов проходила в дни ежегодного праздника, посвященного Вуку Караджичу, и была включена в его программу наряду со многими другими культурными и художественными мероприятиями. В воскресенье 15 сентября мы приняли участие в главных торжествах, происходивших на родине великого просветителя.

В деревенку Тршич, где восстановлен дом Вука, превращенный теперь в мемориальный музей, приехали, пришли пешком десятки тысяч людей. Еще не так давно в эти глухие места трудно было добраться. Студенты Белградского университета проложили дорогу, привели в порядок все вокруг. На пути из Тршича до Троноша, где учился Вук, они поставили тридцать (по числу букв сербского алфавита от А до Ш) деревянных скрижалей с выжженными на них цитатами из сочинений Караджича и высказываниями о нем. Идя этой дорогой (по ней когда-то маленький Вук ходил в школу), вы словно перелистываете книгу, в которой заложены основы новой сербской культуры. Живописные склоны окружающих Тршич гор превращены в громадный амфитеатр, вмещающий многие тысячи зрителей. Внизу — большая площадка — эстрада, на которой сменяли друг друга ораторы, говорившие о значении Вука Караджича для прошлого и настоящего югославской культуры, артисты, хоровые и танцевальные коллективы. Полуторачасовой концерт, которой передавался по телевидению, был и данью памяти великого просветителя и демонстрацией сегодняшних достижений сербского профессионального и самодеятельного искусства. А рядом шумела ярмарка, готовилось веселое народное гулянье, с непременно традиционным коло, с песнями из разных уголков Сербии.

Впервые мне довелось видеть Вуков день в Тршиче десять лет назад. С тех пор, нимало не утратив своей непосредственности и сердечной веселости, праздник стал еще масштабнее, приобрел особую величественность и культурную значимость.

Один день участники Международной встречи славистов провели в Новом Саде, где были гостями Матицы сербской — старейшего научного и культурно-просветительного учреждения Сербии.

Руководители МСЦ приложили максимум усилий, чтобы встреча славистов 17 стран прошла организованно, содержательно и интересно.

Мы долго будем помнить ту сердечность и доброе гостеприимство, которые сопровождали нас в течение всей работы симпозиума.

Б. Н. Путилов

В 1974 г. фольклористы Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР провели две фольклорные экспедиции, одна из которых работала в западных (Воложинском и Столбцовском), другая — в восточных (Крупском и Березинском) районах Минской области. Цель экспедиций — сбор материалов для многогранного свода белорусского устнопоэтического творчества. Как показало картографирование ранее собранных материалов, эта область — одна из наименее обследованных фольклористами.

Экспедиция сектора фольклора, работавшая в Воложинском и Столбцовском районах, обследовала 10 населенных пунктов и привезла свыше 1500 фольклорных текстов различных жанров и около 500 магнитофонных записей. Среди собранных материалов преобладают лирические песни. Большой интерес представляют записи обрядовой поэзии, особенно хорошо сохранившихся воловчатых песен, составляющих специфику белорусских обрядовых песен весеннего цикла. Записаны также частушки, пословицы, поговорки, загадки.

Участники второй экспедиции (фонолаборатории) работали в 18 населенных пунктах Крупского и Березинского районов. Они записали около 1500 фольклорных текстов разных жанров и сделали свыше 600 магнитофонных записей, в том числе записи инструментальной музыки, танцевальных, свадебных, частушечных мелодий. В собранных материалах особенно широко представлены песни, в том числе и обрядовые: масляничные, весенние, жатвенные, свадебные и родинные (крестинные). Колядок, купальских и осенних песен немного. В Крупском районе было записано несколько хороводов, в том числе «Просо», «Царевна и бояре», «Яшур», и колядная игра «Терешка».

Участники экспедиции записали также пословицы, поговорки, загадки, духовные стихи и заговоры. Особый интерес представляют записи устной прозы — сказок и преданий (свыше 50 текстов). Сказочный эпос представлен сказками о животных, волшебнo-фантастическими и социально-бытовыми. Значительную часть записей составляют произведения детского репертуара. Это, прежде всего, сказки о животных и разновидности сюжета «Мать и падчерица» (АА 480, главным образом 480*В и 480*С), записаны также сказки «Марка

богатый» (АА 461), «Два брата и горе» (АА *735-1), «Об Илье Муромце», «Как поп нанял цыгана косить» и др.

В Березинском р-не мы встретили талантливого сказочника П. А. Акулевича, известного не только в своей деревне. В его репертуаре волшебнo-фантастические и социально-бытовые сказки, анекдоты. Кроме того, П. А. Акулевич любит рассказывать сложенные им стихотворные рассказы о различных событиях из жизни односельчан. Нужно отметить, что сочинение стихотворных произведений в стиле традиционных для белорусской литературы «гупторок» — относительно распространенное и поныне явление, зафиксированное и в других районах Белоруссии.

Современность в экспедиционных материалах отражена главным образом в частушках и песнях самодельных авторов. Так, в дер. Бычин Березинского р-на записана песня, сложенная местным хором коллективом о родном крае, его славных трудовых и боевых традициях. Здесь же была записана песня «У Черного брода», которую, по словам исполнителей, пели партизаны в годы Великой Отечественной войны.

Сейчас экспедиционные материалы обрабатываются, а записи баллад и волшебнo-фантастических сказок уже включены в подготавливаемые к печати очередные тома многогранного издания белорусского фольклора.

К. П. Кабашников

* * *

С 1 ноября по 15 декабря 1974 года сотрудники сектора этнографии Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР работали в Чимбайском, Бирунийском и Турткульском районах Каракалпакской АССР.

Цель экспедиции — сбор полевых материалов к «Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана». В составе экспедиции работали 6 человек: 2 научных сотрудника, художник, фотограф, лаборант и шофер.

Собирались материалы о традиционном земледелии: способах орошения, сборе и

хранении урожая; сельскохозяйственных орудиях, аграрном календаре и связанных с ними обрядах и верованиях, народной агрономии и т. д.

Впервые соби́рался полевой материал о традиционных орудиях охоты и связанных с ней обрядах и верованиях, в настоящее время почти исчезнувших из быта. Их помнят только отдельные представители старшего поколения.

Участники экспедиции собирали также сведения о гончарстве и чугунном литье от потомственных гончаров и литейщиков. Были сфотографированы и зарисованы их мастерские и различные инструменты. Это позволит картографировать распространение гончарного и литейного производства в Каракалпакии. Изучались также связанные с ними верования и обряды, в которых ярко прослеживаются реликты профессиональных культов.

Несомненную ценность представляют материалы по традиционной одежде, жилищу, утвари, пище и связанным с ними обрядам и верованиям. Интересны впервые полученные сведения о способах набойки у каракалпаков в XIX начале XX в. и получении ими красок для тканей из местных растений.

Сняты планы построек различного типа: жилища, мечети, медресе. Сфотографирован и зарисован их декор.

Собраны интересные материалы по традиционной социальной организации и духовной культуре каракалпаков. В частности, обнаружены реликты тайных союзов и возрастных классов. Записаны этногенетические предания и рассказы о переселениях народа, о важнейших исторических событиях, о системе управления в дореволюционной Каракалпакии. Получены данные по традиционной семейно-бытовой обрядности, народной медицине.

Были обнаружены многочисленные свидетельства хозяйственных связей каракалпаков с соседними народами. Так, на основании опроса информаторов была составлена картосхема направлений торговых путей и основных остановочных пунктов (караван-сараев).

Участниками экспедиции заснято около 650 кадров черно-белой и цветной фотографии, зарисовано свыше 150 различных предметов (изделия из металла и дерева), орнаментов вышивок и приобретено более 50 этнографических экспонатов, относящихся к XVIII—XIX вв.

Полевые записи, фотоматериалы и чертежи обрабатываются, после чего будут сданы в фонд института.

Х. Есбергенов

* * *

С 30 октября по 13 ноября 1974 г. по плану научного сотрудничества между Академией наук МНР и Академией наук СССР была проведена фольклорная экспедиция, в которой приняли участие сотрудники Института мировой литературы АН СССР Б. Л. Рифтин и С. Ю. Неклюдов, и сотрудник Института языка и литературы АН МНР Ч. Догсурэн. Экспедиция была организована Академией наук МНР. В задачи экспедиции входила запись образцов жанра «бэнский улигэр», возникшего в свое время как продукт творческого синтеза монгольской эпической традиции, китайских исторических романов и их монгольских переводов, а также китайского профессионального прозаического сказа.

Работа проходила в г. Мандал-Гоби (Среднегобийский аймак) с двумя сказителями (баринский диалект), профессиональными *хурчи* (певец-музыкант, аккомпанирующий себе на *хучире* — смычковом инструменте, имеющий репертуар определенного типа). Манера исполнения разная: у старшего «эпически спокойная» и сдержанная, у младшего — экспрессивная и театрализованная. Для прослушивания репертуара каждого из них потребовалось бы больше года (при ежедневных «сеансах»), причем одно целое произведение рассчитано примерно на 4-5 недель исполнения, поэтому производилась магнитофонная запись только отдельных завершенных фрагментов «бэнский улигэр». Всего было сделано три таких записи от старшего сказителя (фрагмент сказа «Как Но-чжа появился в мире» — 2 катушки, обе стороны; начало сказа «Девять верных, восемнадцать рыцарей» — 5 катушек, обе стороны; фрагмент сказа по «Троецарствию» — 1 катушка, обе стороны и две записи от младшего (фрагмент «У Сун убивает тигра» из сказа по «Речным заводам» — 1 катушка, обе стороны; фрагмент сказа по «Троецарствию» — 2 катушки, обе стороны). От этого же сказителя было записано два образца китайского прозаического сказа («Как Но-чжа появился в

мире» и отрывок из «Троецарствия» — всего 2 катушки, обе стороны).

Кроме того, были записаны не входящие в обычный репертуар хурчи три песни эпоса о Гэсэре — две от старшего сказителя («О сражении Гэсэра с Гялбан Шар» и «О победе Гэсэра над Галдан-мангусом») и одна от младшего («Как Гялбан Шар появилась в мире») — всего две катушки, обе стороны. Эти записи уникальны, так как устные формы «Гэсэриады» практически почти не встречаются ни во Внешней, ни во Внутренней Монголии; оригинальны и сюжеты, и ряд персонажей записанных песен. Были зафиксированы также все известные данным сказителям образцы «мелодий» и их вариантов, используемые при исполнении «бэнсний улигэр» (всего 20 «образцов» каждый от одного до шести вариантов, примерно полторы катушки). Итого, 15 катушек по 200—250 м (скорость — 9). Наконец, богатый материал (о сказительской «школе», о репертуаре хурчи, об отношении к исполняемым произведениям и пр.) был собран опросным методом.

При первой обработке материалов сразу же были сделаны подробные русские из-

ложения почти всех записанных текстов. В Улан-Баторе сотрудником Института языка и литературы АН МНР Ж. Томорцэрэном вчерне расшифрована первая песнь о Гэсэре — примерно 2 тыс. строк (совместная работа над песнями о Гэсэре Ж. Томорцэрэна и С. Ю. Неклюдова будет продолжена, чтобы дать научную публикацию и русский перевод текстов, снабдив их подробным филологическим исследованием). Подробное сообщение об экспедиции будет в этом году опубликовано в одном из научных периодических изданий.

Распределение мест хранения экспедиционных материалов произведено в соответствии с планами дальнейшей совместной работы над ними. Все записи жанра «бэнсний улигэр» переданы в Институт языка и литературы АН МНР, записи эпоса о Гэсэре, китайских сказов и образцов мелодий (а также рукописные дневники и фотографии) находятся в Москве, у советских участников экспедиции, однако их копии оставлены в Институте языка и литературы АН МНР.

С. Ю. Неклюдов

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НОВЫЕ РАБОТЫ ВЬЕТНАМСКИХ ЭТНОГРАФОВ¹

В Ханое на английском и французском языках издается серия «Вьетнамские исследования». Серия посвящена самым актуальным проблемам истории и экономики Вьетнама, вопросам народного образования. В этой серии уже появились труды этнографического характера — «Горные районы и национальные меньшинства» (вып. 15) и «Традиционный Вьетнам» (вып. 21).

Рецензируемое издание — «Этнографические данные» состоит из двух томов (вып. 32 и 36). Эти два тома дают хорошее представление о достижениях этнографии в ДРВ.

В первый том входят три большие статьи. Вводная статья крупного этнографа и общественного деятеля Ле ван Хао посвящена историографическому обзору развития этнографии в Северном Вьетнаме. Вьетнамские этнографы в самых тяжелых условиях смогли не только выяснить сложный этнический состав ДРВ, но и глубоко изучить этнографию нескольких десятков народов, написать и издать монографические исследования по этим народам, а также целые тома по фольклору и другим аспектам народной жизни.

Ле ван Хао пишет о том чувстве уважения и гордости, которое вызывает у всей вьетнамской интеллигенции благородная деятельность этнографов ДРВ. Он приходит к выводу, что особый интерес к этнографии во Вьетнаме имеет внутреннюю связь со свободолобивым характером вьетнамского народа, с развитым чувством национальной гордости, т. е. с теми психологическими чертами народа, которые сложились в ходе столетий упорного сопротивления иностранным захватчикам и всегда способствовали победе в справедливой борьбе.

Работа Нгуен ты Чи «Очерк мыонгов» — отличное введение в современную этнографию мыонгов, одного из крупных народов Вьетнама, близкородственного вьетам. В этнографической литературе мыонгов часто называют «горцами». Это, как считает автор, неправильно. Мыонги расселяются в узких долинах, земли которых тщательно возделаны под орошаемый рис. Невысокие горы составляют лишь фон мыонгского пейзажа. Поэтому Нгуен ты Чи называет мыонгов «жителями средней части», подразумевая под этим обитание народа в переходной зоне, занимающей среднюю часть между равнинными районами и горными плато и склонами (стр. 58). После точно и изящно написанного очерка географической среды Нгуен ты Чи переходит к описанию жилища мыонгов (стр. 65). Большой интерес представляет описание мыонгского дома и его планировки, в которой перегородка делит все помещение на «внутреннюю» и «внешнюю» стороны. Когда нужно освободить место для проведения обрядов, перегородка вообще снимается (стр. 70). Данный факт заставляет нас вспомнить о японском типе жилища с подвижными перегородками, позволяющими менять его планировку. Это еще одна черта, сближающая японский каркасный столбовой дом со свайными постройками тропических и субтропических районов Юго-Восточной Азии.

Интересен раздел статьи, посвященный костюму. Аналогию женской одежды мыонгов Нгуен ты Чи находит в изображениях на бронзовых барабанах донгшонской эпохи

¹ «Ethnographical Data», vol. 1—2 («Vietnamese Studies», №№ 32, 36), Hanoi, 1972, 1973; «Données ethnographiques», t. 1—2 («Etudes vietnamiennes», №№ 32, 36), Hanoi, 1972, 1973. В нашей рецензии разбор первого тома дается по изданию на английском языке, второго — на французском.

(стр. 79). Хозяйство мыонгов Нгуен ты Чи считает наиболее важным объектом для теоретического анализа (стр. 80). Наряду с орошаемым долинным и террасным рисоводством мыонги знают и подсечно-огневое земледелие, ныне практикуемое, правда, в небольших масштабах. Несмотря на это, оно существенно отразилось на ритуалах мыонгов (стр. 82—84). Все, что относится к подсечно-огневому земледелию, резко отличается от того, что связано с орошаемым. Жатвенный нож *найтом* используется только на подсечных полях, на орошаемых — только серп *кайхай*. Во многих аграрных и брачных обрядах найтом играет ритуальную роль (стр. 62—83). Рассматривая основное занятие мыонгов — поливное пашенное земледелие, Нгуен ты Чи делает правильный вывод, что пашенное земледелие у народов Северного Вьетнама имеет глубокую древность и что это не подтверждает точку зрения о заимствовании плуга у китайцев (стр. 96—98).

Интересные данные Нгуен ты Чи приводит относительно общественного строя мыонгов в прошлом, хотя при этом он использует не совсем четкую терминологию. Основной общественно-хозяйственной ячейкой мыонгов была малая семья, где главенствовал мужчина. Мыонги отличаются тем, что у них не обнаружено никаких следов более древних родоплеменных институтов (стр. 103). В целом социально-экономический строй мыонгов до революции характеризовался, по автору, «разделением общества на касты на основе коллективной собственности на землю» (стр. 109). Небольшой привилегированный слой (*ланг*, женщины из семей лангов назывались *нанг*) образовался из лиц, распорядившихся землями общины. Нгуен ты Чи отмечает устойчивость родственных связей в общинной верхушке как одну из сторон в процессе превращения этого слоя в правящий класс. В каждой деревушке был свой ланг из младшей ветви семьи лангов, подчинявшийся лангу, возглавлявшему всю долину. Полная аналогия этой структуре имеется у тхай, где мы также находим деревни (*бан*), объединенные в округу (*мыонг*). Эксплуатация со стороны лангов покоилась, как считает Нгуен ты Чи, не на частной земельной собственности, а на праве распределять общинные поливные поля (стр. 116). Эту черту автор объясняет тем, что классовое расслоение у мыонгов не разрушило общину, а сказалось в подчинении ее частным интересам верхушки (стр. 117). Последнее положение заслуживает серьезного внимания, хотя возражение вызывает отрицание роли частной собственности. На наш взгляд, отношения между лангами и общинниками можно рассматривать как основанные на феодальной частной собственности на орошаемые земли и коллективной зависимости общин. Справедливо определив характер собственности в старом обществе мыонгов, Нгуен ты Чи едва ли прав в другом. Ссылаясь на монополию лангов в распределении общинных земель и на их привилегии как глав общин, автор характеризует эксплуатацию со стороны лангов как внеэкономическую по происхождению (стр. 117). На деле у мыонгов были слиты воедино экономическая и внеэкономическая, основанная на личной зависимости, стороны эксплуатации. Консервативный общественный строй мыонгов в прошлом Нгуен ты Чи объясняет неразвитостью торговли и ремесла, которые обычно способствуют разложению общины, коллективного земельного владения. Знать боролась за сохранение таких земельных отношений. Тем не менее, как показал автор, эта система не препятствовала появлению прослойки зажиточных общинников (стр. 122).

Религиозная жизнь мыонгов не стоит в центре внимания Нгуен ты Чи. Здесь он отсылает читателя к монографии Ж. Кюзины. Но вместе с тем автор приводит веские соображения в пользу той точки зрения, что культ предков был распространен не у всех слоев общества мыонгов (как и у других народов Дальнего Востока), а лишь у знати. У бедноты не было алтарей предков, votивных таблиц, возжигания благоуханий и т. д. Культы бедноты автор называет «культами души» (стр. 127—128).

В «Очерке тхай Вьетнама», написанном Данг нгием Ваном, собран большой материал и дан глубокий его анализ.² Автор приводит исторические данные о народах группы тхай во Вьетнаме, дает очерк происхождения и миграций этих народов. Тхай переселялись во Вьетнам с территории современного Южного Китая в первых веках нашей эры. Во Вьетнаме тхай попали в те условия, которые сложились еще до их прихода:

² Принято написание *тхай* для народа, расселенного на северо-западе ДРВ (Тэйбак), и написание *тай* для близкородственного народа на севере и северо-востоке ДРВ (Вьетбак). Кроме того, термин *таи*, *тайская* группа употребляют по отношению ко всем выше-названным и близким к ним народам.

многонациональное государство, образованное близкими в культурном отношении этническими компонентами. Особо автор отмечает общие обычаи рисоводов, цементирующее воздействие центральной власти (стр. 158). Очерк заканчивается историей тхай при колонизаторах и после Освобождения.

Поливное рисоводство настолько пронизывает всю жизнь этого народа, что они приняли самоназвание тхай, означающее «возделыватели земли» (стр. 156). Интересные данные автор приводит о жатвенных орудиях, способах уборки урожая жатвенным ножом и серпом, обмолоте и хранении риса (стр. 159). Однако хозяйственные занятия тхай не были ограничены одним рисоводством. Особый интерес в этнографии этого развитого земледельческого народа представляет анализ более архаических хозяйственных форм. Сохранение у тхай традиций собирательства Данг нгием Ван связывает, в частности, с эксплуатацией со стороны феодалов, которая распространялась главным образом на земледельческую сферу и не охватывала труда крестьян вне общины (стр. 166). Помимо заготовки в лесу съестных припасов, тхай практиковали с древности сбор лекарственных трав, который получил развитие в настоящее время. Продукция лесных промыслов способствовала становлению у крестьян тхай товарно-денежных отношений. Данные о рыболовстве характеризуют эту область хозяйства как очень важную: некоторые семьи вылавливают в год по несколько тонн рыбы (стр. 167). Очень интересны сведения об охоте у тхай: сохранение особого участка леса специально для охоты, порядок распределения добычи при коллективной охоте, когда наиболее почетную часть туши получает человек, обнаруживший дичь, или беременные женщины (стр. 168). Специфическая черта отличает скотоводческую практику тхай — небольшая долина, окруженная лесом, отводится под постоянное пастбище для буйволов; их выводят оттуда только на время пахоты (стр. 169). Среди домашних промыслов тхай было наиболее развито ткачество, но эта продукция почти не поступала на рынок (стр. 170).

При освещении общественной жизни тхай Данг нгием Ван сосредоточил внимание на анализе феодальных отношений³. Тхайские феодалы признавали созеренитет вьетского двора. Их владения делились на земледельческие общины — баны. Такой бан состоял из неродственных больших и малых семей. Данг нгием Ван характеризует бан не только как объединение хозяйств в административное подразделение; бан можно рассматривать как «страну» в миниатюре со своими устойчивыми границами, неотчуждаемыми рисовыми полями, лесами и пастбищами (стр. 179). Феодал мог продать всю землю с населением всего бана, но не мог продать отдельно часть полей, леса и часть крестьян (стр. 180).

Основная деятельность членов бана была направлена на поддержание общей ирригационной сети, и эта цель объединяла неродственные семьи с их противоречивыми интересами. Данг нгием Ван не видит в технических или экономических обстоятельствах причину образования феодального владения (мыонга). Система ирригации тхай не требовала контроля со стороны государства. Однако причину возникновения государств у народов тайской группы следует все же видеть не только в военно-политических столкновениях с другими народами, как это делает автор (стр. 174), но прежде всего в создании внутреннего аппарата классового господства.

Автор сообщает интересные сведения о жизни банов. Баны в феодальной системе тхай обладали известной автономией. Население их было очень сплоченным — были случаи, когда все население бана, недовольное своим владельцем, покидало землю и уходило к владельцу другого мыонга (стр. 176). Земля в принципе считалась общинной собственностью. Но местные феодалы и чиновничья верхушка получали лучшие участки, обрабатывать которые должны были общинники. Получение земли общинником было обусловлено обязательной его работой для нужд общины — поддержанием в порядке ирригационной сети и строительством дорог (стр. 177). Членство в общине и обработка общинных орошаемых земель накладывали на общинника бремя работы на феодала — продуктовой ренты. Лица, не заинтересованные в работе на общинных полях, осваивали лесные участки, которые обрабатывали подсечно-огневым способом, и при этом почти не

³ О чертах близкого общественного строя народов группы тай во Вьетнаме см.: А. И. Мухлин, Социальная организация тайских народов Вьетнама, в сб. «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», Л., 1967, стр. 128—145.

участвовали в общинной жизни; они были обязаны делать взносы лишь для религиозных праздников (стр. 182). Таким образом, общинной эта собственность была только по виду (стр. 178).

Класс феодалов имел развитую иерархию. Характерно, что вся верхушка тхай носила фамилию Ло и, если общинник в исключительном случае становился на одну из ступеней феодальной иерархии, он принимал эту фамилию (стр. 179). Особое место Данг нгьем Ван посвящает описанию структуры зависимого крестьянства: клиентов, отработывавших барщину на феодала, которых тот мог продать, и слоя домашних слуг; находившихся в положении, близком к рабскому (стр. 183). Глубокое исследование Данг нгьем Вана обогащает научные представления о восточном феодализме.

Последний раздел работы посвящен религиозным верованиям. Здесь внимание автора сосредоточено на тех религиозных представлениях, которые связаны с феодальной системой. Например, миф знати о происхождении от небесных божеств совершенно отличен от мифа общинников о происхождении от тыквы (стр. 192).

Следующий выпуск начинается статьей Лам Тама «Взгляд на мео», посвященной одному из интереснейших народов Восточной и Юго-Восточной Азии, происхождение которого еще во многом загадочно. Эта проблема возникает уже при лингвистической классификации мео и близких к ним зао (мяо и яо в других странах). Лам Там пишет о принадлежности языков этих народов к синотибетской семье, но в новейших исследованиях советских и других ученых все больше утверждается мнение о мон-кхмерской принадлежности языков мео и зао⁴. Лам Там прослеживает несколько волн миграции мео из южного Китая в горный район ДРВ. Самая ранняя из них началась около 300 лет назад (стр. 11). К сожалению, автор не ставит вопроса о более ранних этапах этногенеза мео, хотя большой материал, приведенный им самим, позволяет это сделать. Несмотря на то, что в культуре представлены многие черты южного происхождения — охота с отравленными стрелами, глушение рыбы (стр. 28), — есть факты, свидетельствующие об ином субстрате у мео, который условно можно называть северным. Так, в земледелии мео, наряду с возделыванием риса, ямса и других южных культур, Лам Там обнаруживает возделывание ржи (стр. 26). У мео редко встречаются сады и огороды около жилищ (стр. 15), что очень характерно для народов юга Восточной и всей Юго-Восточной Азии. Отличается от домов соседних народов дом мео, который ставится на земляном цоколе, а не на сваях (стр. 16). Говоря о планировке дома мео, автор допускает возможность того, что в ней видны следы обитания в равнинной местности (стр. 17). Очень своеобразна одежда этого народа. Составляющие ее основу халат и передники (последние носят женщины, стр. 21) имеют центральноазиатские параллели. К сожалению, в статье мало говорится о народном творчестве, мифологии и религии мео. В этой сфере культуры мео также обнаруживаются черты северного происхождения. Описание разнообразных систем земледелия мео, их ремесел сделано автором интересно и обстоятельно. Здесь хочется отметить одну важную деталь, сообщаемую нам Лам Тамом: после уборки урожая мео спускаются с гор на равнинные рынки с продукцией своего хозяйства, чтобы получить за нее соль и некоторые промышленные товары; но не только в этом состоит цель таких походов — мео, разбросанно живущие среди других народов, используют встречи на рынках для устройства праздников, знакомств между молодыми людьми и других контактов, в которых выражается этническое единство дисперсно расселенных мео.

Автор статьи сообщает важные сведения об общественном строе мео. У них очень сильно выражены патриархальные тенденции в семейно-брачном быту — власть отца, покупка невесты и т. п. (стр. 31, 35). Факты, приводимые Лам Тамом, убеждают нас в резком имущественном расслоении и ясно выраженной эксплуатации в обществе мео до Августовской революции. Однако у автора проявляется некоторая нечеткость в определении общего уровня развития традиционного общества мео. Так, на стр. 48 утверждается, что у мео нет еще социальных классов, а на стр. 49 сообщается о «классе бедных крестьян». По нашему мнению, такие явления, как рента, достигающая одной трети урожая, целая иерархия вождей-землевладельцев, общественный антагонизм, содержание вождями собственной «гвардии» (стр. 44—45, 48—49) — все это говорит о недав-

⁴ См.: С. Е. Яхонтов, О классификации языков Юго-Восточной Азии, «Страны и народы Востока», вып. XV, М., 1973.

нем наличии у мео феодального общества, уничтоженного в результате демократических реформ.

Во втором выпуске рецензируемого издания Данг нгьем Ван снова выступил с важным исследованием, на этот раз посвященном народности кхму, основная часть которой живёт в Лаосе. Кхму — это последний из мигрировавших во Вьетнам народов, его переселение шло с XVIII до середины XIX в. (стр. 70). Заслугой вьетнамских исследователей является изучение малоизвестных групп этого народа, которые фигурировали в литературе под разными наименованиями (сакау, тень, тайхай и др.), и рассмотрение их как частей народа кхму.

Данг нгьем Ван всесторонне характеризует хозяйственный быт кхму, используя при этом концепцию хозяйственно-культурных типов (стр. 73). Подробно останавливается он на описании сажального кола кхму, которым пользуются на лесных участках. Интересно, что это орудие служит также музыкальным инструментом (стр. 74—76 и рис. 1 и 2). В литературе имеются сведения об аналогичном сажальном коле у народов Филиппин. Касаясь хозяйства, автор статьи стремится вскрыть всестороннее влияние подсечно-огневой системы на весь быт кхму: на строительную технику, домашнюю утварь и т. п. (стр. 79). В разделе об общественном строе есть ценные наблюдения автора и оригинальные трактовки важных теоретических вопросов. Так, на материале кхму Данг нгьем Ван отстаивает точку зрения, согласно которой деление на старшие и младшие семейные ветви в одной семейной группе кхму является позднейшим превращением двух родов, входивших в одну фратрию, причем один из этих родов (В) был ответвлением другого, «материнского» (А). Генетическое старшинство рода А обусловило старшинство той семейной ветви, которая идет от него. Вся же семейная группа до сих пор, как правило, носящая тотемическое наименование, восходит к первоначальной фратрии. Однако, по мнению Данг нгьем Вана, позднейшее деление на старшие и младшие ветви было перекрыто малыми семьями. Раскол общества на малые семьи произошел в условиях соседской общины (стр. 94—98). Чтобы принять эту гипотезу Данг нгьем Вана, нужен дополнительный материал, который показал бы, что старшинство части семейных ветвей не связано с процессами классообразования. В разработке происхождения брачной системы у кхму, характеризующейся линейной связью брачующихся семейных групп без обмена (типа «трехродового союза»), автор исходит из гипотезы о первоначальном тотемическом роде, децентрализованном в связи с подвижным подсечно-огневым земледелием. В некую первоначальную эпоху такие роды могли поддерживать брачные связи в одном направлении (мужчины А берут жен в роде В, мужчины В — в роде С). Но в связи с перемещениями и распадением родов, исчезновением некоторых семейных групп, поддерживав такую брачную связь стало невозможным (стр. 107—117). Следует, однако, отметить что при таком подходе остается в стороне широко признанный дуально-фратриальный характер древнейшей социальной структуры.

Большой материал собран автором по другим сторонам традиционного общественного строя кхму: по общине, по разнообразным проявлениям социального неравенства. Специфика положения кхму заключалась в том, что они по существу находились в крепостнической зависимости от тайских феодалов, которые требовали от крестьян кхму барщину совершенно произвольного размера (стр. 83—85). Вся ценная продукция лесного собирательства (кардамон, корица и т. п.) также доставлялась тайскому господину (стр. 84). Сам автор на стр. 85—86 характеризует кхму как барщинное крестьянство в тайской феодальной структуре. Поэтому было бы неправильно, ссылаясь на общину, обычаи взаимопомощи и архаические родовые пережитки, рассматривать общество кхму как первобытное. Кроме того, в среде самих кхму до революции 1945 г. уже выделился слой жрецов и богачей, которые использовали накопленное богатство для эксплуатации других (стр. 91). Несомненно, что к имущественному расслоению внутри общества кхму вел принцип подворной разверстки барщины (стр. 89), которая позволяла части более зажиточных семей легче выносить феодальный гнет. Следует обратить особое внимание на предание кхму, говорящее о существовании у них в прошлом государства, о богатых вождах со стадами слонов, воинственных героях, о рабах. Данг нгьем Ван считает, что конец этому «блестящему» периоду в жизни кхму был положен образованием ранних лаотянских государств (стр. 70). Интересно, что в мире мертвых, по представлениям кхму, есть также господа и крепостные (стр. 125). Кстати сказать, картина религиозных верований кхму нарисована автором с чрезвычайной глубиной.

Статья Вьонг хоанг Туйена посвящена нескольким небольшим тибето-бирманским народам, расселенным на северо-западе ДРВ (коонг, сила, лаху, хани и бокхопа, называвшиеся раньше ксафо). Автор дает характеристики отдельных народов. Общее впечатление о культурном уровне изученных Вьонг хоанг Туйеном народов противоречиво. Возьмем, например, лаху. К моменту революционных преобразований эта группа во Вьетнаме находилась в катастрофическом положении. Собирательство в горных лесах стало их главным занятием, дикое таро составляло основу питания (стр. 178). Одежда изготовлялась из луба, не было постоянного жилища (стр. 179). Тем не менее есть сведения, что в прошлом лаху обитали в оседлых поселениях, занимались земледелием, выращивали хлопок и выделяли из него ткани. Лишь военные столкновения с тайскими феодалами привели к изгнанию лаху с занятых ими земель, уходу в горы и к общему регрессу (стр. 177). Обращение к истории каждого из самых отсталых народов Индокитая выявляет, что регресс их культуры вызван военным разгромом и нещадной эксплуатацией со стороны соседних развитых классовых обществ. У коонгов, сила и особенно у хани мы обнаруживаем следы очень развитого земледелия, что выражается в разнообразии сортов риса и других сельскохозяйственных культур. Черты высокого уровня развития в прошлом, по данным автора, яснее всего видны у хани. Так, у них существует искусная ирригация с орошаемыми террасами, для обработки полей используется плуг, они разводят свиней особой породы (стр. 195—196). Есть у хани свои кузнецы (стр. 196). Но коонги, сила и бокхопа получают железные изделия от мео. У всех народов в семейной жизни господствует «малая агнатическая семья» (стр. 152, 166, 180, 198). Все эти факты показывают, что та картина, которую к моменту демократических преобразований в ДРВ застали вьетнамские этнографы, была результатом сложного исторического развития, и поэтому понять сущность некоторых архаических черт в быту многих малых народов можно лишь обратившись к их истории. На этом пути много трудностей, и внимательное отношение к сведениям, сохранившимся в памяти самих народов, очень важно. Работа Вьонг хоанг Туйена, как и другие труды вьетнамских этнографов, убеждают в том, что историзм — это основной ключ к пониманию этнографических явлений и что классовый анализ этнографических данных дает возможность с наибольшей глубиной понять динамику развития культуры и общественного строя. Этнографы ДРВ своей работой оказывают значительную помощь социалистическим преобразованиям.

Подводя итоги, можно сказать, что все рассмотренные работы отличаются прекрасным знанием материала и стремлением к его теоретическому обобщению. Издание этих работ на западноевропейских языках (желательны были бы издания и на русском языке) будет способствовать пропаганде достижений вьетнамской этнографии и развитию общественных наук в социалистических странах.

Я. В. Чеснов

ЛИТЕРАТУРА НА АРАБСКОМ И КУРДСКОМ ЯЗЫКАХ ПО ЭТНОГРАФИИ КУРДОВ ИРАКА¹ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Литература по этнографии курдов,
опубликованная до 14 июля 1958 г.

Специальной этнографической литературы о курдах Ирака очень мало, хотя отдельные сведения о жизни иракских курдов разбросаны в ряде работ как на западных, так и на восточных языках.

После первой мировой войны, в связи с распадом Османской империи, в которой курды среди нацменьшинств составляли большую часть населения, повысился интерес к их жизни и истории. Отдельные курдские политические и общественные деятели стали писать работы на курдском языке о своем родном народе. Это прежде всего труды Мохаммеда Амина Заки, опубликованные в 30-х годах.

Мохаммед Амин Заки — бывший офицер османской армии. Он неоднократно занимал должность министра путей сообщения в иракском правительстве. Его книги — первые научные труды по истории курдов, особенно иракских, в том числе курдов Сулейманийской области. Кроме собственно исторических материалов, книги этого автора содержат интересный, хотя и не особенно значительный фактический материал по этнографии: о курдских племенах, их расселении, о кочевой и оседлой хозяйственной деятельности племен, о религиозной принадлежности курдских племенных объединений и т. д.

Наиболее известны труды Мохаммеда Амина Заки — «История курдских государств и династий»², «Краткая история курдов и Курдистана»³ и «Знаменитые курды и Курдистан»⁴. Больше всего сведений по этнографии содержит «Краткая история курдов». Первоначально она была опубликована в Ираке в 1931 г. на курдском языке, а затем в 1938 г. вышел ее перевод на арабском языке. Мы пользовались этим последним изданием. Труды Мохаммеда Амина Заки, написанные на курдском языке, были переведены на арабский Мохаммедом Али Ауни — курдом по национальности, работавшим переводчиком при дворе египетского короля.

Несмотря на то, что «Краткая история курдов...» насыщена сведениями, прежде всего необходимыми историку, она содержит и богатый фактический материал по этногенезу курдов. Автор излагает точки зрения В. Минорского и Сиднея Сметса⁵ по этому вопросу. Мохаммед Амин Заки считает, что в этногенезе курдов в разное время большую роль играли различные племена. Например, во времена шумерийцев курдов называли *джути*; в Ассирио-Вавилонии — *гутти*, *карти*, *гардо*, *горан*, *гардак*; при персидских Ахеменидах — *куртиш*, *сирти*, *кордара*; в греко-римский период — *кардоси*, *кардухи*. Армяне называли их *курдоин*, *кортих*, а арабы — *курды*, *горди*⁶. Мохаммед Амин Заки в данном вопросе принимает точку зрения Двера, Нольдеке и Гартмана⁷. Рассматривая проблемы этногенеза курдов, Мохаммед Амин Заки разделяет мнение А. Шпайзера⁸.

¹ Специфика публикуемых в Ираке материалов о курдах связана с историческими событиями в этой стране. Поэтому литературу о курдах Ирака, вышедшую на арабском и курдском языках, можно условно разделить на три группы в зависимости от времени опубликования: 1) до революции в Ираке 14 июля 1958 г., 2) от этой революции до договора 11 марта 1970 г., 3) после этого договора, по которому курды получили автономию в рамках Иракского государства. Данную периодизацию мы применяем только для печатных изданий, освещаемых в нашей работе, но никак не претендуем на периодизацию истории Ирака в целом. О последней см.: А. Ф. Федченко, Ирак в борьбе за независимость (1917—1969), М., 1970.

² Мохаммед Амин Заки, Тарих ад-дуэль ва-ль-имарат аль-курдие, Каир, 1948 (на араб. яз.). Перевод с курдского.

³ Мохаммед Амин Заки, Хуласат тарих аль-курд ва Курдистан, Багдад, 1938 (на араб. яз.). Перевод с курдского.

⁴ Мохаммед Амин Заки, Машахир аль-акрад ва Курдистан, Багдад, 1938 (на араб. яз.). Перевод с курдского.

⁵ Мохаммед Амин Заки, Хуласат тарих аль-курд ва Курдистан, стр. 38—57.

⁶ Там же, стр. 57—60.

⁷ Там же, стр. 76.

⁸ Там же.

который изложил его в своей работе о народах Месопотамии⁹. На наш взгляд, Мохаммед Амин Заки совершенно справедливо считал курдов потомками древних гутев¹⁰.

Седьмая глава этой книги содержит материал о духовной культуре курдов. Автор пишет о зороастризме, полагая, что курды придерживались и этой религии¹¹. Мохаммед Амин Заки описывает также верования езидов¹² и али-илахов¹³. Ценный материал дает сравнительная таблица двух диалектов курдского языка: северного (курманджи) и южного (сорани)¹⁴.

В восьмой главе рассматриваемого труда сообщается о расселении и занятиях курдских племен в различные исторические периоды (при Аббасадах, Сельджукидах и др.)¹⁵. Большой научный интерес представляют таблицы, содержащие различные сведения о курдских племенах вообще, и проживавших в Ираке в частности¹⁶.

Мохаммед Амин Заки уделит большое внимание и истории своего родного города Сулеймании. В 1951 г. в Багдаде вышла его книга «История Сулеймании»¹⁷. Здесь он рассматривает историю курдских племен Сулейманийской области. Это прежде всего крупнейшие племенные объединения джаф, пиждар, мериван¹⁸. Он приводит в книге также интересный фактический материал о генеалогии племени бабан¹⁹.

Для этнографа-курдолога большой интерес представляют отдельные сведения Мохаммеда Амин Заки о занятиях курдов, кочевом скотоводстве и оседлом земледелии. Автор рассказывает, например, о племени чанки²⁰, которое зимой живет в долине Пирамегрун (Сулейманийская область), а летом уходит на кочевья в Мерге (район Эрбиля)²¹. В разделе о народном образовании в Сулейманийской области автор сообщает, что в начале XX в. здесь насчитывалось 55 школ — начальных, средних и специальных. Однако он не говорит здесь о том, что в Сулейманийской области отсутствовали школы для девочек.

Ценные материалы по политической истории курдов содержат книги курдского ученого, министра просвещения Сулеймании в 20-х годах Рафика Хельми, которые написаны на курдском, турецком и арабском языках. Это труд «Воспоминания»²², где автор описывает восстание шейха Махмуда, и работа «Краткий очерк курдского вопроса»²³.

Кроме курдских авторов в это же время работы о курдах (на арабском языке) писали и арабы. Арабские авторы Абд ар-Реззак аль-Хасани, Абас аль-Азави, Садик ад-Дамалуджи, Ахмед Хамед ас-Сарраф интересовались родо-племенными курдскими организациями, религиозными направлениями и сектами, такими, например, как шабаки, езида, кокэи. Абд ар-Реззак аль-Хасани написал книгу об езидах, выдержавшую два издания²⁴. Он приводит интересные этнографические (полевой и литературный) материалы о верованиях езидов, их религиозных законах и праздниках²⁵, происхождении и главным духовным лице езидов — шейхе Ади бен Мосафере. Подробно рассказывается о

⁹ E. Speiser, Mesopotamian origins. The basic population of the Near East, Philadelphia, 1930.

¹⁰ Мохаммед Амин Заки, Хуласат тарих аль-курд ва Курдистан, стр. 80.

¹¹ Там же, стр. 280—283.

¹² Там же, стр. 293—297.

¹³ Там же, стр. 289—293.

¹⁴ Там же, стр. 238.

¹⁵ Там же, стр. 371—374.

¹⁶ Там же, стр. 375—389.

¹⁷ Мохаммед Амин Заки, Тарих ас-Сулеймания, Багдад, 1951 (на араб. яз.).

Перевод с курдского.

¹⁸ Там же, стр. 174—202.

¹⁹ Там же, стр. 172.

²⁰ Там же, стр. 197.

²¹ Там же, стр. 137.

²² Рафик Хельми, Ядашт (шоршакани Шейх Махмуд), Багдад, 1955 (на курд. яз.).

²³ Рафик Хельми, Холасей масалее курд, Мосул, 1956 (на курд. яз.).

²⁴ Абд ар-Реззак аль-Хасани, Аль-езидион (мазихум ва хазирахум), Сэйда, Багдад, 1931 (на араб. яз.); его же, Аль-езидион (мазихум ва хазирахум), изд. 2, Багдад, 1953 (на араб. яз.).

²⁵ Там же, стр. 54—61.

храме шейха — месте паломничества всех зарубежных курдов-езидов. Этот храм находится в Ираке, в селении Лалеш, недалеко от Синджара. Здесь собраны письменные памятники, повествующие об обычаях езидов. По сведениям автора, север Мосула — основной район расселения езидов. В прошлом его населяло племя тэрхайя, исповедовавшее религию магов, иначе говоря «поклонение огню»²⁶. Оно переселилось сюда из Ирана, но в период распространения ислама не приняло мусульманской религии и ушло на север Ирака, в район Хальван. Когда позднее в эти места пришли мусульмане (VII — начало VIII в.), молодое поколение племени тэрхайя, хотя и забыло уже религию своих предков (поклонявшихся огню), но также не приняло в VII в. ислама. Возникло несколько религиозных направлений. Основателем одного из них стал Ади бен Мосафер. После смерти Мосафера его родственник Езид встал во главе племени (об этом говорят, кстати, и другие авторы), которое постепенно возвратилось к религии магов, а Езида стало считать богом²⁷. Таким образом, езиды, по мнению Абд ар-Резака аль-Хасани, это название племени, из которого вышел Езид.

В его книге содержится также много интересных описаний свадебного и похоронного циклов, иерархии духовных лиц езидов (эмир, шейх, альпир, факир, каучек, мюрид, каввал). Их власть, по законам езидов, была наследственной, и каждое духовное лицо имело свои обязанности. Большое этнографическое значение имеют третья, шестая и восьмая главы, рассказывающие о Малек Таусе — ангеле-павлине, которому поклоняются езиды, об их двух главных религиозных книгах — «Кетабе Джилва» и «Кетабе Мосхафе Реш», а также о религиозных запретах²⁸. О езидях написано немало работ и другими арабскими авторами, например Аббасом аль-Азави²⁹, Садиком ад-Дамалуджи³⁰ и др.

Арабскими учеными Ирака изучались не только езиды, но и другие курдские секты и направления, например, кокэи, о которых писал Аббас аль-Азави³¹.

Кокэи — курдская религиозная секта в Ираке. Ее последователи веруют в переселение душ, но также поклоняются и Али, считая его богом. По их верованиям, Коран написан Мухаммедом. Эти сектанты живут в Киркуке и в районе Сулейманийской области.

О курдской секте шабаки написано очень мало, и она почти совсем не изучена. Отдельным вопросам учения этой секты посвящена работа арабского ученого Ахмеда Хамеда ас-Саррафа под названием «Шабак»³². Шабаки, общей численностью около десяти тысяч, населяют район Мосула и говорят на курдском языке с большой примесью турецких, арабских и персидских слов. Автор сообщает, что они признают Али, но не молятся и не постятся. К сожалению, в книге нет подробного описания их обычаев — вероучения, праздников и т. д.

В 1947 г. была опубликована работа арабского ученого Аббаса аль-Азави, юриста по специальности, о курдских племенах Ирака³³. Автор прекрасно разобрался в племенной организации курдов, что особенно важно, так как в настоящее время племенные связи курдов ослабли и все больше разрушаются. Весьма существенно и то, что автор рассматривает проблему существования племенной организации у курдов, как кочевых, так и оседлых.

Следует также упомянуть, что знаменитая курдская летопись Шереф-намэ (XVII в.) была впервые опубликована в 1952 г. в Багдаде в переводе с персидского языка на арабский³⁴, а в 1972 г. вышел перевод этой летописи на курдском языке, изданный Курдской Академией наук³⁵. В этой летописи содержатся очень ценные исторические сведения о Курдистане.

²⁶ Там же, стр. 70.

²⁷ Там же, стр. 71.

²⁸ Там же, стр. 30, 31, 39, 40, 41—46, 61—63, 68, 77—85.

²⁹ Аббас аль-Азави, Аль-езидиюн, Багдад, 1935 (на араб. яз.).

³⁰ Садик ад-Дамалуджи, Аль-езидиюн, Багдад, 1935 (на араб. яз.).

³¹ Аббас аль-Азави, Аль-кокэий фи-т-тарих, Багдад, 1949 (на араб. яз.).

³² Ахмед Хамед ас-Сарраф, Аш-шабак, Багдад, 1954 (на араб. яз.).

³³ Аббас аль-Азави, Ашаер аль-ирак аль-курдиз, Багдад, 1947, (на араб. яз.).

³⁴ Шерефхан аль-Бидлиси, Аш-Шереф-намэ, Багдад, 1952 (на араб. яз.). Перевод с персидского.

³⁵ Шерефхани Бидлиси, Шереф-намэ, Неджеф, 1972 (на курд. яз.). Перевод с персидского.

После революции 1958 г. в Ираке повысился политический и научный интерес к курдам.

Особенно тщательно изучал жизнь курдов Ирака известный арабский ученый Ша-кер Хасбак — специалист по географии населения, получивший образование в Англии. В его первой работе «Курды и курдский вопрос»³⁶ приводятся интересные, хотя и общие сведения по истории всех курдов. Справочный характер имеют две небольшие работы арабских авторов — Казема Хайдара³⁷ и Анвара аль-Майи³⁸. Но все эти работы фактически не являются научными исследованиями, так как дают лишь самые общие сведения о курдах — об их расселении, численности и т. п.

Интересные этнографические данные о курдах Ирака содержит написанная на поле-вом материале несколькими курдскими авторами работа «Введение в фольклор кур-дов»³⁹. Фольклором авторы называют этнографию и дают соответствующие заголовки и подписи под отдельными разделами и рисунками, например, «фольклор пищи»⁴⁰, «фольклор одежды»⁴¹, «фольклор утвари»⁴² и т. д. Хотя и в очень краткой форме, авто-ры все же впервые приводят общие сведения о материальной культуре курдов Ирака. Это работа впервые по существу дает возможность изучить основы этнографии иракских курдов.

Наряду с трудами, имеющими несомненное научное значение, нельзя не отметить и работы, содержащие неправильные суждения о курдах, таких, например, арабских авто-ров, как Мухаммед Рашид аль-Филь. В своем «Взгляде на курдов с научной точки зре-ния»⁴³ он ошибочно утверждает, что курды — арабы по происхождению⁴⁴, и приводит устаревшие и к тому же преуменьшенные данные об их общей численности⁴⁵.

В этот же период в Ирак вернулись многие курды, обучавшиеся в Советском Союзе. Они перевели на арабский язык ряд работ о курдах и опубликовали их в Багдаде от-дельными книгами и статьями в периодических изданиях. Это прекрасные труды, осно-ванные на большом этнографическом материале, русских ученых В. Минорского⁴⁶ и В. Никитина⁴⁷. Кроме того, в Ираке были переведены главы из книги «Курды Закав-казья» советского этнографа Т. Ф. Аристовой⁴⁸, ее статья об искусстве курдов, опубли-кованная в художественной энциклопедии «Искусство стран и народов мира» (М., 1965)⁴⁹ и статья «Опыт сравнительного изучения материальной культуры курдов» («Сов. этнография», 1970, № 4)⁵⁰. Последняя переводилась также и на курдский язык⁵¹.

Кроме специальных этнографических работ, содержащих ценный материал по этно-графии курдов Ирака, в Багдаде в периодических изданиях публиковались переводы отдельных разделов из работ, написанных советскими (в том числе курдскими) писате-лями, литературоведами, историками, лингвистами (А. Джинди, А. Шамиловым, Ч. Бакаевым, Д. Джалилом, К. Чаганом, К. Курдоевым, О. Джалилом, Н. А. Хал-финым, Х. Чатоевым и др.).

³⁶ Ша-кер Х а с б а к, Аль-курд ва-ль-масала аль-курдие, Багдад, 1959 (на араб. яз.).

³⁷ Казем Х а й д а р, Аль-акрад, Бейрут, 1969 (на араб. яз.).

³⁸ Анвар аль-М а й и, Акрад бахдинан, Мосул, 1960 (на араб. яз.).

³⁹ «Сэрэнджек ля дарвазей фольклори курдова», Багдад, 1959 (на курд. яз.).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, стр. 40—52.

⁴² Там же, стр. 61.

⁴³ Мохаммед Рашид аль-Ф и л ь, Аль-акрад биназар аль-илям, Неджеф, 1965 (на араб. яз.).

⁴⁴ Там же, стр. 28.

⁴⁵ Там же, стр. 44—47.

⁴⁶ В. М и н о р с к и й, Аль-акрад (мулахазат ва интибаат), Багдад, 1968 (на араб. яз.). Перевод с русского.

⁴⁷ В. Н и к и т и н, Ааль-акрад, Бейрут, 1961 (на араб. яз.). Перевод с французского.

⁴⁸ Т. А р и с т о в а, Акрад маваара аль Кавказ, «Нур», № 54—65, 1969 (на араб. яз.). Перевод с русского.

⁴⁹ Т. А р и с т о в а, Аль-финун аль-курдийе фи-ль-энциклопедия ас-софетие, «Та-ахи», № 1254, 1973 (на араб. яз.). Перевод с русского.

⁵⁰ Т. А р и с т о в а, Табаз аль-акрад, «Ат-турас аш-шааби», № 23, 1974, стр. 5 (на араб. яз.). Перевод с русского.

⁵¹ Т. А р и с т о в а, Калчери маади курдокан, «Хавкари», № 222, 1974, 14 июня (на курд. яз.). Перевод с арабского.

После подписания договора 11 марта 1970 г. интерес к курдам еще более возрос, расширилась публикация книг и статей по курдоведению.

В 1971 г. Сами Саидом аль-Ахмедом, одним из крупнейших специалистов по древней истории Ближнего Востока, была опубликована книга «Езиды — их жизнь и религия»⁵². Автор собрал обширный полевой этнографический материал о курдах-езидах; в качестве литературных источников он использовал труды Абд ар-Резака аль-Хасани, Аббаса аль-Азави, Садики ад-Дамалуджи и др. Но по сравнению с работами этих авторов книга Сами Саида аль-Ахмеда представляет гораздо больший научный интерес для этнографов, особенно курдологов. В этом исследовании автор подробно описывает жизнь, материальную и духовную культуру езидов, особенно их верования.

Новые работы опубликованы в этот период и Шакером Хасбаком, о котором говорилось выше. Его первая книга вышла в свет в 1959⁵³, вторая — в 1972⁵⁴, третья — в 1973 г.⁵⁵

В своей книге «Курды, географическое и этнографическое изучение» автор анализирует большой фактический материал. В книге шесть глав и заключение. Географические и отчасти социально-экономические вопросы занимают в этой работе гораздо больше места, чем собственно этнографические. Так, первая глава посвящена географическому описанию Сулейманийской области. Автор приводит интересный и важный цифровой материал о рождаемости и смертности населения в Ираке вообще, и в областях расселения курдов в особенности (он дается по работе Ахмеда Наджмеддина «Положение населения в Ираке»⁵⁶). Опубликованные данные показывают, что в начале 50-х годов наблюдался рост рождаемости, а с 1954 г. началось ее падение.

Шакер Хасбак совершенно справедливо объясняет причины этого явления неточностью данных переписи, так как многие семьи скрывали настоящий год рождения мальчиков, чтобы по достижении 18 лет они не были мобилизованы в армию⁵⁷. Кроме того, существенное значение имели условия жизни курдских женщин⁵⁸. Они очень много работали на пастбище и в поле⁵⁹ и несли большую физическую нагрузку. Поэтому при высокой рождаемости в Курдистане наблюдалась большая детская смертность.

Автор приводит также таблицу, содержащую данные о смертности населения за 1952—1954 гг., отмечая при этом ее увеличение. Так, если в 1952 г. умерло 316 человек (2,1%), то в 1953 г. — 970 человек (3,3%). Эти сведения приводятся автором по статистическим данным, опубликованным в Лондоне⁶⁰. Надо сказать, что никто, в том числе и Шакер Хасбак, не мог лично установить процент смертности курдского населения Сулейманийской области, особенно за 50—60-е годы. В этой же главе несомненный интерес для этнографов представляют сведения о выборе курдами места для поселения, о постройке ими деревень и о типах жилых и хозяйственных строений⁶¹.

Третья глава книги содержит материалы о социально-экономическом положении пастухов-кочевников, оседлого крестьянского населения и жителей городов. Автор подробно разбирает вопрос о возникновении и развитии курдских городов, таких, как Холебдже, Сулеймания, Каладза⁶², рассматривает социальное положение городского населения и его занятия⁶³.

⁵² Сами Саид аль-Ахмед, Аль езидион (ахвальяхум ва мотакадихэм), Багдад, 1971 (на араб. яз.).

⁵³ См. о ней, стр. 159 настоящей статьи.

⁵⁴ Шакер Хасбак, Аль-акрад, Багдад, 1972 (на араб. яз.).

⁵⁵ Шакер Хасбак, Аль-ираке аш-шимали, Багдад, 1973 (на араб. яз.).

⁵⁶ Ахмед Наджмеддин, Ахваль сукан аль-ирак, Каир, 1970 (на араб. яз.).

⁵⁷ Шакер Хасбак, Аль-акрад, стр. 75, 76.

⁵⁸ Там же, стр. 78.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ «Statistical abstracts», London, 1954, tabl. 264—266.

⁶¹ Шакер Хасбак, Аль-акрад, стр. 145—152.

⁶² Там же, стр. 214.

⁶³ Там же, стр. 227.

Четвертая глава («Экономическая действительность») включает важный раздел о формах земельной собственности в Курдистане, о земледельцах и землевладельцах в Сулейманийской области⁶⁴. Автор пытается вскрыть причины низкого уровня земледелия, ссылаясь на соответствующие географические, социальные и экономические факторы. При этом Шакер Хасбак подробно раскрывает характер земледелия у курдов, отмечая возможность регулярного получения продуктов и летом и зимой; большое внимание автор уделяет скотоводческому хозяйству. Шакер Хасбак — первый ученый, который специально останавливается на значении развития в будущем скотоводства в Курдистане⁶⁵.

Особый раздел в этой главе автор посвящает домашним промыслам: ковроделию, гончарному делу, обработке дерева, плетению корзин⁶⁶. Здесь же этнограф может найти данные о производстве в домашних условиях молочных продуктов, изделий из муки и т. п.

Несомненную ценность представляют и две последние главы, в которых автор рассмотрел социальную структуру курдского общества в Ираке как в рамках племенной организации, так и вне племенного деления⁶⁷. К сожалению, очень мало приводится сведений об обрядности курдской семьи, о религиозных верованиях⁶⁸, о курдских песнях⁶⁹ и т. д. Но и то, что дает автор, представляет несомненный интерес. В заключение дается обзор литературных данных по этногенезу курдов.

В книге Шакера Хасбака особенно ценны те разделы, которые посвящены социально-экономическим отношениям в курдской деревне и общественному быту курдского населения. Но, к сожалению, такие интересующие этнографа разделы, как «Жилище», «Одежда», «Пища», «Песенно-танцевальное искусство», не дают достаточно полного представления по указанным проблемам. Впрочем, это и не входило в задачу автора, ведь будучи географом он стремился провести в основном географическое исследование. Следует также учитывать, что некоторые таблицы, например о рождаемости в Сулейманийской области, составлены по устаревшим материалам 50-х годов, и есть таблицы, в которых содержатся некоторые неточности⁷⁰.

Третья книга Шакера Хасбака «Северный Ирак (физическая география и население)»⁷¹ — серьезное исследование, посвященное не только курдам, но и другим народам, населяющим Северный Ирак: арабам, туркменам, туркам, ассирийцам, армянам, халдеям и т. д.

В этой книге содержится большой и интересный материал об этническом составе населения Северного Ирака⁷², но, к сожалению, автор не проиллюстрировал его картой. В то же время здесь имеется очень хорошая карта, классифицирующая население Северного Ирака по религиозному признаку, и карта, отражающая расселение племен данной территории⁷³.

Сведения по этнографии курдов автор дает почти те же (хотя и очень кратко), которые он уже опубликовал в своей второй книге. Это расселение курдов, их занятия (кочевое и оседлое хозяйство), религиозные верования и т. д.⁷⁴

В работе «Северный Ирак» Шакер Хасбак на основании переписи рассматривает интересные демографические данные за 10 лет (с 1957 по 1967 г.) о рождаемости и смертности населения. Из приведенных цифр можно заключить, что самая большая рождаемость у курдов была в Киркуке. Что же касается смертности, то автор сообщает, что в Сулейманийской области в течение одного года умирает 26 человек на 1 000 жителей, и совершенно правильно объясняет причины такой высокой смертности низким уровнем жизни курдских крестьян⁷⁵ и почти полным отсутствием медицинской помощи населению⁷⁶. В то же время он ничего не говорит о том, что бедность и отсталость крестьян вызваны также и закрепощением их помещиками.

⁶⁴ Там же, стр. 288—294.

⁶⁵ Там же, стр. 320—335.

⁶⁶ Там же, стр. 335—343.

⁶⁷ Там же, стр. 397.

⁶⁸ Там же, стр. 483.

⁶⁹ Там же, стр. 502.

⁷⁰ Там же, стр. 474, 475.

⁷¹ Шакер Хасбак, Аль-ирак аш-шимали.

⁷² Там же, стр. 123, 160.

⁷³ Там же, стр. 125, 142.

⁷⁴ Там же, стр. 180—187, 243.

⁷⁵ Там же, стр. 261.

⁷⁶ Там же, стр. 262.

Третья глава книги рассказывает о занятиях курдов Ирака: их работе в сельском хозяйстве, в промышленности и торговле. Автор пишет о природных факторах, затрудняющих ведение курдами сельского хозяйства (отсутствие воды, эрозия почвы и т. д.). Полезный материал содержит таблица, где автор приводит данные о количестве и видах домашних животных по областям Северного Ирака⁷⁷.

Курдское население Ирака занято и в нефтедобывающей промышленности. Однако автор не приводит цифрового материала по этому весьма важному вопросу. Специальный этнографический интерес представляет раздел о производстве традиционных шерстяных изделий: мужской одежды *ранг-о-чоха*, ковров и покрывал *джаджем*, *шал*, *бар-мал*, изделий из глины: кувшинов *дизе*, мисок *лаген*, изделий из дерева: лопат *бел*, ложек *каучек*, половников *каучек*, посуды для кислого молока *джамидо* и т. д.

Шакер Хасбак сообщает также о домашних промыслах у курдов Ирака, изготовлении ими молочных продуктов: масла, кислого молока и т. д.⁷⁸

Особый интерес, на наш взгляд, представляет материал о транспорте и торговле в Курдистане⁷⁹. Он наглядно показывает огромную роль, которую играют дороги в жизни населения⁸⁰. Но этот раздел должен прежде всего привлечь внимание географов.

В 1970 г. на словацком, английском, а затем и на арабском языке вышла книга Абд ар-Рахмана Касемлю «Курдистан и курды (политическое и экономическое изучение)»⁸¹. Автор — курд из Сирии — получил высшее образование в Чехословакии. Его книга содержит большой фактический материал по истории, экономике, географии, этнографии курдов. Зная курдский, арабский, турецкий, английский, французский, русский, чешский и словацкий языки, А. Касемлю использовал работы о курдах, написанные на этих языках.

В своей работе автор сообщает общие сведения о Курдистане (пишет о его населении, о религии курдов, об их языке и литературе, об образовании и т. д. Нам представляется, однако, что он приводит не совсем верные данные о сектах и религиозных верованиях. Например, иудансты никогда не считали себя курдами, хотя среди них есть лица, знающие курдский язык. Кроме того, автор совсем ничего не говорит о курдах, относящихся к сектам кокси и шабаки.

Освещая разного рода этнографические вопросы, автор, однако, рассматривает их, не выделяя курдов по странам Передней Азии или же довольно подробно останавливаясь лишь на этнографии курдов Иранского Курдистана. Так, А. Касемлю посвящает четвертую главу экономике Курдистана; в пятой сообщает о роли продуктов Курдистана на международном рынке, в шестой рассказывает о формах земельной собственности, в основном у курдов Ирана.

В 1970 г. в Дамаске была опубликована на арабском языке книга Фазеля аль-Ансари, географа, получившего образование в Югославии и работающего в настоящее время в Дамасском университете, «Население Ирака»⁸². В ней содержится очень важный полевой материал о населении Ирака: арабах, курдах, туркменах и других народах. Для этнографа особый интерес представляют таблицы о рождаемости, браках и смертности населения⁸³.

Автор справедливо обосновывает процесс роста городского населения уходом крестьян из деревень в город на работу в промышленность⁸⁴, прежде всего, в связи с тяжелыми материальными условиями жизни и усилением эксплуатации помещиками. В настоящее время в Ираке публикуются различные статистические материалы о населении. Это очень нужные, хотя, к сожалению, и не совсем точные документы, которые показывают нам динамику народонаселения, сообщают сведения о развитии транспорта и т. д.⁸⁵

⁷⁷ Там же, стр. 405.

⁷⁸ Там же, стр. 466—470.

⁷⁹ Там же, стр. 472—476.

⁸⁰ Там же, стр. 494—514.

⁸¹ Абд ар-Рахман Касемлю, Курдистан ва-ль-акрад, Бейрут, 1970 (на араб. яз.).

⁸² Фазель аль-Ансари, Соккан аль-ирак, Дамаск, 1970 (на араб. яз.).

⁸³ Там же, стр. 81—92.

⁸⁴ Там же, стр. 120—211.

⁸⁵ «Аль-маджмуа аль-ихсана ас-санавиа (Визарат ат-тахтид)», Багдад, 1971—1972 (на араб. яз.).

Следует также отметить, что в Ираке выходит ежемесячный сельскохозяйственный журнал, издаваемый Министерством сельского хозяйства. В нем этнограф может найти статьи о производстве у курдов Ирака молочных продуктов, например сыра (панир), и некоторые другие⁸⁶.

* * *

Подытоживая историографический обзор литературы на арабском и курдском языках по этнографии курдов Ирака, следует отметить прежде всего немногочисленность специальной литературы. Имеющиеся же работы содержат в основном лишь отдельные, а порой и самые общие сведения, часто не имеющие этнографического характера. Те же этнографические материалы, которые приведены в этих работах, зачастую уже достаточно хорошо известны (например, сведения о курдах-езидах). В целом курды Ирака остаются пока еще слабо изученными в этнографическом отношении.

М. Х. А. Ариф

⁸⁶ «Муджала аль-зираа аль-иракие», Багдад, 1951 (октябрь, ноябрь, декабрь) (на араб. яз.).

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества. Издание 2-е, переработанное и дополненное. М., 1974, 223 стр.

Первое издание этой книги, вышедшее в 1968 г., получило тогда же весьма положительную оценку критики¹. И не даром. Едва ли не впервые в нашей научно-учебной литературе появилась книга, написанная видными специалистами, где трактовка сложнейших проблем доклассового периода человеческой истории отвечает современному уровню археологической, этнографической, антропологической наук, а способ изложения этих проблем вполне доступен пониманию студентов-первокурсников. Прежние учебники по этому предмету (П. П. Ефименко, В. И. Равдоникас, В. К. Никольский, М. О. Косвен, Ю. В. Кышенко и др.) при всех их достоинствах уже не отвечают современным требованиям.

Второе издание книги, переработанное и дополненное, вышло в свет через 6 лет. Это были годы больших достижений советских исследователей и прогрессивных ученых во многих зарубежных странах, годы новых открытий, годы широких творческих дискуссий — особенно в нашей стране — по вопросам антропогенеза, социогенеза, структуры первобытного общества, динамики его развития и перехода от доклассового к классовому обществу. В эти дискуссии были вовлечены антропологи и приматологи, археологи, этнографы и историки разных специальностей. Споры, разумеется, еще не закончились, но какие-то итоги их, несомненно, налицо. И вот чрезвычайно интересно посмотреть, какие изменения авторы сочли нужным ввести в текст учебника при его переработке, что добавлено, что изложено по-другому? Отражают ли эти изменения рост советской науки?

Структура книги не изменилась — то же деление на главы и параграфы. Объем увеличился на три печатных листа. Какие же части книги подверглись переработке и в каком направлении? Рассмотрим по главам.

Во «Введении» несколько расширено изложение проблемы периодизации первобытной истории: приведены мысли Ф. Энгельса и В. И. Ленина для обоснования пересмотра моргановской схемы «дикость — варварство» (стр. 7); отмечено разногласие между советскими учеными — рассматривать ли периоды «присваивающего» и «производящего» хозяйства как два самостоятельных этапа истории первобытного общества? (стр. 8); смотреть ли на переходные эпохи (начальный и заключительный этапы первобытной истории) как на внеформационные периоды? (стр. 9). Словом, здесь несколько больше подчеркнута «проблемность» предмета первобытной истории, и это нельзя не одобрить.

Первая глава — об историографии и источниках первобытной истории — заметно расширена, в частности историографическая ее часть, и за это можно тоже только поблагодарить авторов. Гораздо рельефнее, чем в первом издании, нарисована картина постепенного становления наук о первобытном обществе, накопления этнографических знаний, антропологических и археологических данных и, что особенно важно, борьбы между прогрессивными и реакционными течениями в понимании самого предмета первобытной истории. Яснее и полнее изложена марксистская концепция первобытности (стр. 20, 21). Значительно больше сведений получает читатель о различных схемах развития первобытного хозяйства, семьи, общественного быта, культуры, создававшихся в буржуазной науке в конце XIX и в XX в.: изложены, конечно кратко,

¹ См. рецензии: Ю. П. Аверкиевой («Сов. этнография», 1968, № 6), П. И. Борисковского («Сов. археология», 1969, № 3), А. В. Арциховского («Вестник высшей школы», 1969, № 5).

взгляды К. Старке, Э. Вестермарка, Э. Гроссе на развитие семьи и брака, исследования Эд. Хана о древних формах хозяйства, «социологическая» методология Э. Дюркгейма и близкая к ней теория «дологического мышления» Л. Леви-Брюля. Полнее, чем раньше, охарактеризованы взгляды английских функционалистов, американской школы Ф. Боаса, больше сказано о заслугах русских ученых в данной области знания (стр. 22—28).

В этом по необходимости сжатом историографическом очерке с уважением говорится о положительном вкладе тех или иных буржуазных исследователей в науку о первобытной истории, но без всякого затушевывания их ошибок или реакционных черт той или иной концепции.

Кое с чем здесь можно, конечно, и поспорить. Например, хотя авторы справедливо говорят о влиянии марксизма на взгляды многих буржуазных ученых, но конкретные примеры такого влияния выбраны неудачно: едва ли можно серьезно говорить о «заметном влиянии» марксизма («нового учения о первобытном обществе») на А. Бастиана и на Э. Тэйлора (стр. 22).

Кстати, надо отметить мелкую, но весьма досадную типографскую погрешность, искажающую смысл излагаемой мысли: речь идет о взглядах главы этнопсихологической школы А. Кардинера, который утверждал неизменность «структуры основной личности западного человека»: она-де видна из «постоянства отношения к быту» (!) на протяжении 5 тысяч лет (стр. 27). На самом деле А. Кардинер говорил о постоянстве отношения западного человека к богу!

В конце § 1 в характеристике современного состояния советских исследований первобытного общества сделано небольшое, но принципиально важное дополнение: здесь сказано о проблемах, на которые лишь недавно обращено серьезное внимание: первобытная экономика, вопрос об «историческом и функциональном соотношении рода, общины и семьи» (стр. 30).

Эти добавления к первой главе, бесспорно, улучшили ее. Глава в большей степени, чем раньше, заставляет читателя думать о проблемах, вместо того чтобы заучивать формулы; учит с уважением относиться к трудам нескольких поколений ученых, строивших, хотя бы через ошибки, нашу науку.

Вторая глава посвящена «становлению первобытного общества». В ней почти нет существенных изменений в сравнении с первым изданием. Надо не забывать, впрочем, что сама задача — изложить на уровне учебника сложнейшие проблемы антропо- и социогенеза, опирающиеся на скудные данные первобытной археологии, палеоантропологии и приматологии, — неизменно трудна. Авторы правильно поступают, когда стремятся и здесь выдержать тот же проблемный и историографический стиль изложения и избегают догматических и категорических утверждений. Они правы, однако, и в том, что среди разнообразных «теорий антропогенеза» избирают одну — «трудную» теорию Ф. Энгельса, единственную, «которая подчеркивает решающую роль общественного, социального в становлении человека, показывает, что без общества не было бы человека, объясняет происхождение мышления и речи» (стр. 39). Они вполне правильно называют теорию Энгельса «всеобъемлющей».

Жаль, однако, что в изложении этой теории авторы допускают неясные или даже явно неудачные формулировки. Что означает, например, такой тезис: «начиная с эпохи позднего палеолита прекратилась физическая реакция человека на изменения в производстве, сменившись более сложной зависимостью, опосредствованной в процессе производства» (стр. 40) или: «с этой эпохи прогресс в области производства не зависит от каких-то морфологических преобразований, а определяется только развитием человеческого сознания»? (там же) — кстати, этого не было в первом издании.

Но главная трудность, с которой столкнулись авторы, излагая проблему становления первобытного общества, связана с вопросом о пресловутом «первобытном человеческом стаде». Авторы и здесь стараются удержаться в рамках «проблемного» изложения и не скрывают от читателя существующих среди советских ученых разногласий. В данном случае они, однако, решительно становятся на сторону тех, кто признает законность самого понятия «первобытное человеческое стадо», а таких большинство, и отвергают сомнения «некоторых ученых», которые не считают возможным соединять в одно целое два понятия — «человеческий» и «стадо» (стр. 8, 9, 59 и др.). Думается, все-таки, что этот сложный вопрос не решается одним упоминанием о «диалектическом своеобразии» и «переходном состоянии» этой гипотетической организации «древнейших и древних людей». Ведь не уйти от вопроса: если это были люди, то почему же коллективы их не были «обществами»? И если это было «стадо», то чем же эти «стада» людей отличались от «стад» обезьян, буйволов, лошадей и других стадных животных? Конечно, термины — вещь условная, однако в данном случае необходимо продолжить работу над уточнением терминологии. Во всяком случае, авторы хорошо сделали, что сняли в этом издании спорный термин хотя бы из подзаголовка главы, где он фигурировал в первом издании.

С этим вопросом тесно связан и другой, о котором тоже немало спорят: о соотношении между «животным эгоизмом» и «первобытным коллективизмом». Этот вопрос авторы решают, думается, в целом правильно, хотя и тут можно бы пожелать больше четкости. Общая формула, вынесенная в заголовок особого раздела, гласит: «изживание животного эгоизма и становление первобытного коллективизма» (стр. 62; в первом издании вместо «животного эгоизма» стоял «зоологический индивидуализм»,

но тут принципиальной разницы нет). Формула эта раскрывается так: «Хотя предки человека были стадными животными, их поведение определялось не только стадными, но, так же как и поведение всех животных, чисто эгоистическими рефлексами» (стр. 62). Можно спорить, однако, против пригодности самого понятия «эгоизм», «эгоистический» (да еще «чисто эгоистический»), применительно к животным (причем «индивидуализм» здесь ничуть не лучше!) Можно тем более спорить по поводу противопоставления (на биологическом уровне) понятий «эгоизм» и «коллективизм» и по поводу тезиса об «острой борьбе» между тем и другим (там же). У стадных животных, к числу которых принадлежали и предки человека, поведение каждой особи подчинено сложным инстинктам, где «эгоистические» и «коллективистические» тенденции отнюдь не противостоят друг другу в общей форме (т. е. принципиально), ибо интересы особи и интересы стада, как правило, совпадают; «борьба» между этими тенденциями может иметь место только в отдельных конкретных случаях. Едва ли можно поэтому согласиться и с тезисом об «изживании» эгоизма, скорее можно говорить о нарастании последнего в ходе уже чисто человеческой истории, особенно на поздних ее этапах. В связи с этим трудно принять и само выражение «становление первобытного коллективизма»: не вернее ли считать этот «первобытный коллективизм» в полном смысле слова первобытным, т. е. изначальным, исконным, восходящим к дочеловеческой эпохе. Ведь недаром Энгельс в одном из своих писем к Каутскому писал: «Где существует общность — будь то общность земли, или жен, или чего бы то ни было, — там она непременно является первобытной, перенесенной из животного мира. Все дальнейшее развитие заключается в постепенном *отмирании* этой первобытной общности...»².

Нечеткость некоторых выражений не мешает авторам занимать в целом, видимо, правильную позицию в данном вопросе. Они пишут: «Переход даже к простейшим трудовым операциям мог произойти только в коллективе, в условиях стадных форм поведения... Уже на самых ранних эпохах антропогенеза и истории первобытного общества имело место подавление животного эгоизма в добычании и распределении пищи, в половой жизни и т. д.». А «естественный отбор» способствовал «сохранению именно тех коллективов, в которых сильно были выражены социальная связь и взаимопомощь...» (стр. 62). По-видимому, так и было.

Третья глава названа «Расцвет первобытного общества» (заглавие, кстати, не очень удачное, потому что самые понятия «расцвет» и «первобытность» исключают друг друга). Она самая большая по объему. Центральной проблемой здесь является вопрос о сущности родового строя, о материнском роде (материнско-родовой общине), а с этим тесно связаны и вопросы о происхождении экзогамии, о ранних формах семьи и брака. Вопросы эти — очень трудные — трактуются авторами на достаточно высоком научном уровне. Им удалось здесь показать, что и ранее известные, и недавно полученные данные науки лишь подтверждают правильность марксистского понимания сущности первобытнообщинного строя и его динамики. Вместе с тем во втором издании расширена трактовка неясных и дискуссионных проблем, изложены (конечно, кратко) различные взгляды зарубежных и советских ученых по этим проблемам. Добавления к прежнему тексту (стр. 74—76, 79, 100—106 и др.) надо признать в целом весьма удачными. Вставлен небольшой новый раздел — «Вопрос о соотношении рода, семьи и общины» (стр. 106—108), посвященный этой сугубо сложной проблеме, в котором авторы, изложив существующие точки зрения, предлагают свое, достаточно обоснованное решение (стр. 108).

Четвертая, заключительная глава посвящена «разложению первобытного общества». Этот сложный комплекс проблем излагается авторами опять-таки на уровне современных научных знаний и в духе последовательно проводимого марксистского понимания исторического процесса. По сравнению с первым изданием и эта глава несколько расширена. Переработан и расширен раздел о процессе классообразования (стр. 200—204); авторы и здесь приняли во внимание дискуссии последних лет по этой проблеме, изложили кратко различные взгляды советских ученых о первоначальных формах эксплуатации человека человеком (рабство? кабала? данничество? зачатки феодализма?) и о возможностях развития их в самостоятельный способ производства.

Переработан и существенно улучшен небольшой, но важный раздел о «разделении умственного и физического труда» (стр. 209, 210), который в первом издании был слишком схематичным.

Совершенно по-новому написан пятый параграф («Этнические и языковые процессы эпохи разложения первобытного общества», стр. 211—215). Авторы постарались здесь в максимальной мере учесть материалы оживленной дискуссии о типах этнических общностей, протекавшей в последнее время в среде советских ученых — историков, этнографов, лингвистов — и еще не законченной; последнее обстоятельство отмечают и сами авторы, говоря, например, о неясности термина «народность» (стр. 213).

Недостаток места не позволяет здесь рассмотреть другие дискуссионные вопросы, затронутые в разбираемой книге. В большинстве случаев трактовка их может считаться, как уже говорилось, удачной.

Упомянем, однако, о некоторых общих вопросах, изложение которых в книге может не вполне удовлетворить читателя.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 376.

Самый важный, но и самый трудный из них — это, конечно, вопрос о движущих силах развития первобытного общества (я оставляю здесь в стороне движущие силы самого процесса антропогенеза в его биологическом аспекте). Ясного и удовлетворительного решения его в научной литературе вообще нет. Нет его и в рецензируемой книге, хотя местами, если не решение вопроса, то хотя бы постановка его напрашивается по самому ходу изложения материала.

Так, говоря о «появлении человека современного вида», авторы «неразрывно связывают» этот процесс «с мощным скачком в развитии производительных сил при переходе от раннего к позднему палеолиту»; «скачок» этот они считают одновременно и «следствием процесса завершения биологической эволюции» и его «важнейшим условием» (стр. 71). Но чем же, собственно, был вызван этот «скачок»? Почему наши предки, сотни тысячелетий «скальвавшие грубые пластины» с кремневых нуклеусов, перешли вдруг к изготовлению «длинных, тонких, и... легких пластин» и к ретушированию их, почему стали они изготовлять более «специализированные орудия», в том числе с деревянными или костяными рукоятками, или целиком из кости и рога (стр. 71, 72, 74)? Ответа нет, да и вопрос, в сущности, не поставлен.

Далее, говоря о постепенных усовершенствованиях техники на протяжении верхнепалеолитической эпохи (совершенствование обработки камня, изобретение лука и эволюция приемов охоты, появление рыболовства, переход к неолиту, возникновение земледелия и скотоводства и пр.), авторы очень добросовестно и, очевидно, правильно характеризуют все эти ступени в развитии материального производства, но читатель и здесь не находит постановки прямого вопроса — а почему все это так происходило, чем был вызван этот «рост производительных сил» (стр. 79, 146 и др.)?

Приступая в начале четвертой главы к анализу процесса «разложения первобытного общества», авторы и здесь говорят о материальной основе этого процесса — о «дальнейшем значительном росте производительных сил» (стр. 157), но опять-таки вопрос — каковы же были стимулы этого роста — не поставлен. По крайней мере он не поставлен в общей форме; не говорится об этом и по более частным поводам: например, ничего не сказано о стимулах перехода к обработке металлов — бронзы, железа, хотя этому важнейшему явлению уделяется много внимания (стр. 158—162). На стр. 169 отмечается, что общественное разделение труда было «обусловлено мощным скачком в развитии производительных сил», а чем, собственно, был обусловлен сам этот «мощный скачок» — этот вопрос тоже не задается.

Другая, более частная, но тоже весьма важная проблема истории первобытной эпохи, оставшаяся неясной в разбираемой книге, — проблема «матриархата».

Этим термином авторы книги пользуются несколько неуверенно, стараясь даже по возможности его избегать. Говоря о возникновении общинно-родового строя и о ранних его формах, т. е. о той эпохе, к которой обычно и относят понятие «матриархата», они употребляют выражения «материнский род», «материнская, женская линия», «материнский счет родства», «материнско-родовой строй», но не «матриархат» (стр. 74, 75). Характеризуя общественные отношения этой раннеродовой эпохи, авторы говорят о «выдающейся роли женского труда в хозяйственной жизни общины», о «высоком общественном положении женщины», — приводя этнографические примеры этого, но опять не пользуясь термином «матриархат» (стр. 102). Термин этот появляется в тексте впервые там, где речь идет о «развитой родовой общине земледельческо-скотоводов» (иллюстрируемой примерами ирокезов и других индейских племен, островитян Меланезии). Здесь отмечается «преобладающее» положение женщины, «матрилокальное» (или «уксорилокальное») брачное поселение и пр. — все то, что по словам авторов, «часто называют матриархатом»; тут же сделана, однако, и оговорка об условности этого термина (стр. 148). Кстати, в первом издании термина «матриархат» и в этом месте не было.

В главе четвертой, посвященной разложению первобытного общества, авторы более свободно пользуются термином «матриархат». Но и здесь заметна их колеблющаяся позиция: в ряде мест, где в тексте первого издания говорилось о «матриархате» и о переходе от него к патриархату (см. первое издание, стр. 170, 172, 173, 175, 176), во втором издании этот термин последовательно заменен выражениями: «переход от материнско-родовых отношений к патриархату» (стр. 181), «изменение счета родства и наследования» (стр. 182), «пришедший на смену материнско-родовой организации патриархат» (стр. 185) и пр. Но и во втором издании осталось выражение: «заменить присущие материнскому роду матриархальные начала начальными патриархата» (стр. 180). Особый раздел посвящен «позднему матриархату» (стр. 187—190).

Эту неуверенность и нерешительность в пользовании термином «матриархат» опять-таки не следует вменять в вину авторам рецензируемой книги. Здесь вновь отразилось состояние нашей науки: несмотря на целый ряд проведенных дискуссий, несмотря на ряд опубликованных полемических статей и целых исследований, вопрос о законности понятия «матриархат» и о точном содержании этого понятия приходится считать нерешенным.

Да и другие, сделанные выше критические замечания по книге никак нельзя рассматривать как укор ее авторам. Они почти целиком относятся к теперешнему состоянию науки о первобытном обществе, к недоработанным участкам в этой науке. Но подобно тому как достижения советской науки о первобытности намного перевешивают ее недостатки, так и достоинства рецензируемой книги гораздо значительнее и важнее, чем ее недочеты.

С. А. Токарев

Материалы экспедиции академика Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821—1829 гг. Научное описание. Издание подготовили Д. Е. Бертельс, Б. Н. Комиссаров, Т. И. Лысенко. Под ред. Л. А. Шура. Отв. ред. Б. В. Левшин. Труды Архива АН СССР, вып. 25, Л., 1973, 228 стр.

В 1930 г. литературовед и археограф Л. Б. Модзалевский обнаружил в Ленинграде, в Ботаническом музее АН СССР, основную часть считавшегося утерянным архива экспедиции Г. И. Лангсдорфа в Бразилию, и советские исследователи приступили к изучению материалов этой интереснейшей экспедиции. За истекшие 45 лет в результате разысканий ряда ученых (Н. Г. Шпринцин, Б. Н. Комиссаров и др.) было выявлено много новых материалов экспедиции в Архиве АН СССР и в ряде других архивохранилищ страны, вышло в свет немало публикаций и исследований¹.

Н. Г. Шпринцин обнаружила в Архиве АН СССР в фонде вице-адмирала и писателя А. В. Фрейганга рукопись Н. Г. Рубцова «Путешествие Лангсдорфа в Южную Америку в 1820-х годах». Б. Н. Комиссаров и сотрудники Архива АН СССР довели до конца начатую Н. Г. Шпринцин чрезвычайно трудоемкую и требующую специальных знаний и навыков работу по расшифровке материалов экспедиции. Необходимо отметить большую роль Б. Н. Комиссарова в исследовании ряда аспектов бразильской экспедиции. Не малая заслуга в расшивке материалов принадлежит М. В. Крутиковой.

Однако до сих пор систематического и полного научного описания материалов бразильской экспедиции Лангсдорфа не существовало. Ныне перед нами такое описание.

В рецензируемом издании описаны нарративные, картографические и изобразительные материалы экспедиции, хранящиеся в Ленинградском отделении Архива АН СССР, в Архиве внешней политики России, Центральном государственном историческом архиве и Центральном государственном архиве Военно-Морского флота. Эти материалы являются ценнейшими источниками для всестороннего изучения Бразилии начала XIX в. Достаточно сказать, что до нас дошли дневники самого Лангсдорфа за 1824—1828 гг., список путевого журнала художника экспедиции Флоранса за 1827—1829 гг., дневник Э. П. Менетрие, рукопись труда Н. Г. Рубцова. В дневнике Лангсдорфа содержится огромный материал по географии, этнографии, зоологии, ботанике, минералогии, климату, медицине, лингвистике. Особую ценность представляют сведения по этнографии, географии и экономике Бразилии. Не менее интересны рукописи других участников экспедиции — Менетрие, Риделя, Рубцова, Флоранса. Здесь имеются богатые материалы о флоре, фауне, сельском хозяйстве, горном деле, не говоря уже об обширных сведениях этнографического порядка.

Участники экспедиции встречались с представителями племен апиака, бороро, ботокудами, короато, коропо, пур, гуана, гуато, мундуруку и др. Рукописные материалы экспедиции содержат сведения о различных сторонах материальной культуры, обычаях и правах индейцев упомянутых племен, экономических связях аборигенов с населением городов и фазенд, эксплуатации труда индейцев, «индейской» политике бразильского правительства и т. п. Все эти материалы представляют огромную ценность, так как часть индейских племен в настоящее время уже не существует, культура других подверглась сильной трансформации. Почти все эти племена мало изучены, в этнографической литературе о них имеются неполные, зачастую отрывочные сведения. В дневниках Г. И. Лангсдорфа, а также в рукописях других участников экспедиции много этнографических материалов о неграх (свободных и рабах), о тяжелых условиях их жизни в городах, в фазендах, на золотых и алмазных приисках, об их религиозных воззрениях, празднествах, погребальных обрядах и т. д. В архиве экспедиции имеются фольклорные и лингвистические материалы.

Кроме рукописных материалов, сохранились альбомы рисунков художников экспедиции. Многие рисунки, изображающие индейцев, в настоящее время представляют исключительную ценность, так как по ряду племен почти нет изобразительного материала (апиака, мундуруку и др.).

В Бразилии Лангсдорф изучил многие архивы, ознакомился с официальной перепиской, сделал множество выписок, конспектов, копий, справок и пр. Кроме того, в архиве экспедиции сохранились письма, записки, проекты и труды бразильских государ-

¹ См.: Т. Bogoras, Le centième anniversaire des expéditions russes à l'Amérique du Sud. «Atti del XXII Congresso internazionale degli Americanisti», Roma, 1928, vol. II, p. 607—617; Н. Г. Шпринцин, «Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию в первой четверти XIX века», «Сов. этнография», 1936, № 1; е е же, Материалы русских экспедиций в Южную Америку, хранящиеся в Архиве АН СССР и в Институте этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 2; е е же, Первая русская экспедиция в Бразилию, в сб. «Вопросы географии», М.—Л., 1956; Б. Н. Комиссаров, Новый русский источник по истории и этнографии Бразилии 20-х годов XIX века (Записки Н. Г. Рубцова), «Сов. этнография», 1963, № 3; е е же, Бразилия в описаниях участников русской экспедиции 1821—1829 годов, «Новая и новейшая история», 1966, № 3; е е же, Материалы экспедиции Г. И. Лангсдорфа 1821—1829 гг. как источник по истории Бразилии, Там же, 1968, № 1; е е же, Академик Г. И. Лангсдорф (К 200-летию со дня рождения), «Известия Всесоюзного географического общества», 1974, т. 106, № 2, и др.

ственных деятелей, ученых, путешественников, предпринимателей. И в этих документальных материалах — много ценного для исследователей. Это конспект статьи о провинции Минас-Жерайс бразильского путешественника и географа Ж. Виейры Коуту, записки и статьи ученого статистика Д. П. Мюллера, главного интенданта Алмазного округа М. Албукерки, статистические таблицы о населении и экономической жизни провинций Минас-Жерайс, Сан-Паулу и т. д.

В архиве экспедиции сохранилось также много карт. Так, Рубцовым вычерчены 28 маршрутных карт и 8 планов населенных пунктов.

Доставленные в Россию в 1822—1830 гг. коллекции и документы экспедиции составили лишь часть экспедиционного архива. Значительная доля экспедиционных материалов осталась в Бразилии или погибла. Известно, что в поместье Лангсдорфа в Бразилии и в его доме в Рио-де-Жанейро хранились богатая библиотека и бумаги, но сведений о них нет. За рубежом осталась и часть архивов Флоранса, Риделя, Ругендаса, Тонзля. Основная часть рисунков Ругендаса (он находился в составе экспедиции до конца 1824 г.) хранится в библиотеках и музеях Мюнхена, Западного Берлина, Потсдама, Аугсбурга, Дрездена и в ряде частных собраний.

Лангсдорф вскоре после окончания экспедиции вышел в отставку и поселился в Германии, во Фрейбурге. Неизлечимая душевная болезнь вывела его из строя, и в 1852 г. он умер забытым. Участники экспедиции были счастливее своего руководителя, но судьба разбросала их по свету. В 1874 г. в Петербурге скончался отставной полковник Н. Г. Рубцов (в 1837—1860 гг. он заведовал архивом Гидрографического департамента Морского министерства). Флоранс дожил до 1879 г. и умер в Бразилии преуспевающим плантатором, оставив по себе славу одного из зачинателей фотографии в Латинской Америке.

Рецензируемая книга открывается содержательной статьей Б. Н. Комиссарова «Академик И. Г. Лангсдорф и его экспедиция в Бразилию в 1821—1829 гг.» (стр. 7—43). Всед за ней помещены описания дневников участников экспедиции (Лангсдорфа, Менетрие, Флоранса) и законченных трудов Лангсдорфа, Рубцова, Флоранса. Далее описаны материалы, собранные участниками экспедиции по этнографии, географии, экономике, лингвистике, о фауне и флоре и т. п.

Книга иллюстрирована, имеется резюме на португальском языке. Работа снабжена многочисленными указателями, но они не безупречны: нередко чересчур глухи и лаконичны. Что может дать, например, характеристика Игнаца Ольферса как «немецкого натуралиста, путешественника и дипломата»? Ведь государства «Германия» в начале XIX в. не существовало, насчитывалось 36 немецких государств. Поэтому следовало упомянуть, на службе какого из них находился Игнац Ольферс, указать годы его жизни. Встречаются и неточности. Так, вместо «Вид-Нейвид Максимилиан, фон» надо «Вид цу Вид-Нейвид, принц фон». В предметных указателях названия растений и животных следовало бы дать не только на русском, но и на латинском языке.

В целом рецензируемое издание выполнено на высоком научном уровне, отражающем последние достижения советской археографии, что вообще характерно для трудов Архива Академии наук СССР.

Книга принесет большую пользу этнографам, историкам, географам, зоологам, ботаникам, лингвистам. Она встречена с большим интересом за границей, прежде всего в Бразилии. К сожалению, тираж книги настолько незначителен (1100 экз.), что ее не смогли приобрести даже многие специалисты. Поэтому настоятельно требуется второе ее издание.

Выход в свет этой работы напоминает о необходимости приступить к подготовке издания (а не только описания) архива экспедиции Лангсдорфа. Выход в свет такого издания будет важным вкладом в науку, достойным памятником подвигу русских ученых в Бразилии начала прошлого века.

М. А. Коган

Th. Vaughan, A. A. St. C. M. Murray-Oliver. Captain Cook, R. N., the resolute mariner. An international record of Oceanic discovery. Oregon Historical Society. Portland, Oregon, 1974. 97 p.

В 1974 г. в американском городе Портленде (штат Орегон) была организована международная выставка, отражающая деятельность выдающегося английского мореплавателя Джемса Кука. Она была устроена в ознаменование столетия Орегонского исторического общества (1873—1973) его директором Т. Воганом и новозеландским этнографом и историком А. А. Мюррей-Оливером. В ее подготовке (длившейся шесть лет) принимали участие десятки ученых Старого и Нового Света, в том числе крупнейший исследователь литературного наследия Дж. Кука новозеландский географ Дж. Биглехол.

Были использованы фонды свыше сорока музеев, архивов, библиотек и научных обществ Австралии, Англии, Ирландии, Канады, Новой Зеландии, СССР и США, в частности материалы Национального морского музея в Гринвиче, Митчелловской биб-

лютеки в Сиднее, Кембриджского университета, Национальной художественной галереи в Лондоне. Большую помощь выставке оказала А. Кеплер — сотрудница Музея Бишопа в Гонолулу.

Особо следует отметить, что организаторы выставки использовали материалы ценнейшей этнографической коллекции, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. Эту коллекцию в 1779 г. преемник Джемса Кука капитан Ч. Кларк передал в дар главному командиру Камчатки премьер-майору Магнусу Бему.

Каталог выставки открывается рядом статей, посвященных начальному этапу открытий в Тихом океане (Т. Воган), трем плаваниям Дж. Кука (Т. Воган) и итогам открытий, совершенных в ходе этих экспедиций (А. А. Мюррей-Оливер).

В кратком предисловии к работе Т. Воган подчеркивает, что «главная цель выставки состояла в том, чтобы дать наглядное представление о трех великих экспедициях сообразно их хронологической последовательности». Он также отмечает, что в материалах выставки нашли отражение события и факты, связанные с начальным этапом деятельности Дж. Кука, сына поденщика, прошедшего путь от юнги на судах каботажного плавания до руководителя наиболее значительных морских экспедиций XVIII в.

Организаторами выставки был собран огромный и разнообразный материал, который в каталоге представлен далеко не полностью. Так, в него не были включены многочисленные ботанические, орнитологические и ихтиологические экспонаты.

Со времени плаваний Кука прошло 200 лет. «Весомо и зримо» представить себе историческую обстановку, в которой совершались его экспедиции, — задача не простая. Но она была успешно разрешена, поскольку устроители выставки сделали все возможное, чтобы в ее реалиях отразить самые различные аспекты деятельности прославленного мореплавателя.

215 экспонатов, описанных в каталоге, вводят читателя в эпоху экспедиций Дж. Кука и позволяют ознакомиться с их участниками, их кораблями и итогами всех трех плаваний¹.

Условно эти экспонаты можно подразделить на восемь групп.

1. Иконографические материалы. Это портреты предшественников Дж. Кука (Колумба, Магеллана, Дрейка, Ансона, Байрона, Бугенвиля), самого руководителя экспедиций (кисти Л. Каста и Дж. Веббера — последний был участником третьего плавания Дж. Кука), соратников Дж. Кука (Бенкса, Паркинсона, Молине, И. Р. и Г. Форстеров, Уорда, Кларка, Блая, Соландера, Гора, Веббера), покровителя командира экспедиций Х. Пализера и первого лорда адмиралтейства в 1771—1782 гг. графа Дж. Сандвича. Следует упомянуть и о трех медалях, выбитых в 80-х годах XVIII в. в честь Дж. Кука и одного из наиболее способных его помощников, участника третьего плавания капитана Дж. Кинга.

2. Образцы навигационных приборов второй половины XVIII в. (секстанты Хадли, телескопы, квадрант Хадли, компасы и т. д.), морской альманах 1777 г. и рисунок полевой обсерватории астронома У. Бейли.

3. Материалы, относящиеся к кораблям экспедиций Кука (планы корабля «Индевр», модель флагмана второй и третьей экспедиций судна «Резолюшн», зарисовки кораблей на стоянках, изображение ростральной фигуры с корабля «Резолюшн»). Большой интерес представляет экспонат № 1 каталога — пушка, сброшенная в море у Большого барьерного рифа в 1770 г. во время аварии на «Индевре» и поднятая на поверхность в 1969 г.

4. Личные вещи Дж. Кука. Его столовый прибор, линейки, записки, несессер, библия и т. д.

5. Зарисовки берегов новооткрытых стран, различных эпизодов плаваний, изображения птиц, животных и растений. Авторами большинства этих иллюстраций являются художники С. Паркинсон, У. Ходжс и Дж. Веббер — спутники Дж. Кука. Объектами их наблюдений были острова южных морей (в частности, острова архипелага Общества, острова Тонга, Новые Гебриды, Гавайские острова, Новая Зеландия), берега Северо-Западной Америки, Петропавловская гавань, полярные моря южного и северного полушарий. В каталоге приводятся также описания четырех иллюстраций (воспроизведена лишь одна из них), в которых запечатлены события, связанные с гибелью Дж. Кука.

6. Фотокопии некоторых писем Дж. Кука 60—70-х годов XVIII в., судовых журналов и дневников первой экспедиции, дневника, который вел Дж. Кук в 1755—1756 г. в качестве подштурмана корабля «Игл», а также копии ряда документов, относящихся ко всем трем экспедициям. Этот раздел, на наш взгляд, мог бы быть представлен полнее, поскольку организаторам выставки были доступны открытые Дж. Биглехолом подлинники журналов Дж. Кука и его спутников.

7. Фотокопии карт, составленных Дж. Куком. К сожалению, экспонировалось лишь небольшое их количество (б. Таити, Новый Южный Уэльс, Новая Зеландия, южная часть Тихого океана). В каталоге дается французская карта мира 1755 г., кото-

¹ Пользование каталогом несколько затрудняется тем, что в некоторых случаях описания экспонатов даются без фотоснимков.

рая позволяет судить об уровне географических представлений до экспедиций Дж. Кука.

8. Этнографические материалы экспедиций Дж. Кука. Для настоящей рецензии они представляют наибольший интерес и заслуживают более обстоятельной характеристики.

Экспонировались различные материалы — иллюстрации уже упомянутых художников экспедиций, на которых запечатлены встречи британских мореплавателей с коренными жителями островов Таяити, Тонга, Новых Гебрид и Гавайских, зарисовки аборигенов с островов Танна (Новые Гебриды), Новой Каледонии, Новой Зеландии и других; типы таитянских, гавайских, маорийских и тонганских каноэ; сцены менового торга на Гавайских островах; изображения плясок жителей этих же островов, а также погребальных и ритуальных церемоний на Таяити; зарисовки жилищ коренных жителей островов Тонга, залива Нутка и Уналашки; вид маорийских хижин и новозеландского укрепленного поселения.

Наибольшую ценность представляют экспонаты (большей частью фотоснимки) различных орудий труда, предметов утвари, образцов оружия, материй, одежды и украшений обитателей различных местностей в южных морях и на северо-западных берегах Америки.

В каталог включено описание 38 различных этнографических экспонатов, причем 10 из них относятся к фондам МАЭ. Экспонаты английских и ирландских хранилищ — таитянские хлопущки для мух и каменные мотыги, инструменты для татуировки, маорийские боевые палицы (пату-пату), лук обитателей Огненной Земли, тонганские боевые дубинки, образцы различных изделий из тапы, таитянская соломенная корзинка, шлем и накидка из перьев того же материала с Гавайских островов, фиджийская метательная палица, ступка с островов Тонга, конусообразная соломенная шляпа обитателей залива Нутка, браслет, палица из моржовой кости и деревянная чаша в форме бобра из тех же мест. На выставке экспонировались изображения гигантских статуй с о. Пасхи, зарисованные в 1774 г. У. Ходжсом.

Но, несомненно, первостепенный интерес имеют экспонаты ленинградской коллекции. Следует отметить, что Т. Воган высказывает мнение, что эти экспонаты составляют часть коллекции, собранной на островах южных морей и в прибрежных районах Северо-Западной Америки участником третьей экспедиции Дж. Кука врачом и натуралистом У. Андерсеном, умершим в августе 1778 г. при переходе через Берингово море.

Материалы, хранящиеся в Ленинграде, были описаны сотрудницей МАЭ Л. Г. Розиной². Но в рамках настоящей рецензии уместно вкратце охарактеризовать те экспонаты, которые были использованы на портлендской выставке. Речь идет о женском украшении из кабаньих клыков (браслет «купее хоокахакала»), боевой палице с наконечником из акульего зуба, танцевальном железе и полукруглой перьевой накидке («ахуула»), о таитянском нагрудном щите, тонганской сумке, связанной из кокосовых бечев, гавайских рыболовных деревянных крючках, тонганской головной скамейке вогнутой формы, гавайском тесле из черного базальта и гавайском кинжале из твердого дерева («пахоа»).

Все эти этнографические материалы отчетливо свидетельствуют о том вкладе, который был внесен экспедициями Дж. Кука в изучение материальной культуры народов южных морей и северо-западного побережья Северной Америки.

В целом портлендская выставка дала ясное представление о трех экспедициях Дж. Кука и о важнейших открытиях, в частности этнографических, совершенных в ходе этих замечательных плаваний.

Я. М. Свет

² Л. Г. Розина, Коллекция третьей экспедиции Дж. Кука, хранящаяся в Музее антропологии и этнографии им. Петра I. В кн.: «Третье плавание капитана Джемса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг.», М., 1971, стр. 579—594.

НАРОДЫ СССР

Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 102, вып. VI, М., 1974, 191 стр.

Рецензируемая книга представляет собой сборник статей, содержащий материалы с начала XVIII в. до 30-х годов XX в. включительно. Она рассчитана не только на этнографов, фольклористов, антропологов, историков, но и на более широкий круг читателей. Ответственный редактор сборника Р. С. Липец сумела организовать авторский коллектив, представивший статьи по самой разнообразной тематике, и в то же время это разнообразие не превратилось в пестроту. Особенно приятно то, что все статьи написаны на достаточно высоком профессиональном уровне.

Выпуск открывается посмертной публикацией части обзорного фундаментального труда крупного исследователя-этнографа, талантливого преподавателя и популяризатора этнографических знаний М. О. Косвена — «Местная этнография Сибири в XVIII веке». В. А. Александров, готовивший эту работу к публикации, написал к ней краткое содержательное предисловие, в котором показал историографическое и источниковедческое значение работы М. О. Косвена, по сей день сохраняющей свою ценность как добросовестный, с большим мастерством сделанный обзор архивных материалов по этнографии народов Сибири XVIII в. Выход в свет труда М. О. Косвена — это не только дань памяти крупному историографу этнографии, но и восполнение существующего в нашей науке пробела. Не опубликован еще не один очерк М. О. Косвена, посвященный истории этнографии конца XVII — начала XVIII в. Хочется порекомендовать коллегам, готовящей «Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», в последующих выпусках обратиться к творческому наследию ученого и издать неопубликованные его труды.

В. А. Александров бережно отнесся к авторскому тексту: необходимые уточнения даны им в подстрочных примечаниях в квадратных скобках. Однако, на наш взгляд, лучше было бы, в соответствии с «Правилами издания исторических источников», выделить примечания курсивом, что избавило бы читателя от недоуменного вопроса: каким образом М. О. Косвен, скончавшийся в 1967 г., мог ссылаться на статью И. С. Гурвича о Лантансе, опубликованную в 1971 г. в пятом выпуске «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (см. прим. 50 на стр. 38). Кроме того, следовало бы обязательно указать время создания обзора — это сразу определило бы место публикуемого материала в историографии этнографии.

Интересна попытка И. Р. Емельченко расшифровать этнографические заметки по р. Урал в путевом дневнике поэта В. А. Жуковского. Автор воссоздает картину путешествия поэта, сопровождавшего в 1837 г. цесаревича — будущего Александра II в его образовательной поездке по России. В качестве образца И. Р. Емельченко взял запись в дневнике от 16 июня 1837 г. о пребывании в Уральске и, привлекая дополнительные источники, показал, что скрывали за собой краткие и скупые заметки поэта об отдельных сторонах быта и общественном строе уральских казаков. Расшифровка проведена умело, материал изложен наглядно. Можно согласиться с автором статьи о целесообразности расшифровки и других страниц дневника В. А. Жуковского.

Жаль, что в название статьи вкралась неточность: надо было бы отметить, что речь идет о реке Урал, а не об Уральском хребте (Урале), как сказано в заголовке. А еще точнее, «о пребывании в г. Уральске» — именно эта страница дневника Жуковского комментируется автором.

В открывающем книгу обращении «От редакции» сказано, что статья И. Н. Мороза «Путешествие уральских казаков на Восток» посвящена этнографии русского населения Урала. Это не вполне точно. В статье анализируется книга Г. Т. Хохлова об этом путешествии, написанная на основе его путевого дневника. В ней имеется материал для характеристики народных легенд, бытовавших в казачьей среде, однако в статье главное внимание уделено тем этнографическим и путевым характеристикам народов Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Китая и Японии, которые содержатся в книге Г. Т. Хохлова. Правда, эти характеристики довольно поверхностны. Главное в статье И. Н. Мороза — описание резонанса, вызванного этим путешествием в научных и общественных кругах России в начале нашего века.

Прекрасную историографическую работу написала Р. С. Липец. Разобрав книгу В. Ф. Миллера «Эксперименты в область русского народного эпоса», она проанализировала теорию о восточных влияниях в былинах и показала всю плодотворность творческого метода В. Ф. Миллера, особо подчеркнув важность его мысли о существовании в X—XII вв. в южнорусских степях определенной историко-этнографической области (кочевнического мира), с которой контактировали русские. Труды современных историков и фольклористов (Б. А. Рыбакова, С. А. Плетневой, В. М. Жирмунского, автора статьи и др.) на новом материале подтверждают гипотезы В. Ф. Миллера, высказанные еще в конце прошлого века. Пересмотр историографического наследия — важное и нужное направление в советской фольклористике.

Анализ «исторической школы» А. П. Скафтымовым посвящена статья В. П. Аникина «А. П. Скафтымов — критик „исторической школы“ и его теория эпоса в книге „Поэтика и генезис былины“». В. П. Аникин не просто излагает взгляды А. П. Скафтымова, но подчеркивает непоследовательность его критики. Правильно отмечает В. П. Аникин, что отвергаемые А. П. Скафтымовым поиски архаичного извода былины могут дать положительные результаты, если основное внимание будет уделено анализу идейного содержания былины. А. П. Скафтымов вообще скептически относился к проблеме исторического приурочения былинного текста; работы последнего времени, особенно труды Б. А. Рыбакова, наглядно показали несостоятельность этой точки зрения. Заслуга В. П. Аникина в том, что он дополнил замечания А. П. Скафтымова о необходимости выработки приемов строгого исторического анализа фольклора данными, полученными наукой под века спустя после выхода в свет его работы.

Верно отметил В. П. Аникин заслуги А. П. Скафтымова в наблюдениях над особенностями художественного отображения действительности в эпосе; это приобретает особое значение в наши дни, когда в работах некоторых историков появилась тенденция игнорировать поэтическую природу былины и чуть ли не приравливать их по хрони-

кальной достоверности к летописи. Статья В. П. Аникина показывает, как важно бывает вновь обратиться к уже рассмотренным и оцененным работам фольклористов, чтобы на новом этапе науки выявить не только их место в историографии, но и сделать для себя выводы и извлечь уроки из противоречий и ошибок наших предшественников.

Статья А. И. Тарасовой (Васиной) «Этнографические исследования В. К. Арсеньева на Дальнем Востоке» дает достаточно полную и верную характеристику исследовательского метода этого замечательного путешественника, ученого и писателя, объединившего в себе, по меткому определению М. Горького, Брема и Фенимора Купера. Для историка науки особенно важны указания автора на те труды В. К. Арсеньева, местонахождение которых в настоящее время неизвестно. Это таинственная «папка 64», безусловно, связанная со «Страной Удэхэ», исчезнувшая из фонда В. К. Арсеньева после 1946 г., итоговая его работа «Памятники старины Уссурийского края», археологическая карта Дальнего Востока, «Классификация памятников старины в Уссурийском крае» и ряд других, более мелких работ.

Две статьи в настоящем сборнике посвящены значению трудов Н. И. Вавилова для этнографии и антропологии. В первой из них В. М. Суринов и Л. А. Фадеев дают характеристику работ Н. И. Вавилова, в которых показана творческая роль отдельных народов и древних цивилизаций в развитии мировой культуры земледелия. Авторы подробно рассказывают об организации Н. И. Вавиловым экспедиции в Африку (Эфиопию), о ходе экспедиции, о его наблюдениях и выводах, об их значении для разработки учения об историко-географических очагах развития культурной флоры. Материалы Н. И. Вавилова дают ценный материал для установления историко-этнографических связей народов, их культурных контактов и взаимовлияний.

В заключающей сборник статье В. П. Алексеева раскрыто значение трудов Н. И. Вавилова для теоретической антропологии. Увлеченно и горячо рассказывает автор об одном из крупнейших ученых XX в., чей вклад в развитие науки не оценен в полной мере до сих пор. Автор показывает значение трудов Н. И. Вавилова для современной теории очагов расообразования, для теории расоведения вообще. В статье убедительно раскрыто значение закона гомологических рядов в наследственной изменчивости для теоретической антропологии.

Сборник в целом хорошо отредактирован, хотя некоторые погрешности в этом плане все-таки есть. Так, при наличии «Списка условных обозначений» в конце книги совершенно не обязательно, на наш взгляд, в примечаниях к статье М. О. Косвена повторять эти же сокращения. Кроме того, эти примечания, как не принадлежащие М. О. Косвену, следовало бы выделить шрифтом, отличающимся от шрифта основного текста.

Выход этой книги в юбилейном для Академии наук году, отметившей четверть тысячелетия своего существования, — это лишнее свидетельство многогранности и многоплановости исторических и историографических исследований, ведущихся в Академии наук СССР. Рецензируемый сборник свидетельствует о том, что историографы русской антропологии, фольклористики и этнографии вплотную приступили к широкому освоению работ довоенного периода в истории советской науки. На очереди изучение богатейшего опыта работы советских фольклористов в годы Великой Отечественной войны, имеющего принципиальное значение для формирования советской фольклористики, а также фольклористики послевоенного периода. Пожеланием дальнейшего хронологического расширения историографических исследований, приближения их тематики к насущным задачам современности и хочется закончить эту рецензию.

Л. Н. Пушкарев

Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974, 275 стр.

Судьбу новой книги Н. Г. Волковой предугадать нетрудно: вместе с предшествовавшей ей монографией¹ она на много лет станет настольной работой для кавказоведов самых различных профилей. Автор глубоко прав, отметив в первом же абзаце своего труда, что «определение этнических территорий и этнических границ народов, особенностей их расселения, несомненно, составляет как бы отправную точку любого историко-этнографического исследования» (стр. 5). Эта задача очень важна в связи с чрезвычайной этнической пестротой и чересполосицей Северного Кавказа — региона многонационального и в этом плане все еще слабо изученного.

Источниковедческая база рецензируемой книги весьма фундаментальна. Пристальному изучению и строгому сопоставлению подвергаются опубликованные, а частично и неизданные письменные документы XVI—XIX вв., вышедшие из-под пера русских, грузинских и турецких авторов, а также историко-этнографические описания, которыми так насыщена кавказоведческая литература XIX — начала XX в. Среди источников

¹ Н. Г. Волкова, Этнимы и племенные названия Северного Кавказа, М., 1973.

особо следует отметить редкие и оттого крайне ценные для локализации народов, племен и отдельных селений Северного Кавказа карты XVIII — начала XIX в., внимательно исследуемые автором. Результаты анализа названных данных коррелируются с массовым полевым материалом, добытым Н. Г. Волковой во время напряженных этнографических изысканий 1969—1972 гг. в различных районах Северного Кавказа. Все это вместе служит согласованию существующих уже в специальной литературе версий, но чаще воссозданию прежде неизвестных ракурсов этнической карты Северного Кавказа в исследуемую историческую эпоху.

В первой части книги автор реконструирует расселение народов Северного Кавказа в XVIII — 30-х годах XIX в. Здесь в специальных разделах определяются этнические территории и этнические границы западных адыгов (черкесов, адыгейцев), кабардинцев, абазин и убыхов, ногайцев, карачаевцев и балкарцев, осетин, вайнахов (чеченцев, ингушей, карабулаков). Хорошо аргументирован и убедителен вывод о неизменности этнической территории западных адыгов, о значительном внутреннем единстве адыгского этноса, «многоплеменность» которого, как правило, основывалась не на существенных этнических различиях, а скрывала под собою феодальные образования или географические понятия. Столь же обоснован вывод о характере изменений территорий, занятых кабардинцами на пространстве между Пятигорьем и устьем Сунжи, о перемещениях абазин, ногайцев и последующей оседлости их в черте современных этнических границ, о значительных изменениях этнических территорий карачаево-балкарского, осетинского и вайнахского населения в целом и локальных групп внутри него в указанный период. Особенно много внимания уделяет Н. Г. Волкова вопросу установления и изменения южных и северных границ каждого из названных этносов, что вполне обоснованно, так как тема эта очень важна и недостаточной разработана. В качестве примера бесспорной удачи автора можно привести скрупулезно выполненную систему доказательств сравнительно позднего (около середины XVIII в.) освоения вайнахами основных равнинных земель междуречья Сунжи и Терека, вопреки тенденции априорно или без достаточных оснований размещать тут вайнахов уже в XIII—XVII вв.² Заслуживают доверия данные Н. Г. Волковой о соотношении ингушского и осетинского населения в Дарьяльском ущелье. Очень интересны суждения о зонах и границах взаимных контактов между горскими северокавказскими этносами и их южными (горногрузинскими) соседями. Надо сказать, что для рецензируемой книги вообще характерны объективность и подлинно научная чуткость к установлению этнических границ конкретных народов и племен, особенно в районах долгого и постоянного взаимодействия их друг с другом.

Принципиально важно и то, что Н. Г. Волкова не ограничивает исследование лишь изучением коренных народов края с их множеством территориальных и племенных подразделений. В первой части книги присутствует и раздел, посвященный расселению на Северном Кавказе русских, украинцев, армян, грузин и других народов, основная область обитания которых лежит за пределами исследуемой территории. Автор рассматривает разнообразные контакты (экономические, культурные, этнические), в которые вступали новопоселенцы и коренные северо-кавказские народы.

Вторая часть книги посвящена этнической карте Северного Кавказа в 40-х годах XIX — начале XX в. Она дана более обзорно, без детализации, присущей первой части. Однако основные процессы, связанные с изменениями в расселении северокавказских народов в 40—60-е годы XIX в. (т. е. в годы так называемой Кавказской войны) и последующим массовым переселением значительной части коренных народов с гор на равнину, раскрыты достаточно полно. Именно поэтому последний раздел книги об этнической ситуации на Северном Кавказе накануне Октябрьской революции и заключительные суждения автора выглядят особенно убедительно: «Приводимые в работе данные опровергают представление, нередко существующее в исторической литературе, о многовековой стабильности этнических границ и территорий народов Северного Кавказа и доказывают большую изменчивость этих категорий. Эта важная особенность почти не дает, таким образом, исследователям возможности реконструкции этнических территорий и границ в более ранние эпохи на основании сведений источников более позднего времени» (стр. 248).

Безоговорочно высокая оценка труда Н. Г. Волковой не означает, однако, что по отдельным вопросам не могут быть высказаны замечания критического порядка. Так, утверждение автора, что западноадыгские племена хатукаевцев и натухайцев неизвестны в русских источниках ранее 70—80-х годов XVIII в. и вытекающие из этого выводы (стр. 22—26), не соответствуют истине, ибо названные этнические группы фигурируют в письменных документах и картографических материалах по крайней мере на полстолетия раньше.³ Неточны данные о первых сведениях, касающихся об-

² Х. А. Хизриев, К истории чеченцев и их борьбы против монголо-татарских завоевателей и Тимура, «Изд. Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ», т. IX, вып. 1, ч. III, Грозный, 1974, стр. 4—11; Т. А. Исаева, К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в., там же, стр. 19—28.

³ ЦГАДА, ф. Кабардинские дела, 1719 г., д. № 2, лл. 37 об.—38; «Кабардино-русские отношения XVI—XVIII вв.», т. I, М., 1957, вклейка между страницами 388—389; т. II, М., 1957, стр. 5—8; В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова, Первая русская карта Северного Кавказа, «Вопросы истории», 1975, № 6.

ласти расселения карабулаков (орстхойцев) (стр. 163, 164). Кроме очевидных противоречий на этот счет в самом изложении, следует отметить, что о месте обитания и миграционной тенденции у карабулаков говорится в известном документе начала 40-х годов XVIII в., опубликованном М. О. Косвеню⁴. Проблематично и отождествление р. Бальсу с Фортангой, так как грузинская карта 1733 г. в сопоставлении с информацией Вахушти Багратиони и сообщениями Гюльденштедта, Клапрота (и, добавим, С. С. Броневского)⁵ не дает оснований для подобного заключения. Думается, что приметам Бальсу больше соответствует р. Гехи, истоки которой лежат по соседству с Фортангой в исконной области обитания карабулаков-аккинцев, что и могло привести в ряде случаев к путанице.

Не обосновано утверждение, что кабардинские поселения появились на правобережье Терека с «конца XVI века» (стр. 44). Оно находится в противоречии с материалами и выводами специальных исследований о расселении кабардинцев на восток вдоль Кавказского хребта⁶. Вообще, сложные вопросы миграций отдельных этнических групп не всегда решаются Н. Г. Волковой с учетом всех наличных данных и существующих в науке версий. Например, говоря о тенденции передвижения вайнахов в восточном направлении (стр. 143—145), о появлении с запада (из Осетии) основных фамилий джераховцев XVIII в., а также фамилии Дударовых (стр. 128—130, 143—145), автор оставляет без внимания и анализа доводы в пользу иных вариантов трактовки характера и направлений этих миграций⁷. Отождествляя «окуков» XVI—XVII вв. с ауховцами Северного Дагестана, Н. Г. Волкова не вправе игнорировать иной трактовки этнической принадлежности «окуков», известной в литературе⁸.

Не везде автор одинаково тщательно вникает в суть и содержание источников. В качестве примера можно привести страницы с системой доказательств в пользу заселения вайнахами в XVI—XVII вв. ущелья Охкарохи (современная р. Кистинка) и ухода их в ущелье Армхи не ранее «рубежа XVII—XVIII веков» (стр. 145—153). Подобная хронология не подтверждается археологическими материалами (которых много) и этнографическими данными, собранными коллегами Н. Г. Волковой⁹. Содержание же статейного списка посольства 1637 г., вопреки трактовке автора, позволяет считать, что посольство Ф. Ф. Волконского и А. И. Хватова шло к грузинскому государю от Дарьяла сквозь ущелье Армхи, а не Охкарохи (послы оставили Дарьял, не дойдя до Ларса, а местный владетель Хавса, услугами которого пользовалось посольство, был вассалом кабардинского князя, что соответствует истинному положению дел в районе Армхи, а не Гвиели, округа которой входила во владения Эристава Сонского, отказавшегося пропустить русских через свои земли).

В книге заметны случаи непоследовательности в интерпретации одних и тех же источников и отраженных в них событий (ср. мнение о «Железных воротах» и службе в них Шиха — мурзы Окуцкого на стр. 126 и 167, датировку перемещений семьи Мамилых в ущелье Армхи на стр. 145 и 150—151 и т. д.). Обидный недостаток издания (не зависящий от автора) — крайне низкое качество воспроизведения ряда карт (стр. 254, 255, суперобложка).

Наши (и прочие возможные со стороны кавказоведов) замечания несколько не умаляют бесспорного факта — книга Н. Г. Волковой — своевременный и очень полезный вклад в изучение Кавказа. Она не только подводит итоги долгому изучению сложной проблемы, но и открывает новые перспективы, так как воссоздание подробной этнической карты Северного Кавказа необходимо для правильного освещения всех основных сторон истории многонационального населения региона.

В. Б. Виноградов

⁴ В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова, О месте первоначального расселения гребенских казаков, «Сов. этнография», 1972, № 3.

⁵ С. С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 167, 168.

⁶ Л. И. Лавров, Пронхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории, «Сов. этнография», 1956, № 1; В. А. Кузнецов, Алания в X—XIII вв., Орджоникидзе, 1971, стр. 46; Э. В. Ртвеладзе, К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа. Тезисы докладов III Крупновских чтений, Грозный, 1973, стр. 20, 21.

⁷ Л. П. Семенов, Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии, Грозный, 1963; «Кавказский этнографический сборник», т. II, Тбилиси, 1968.

⁸ С. Ц. Умаров, Новые археологические памятники в Чечено-Ингушетии, «Археолого-этнографический сборник», II, Грозный, 1968; В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова, Один из северокавказских союзников Руси, «Вопросы истории», 1971, № 10.

⁹ Л. П. Семенов, Указ. раб.; Е. И. Крупнов, Средневековая Ингушетия, М., 1971; В. П. Кобычев, Из этногенетических преданий ингушей, «Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г.», М., 1971, стр. 111—122.

Книга-альбом Б. А. Калоева — большой обобщающий труд, плод долголетней и кропотливой работы автора по истории материальной культуры и прикладного искусства осетинского народа. Читатель найдет здесь интересные сведения о самых различных сторонах материальной культуры осетин.

Материал, вошедший в альбом, автор собрал во время многочисленных поездок в районы Северной и Южной Осетии, в Ставропольский край, Кабардино-Балкарскую АССР и Грузию. В альбом вошли также материалы коллекций из различных музеев страны. Многие предметы быта были выявлены самим автором и публикуются впервые.

Книга Б. А. Калоева имеет еще одно важное достоинство в научном и практическом отношении. В кавказоведческой литературе это первая и пока что единственная работа, выполненная по типу атласа. Значительная часть ее материалов может быть использована при составлении соответствующих историко-этнографических атласов по народам Кавказа.

Работа включает обширный иллюстративный материал с подтекстовками, классифицированный автором по тематическому принципу и представленный следующими группами таблиц: «Земледелие и скотоводство» (табл. 1—18); «Домашние промыслы» (табл. 19—26); «Средства передвижения» (табл. 27—33); «Жилища» (табл. 34—36); «Утварь и предметы домашней обстановки» (табл. 47—59); «Одежда» (табл. 60—74); «Прикладное искусство» (табл. 75—87); «Оборонительные сооружения, погребальные и культовые памятники» (табл. 88—100); «Музыкальные инструменты» (табл. 101, 102).

Довольно краткое, но содержательное введение к таблицам содержит сведения о способах обработки земли и уборки урожая, сельскохозяйственных орудиях и транспортных средствах, специфике домашних и кустарных промыслов. При этом весь материал, как правило, рассматривается в историческом разрезе.

Освещая различные стороны культуры и быта осетин, автор обращает особое внимание на выявление их типично кавказских форм. Вместе с тем он справедливо отмечает, что многие элементы культуры осетин заимствованы ими от скифо-сарматских и аланских ираноязычных племен, сыгравших, как известно, немалую роль в формировании осетинского этноса.

На материалах альбома Б. А. Калоев убедительно доказывает свой тезис о наличии двух компонентов — кавказского и иранского, — «в любой области материальной и духовной культуры осетин»¹. Причем в одних случаях, как считает автор, преобладают кавказские, а в других — иранские черты.

Правда, зачастую он ищет параллели, обращаясь к скифам и сарматам, в то время как подобные аналогии достаточно распространены у коренных кавказских народов. И в этой связи мы не всегда можем согласиться с выводами Б. А. Калоева.

К примеру, утверждение о том, будто легкое горное пахотное орудие (*дыбыр*) заимствовано осетинами у алан (стр. 13), несостоятельно. В научной кавказоведческой литературе существуют различные мнения о происхождении этого орудия. Известно, что пахотные орудия, аналогичные осетинскому *дыбыр*, были распространены по всему горному Кавказу. В основе *дыбыра* лежит, видимо, более простая конструкция в виде изогнутой палки-кривулины. У абхазов, в частности, тягловое орудие типа кривулины применялось вплоть до коллективизации. Возникновение и использование его диктовалось естественно-географическими условиями горного Кавказа.

По Калоеву, основные элементы традиционного мужского осетинского костюма (башлык, бурка, череска, бешмет, папача, ноговицы и др.) «идут от древнеиранского» (стр. 30), на самом деле они — исконно кавказские. Это доказывается сравнительным материалом близкородственных кавказских народов. Теперь можно говорить о тождестве основных элементов мужского, а также и женского костюма у осетин, адыгов и абхазов. Причем как у адыгов, так и у абхазов названия элементов одежды этимологизируются на основании данных абхазского и адыгского языков. Общность одежды горских жителей Кавказа восходит к глубокой древности, что подтверждается и данными археологии.

Что же касается прикладного и изобразительного искусства осетин, то наиболее распространенные древние геометрические и зооморфные мотивы их орнамента, уходящие своими корнями в кобанскую эпоху, имеют аналогии в памятниках декоративно-прикладного искусства адыгов, абхазов и других коренных народов Кавказа. Неправ Б. А. Калоев и тогда, когда пишет о «занесении» многострунной арфы на Кавказ скифо-сарматскими племенами.

Сделанные нами замечания несколько не умаляют научной ценности работы Б. А. Калоева, которая безусловно послужит важным вкладом в историко-этнографическое изучение не только осетинского, но и других народов Кавказа. Она уже стала настольной книгой каждого кавказоведа — в особенности этнографов, изучающих историческую и современную этнографию кавказских народов.

Ш. Д. Инал-Ипа, Е. М. Малия

¹ Б. А. Калоев, Осетины, М., 1971, стр. 15.

Усилия фольклористов по созданию международной системы классификации несказочной прозы, подобной системе А. Аарне — С. Томпсона по классификации сказок, дают ощутимые результаты. На международных совещаниях исследователей народной прозы в Антверпене (1962 г.) и в Будапеште (1963 г.), а также на VII Конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве (1964 г.) и в работах, вышедших позже, были сделаны удачные попытки выделить и охарактеризовать отдельные жанры несказочной прозы, рассмотреть историю их классификации, выяснить пригодность и перспективность уже использовавшихся принципов классификации. Тщательно разработанные проекты классификации преданий отдельных народов дали Г. Бурде-Шнейдевинд¹, Ц. Романска², Л. Поурова³, О. Амбайнис и А. Анцелане⁴. В последнее время появились и законченные, охватывающие большой рукописный материал каталоги преданий, демонстрирующие применение на практике соответствующих принципов классификации преданий⁵. Одному из них — «Каталогу литовских народных преданий», составленному Брониславой Кербелите, и посвящена рецензия.

Первые попытки классификации литовских народных преданий были предприняты еще в 30-х годах нашего столетия, когда составлялся общий каталог литовского повествовательного фольклора⁶. Однако в этом каталоге предания не были отделены от мифологических сказаний, отсутствовал единый принцип классификации (одни группы преданий выделены по главному герою, другие — по отношению произведений к действительности, третьи — по отдельным мотивам). Так как в каталог было включено лишь небольшое количество преданий, классификация не выявила их сюжетного богатства и была неудобна для пользования. Когда накопилось больше записей литовских преданий, возникла потребность создать новую систему их классификации, охватывающую все доступные опубликованные и рукописные варианты, основанную на новейших исследованиях этого жанра, и более или менее соответствующую международным требованиям классификации несказочной прозы. За эту работу взялась сотрудница Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР Б. Кербелите, уже раньше зарекомендовавшая себя как серьезный исследователь преданий⁷.

Создавая «Каталог литовских народных преданий», Б. Кербелите стремилась, чтобы он был полезен как для научных, так и для практических целей. Поэтому она считала, что главная ее цель «раскрыть тематику литовских народных преданий, их сюжеты и мотивы, показать количество записанных вариантов каждого произведения, помочь найти нужные тексты» (стр. 89). В опубликованном каталоге предания классифицируются по содержанию. Выделены две основные тематические группы: 1) предания о происхождении природных объектов и 2) предания об исторических памятниках и событиях. Предания этих двух групп различаются не только по тематике, но и по времени создания, по характеру художественных образов, по соотношению мифологических и социальных элементов. В преданиях о происхождении природных объектов доминируют мифологические мотивы, в них много архаичных верований, в преданиях об исторических памятниках и событиях, где на первый план выдвигаются общественные проблемы, проявляется позже оформившееся национальное самосознание народа. Каждая из этих групп преданий делится на подгруппы, или циклы. Так, в первой выделены подгруппы: «Великаны и следы их деятельности», «Особые камни», «Кочующие озера»; во второй — «Происхождение городов. Войны», «Затонувшие города, поместья, костелы», «Спящее войско», «Потонувшие колокола», «Жертвы во время строительства», «Происхождение селений, их названий и других топонимов».

Внутри подгрупп выделяются типы преданий — их почти 150. Сюжеты преданий коротко аннотируются. Затем указывается количество записей преданий каждого типа, отмечаются объекты, о которых в них рассказывается, сообщаются источники соответствующих текстов. В конце прилагается алфавитный список «Объектов локализации преданий». В него вошли деревни и районы, упоминающиеся в преданиях с указанием их географического расположения.

«Каталог литовских народных преданий», подготовленный Б. Кербелите, значителен как в практическом, так и в теоретическом отношении. По нему можно судить, какие

¹ G. Burde-Schneidewind, Zur Katalogisierung historischer Volkssagen, в кн. «Acta Ethnographica», t. XIII, Budapest, 1964, S. 27—41.

² Ц. Романска, Българските народни исторически предания, в кн. «Българско народно творчество», XI, София, 1963, стр. 26—37.

³ L. Pourová, K otázkam tradiční pověsti, «Český lid», 1963, t. 50, № 2, str. 67—73.

⁴ А. Амбайнис, А. Анцелане, Систематизация прозаического повествовательного фольклора, в кн. «Методическая записка по архивному хранению и систематизации фольклорных материалов», Вильнюс, 1964, стр. 72—86.

⁵ См., например, P. Rasmussen, A Catalogue of Historical and Local Legends in the Folklore Archives of the Finnish Literature Society, Helsinki, 1969.

⁶ J. Balys, Lietuvių pasakojamosios tautosakos motyvų katalogas, «Tautosakos darbai», II, Kaunas, 1936.

⁷ См. ее исследование о литовских народных преданиях: В. Kerbelytė, Lietuvių liaudies padavimai, Vilnius, 1970.

типы преданий известны в литовском фольклоре, где они распространены, с какими памятниками они связаны, сколько вариантов известно, где они опубликованы. В «Каталоге...» представлено много типов преданий, ранее малоизвестных или совсем неизвестных исследователям фольклора. Например, раньше считалось, что создателями рельефа в преданиях выступают великаны и черт. Позднее выяснилось, что в литовском народном творчестве бытуют также предания, в которых рассказывается о деятельности лауме, изменяющей рельеф. Как видно по типам 6А, 7, 11А, 32В, лауме, как и великаны, насыпают горы, переносят камни, чтобы задержать реки; будучи на разных горах, они вместе поют одну многоголосую песню и т. п. На эти черты лауме исследователи до сих пор должного внимания не обращали. Между тем, они весьма наглядно показывают связь литовских лауме с кельтскими феями, для которых как раз характерна функция преобразователей рельефа⁸. О многих новых, до сих пор малоизвестных литовских народных преданиях сообщают и другие подразделы «Каталога...», (например, о кочующих озерах, о затонувших городах и пр.). Поскольку аннотации типов преданий публикуются также на русском и английском языках, «Каталог...» будет способствовать знакомству с литовскими преданиями международной научной общественности. Данный «Каталог...» может послужить образцом при классификации преданий других, этнически близких народов. Видимо, в будущем возникнет необходимость согласовать нумерацию типов «Каталога литовских народных преданий» с соответствующими национальными каталогами или международным каталогом преданий.

Н. Велюс

⁸ М. Н. Schreiber, Die Feen in Europa, Freiburg im Breisgau, 1842.

Бурятские народные сказки. Волшебнo-фантастические. Составители Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Под общей редакцией Е. В. Баранниковой. Улан-Удэ, 1973, 462 стр.

Сказки — один из древнейших жанров бурятского фольклора, богатое и ценное наследие народа, сконцентрировавшее его огромный жизненный и трудовой опыт. Для бурятских сказок характерны яркое национальное своеобразие, высокая идейность и художественная выразительность. Они издавна привлекали внимание исследователей.

К дореволюционному периоду относятся отдельные записи и немногочисленные публикации бурятских сказок. В советское время совместными усилиями нескольких поколений собирателей, фольклористов, этнографов, лингвистов собрано огромное количество сказок. Они хранятся в Рукописном отделе Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР, в архивах Москвы, Ленинграда, Иркутска и др.

К сожалению, до сего времени научных публикаций бурятского сказочного материала не было. Рецензируемый сборник является первым опытом академического издания этого вида бурятского фольклора.

Из обширного сказочного фонда бурят для данного сборника отобраны волшебнo-фантастические сказки, хранящиеся в Рукописном отделе БФ СО АН СССР. В сборник включены образцы бурятского сказочного творчества почти всех аймаков республики, а также Усть-Ордынского и Агинского национальных округов. Все тексты сборника печатаются впервые; в том виде, как они были записаны от сказочников — с сохранением особенностей их исполнительского мастерства, стиля и говоров, характерных для жителей этих мест.

В сборник вошли уникальные ранние записи К. А. Хадаханэ, Х. Н. Намсараева, А. И. Шадаева и других деятелей бурятской культуры, сыгравших большую роль в собирании и пропаганде лучших образцов устной поэзии бурятского народа. Из богатой коллекции фольклорных памятников замечательного собирателя К. А. Хадаханэ составителями отобрана для сборника запись варианта широко известной сказки «Теерэгин хубуун». Большой интерес не только для фольклористики, но и для литературоведения, представляет опубликованная в настоящем сборнике богатырская сказка «Зээдлэйн хубуун Газар Поолин» в записи Хюца Намсараева, легшая в основу его эпической поэмы «Сагаадый мэргэн хубуун Ногоодой сэсэн басаган хоёр». Заметим, что текст этой сказки, ранее неизвестной, был обнаружен составителями сборника в архиве Х. Н. Намсараева.

Наряду со сказками, записанными от известных по прежним публикациям бурятских сказителей — А. Тороева («Шуурэлдэхэн басаган»), М. Алсыева («Аржа Буржа хаан»), опубликованы сказки вновь открытых талантливых сказителей А. Онгорхоева («Сагаан шубуугаар намга хээн хунбуун») из Тунки, И. Илькиной («Таабхан убогэн», «Мунгэн Шагай хубуун») из Бохана, Р. Цырендоржиева («Салир хушуутай, самсаал ургэтэй намган») из Хоринска и др.

Все тексты сказок публикуются с параллельным переводом на русский язык. Семантико-адекватный принцип, принятый за основу переводов, позволил переводчикам, в числе которых были опытные специалисты А. И. Уланов, И. А. Ким и др., наиболее полно передать идейное и художественно-поэтическое своеобразие оригиналов и их национальный колорит. Заметим, что в некоторых случаях стремление переводчиков облегчить русскому читателю целостное восприятие бурятских сказок оборачивается отступлениями (хотя и незначительными) от оригиналов (сказки № 5, 12, 22). Правда, смысл сказок и в этих случаях остается ненарушенным.

Сборнику предпослана вступительная статья Е. В. Баранниковой «О бурятских народных сказках». В ней дается определение жанра бурятских народных сказок и характеристика всех их разновидностей. Убедительно, на интересном фактическом материале показаны особенности бурятских сказок, выявлены специфические черты, отличающие их от сказок других народов. Хотя разные народы создали сказки, во многом сходные, тем не менее, как пишет автор статьи, «в бурятских сказках... есть своя специфика в трактовке отдельных персонажей. Так, например, волк, непременно изображающий хищника, жадным и в то же время глупым в русских сказках и в сказках славянских народов, в бурятских — обретает полисемантическую, часто выступая в положительной роли. Причина в том, что волк был священным зверем — тотемом некоторых бурятских племен. Неслучайно один из любимых народных героев зовется Шоно-батор (Волк-богатырь)» (стр. 19).

Среди других художественных особенностей обращается внимание на обилие в сюжетах стихотворных вставок, играющих важную роль в композиции, в поэтике.

Выявляя самобытность и оригинальность репертуара бурятских сказок, автор статьи справедливо отмечает, что бурятский сказочный репертуар обогатился многими мотивами, а в иных случаях целыми сюжетами из известных памятников старомонгольской письменности, восходящих во многом к памятникам индийской словесности: «Шзидит» хуур» («Волшебный мертвец»), «Панчатавтра», «Ульгэруун дайал» («Море притчи») и др. Однако «обретая новую жизнь в устном бытовании, — как пишет Е. В. Баранникова, — они подвергались художественной переработке соответственно нормам и законам бурятского сказочного жанра. Процесс этот протекал в основном за счет усиления здорового жизнеутверждающего реализма и в то же время ослабления, а в большинстве случаев окончательной утраты религиозно-дидактических звучаний, характерных для отдельных текстов из этих источников» (стр. 9).

Е. В. Баранникова приводит интересные материалы, свидетельствующие о том, насколько высоко ценилось народом яркое и прекрасное искусство сказочников и улигершинов, о творчестве которых сложен целый цикл сказок и легенд. Лаконично и емко выразила отношение к ним известная пословица «Ульгэршэ хун урмэ тараг дээрэ, онтохош хун олбог шэрдэг дээрэ» («Да будут улигершину постоянно пенки да сливки, а сказочнику — место на почетном войлоке»).

В статье уделено внимание также анализу собирательской и исследовательской работы по бурятским сказкам и характеристике репертуара известных сказочников, в числе которых немало и новых имен, выявленных фольклористами за последнее десятилетие.

В процессе подготовки к изданию рецензируемого сборника составители делали повторные записки сказок от А. Онгорхоева, братьев Забановых, Р. Цырендоржиева и других талантливых онтохошинов. Это дало возможность проверить и исправить ошибки, допущенные в прежних записках, сделать наблюдения над стилем и манерой исполнения сказок отдельными сказочниками, собрать сведения об их творческой биографии, выявить сказительские школы.

Научный аппарат сборника включает словарь непереведенных слов, указатель имен, комментарии и условные сокращения, принятые в них. В комментариях содержатся паспортные данные к каждому тексту, иногда подробные сведения о творческой биографии сказителей (А. Онгорхоева, Д. Тагаровой и др.), даются ссылки на все печатные и рукописные варианты публикуемых сказок. При этом использованы фонд Рукописного отдела БФ СО АН СССР и Архив Института востоковедения АН СССР (Ленинград), где хранятся сказки, записанные Ц. Жамцарано и Б. Барадиным.

Заслуживает внимания привлечение в комментариях сказок из монгольского сборника «Шиддикюр».

К сказкам, вошедшим в сборник, сделаны отсылки на указатель сказочных сюжетов Андреева по системе Антти Аарне. Тем самым открывается путь бурятским сказкам в международное сказковедение, что является одним из достоинств данного сборника. В то же время сопоставление с материалами указателя Аарне — Андреева помогает выявлению оригинальных сюжетов в репертуаре бурятских народных сказок.

Рецензируемым сборником Бурятский институт общественных наук (БФ СО АН СССР) начинает серию научных двуязычных публикаций всех жанров бурятских народных сказок.

Первое научное издание бурятских народных сказок послужит ценным пособием для исследователей — фольклористов, этнографов, литературоведов и лингвистов и привлечет внимание широкого читателя.

В. И. Золхоев, Ц. Б. Цыдендамбаев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Juhani U. E. Lehtonen, Matti Räsänen. Kuopion Haapaniemi. Kansatieteellinen tutkimus. Kuopio, 1973, 109 s., 34 juhl.

Быт городского населения недостаточно изучался этнографами, поэтому исследователи встречаются с немалыми трудностями, в том числе и методическими. Книга Ю. У. Э. Лехтонена и М. Рясненена о быте населения Хаапаниеми, одного из районов города Куопио, представляет собой первый в Финляндии опыт этнографического изучения городского быта.

Куопио, расположенный в восточной части страны на берегу озера Калавеси, относится к числу сравнительно небольших городов: его население составляет 70 тыс. чел. Хаапаниеми — это окраинный район, насчитывающий 2334 жителя (1971 г.). Он начал интенсивно заселяться в 1920-х гг., с самого начала формируясь как рабочий квартал.

Авторы проводили сбор материала в 1970-1971 гг. при помощи специальной анкеты. Исследователи выделяли для сопоставления данных по всем темам три временных горизонта: 1925, 1947 и 1970 гг.

В настоящее время в Хаапаниеми живет 838 семей; предполагалось собрать информацию в каждой 20-й; фактически же опрошено было 26 человек из 26 семей. В 1947 г. в Хаапаниеми жили 542 семьи, из них в районе остались в наши дни лишь 64, опрошено было 20 человек из 20 семей. Из жителей 1925 г. удалось найти лишь 10 человек; все они были опрошены.

Исследователи использовали также данные городского архива, материалы различных обследований и статистические сведения.

Рецензируемая книга состоит из введения, восьми глав и заключения. Введение, раздел о методах (гл. I) и заключение написаны авторами совместно. Главы II — «История Хаапаниеми», IV — «Постройки и строительство» и V — «Жизнь и бытовые условия» принадлежат перу Матти Рясненена. Главы III — «Население», VI — «Воскресенья и праздники» и VII — «Социальные контакты» написаны Ю. У. Э. Лехтоненом. В нашей рецензии мы более детально рассмотрим вопросы, представляющие интерес для этнографов.

История застройки и заселения мыса Хаапаниеми (он и дал имя району) рассматривается во II главе. В XIX в. здесь были лишь склады лесоматериалов, пристань, мельница, бойня, небольшая фабрика для переработки костей, кожевенная мастерская, а также общественная баня и купальня. В конце прошлого века в Хаапаниеми начал строить свои предприятия Х. Саастамойнен — паровую мельницу, шплинтовую, а затем катушечную фабрики. Часть мыса долго служила выгоном для скота. Строительство жилых домов началось значительно позже, после 1905 г., и широко развернулось лишь в 1920-х гг. Численность населения уже тогда почти достигала современного уровня — 2000 чел.

Очень медленно и с большим трудом осуществлялось благоустройство этой части города — проведение водопровода, канализации и т. д. Жители Хаапаниеми получили собственную школу только в 1956 г., ясли, детский сад и детская консультация были построены в 1962 г.

Население Хаапаниеми (гл. III), как и всего Куопио, сформировалось главным образом за счет крестьян, пришедших из ближайших окрестностей. Судя по архивным данным, в 1921 г. лишь 5 жителей Хаапаниеми родились в Куопио, в 1947 г. уроженцев Куопио было уже 42%, а в 1971 г. — 47%.

Заслуживают внимания приведенные в той же главе данные о размере семей. В среднем они были относительно стабильны: в 1925 г. — 3,3 чел., в 1947 г. — 3,9 и в 1971 г. — 2,8 чел. Но при этом на первом этапе довольно велика была доля крупных семей, состоявших из 5—6 и даже 10 человек. Низкая средняя цифра объясняется большим числом одиночек молодого возраста. На втором этапе средний показатель несколько возрос за счет увеличения числа семейных людей, а также семей из трех поколений. Последнее обстоятельство было в известной мере связано с жилищными трудностями в военный и послевоенный периоды. В наши дни средняя цифра понижается, поскольку стало больше семей, состоящих лишь из одного или двух пожилых людей, дети которых уже живут отдельно.

В главе IV, посвященной постройкам и жилищному строительству, говорится о том, что в 1919—1924 гг. строительные участки в Хаапаниеми не продавались, а сдавались в аренду лишь товарищеским кооперативам. В этот период несколько домов здесь было построено муниципалитетом. Впоследствии участки под застройку стали сдаваться в аренду на 50 лет и отдельным лицам, часть земли была продана. Индивидуальные застройщики прибегали к государственным займам и к помощи различных кооперативов по обеспечению строительными материалами. Тем не менее, многие из них не смогли довести строительство до конца, и целый ряд участков быстро пошел в молотка.

В Хаапаниеми дома возводились главным образом по типовым проектам, что определило внешний вид района. Дома были типичны для предместий: двух- и одноэтажные, иногда с жилой мансардой. Часть домов состояла из нескольких квартир (некоторые коммунальные дома и дома, построенные фабрикой Саастамойнена). Значительная часть жилых зданий состояла из двух квартир. Преобладали маленькие квартиры из

одного или двух помещений. В первых — кухонная плита помещалась в комнате. Во вторых — в большой кухне устанавливались плита и хлебная печь, а в жилой комнате — так называемая голландка. Оба типа квартир характерны и для нашего времени. Так, в 1971 г. квартиры из одного помещения составляли треть всех жилищ, из двух — половину; лишь одна шестая всех квартир имеет более двух помещений. Правда, в наши дни кухонная часть нередко выносятся в специальную нишу (это относится как к квартирам из одного, так и из двух помещений). Жилищные условия улучшаются за счет увеличения площади на душу населения, а также за счет благоустройства квартир. В 1925 г. дома были оснащены только электрическим освещением. Отопление было печным; канализация отсутствовала — холодные уборные строились во дворах. Жители Хаапаниemi брали воду из озера или ходили в город к водопроводной колонке, зимой воду возили в бочках на санках. Отбросы сваливались во дворах. Благоустройство района началось лишь в 1950-х годах. В настоящее время здесь есть все современные удобства, хотя в некоторых домах еще сохраняется печное отопление.

Глава V, рассматривающая повседневную жизнь в Хаапаниemi, особенно интересна. Эта тема — одна из самых трудных для исследователя уже вследствие своей многогранности. Автор выделяет лишь несколько важных вопросов. Детально анализируется распорядок дня жителей района, определявшийся в основном условиями работы. На фабриках Саастойнена до 1918 г. был 10-часовой рабочий день с двумя часовыми перерывами на завтрак в 9 и на обед в 14 часов. После установления 8-часового рабочего дня рабочие получали один перерыв, во время которого, как правило, приходили обедать домой.

Многое в домашнем быту зависело от того, кто работал в семье — только муж или также и жена. В 1920-е гг. даже если жена занималась лишь домашним хозяйством, день ее был заполнен работой с утра до поздней ночи. Все домашние дела требовали большой затраты времени и сил: приготовление пищи на плите, часто и домашняя выпечка хлеба; зимой — топка печей, необходимость носить воду, нередко издалека, стирка белья в общественных прачечных, куда нужно было привозить свои дрова для нагрева воды и т. д. Многие семьи в то время держали домашних животных, обычно свиней, но кое-кто и коров. Условия жизни заставляли обитателей Хаапаниemi соблюдать строжайшую экономию и выгадывать каждую копейку. Заработки были невелики, кроме того, почти все выплачивали долги за квартиры. За многими продуктами — маслом, молоком, простоквашей, а также рыбой и мясом — ходили на городской рынок, где цены были ниже, чем в магазинах. Одежду старались шить дома. Во многих семьях мужчины прирабатывали вечером, занимаясь починкой обуви и т. п. Никто из информаторов не мог рассказать, как они проводили свободное время в 1920-е гг.; его просто не было. В те годы жители Хаапаниemi, как правило, не ходили в театр, на танцы, не читали книг.

В 1947 г. в связи с усовершенствованиями в быту наблюдается сокращение домашних работ, хотя в это время увеличивается число работающих семейных женщин. В 40-е годы жители Хаапаниemi уже перестали держать домашний скот, однако многие еще выращивали свои овощи. В связи с тем, что долги за квартиры были выплачены, лучше стало материальное положение многих семей. Тем не менее, некоторые еще прирабатывали вечерами в качестве страховых агентов, сапожников и т. д. Теперь уже информаторы говорят о наличии свободного времени и упоминают о посещениях театров, знакомых. На вопрос, в котором часу ложились спать, обычным был ответ: после последних известий. Иными словами, радио уже прочно вошло в быт. Молодежь начала в этот период заниматься спортом.

К 1971 г. благодаря сокращению рабочего дня и рабочей недели распорядок дня жителей Хаапаниemi значительно изменился. Разумеется, улучшение бытовых условий также способствовало появлению времени для отдыха. Механизация домашних работ значительно облегчила труд женщин. Так, стирка, например, которая была в 20-х гг. одной из самых трудоемких работ, вообще не производилась вручную, те, кто не имел своей стиральной машины, пользовались ею у родственников или ходили в механические прачечные. Сократились затраты времени на выполнение всех домашних работ — приготовление пищи, уборку помещений. Никто уже не держал скота, почти не шили дома одежду и т. д. Все опрошенные имели возможность слушать радио, смотреть телевизор, выезжать за город, посещать родственников в деревне, ходить на танцы, заниматься спортом и т. д.

Вопрос о воскресных и праздничных днях рассмотрен особо в VI главе. Для 20-х гг. данные очень скудны: половина опрошенных считала, что в те годы воскресные дни ничем не отличались от будней. Хотя не нужно было идти на фабрику, работы хватало и дома. Другие сообщили, что в воскресенье было принято посещать церковь (ходила обычно мать); кроме того, во всех семьях старались приготовить более вкусный обед, но блюда были названы очень скромные: тефтели, рисовая каша, домашняя пшеничная булка и т. п. По данным на 1947 г., церковь посещали лишь в каждой пятой семье. Информаторы называют самые различные развлечения: посещения театра и кино,хождение в гости, занятия спортом, прогулки за город.

В 1971 г. жители Хаапаниemi еще реже посещали церковь. Большое место в досуге молодежи занял спорт, широко распространились различные экскурсии, поездки за город и т. д.

Изменился с течением времени и характер годовых праздников. В первый период, по данным опроса, из церковных праздников отмечались рождество, масленица и Новый год. Характер празднования в то время был таким же, как в деревне. Так, сочельник проводили только в кругу семьи; утром на рождество ходили в церковь; на Тапани (26.XII, св. Стефан) катались на саних. На праздники готовились старинные обрядовые блюда.

С течением времени число отмечаемых церковных праздников в целом не сократилось. Напротив, даже пасху стали отмечать более торжественно. Правда, почти полностью стерся церковный характер праздничных дней (почти совсем не соблюдались церковные обряды). Появились новые обрядовые элементы, такие, например, как посещение кладбища в сочельник, а также праздничные блюда. Ряд новых обрядов прежде был характерен для отдельных районов, а затем они распространились повсеместно именно через города (например, ставшая традиционной на пасху для финнов солодовая запеканка — *мямми*, которую раньше приготавливали лишь в Западной Финляндии). Другие новшества, носившие общеевропейский характер, например рождественская елка, проникли в Хаапаниemi, как и в Куопио в целом, довольно поздно.

Наряду со старыми вошли в быт и новые праздники: 1 Мая, День матерей, отмечаемый во второе воскресенье мая, и др. Правда, участие в празднике 1 Мая было пассивным. Все опрошенные (это касается всех периодов) говорили о том, что они ходили 1 Мая слушать речи на площади и смотреть демонстрации, однако об участии в демонстрации было упомянуто лишь один раз.

С течением времени в семьях стали праздновать не только крестины, как это было в 20-е гг., но и дни рождения и именины, что не было раньше принято у жителей этой части страны (в провинции Саво). В книге упомянуто также, что в Хаапаниemi начали отмечать различные юбилеи — пятидесятилетие со дня рождения, серебряные и золотые свадьбы. К сожалению, в книге ничего не говорится о свадьбе как таковой; очевидно, материал о свадебном обряде не собирался. Между тем он, несомненно, помог бы понять, как старые сельские традиции сменяются городскими. Не совсем ясно, почему похороны как семейное событие изучались лишь для 1947 г.

К сожалению, тема семейной обрядности, видимо, не стояла вообще в программе исследования. Нам кажется, что если авторы не имели возможности разработать этот круг проблем, их не стоило касаться совсем. Беглое описание крестин и похорон в главе «Воскресения и праздники» не позволяют сделать общие выводы об изменении традиций в городских условиях.

Весьма показателен материал седьмой главы об общественных контактах. Жители Хаапаниemi первоначально не имели знакомых ни в самом районе, ни в городе. Чаще всего они общались с городскими и деревенскими родственниками, а также с соседями по месту жительства. Никаких объединяющих занятий у соседей не было: все необходимые работы по уборке и благоустройству двора и дома были распределены между отдельными семьями. Поэтому люди вступали в контакты только по личной склонности. Круг общения был очень узок. Он ограничивался пределами одного дома или двора и сводился в основном к приветствиям, а также к разговорам во дворе в саду в летнее время. Женщины, особенно домохозяйки, чаще вступали в контакты друг с другом: они ходили вместе на рынок в город, одалживали друг у друга деньги и предметы домашнего обихода, приходили к соседкам посидеть, попить кофе и т. п. Иногда соседей приглашали в качестве крестных и звали в гости.

Во время знаменитых ежегодных Куопиоских ярмарок в 20-е гг. происходили встречи с деревенскими родственниками, приезжавшими на несколько дней (иногда на собственных лошадях) к своим близким в городе. Горожане редко навещали родных в деревне. В последующий период в связи с появлением свободных дней, отпусков, развитием транспортных средств, а также общей тенденцией выезжать за город в летнее время такие поездки участились.

С течением времени у жителей Хаапаниemi появлялись знакомые по работе и по спортивным обществам. Контакты же с соседями и городскими родственниками несколько ослабели.

В заключении авторы отмечают, что история Хаапаниemi за рассмотренный период достаточно характерна для малых городов Финляндии.

Работа Ю. И. Е. Лехтонена и М. Рясненена, разумеется, не лишена недостатков. Просчеты во многом объясняются тем, что, как уже говорилось, это первый опыт исследования городского населения в Финляндии. Кроме того, ученые были ограничены во времени и в средствах.

Принятая авторами структура книги привела к ряду повторений. Так, например, развитие жилищного строительства и благоустройства, формы домов и квартир рассматриваются во II, IV и V главах. Вероятно, этого можно было бы избежать.

К сожалению, недостаточно глубоко анализируется социальный состав жителей изучаемого района. Между тем такие сведения в сочетании с данными о происхождении населения, приведенными в III главе, позволили бы понять, как сформировалась эта довольно своеобразная группа рабочего класса, не принимающая активного участия в общественной и политической жизни. Об этом говорят слабые контакты по месту работы, пассивное участие в пролетарском празднике 1 Мая и ряд других моментов. Специфика социального состава населения определила и то обстоятельство, что новые формы быта в Хаапаниemi носили мещанский характер, о чем неоднократно упоминают авторы в ряде глав, в частности, описывая формы семейных праздников.

Разумеется, читатель чувствует необходимость в сравнительном материале, но его отсутствие нельзя поставить в вину авторам, впервые начавшим трудную работу по изучению городского быта.

В целом же рецензируемая книга выразительно рисует жизнь населения Хаапаниemi с ее трудностями, заботами и постоянным трудом. Авторы успешно справились с работой, и остается надеяться, что исследования в этой области будут продолжены.

Н. В. Шлыгина

Українські народні казки Східної Словаччини, т. I—IV. Упорядкування, післямови та коментарі Михайла Гиряка. Словацьке педагогічне видавництво. Відділ української літератури. Пряшів, 1965—1972.

Издавна в Восточной Словакии, на пограничье с Украиной, Венгрией и Польшей, живут украинцы-русины. По данным переписи 1970 г., их здесь 40 561 чел.; основная масса украинцев концентрируется в Бордивском, Гуменском и Свидницком округах. В этом крае, где преобладает словацкое население (1 112 663 чел.), второе место по численности занимают венгры (90 894 чел.), а третье — украинцы.

Начало систематическому научному собиранию и исследованию украинской народной прозы Восточной Словакии положил Владимир Гнатюк. В 1896 и 1899 гг. им были записаны здесь от украинцев-руси и позднее в Галиции от украинских переселенцев из Словакии сказки, анекдоты, легенды и предания¹. В те же годы записал в Словакии около 100 украинских сказок, анекдотов и легенд диалектолог Иван Верхратский². В 1898 г. собирал сказки в украинских селах Свидницкого округа языковед Самуэль Цамбель³. Украинские сказки Восточной Словакии собирали и публиковали Луциан Малиновский⁴, Иван Панькевич⁵, а также Юрий Геровский, который начал собирать сказки после первой мировой войны.

В свое время В. Гнатюку приходилось доказывать, что украинцы-русины по материальной и духовной культуре отличаются от словаков и венгров и принадлежат к восточным славянам. Теперь это стало очевидным отчасти благодаря широкому размаху, который получили в ЧССР собирание и изучение народного творчества украинцев-руси. Музей украинской культуры в Свиднике, Фольклорно-этнографическая комиссия Культурного союза украинских трудящихся в ЧССР, Кабинет украинистики, кафедра украинского языка и литературы Университета им. Шафарика в Пряшеве регулярно организуют научные экспедиции и публикуют новые фольклорные материалы. В 1967 г. в Пряшеве была издана антология украинского фольклора Словакии, в которую вошли 12 новых записей сказок и анекдотов⁶. Новые записи сказок есть и в сборнике М. Мушинки «Срібна роса»⁷.

Самым фундаментальным изданием украинских сказок Словакии является рецензируемый многотомник подготовленный Михаилом Гиряком. В предисловии ко II тому составитель подчеркивает свое стремление способствовать всестороннему изучению духовной жизни украинцев Восточной Словакии, показать богатства их языка и фольклора, которые берегаются и поныне. М. Гиряк публикует сказки в упрощенной транскрипции. Материал он располагает по географическому принципу и по исполнителям. В комментариях отмечено, когда, где, от кого и кем записана сказка, дан схематичный ее пересказ, указан тип сюжета по международному указателю С. Томпсона. В комментариях к III и IV томам есть также ссылки на польский и словацкий указатели сказочных сюжетов, а в некоторых случаях ссылки на варианты в сборниках В. Гнатюка, И. Верхратского и др. В статьях М. Гиряка, заключающих отдельные тома, освещается история собирания и изучения сказок Восточной Словакии, характеризуются сказочники и состояние сказочной традиции тех сел, где записаны сказки. К каждому тому приложен словарь диалектизмов. Своёобразно сочетаются в этом собрании сказок особенности научного и популярного издания: тексты сказок набраны крупным шрифтом «цицеров»; тома красочно оформлены и иллюстрированы.

¹ В. Гнатюк, Етнографічні матеріали з Угорської Русі, «Етнографічний збірник», Львов, т. 3, 1897; т. 4, 1898; т. 9, 1900; т. 25, 1909; т. 29, 1910; т. 30, 1911.

² И. Верхратський, Знадобы по пізнанню уроруських говорів Львов, 1901.

³ Некоторые его записи опубликованы в кн.: «Slovenska rěc a jej miesto v rodine slovanskich jazykov», Martini, 1906.

⁴ L. Malinowski, Powiesci spieskie, «Materiały antropologiczne-archeologiczne», Kraków, 1903.

⁵ И. Панькевич, Українські говори Подкарпатської Русі і сумежних областей, Прага, 1938.

⁶ М. Мушинка, З глибини віків, Пряшів, 1967.

⁷ М. Мушинка, Срібна роса, Пряшів, 1970.

В I том (1965 г.) вошли сказки, записанные В. Гнатиюком от пастуха Михайлы Пустая из с. Збуй Гуменского округа, крестьян-бедняков Микола Легоцкого из с. Чертижне, Петра Вирь, из дер. Литмановой, Петра Бобульского из с. Шамброн Свидницкого округа, а также сказки из рукописного сборника учителя О. Ладыженского, изданные ранее в «Етнографічних матеріалах з Угорської Русі». От М. Пустая В. Гнатиюк записал в сентябре 1896 г. 13 волшебных, 10 легендарных, 13 сатирических сказок и 3 анекдота, что составляет только часть его репертуара. По замечанию советского исследователя В. П. Линттура, в этих сказках гармонично сочетаются особенности восточнославянского и западнославянского сказочного эпоса. Сильно выражен в них карпатский колорит. Чаще всего в сказках М. Пустая, отличающихся острой социальной направленностью, повествуется о похождениях бедняка-русина. На грани традиционного и личного творчества находится его сказка «Баронский сын в Америке». Сказка «Чудесная машина» не имеет соответствия в традиционном материале. Если биография М. Пустая хорошо известна, а его мастерство отмечалось в работах ряда фольклористов, то творчество других дореволюционных сказочников, репертуар которых представлен в I томе, совсем не изучено. Большая заслуга М. Гирияка в том, что он обратил внимание на незаслуженно забытых мастеров народной сказки, в частности на творчество М. Легоцкого, сатирические сказки которого «Піп і Іван», «Газда піп», «Як пан біду пізнав» и др. представляют большой интерес.

Во II том (1966 г.) входят 77 сказок, записанных М. Гирияком в 1962—1963 гг. в пяти селах Гуменского и Попрадского округов от 13 рассказчиков. Первые 18 сказок рассказал Юрко Шамулка, 1910 г. рождения, из с. Руське. Он много лет батрачил на родине, в Польше, Чехии, Германии, ездил на заработки в Бельгию и США. Ю. Шамулка владеет венгерским, словацким, польским и чешским языками. Его сказкам свойственна детальная психологическая разработка образов; в них встречаются мотивы и контаминации, традиционные для западного фольклора, например, контаминация сюжетов «Шкурка блохи» (АТ 621) и «Гордая невеста» (АТ 900). Целый ряд сатирических сказок Ю. Шамулки не имеет параллелей в опубликованных сборниках («Білі курчата», «Смерть, кантор і вояк», «Як батьки сина оженили» и др.).

Значительное место во II томе занимают проникнутые народным юмором сказки крестьянки с. Руське Марии Пирош, 1921 г. рождения (12 текстов). Кроме того, одна ее сказка вошла в третий том.

В репертуаре М. Пирош есть своеобразные варианты международных сказочных сюжетов, например, «Піп, дяк і дзвіпник-небарак» (АТ 1730), «Про кума и куму» (АТ 13600) и сюжеты, необычные для восточнославянского фольклорного материала — «О муже и жене, ночевавших на дереве» (АТ 1653А), «О черте-свидетеле» (АТ 821В). Сказка М. Пирош «Три брати і їх сестричка» имеет особенности, присущие словацким и чешским сказкам типа «Братья-птицы» (АТ 451). В ней развивается мотив чудесной помощи матерей месяца, солнца и ветра. Однако большая часть сказок М. Пирош характерна для украинского фольклора: М. Гирияк несколько преувеличивает оригинальность и целостность индивидуального творчества этой сказочницы, когда утверждает, что все ее социально-бытовые сказки «объединяет единая мысль — непримиримость с социальным злом и вера трудящихся в будущее» (т. II, стр. 278).

Во II томе помещены также яркие, в художественном отношении сказки 83-летней Юлии Сопиры, крестьянки с. Видрань Гуменского округа, рассказанные с соблюдением некоторых элементов традиционной стилистической обрядности на местном диалекте, свободном от влияния словацкой и венгерской лексики. Типичны для восточнославянского материала ее сказки «Сука-Янош І його пригоди» (АТ 300А÷513), «Невістка, бабуса і мороз» (АТ 480, Андреев 480* В), «Іван і дурні люди» (АТ 1384÷1245÷1210÷1245А* др.). Интересным вариантом сюжета «Подмененная жена» (АТ 403) является сказка Ю. Сопиры «Щасливе весілля». Репертуар выдающегося сказочника Яна Полянского, 62-летнего крестьянина украинского с. Якубани Попрадского округа представлен во II томе восемью текстами. Это сказочник-острослов, балагур; он, как отметил М. Гирияк, разыгрывает сказки в лицах. В его сказке «Циган і король» оригинально сочетаются мотивы состязания в выполнении чудесных задач с некоторыми мотивами сюжета «Аббат и царь» (АТ 922); сказка «Парубки і дівчина» имеет редкие и неполные параллели в восточнославянских сборниках; сказки «Царевич-розбійник» и «Староста нота-ріус» не имеют соответствий в опубликованном материале.

Из интересных текстов II тома, необходимо еще упомянуть сказку Степана Полянского, брата Яна Полянского, «Як брат братів очі виколів», в которой необычно сливаются сюжеты о Правде и Кривде (АТ 613) и «Две доли» (АТ 735) и сказку 53-летнего крестьянина с. Якубани Микола Прибеша «Мати, батько і син». В этой сказке международный сюжет «Неопознанный сын» (АТ 939А) получает своеобразную драматическую трактовку в связи с темой путешествия бедняка-русина в Америку.

В III томе (1969 г.) помещено 47 сказок, записанных в 1962—1963 гг. в тех же населенных пунктах, что и сказки предыдущего тома, а, кроме того, в селах Березовец, Стацин, Смульник и Збой Гуменского округа от 14 рассказчиков. Здесь представлены новые сказочники, земляки Михайлы Пустая, лично знавшие его, — Ю. Хома, 1893 г. рождения, Степан Кочан, 1898 г. рождения и Володимир Мицак, 1901 г. рождения. Последние два в юные годы переняли ряд сюжетов непосредственно от М. Пустая. Таким образом, опубликованный материал дает возможность изучать живую связь между творческим наследием лучшего закарпатского сказочника конца XIX — начала XX в. и

современным состоянием сказочной традиции в его родном селе. Записей, сделанных от учеников-преемников М. Пустая, в сборнике, к сожалению, мало. Сказка В. Мицака «Як ділили брати майно» привлекает внимание органичным слиянием сюжета «Чудесные дары» (АТ 563) с анекдотическим сюжетом «Дурак и береза» (АТ 1643). В ней также развивается мотив вознаграждения героя ангелом за то, что благоухание его ладана почувствовали на небе. Мотив этот встречается только в восточнославянских сказках типа «Красавица-жена» (АТ 465) и «Чудесная скрипка» (АТ 592). Границы между жанрами волшебной и социально-бытовой сказки как бы стерты в сказке В. Мицака «Бідняк і його доля», представляющей собою сплав трех родственных сюжетов — «Две доли» (АТ 735), «Горе» (АТ 735А) и о «Счастье и о богатстве» (АТ 736). Эта сказка характерна для местного украинского фольклора, в котором нередко встречаются контаминации сюжетов «Две доли» и «Горе» (ср., например, т. II, № 48 и т. III, № 31). Третья сказка В. Мицака «Мельник і його сідни» — это своеобразный вариант сюжета «Охотник» (АТ 304), единственный русский вариант в сборнике И. Худякова, довольно популярного в Закарпатье. В послесловии М. Гирик указал на особенности свойственной В. Мицаку манеры рассказывания и отметил, что закарпатский колорит его сказок связан с выразительными деталями современного быта.

Чрезвычайно интересны репертуар и творческая манера Степана Кресила, 1911 г. рождения, из с. Сташин. С. Кресила, по определению М. Гирика, — «сказочник-классик». Он мастерски владеет формой диалога. Для сказок С. Кресилы характерна детализация традиционных мотивов. В его репертуаре есть сюжеты, не отмеченные ни в одном восточнославянском сборнике, например, «Син цигана-ковалю». Это, в сущности, приключенческая повесть. Хочется отметить также помещенную в III томе интересную сказку Володимира Терека, 1898 г. рождения из с. Пчолине «Король Ооска його син і Світська краса». По своей структуре она напоминает характерные для восточнославянского фольклора контаминации типа «Марья Моревна» (АТ 302, 552, 518, 554), но некоторые образы и мотивы сближают ее с западнославянским фольклором. Представленный девятью текстами репертуар Ивана Гамара-Попика, 1909 г. рождения, из с. Смудник, замечателен разнообразным сочетанием в нем сюжетов и мотивов, традиционных для восточно- и западнославянского, а также балканского фольклора.

В IV томе (1972 г.) — 45 сказок, записанных в 1965—1969 гг. в шести украинских селах Свидницкого округа от шести рассказчиков. Первые 14 сказок этого тома — основная часть репертуара Ивана Мотики, 1902 г. рождения, крестьянина с. Довгуня, наиболее даровитого из сказочников, представленных в IV томе. В послесловии М. Гирик, называя его сказки «широкими эпическими полотнами», обращает внимание на приверженность И. Мотики к традиционной поэтике, на свойственный его сказкам своеобразный «этнографизм» (описания бытовой обстановки, местных обычаев) и характеризует его высокое словесное и актерское мастерство. Особенно ярко оно проявляется в авантюрно-фантастических сказках, таких, например, как «Сказка про Земского духа», вариант сюжета «Медный лоб» (АТ 502), осложненного рядом необычных для него мотивов, в частности путешествием в подземное королевство. Не имеет близких параллелей в восточно- и западнославянских сборниках и «Бідна жінка і її доньки» — сказка И. Мотики, в которой сюжет «Поющее дерево и говорящая птица» (АТ 707) осложняется мотивами сюжетов «Два брата» (АТ 303) и «Женитьба на чертовке», а также «Мати, син і розбийникі» — замечательно полно развернутый сюжет «Неверная мать» (АТ 315, 590), осложненный своеобразными мотивами и подробностями.

Широко представлен в IV томе и репертуар Михайлы Шамбора, 1907 г. рождения из с. Гукивци (14 текстов) — мастера социально-бытовой сказки.

В 1971 г. М. Гирик записал в с. Бодружал Свидницкого округа 24 сказки от Петра Ильку, которому посвятил специальную статью⁸. Сказки этого выдающегося сказочника будут напечатаны в следующем томе.

Как видно из материалов II, III и IV томов, в украинских селах Словакии еще и ныне нередко встречаются талантливые сказочники старшего и среднего поколения, различные по манере рассказывания и интерпретации традиционных сюжетов. Каждый из таких сказочников имеет своих постоянных слушателей — взрослых и детей. Это служит показателем высокого уровня современного состояния местной сказочной традиции.

Сопоставление сказок, записанных в Збуе и Якубани В. Гнатюком в 1890-е годы, со сказками, записанными там же в 1960-е годы, свидетельствует о том, что устное сказочное творчество здесь не оскудело. И тем не менее, в украинских селах Словакии проявляется общий для всех народов Европы закономерный процесс затухания сказочной традиции. Сказочников, обладающих столь обширным репертуаром, как М. Пустай, теперь выявить уже не удалось. Даже лучшие современные сказочники передают некоторые традиционные сюжеты неполно, схематично. Однако яркое проявление творчества отдельных сказочников совместно с процессом постепенного угасания сказочной традиции. В наше время перед талантливыми сказочниками открываются новые особые возможности для свободной игры фантазии. Это подтверждается сказками, собранными М. Гириком. Основываясь на фольклорных материалах М. Гирика, можно также утверждать, что авантюрно-фантастическая сказка не менее жизнеспособна, чем социально-бытовая и, подвергаясь изменениям, нередко обнаруживает тенденцию к сближе-

⁸ М. Гирик. До казкового репертуару Петра Ильку, «Записи Наукового товариства», Пряшів, 1972.

нию с ней. Нельзя не отметить, что в рецензируемом многотомнике мало сказок о животных, сказок-легенд и анекдотов. Сказки о животных редко входят в репертуар сказочников-мастеров, они бытуют преимущественно в семейном кругу. Что же касается легенд и анекдотов, М. Гирик предполагает издать их отдельными книгами.

Ссылаясь в примечаниях на номера сюжетных типов по международному Указателю АТ, М. Гирик допустил ряд неточностей и пробелов. В примечаниях ко II тому следовало бы указать, что в тексте № 5 сюжет АТ 900 контаминирован с АТ 621, что текст № 20 относится к АТ 1000 и 1120, № 23 — к АТ 1289 и 1535, № 24 не только к АТ 1653, но и к АТ 1685, № 44 относится к АТ 938, № 50 — к АТ 480 (Андреев 480 * В), № 54 — к АТ 763, № 63 не только АТ 513, но прежде всего к АТ 300А (Андреев 300 * В), № 64 в основном относится к АТ 1384 и к АТ 1245, 1210, № 75 — не только к АТ 613, но отчасти и к АТ 735.

В примечаниях к III тому ошибочно определяются сюжетные типы ряда текстов. № 1 — это АТ 530 (а не АТ 550); № 2 не только АТ 407, но и АТ 365; № 4 не только АТ 756В, но отчасти и АТ 313; № 5 — это АТ 531, 327, 328 (в примечании тип не обозначен); № 7 — это АТ 480 (а не АТ 403); № 9 не только АТ 736, но отчасти и АТ 735, 735А; № 12 не только АТ 451, но отчасти и АТ 707; № 13 — это АТ 1539 (в примечании не обозначено); № 24 — это прежде всего АТ 327В (что не отмечено в примечании); № 25 — это АТ 1538 (в примечании текст неверно обозначен как тип 961 *); № 28 — это АТ 952 и отчасти АТ 508 (а не АТ 330В); № 31 не только АТ 735, но и АТ 735А; № 34 не только АТ 1540, но и АТ 1450; № 36 — текст неудачно обозначен как тип 411 *, это сложная контаминация АТ 302 (неполностью), 554, 518 и др.; № 39 — в основном АТ 1654 * (в примечании тип не обозначен); № 42 — это АТ 1725 (в примечании тип не обозначен).

Основательней составлены примечания к IV тому, но и здесь есть неточности, например в обозначении сюжетного типа «Казки про Земського духа» (это, в основном, АТ 502) и «Попеляшник» (АТ 530).

Разумеется, мелкие недочеты справочного аппарата не могут заслонить большого научного и общественного значения этого фундаментального издания, обогащающего сказковедение ценными материалами и открывающего любителям устного народного творчества новые его богатства, сберегаемые и умножаемые народом поныне. М. Гирик уже использует опубликованный им материал в своих исследовательских работах⁹. Остается пожелать скорейшего выхода в свет очередных томов (V и VI) и издания в Советском Союзе избранных сказок этого многотомника в переводе на русский язык с комментариями и вступительной статьей. Небольшой сборник избранных украинских сказок Восточной Словакии «Гора до неба» (запись текстов и редакция М. Гирика и Н. Гирик) был издан на литературном украинском языке в Ужгороде массовым тиражом еще в 1968 г.

Л. Г. Бараг

⁹ М. Гирик, *Заклучні формули українських народних казок Східної Словаччини*, «Науковий збірник музею Української культури із Свиднику», № 6, Пряшів, 1972; е го ж е, *Наші казки — наші митці*, сб. «Народний календар — 75», Братіслава — Пряшів, 1975.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Э. Д. Т а л м у д. История Цейлона. 1795—1965. М., 1973, 312 стр.

Монография Э. Д. Талмуд посвящена очень важному периоду в истории Шри Ланки, который охватывает 170 лет: господство английских колонизаторов на острове, завоевание Цейлоном независимости в 1948 г. и политико-экономическое развитие молодого независимого государства¹.

Книга состоит из введения, восьми глав и заключения. Главы в свою очередь делятся на 32 раздела. Несмотря на такую дробность, монография в целом оставляет впечатление конструктивной стройности и единства. Принятая автором структура вызвана желанием обратить внимание читателей на основные, узловые моменты политической и экономической истории изучаемой страны. В книге показывается становление национального самосознания сингалов и ланкийских тамиллов, а также социально-экономическое развитие и межэтнические отношения. В связи с этим монография Э. Д. Тал-

¹ Перу автора принадлежит целый ряд исследований по истории Республики Шри Ланка. См.: Э. Д. Т а л м у д, *Очерки новейшей истории Цейлона*, М., 1960; е е ж е, *Некоторые аспекты идеологической ситуации в Шри Ланка и ее влияние на политическую борьбу*, в сб. «Шри Ланка: экономика и политика» М., 1974, и др.

муд представляет особый интерес для этнографов, занимающихся историей общественных отношений и национальными процессами.

Первые три главы — «Социально-экономическое и политическое положение Цейлона в первые годы английского правления» (стр. 15—33), «Утверждение английского колониального господства» (стр. 34—63) и «Цейлон до второй половины XIX — начале XX в.» (стр. 64—114), написанные на основе большого фактического материала, являются первым специальным исследованием данного периода в советском востоковедении.

Э. Д. Талмуд шаг за шагом прослеживает, как английские власти, вытеснив голландских колонизаторов из страны, вначале использовали лишь методы прямого грабежа, применявшиеся их предшественниками: они сохранили государственную монополию на вывоз корицы и других экспортных товаров. Ввиду огромной стратегической важности этой новой колонии в первый период своего правления на острове английские власти были заинтересованы, главным образом, в укреплении своего господства. Основной целью англичан была аннексия Канди — последнего независимого сингальского государства.

Автор показывает, как английские колонизаторы разжигали противоречия внутри Канди и, используя предательство ряда крупных кандийских феодальных вождей — мудалаяров, в 1815 г. подчинили своей власти весь остров. Но здесь следовало бы, на наш взгляд, подчеркнуть, что в Кандийском государстве сохранилась государственная собственность на землю; именно поэтому часть кандийских феодалов встала на путь сотрудничества с английскими властями, надеясь при их помощи укрепить свою земельную собственность.

В книге справедливо указано, что до начала 1830-х годов английские власти не старались внести какие-либо изменения в традиционную социальную структуру сингальского общества. Более того, они хотели приспособить систему раджакарии (букв. «работа на царя») для собственных целей, привлекая крестьян-общинников к бесплатной работе на строительстве дорог, на государственных плантациях и т. д., что вызывало большое недовольство населения (стр. 29—30).

Совершенно правильно мнение автора, что наиболее важным рубежом в социально-экономическом развитии страны явились 1830-е годы, когда были проведены реформы Кольбрука-Камерона, расчистившие путь капиталистическому развитию на острове, в первую очередь в сельском хозяйстве. С середины 30-х годов начался грабеж общинных земель и плантационный бум. На смену корице сначала пришло кофейное дерево, а позднее — чайный куст и бразильский каучуконос — гевея. И здесь Э. Д. Талмуд очень точно подметила: «С созданием плантационного хозяйства в экономике страны появились как бы два сектора: торговое земледелие капиталистического типа, призванное обслуживать интересы Великобритании, и сельский сектор, занятый в основном производством продовольствия. Этот сектор сохранил черты прежней феодальной структуры. В последующие годы укрепление плантационного хозяйства стало основной заботой английских колониальных властей. Пропасть между двумя секторами цейлонской экономики все более расширялась, усугубляя социальные различия внутри цейлонского общества» (стр. 37).

Экономические, политические, социальные и этнические последствия бурного развития плантационного хозяйства были огромны. Известный ланкийский историк Г. С. Мендис нашел возможным заявить: «Английский период, несомненно, наиболее важный и интересный этап в истории Цейлона... В течение этого периода Цейлон испытал наиболее кардинальные изменения по сравнению со всей предыдущей историей»².

В монографии показывается превращение острова в аграрно-сырьевой придаток метрополии. Э. Д. Талмуд довольно подробно останавливается на таких важных вопросах, как изменение социальной структуры общества (стр. 79—82) и значение деятельности первых просветителей и буддийских религиозных реформаторов в формировании идеологии национально-освободительного движения (стр. 83—89, 95—102). Этим вопросам посвящены специальные разделы III главы.

С момента завоевания Кандийского государства английские власти встали на путь консервации полуфеодалных отношений в горных кандийских районах: они противопоставляли их прибрежным районам, в которых более быстрыми темпами развивались капиталистические отношения. Здесь во второй половине XIX в. появилась своя национальная буржуазия — сначала торговая, а потом и предпринимательская. Ее представители принадлежали, главным образом, к кастам караве (рыбаки), салагама (сборщики корицы) и дурава (сборщики пальмового сока). В социально-кастовой иерархии эти три касты стояли ниже гогама (земледельцы и землевладельцы), к которой принадлежало большинство кандийцев (так обычно называют сингалов, живущих на территории бывшего Кандийского государства). В рецензируемой книге справедливо подчеркивается, что кастовые различия препятствовали выработке общесингальского национального самосознания. Первыми его носителями были сингальская буржуазия и интеллигенция прибрежных районов. Национальное самосознание укреплялось также благодаря деятельности буддийских проповедников и просветителей из прибрежных районов, которые представляли интересы нарождавшейся буржуазии и были связаны главным образом с кастами караве и салагама. В XIX в. в прибрежных районах возникли две новые секты:

² G. C. Mendis, *Ceylon under the British*, Colombo, 1948, p. 6.

Амарапура и Рамания, выступившие против богатой и влиятельной Сиамской секты (они выражали взгляды крупных кандийских феодальных собственников и охраняли старые традиционные институты). Прогрессивные деятели сект Амарapura и Рамания выступили против переживших себя древних традиций, за национальное возрождение и просвещение.

Э. Д. Талмуд отмечает, что большинство идеологов национально-просветительного движения ланкийского народа на его начальном этапе (вплоть до первой мировой войны) использовало религиозные формы в пропаганде антиколониальных и антиимпериалистических идей. Большое влияние на развитие общественной мысли на Шри Ланка в конце XIX — начале XX в. оказала борьба за возрождение буддийской (а также индуистской) религиозной традиции. «Моральный кодекс и нормы буддизма и индуизма противопоставлялись христианским, которые были поставлены на службу английским колонизаторам» (стр. 96).

В IV и V главах — «Период от первой и до второй мировой войны» (стр. 115—156) и «Борьба за предоставление независимости» (стр. 157—180) — дается подробная характеристика событий и экономического положения страны рассматриваемого исторического периода. В специальном разделе IV главы «Рост антиимпериалистического движения после Великой Октябрьской социалистической революции» (стр. 125—132) Э. Д. Талмуд показывает, как под влиянием идей Октября появились на острове первые марксистские группы организованного рабочего движения. Но анализ этих событий не входит в задачу нашей рецензии.

В главах VI — «Первые годы государственной независимости» (стр. 181—206), VII — «Политическое и социально-экономическое развитие Цейлона в 1956—1960 гг.» (стр. 207—237), VIII — «Борьба за укрепление политической и экономической независимости» (стр. 238—290) и «Заключении» (стр. 291—298) говорится о трудностях политической, экономической и социальной жизни Шри Ланка, которые пришлось преодолеть молодому независимому государству. Многие из них остались в наследство от колониального периода. Это односторонняя экономическая специализация страны (англичане фактически превратили ее в остров-плантацию), неравномерное развитие различных районов. Созданная англичанами инфраструктура была подчинена интересам колониальных властей. В рецензируемой монографии освещены серьезные политические и экономические преобразования и сдвиги в республике Шри Ланка.

Большим достоинством книги является весьма подробный анализ сложных межэтнических отношений в Шри Ланка.

Шри Ланка — многонациональное государство. В течение веков здесь мирно жили два народа — сингалы, составляющие подавляющее большинство населения, и ланкийские тамилы, второй по численности народ страны. С развитием плантационного хозяйства в XIX в. при покровительстве английских властей началась массовая иммиграция тамиллов из Южной Индии в кандийские округа. На рубеже XX в. их стало даже больше, чем ланкийских тамиллов. При этом индийские плантационные рабочие были лишены элементарных политических прав. «Им не разрешалось покидать территорию плантации без специального указания владельца или управляющего» — пишет Э. Д. Талмуд. — Рабочие не имели права созывать собрания без уведомления администрации... Используя живучесть различного рода предрассудков в среде забитых и безграмотных индийских кули, их принадлежность к низшим кастам, английские и прочие плантаторы препятствовали росту организованности и сознательности плантационных рабочих... На долгие годы индийские плантационные рабочие оказались изолированными от других групп цейлонского общества» (стр. 75).

Наличие на острове такой крупной этнической группы, как индийские тамилы, не имеющие в большинстве своем права гражданства, создает дополнительные трудности для правительства республики Шри Ланка. Но есть и другой аспект этой проблемы. После завоевания независимости усилились противоречия между сингалами и ланкийскими тамилами. Причины их появления убедительно показала Э. Д. Талмуд в разделах «Национальный вопрос в 1960—1965 гг.» (стр. 268—278). Здесь хотелось бы узнать более подробно, как ланкатамильская буржуазия пытается использовать в своих целях индийских тамиллов.

Необходимо остановиться на еще одной важной проблеме, которую рассматривает автор. Это прямое и косвенное влияние буддийской идеологии и сангхи на все стороны политической и общественной жизни сингалов, на деятельность всех буржуазных партий. Иногда это приводит к конфликтным ситуациям, поскольку тамилы — главным образом индуисты. Не учитывать религиозной ситуации, — как неоднократно и справедливо отмечает Э. Д. Талмуд, — серьезная ошибка.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что рецензируемая монография является серьезным и глубоким исследованием и значительным вкладом в изучение истории дружественной нам Республики Шри Ланка. Эта работа, несомненно, представляет интерес для широкого круга востоковедов, в том числе и этнографов.

В. И. Кочнев

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

«Man in New Guinea», vol. I—V. Port Moresby, 1968—1973.

В Океании появился новый этнографический журнал «Man in New Guinea», издаваемый в Порт-Морсби отделением антропологии и социологии университета Папуа — Новой Гвинеи. Он выходит четыре раза в год (том I, охвативший конец 1968 и весь 1969 г., вышел в пяти выпусках).

В журнале два основных раздела: 1) информации о текущих полевых исследованиях в Папуа — Новой Гвинее (включающей в себя восточную половину о. Новая Гвинея, Новую Британию, Новую Ирландию, острова Адмиралтейства и два острова из группы Соломоновых, Бука и Бугенвиль), а также в Ириан-Джая; 2) библиография публикаций, рукописей, поступивших в архивы, докладов и тезисов докладов, посвященных народам Папуа — Новой Гвинеи и Ириан-Джая, с региональным указателем. Предваряют эти два основных раздела сообщения о научных конференциях, собраниях и заседаниях и в отдельных номерах — краткие статьи. В целом журнал носит информационный характер. Он знакомит читателей с ходом работы этнографов, антропологов, археологов, лингвистов, историков, искусствоведов, фольклористов и других специалистов-обществоведов в этом регионе.

Журнал «Man in New Guinea» печатается на ротатипе тиражом 500 экземпляров. Он не поступает в продажу, а рассылается по подписке. Таким образом, это издание адресовано сравнительно узкому кругу читателей. Но выполняет оно весьма важную и ценную функцию: дает возможность научным организациям и отдельным специалистам задолго до окончания полевых исследований, а тем более до публикации их результатов, судить о размещении научных сил по отдельным округам, о тематике и направленности исследовательской работы.

Наряду с университетом Папуа — Новой Гвинеи и университетом Чендравасих (Ириан-Джая) активную исследовательскую работу в данном регионе, как это видно из первых пяти томов журнала, развернули научные организации и отдельные ученые из США, Австралии, Новой Зеландии, Японии, ряда западноевропейских стран. Из научных учреждений прежде всего отметим Австралийский национальный университет, Южноавстралийский музей, Оклендский институт и музей, Колледж изящных искусств в Киото, Базельский институт этнологии. Из отдельных ученых назовем таких опытных и известных, как М. Мид, Д. Оливер, Р. Форчун, Д. Уотсон, Ф. Солсбери, П. Лоуренс, М. Гровс, Д. Нильс, Д. Райен, К. Бэрридж, М. Годелье, М. Меггит, С. Хатанака, Д. Гайдусек.

Анализ информации, содержащейся в журнале, свидетельствует о сдвиге интересов в сторону современных социальных процессов. В прошлом, даже недавнем, ученые стремились попасть во внутренние районы островов и изучать традиционную культуру племен, слабо затронутых европейским влиянием. Ныне на первом плане стоят такие проблемы, как аккультурация, урбанизация, социальные изменения, рост товарного хозяйства, деятельность аборигенов-предпринимателей, функционирование судов и советов местного управления. Большое внимание уделяется народному образованию, роли религиозных миссий в жизни коренного населения. Некоторые исследователи ставят перед собой такие проблемы, как отношение местных жителей к инновациям, причины сопротивления европейскому влиянию. Наряду с этими изучается, конечно, и традиционная культура, принимаются меры к возрождению традиционных искусств и ремесел, ставится вопрос о запрете вывоза из страны наиболее ценных археологических находок и этнографических экспонатов.

На Ваиганском семинаре, ежегодно проводимом в Порт-Морсби, обсуждались такие важные вопросы, как традиционные институты (например, формы земледелия) в новых условиях, деятельность сельскохозяйственных кооперативов (т. I, № 2), проблемы перехода к самоуправлению и независимости, деятельность политических партий (т. I, № 4), особенности политического развития Меланезии, проблема индустриализации (т. IV, № 1).

К числу наиболее интересных публикаций относятся статьи о принятых в 1965—1967 гг. законах, ограничивающих вывоз археологических и этнографических предметов из Папуа — Новой Гвинеи (т. I, № 3, 5; т. 2, № 1); о социальной ответственности этнографов, ведущих исследования среди папуасов и меланезийцев (т. II, № 1—3); о ходе археологических изысканий (т. III, № 4); о ходе этнографических работ (т. V, № 2); о развитии и сохранении традиционных искусств и ремесел (т. IV, № 3). Привлекает внимание статья М. Мид о направленности будущих исследований в Папуа — Новой Гвинее (т. V, № 2). Мид отмечает, в частности, что Папуа — Новая Гвинея — это интереснейший для исследователей регион, где представлено много этнических групп, «находящихся на разных уровнях технологического развития» (стр. 7).

В декабре 1973 г. Папуа — Новая Гвинея стала самоуправляющейся территорией. В ближайшее время она будет провозглашена независимым государством. Тем большую актуальность приобретает здесь национальный вопрос — о путях консолидации многих племен в единый этнос, о языковых аспектах этого процесса (в частности, о роли пиджина). Это придаст новый стимул этнографическим исследованиям и повысит ценность журнала «Man in New Guinea».

Н. А. Бутинов

СОДЕРЖАНИЕ

30 лет Великой победы

Бессмертный подвиг советского народа	3
В. К. Соколова (Москва). Из истории изучения фольклора Великой Отечественной войны	7
Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров (Москва). Историко-этнографические области (Проблемы историко-этнографического районирования)	15
М. Я. Жорницкая (Москва). Отражение в современном хореографическом искусстве этнокультурных связей в СССР	26
Г. С. Маслова (Москва). Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник	34
Н. Л. Сухачев (Ленинград). Лингво-этнографические атласы романских языков	45
В. Н. Володина (Ленинград). Языковая ситуация в Гане	54

Дискуссии и обсуждения

И. В. Мордасова (Ленинград). Разложение родового строя и формирование фаталистических представлений (социально-психологический аспект)	63
А. В. Чернецов (Москва). К изучению генезиса восточнославянских пахотных орудий	72

Из истории науки

Б. Н. Комиссаров (Ленинград). Этнографические исследования академика Г. И. Лангсдорфа	83
---	----

Сообщения

В. П. Курылев (Ленинград). Материалы по земледелию казахов Мангышлака в конце XIX — начале XX в. (К Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана)	98
Т. Ташбаева (Ташкент). Из истории аренды (ижора) и товарищества (ширкат) в сельском хозяйстве дореволюционного Узбекистана	109
Н. Ф. Мокшин (Саранск). Вторые имена у мордвы	115
В. А. Троицкий (Ленинград). Русские поселения на севере полуострова Таймыр в XVIII веке	120

Поиски, факты, гипотезы

Э. В. Померанцева (Москва). Ярилки	127
------------------------------------	-----

Научная жизнь

Ю. Е. Березкин (Ленинград). Конференция, посвященная 200-летию со дня рождения Г. И. Лангсдорфа	131
Д. Д. Тумаркин (Москва). Шестая всесоюзная конференция океанистов и австраоловедов	136
А. Н. Кожановский (Москва). Симпозиум «Культуроведческие аспекты археологических и этнографических исследований»	138
Л. А. Файнберг (Москва). Научно-теоретическая конференция «Атеизм и проблемы происхождения человечества»	142
Б. Н. Путилов (Ленинград). Встреча славистов в Югославии	144
Коротко об экспедициях	147

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Я. В. Чеснов (Москва). Новые работы вьетнамских этнографов	150
М. Х. А. Ариф (Багдад). Литература на арабском и курдском языках по этнографии курдов Ирака (Историографические заметки)	156

Общая этнография

- С. А. Токарев (Москва). А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества 163
- М. А. Коган (Ленинград). Материалы экспедиции академика Георгия Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821—1829 гг. Научное описание 167
- Я. М. Свет (Москва). Th. Vaughan, A. A. St. C. M. Murray-Oliver. Captain Cook, R. N., the resolute mariner. An International record of Oceanic Discovery. 168

Народы СССР

- Л. Н. Пушкарев (Москва). Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии 170
- В. Б. Виноградов (Грозный). Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века 172
- Ш. Д. Инал-Ипа, Е. М. Малия (Сухуми). Б. А. Калоев. Материальная культура и прикладное искусство осетин 175
- Н. Велюс (Вильнюс). В. Kerbelyte. Lietuvių liaudies padavimų katalogas 176
- В. И. Золхоев, Ц. Б. Цыдендамбаев (Улан-Удэ). Бурятские народные сказки. Волшебно-фантастические 177

Народы зарубежной Европы

- Н. В. Шлыгина (Москва). J. U. E. Lehtonen, Matti Räsänen. Kuopion Naarapiemi 179
- Л. Б. Баранг (Уфа). Українські народні казки Східної Словаччини 182

Народы зарубежной Азии

- В. И. Кочнев (Москва). Э. Д. Талмуд. История Цейлона 185

Народы Океании

- Н. А. Бутинов (Ленинград) Man in New Guinea, vol. I—V 188

На первой странице обложки: Панно «Победа». Вышивка гладью белым шелком по маркизету. Работа заслуженного художника РСФСР Т. М. Дмитриевой-Шульпиной, 1946 г. Музей народного искусства, Москва

SOMMAIRE

30 années de la Grande victoire

L'exploit immortel du peuple Soviétique	3
V. K. Sokolova (Moscou). De l'histoire de l'étude du folklore de la Grande Guerre Patriotique	7
B. V. Andrianov, N. N. Tchéboksarov (Moscou). Les régions historico-ethnographiques (Problèmes d'une régionalisation historico-ethnographique)	15
M. Ya. Jorbitskaïa (Moscou). Les contacts ethnoculturels en U. R. S. S. reflétés dans l'art choréographique moderne	26
G. S. Maslova (Moscou). L'ornement de la broderie populaire russe en tant que source historico-ethnographique	34
N. L. Soukhatchiov (Léningrad). Les Atlas linguo-ethnographiques des langues romanes	45
V. N. Vologdina (Léningrad). La situation linguistique au Ghana	54

Discussions et deliberations

I. V. Mordassova (Léningrad). Désintégration du régime clanique et formation des concepts fatalistes (l'aspect socio-psychologique)	63
A. V. Tchiernétsov (Moscou). Contribution à l'étude du genèse des outils aratoires slaves de l'Est	72

De l'histoire de la science

B. N. Komissarov (Léningrad). Recherches ethnographiques de l'académicien G. I. Langsdorff	83
--	----

Communications

V. P. Kouryliyov (Léningrad). Matériaux sur l'agriculture des Kazakh de Manghytlak, fin XIXe — début XXe siècles (contribution à un Atlas historico-ethnographique de l'Asie Centrale et du Kazakhstan)	98
T. Tachbaïeva (Tachkent). De l'histoire de l'affermage (ijora) et de la coopération (chirkat) dans l'économie rurale de l'Uzbékistan pré-révolutionnaire	109
N. F. Mokchine (Saransk). Les seconds noms chez les Mordves	115
V. A. Troïtski (Léningrad). Etablissements russes au Nord de la presque-île de Taïmyr au XVIIIe siècle	120

Recherches, faits, hypotheses

E. V. Pomierantseva (Moscou). Les yarilki	127
---	-----

Vie scientifique

Yu. Ye. Bieriozkiine (Léningrad). Une conférence consacrée au 200e anniversaire de G. I. Langsdorff	131
D. D. Toumarkine (Moscou). VIe Conférence Nationale des océanistes et des australisants	136
A. N. Kojanovski (Moscou). Un Symposium dit «Aspects culturologiques des recherches archéologiques et ethnographiques»	138
L. A. Faïnberg (Moscou). Une Conférence théorique dite «L'athéisme et le problème des origines de l'Humanité»	142
B. N. Poutilov (Léningrad). Une réunion des slavistes en Yougoslavie	144
Missions en bref	147

Critiques et bibliographie

Articles de critique et revues

Ya. V. Tchésnov (Moscou). Nouvelles oeuvres des ethnographes vietnamiens	150
M. Kh. A. Arif (Baghdad). Littérature sur l'ethnographie des Kurdes de l'Iraq en langues arabe et kurde (notices historiographiques)	156

Ethnographie générale

- S. A. Tokariiev (Moscou). *A. I. Pierchits, A. L. Mongaït, V. P. Aléxéiev. Histoire de la société primitive* 163
- M. A. Kogan (Léningrad). *Les matériaux de la mission de l'académicien G. I. Langsdorff au Brésil aux années 1821—1829. Une description scientifique* 167
- Ya. M. Sviét (Moscou). *Th. Vaughan, A. A. St. C. M. Murray-Oliver. Captain Cook, R. N., the Resolute Mariner. An international record of Oceanic discovery.* 168

Peuples de l'URSS

- L. N. Pouchkariov (Moscou). *Essais sur l'histoire des ethnographie, études folkloriques et anthropologie russes* 170
- V. B. Vinogradov (Grozny). *N. G. Volkova. Composition ethnique des populations du Caucase Septentrional aux XVIIIe—début XIXe siècles* 172
- Ch. D. Yinal-Ipa, Ye. M. Maliya (Soukhoumi). *B. A. Kaloïev. Culture matérielle et art appliqué des Ossètes* 175
- N. Velius (Vilnius). *B. Kerbelyte. Lietuviu liaudies padavimu katalogas («Un nouveau catalogue des légendes lithuanienes»)* 176
- V. I. Zolkhoïev, Ts. B. Tsydendambaïev (Oulan-Oudé). *Contes populaires bouriates: celles de sorcellerie et fantastiques* 177

Peuples de l'Europe hors l'URSS

- N. V. Chlyguina (Moscou). *J. U. E. Lehtonen, Matti Räsänen. Kuopion Haapaniemi* 179
- L. B. Barag (Oufa). *Українські народні казки Східної Словаччини («Contes populaires ukrainiennes de la Slovaque de l'Est»)* 182

Peuples de l'Asie hors l'URSS

- V. I. Kotchniev (Moscou). *E. D. Talmoud. Histoire du Ceilan* 185

Peuples de l'Océanie

- N. A. Boutinov (Léningrad). *Man in New Guinea, vol. I—V* 188

Sur la couverture: «Le Victoire», panneau. Drodorie plate en soie sur voile de cotton. Œuvre de T. M. Dmitrieva-Choulpina, artiste émérite de la R. S. F. S. de Russie, 1946. Musée de l'art populaire, Moscou

Технический редактор Л. И. Гликина

Сдано в набор 12/III-1975 г.	T-10507	Подписано к печати 27/V-1975 г.	Тираж 2695 экз.
Заказ 4480	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ .	Усл. печ. л. 16,8 Бум. л. 6,0	Уч.-изд. л. 19,5

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР производит в 1975 году прием в аспирантуру с отрывом и без отрыва от производства по специальностям:

антропология и

этнография народов мира

К вступительным экзаменам допускаются лица, имеющие производственный стаж по специальности не менее 2-х лет.

Срок обучения в аспирантуре 3 года, включая защиту диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Поступающие в аспирантуру подвергаются приемным экзаменам по истории КПСС, общей этнографии или антропологии, одному из западноевропейских языков и представляют письменную работу на самостоятельно избранную тему.

Прием заявления с 1 мая по 15 сентября 1975 г. Вступительные экзамены с 18 сентября по 10 октября.

Документы направлять по адресу: 117036, Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19 (тел. 123-90-49, 126-05-80) и 199164, Ленинград, В-164, Университетская наб., 3 (тел. 18-07-12).